

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

экономические и социальные перемены

№ 1 (173)

январь — февраль 2023

СОЦИОЛОГИЯ
ТРУДА

МЕТОДЫ
И МЕТОДОЛОГИЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
СОЦИОЛОГИЯ

НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Кулешова Анна Викторовна —
кандидат социологических наук, член российской
Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) (Россия)

M77 Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2023. — № 1 (173). — 322 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

А. А. Ипатов, О. Б. Солодовникова
Опрос подростков: этические вопросы и правовое регулирование 3

О. Н. Калачикова, А. В. Короленко, Л. Н. Нацун
Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия 20

З. Ф. Ибрагимова, М. В. Франц
Теория равных возможностей и ее применение к проблеме бедности 46

В. В. Масленников, А. В. Ларионов
Роль поведенческого цикла в экономике 72

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Е. В. Бродовская, С. Е. Заславский, А. Ю. Домбровская, В. А. Лукушин
Векторы трансформации партийной системы
и электоральных ожиданий россиян 96

Н. В. Колесник
Эволюция избирательных технологий в России:
от поквартирного обхода до «цифры» и обратно 121

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: январь — февраль 2023 143

СОЦИОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Ю. В. Веселов, Н. Г. Скворцов
Трансформация культуры доверия в России 157

Е. О. Смолева
Стратегии преодоления стресса населением Вологодской области:
опыт социологического исследования 180

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ

Р. Н. Абрамов, О. Р. Михайлова
Социальные контексты рецепции ИКТ
профессиями индустрии влияния в 1990—2000-е годы:
на примере истории сферы связей с общественностью 204

Е. В. Красова

Физический и умственный труд: противостояние или единство?..... 228

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Н. Н. Егорова, Н. М. Лавренюк-Исаева, М. В. Франц

Социальная зрелость личности среди детерминант
здоровьесберегающего поведения251

В. И. Дудина, В. О. Сайфулина

«Почитала, еще меньше вакцинироваться захотелось»:
онлайн-дискурс вакцинной нерешительности 279

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

С. Г. Ушкин

Сильны ли слабые социальные связи?

Рец. на кн.: Чентола Д. Законы социального заражения: 7 стратегий изменения
общественного мнения и поведения. М.: ЭКСМО, 2022 299

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И. А. Исакова, И. Э. Петрова, И. В. Ситникова

Интердисциплинарность VS междисциплинарность:
возможности изучения креативности..... 310

DOI: [10.14515/monitoring.2023.1.2324](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2324)

А. А. Ипатова, О. Б. Солодовникова

ОПРОС ПОДРОСТКОВ: ЭТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Правильная ссылка на статью:

Ипатова А. А., Солодовникова О. Б. Опрос подростков: этические вопросы и правовое регулирование // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 3—19. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2324>.

For citation:

Ipatova A. A., Solodovnikova O. B. (2023) Surveying Adolescents: Ethical Issues and Regulatory Requirements. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 3–19. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2324>. (In Russ.)

Получено: 16.10.2022. Принято к публикации: 17.11.2022.

ОПРОС ПОДРОСТКОВ: ЭТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

ИПАТОВА Анна Алексеевна — кандидат культурологии, старший научный сотрудник Центра полевых исследований Института социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

E-MAIL: ipatova_anna@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1425-3434>

СОЛОДОВНИКОВА Ольга Борисовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра полевых исследований Института социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

E-MAIL: solodovnikova-ob@ranepa.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6032-6673>

Аннотация. За последние 30 лет количество исследований с вовлечением детей и подростков в качестве участников стремительно увеличивается. Прежде всего это связано с возросшим вниманием к защите прав детей, что в свою очередь требует различных форм мониторинга и анализа детского благополучия (в том числе и статистических данных) не только с перспективы взрослых, но и с перспективы самих детей. Сегодня общемировой тенденцией является включение «голоса» детей и подростков в социальную политику государства, в национальные или международные индексы и рейтинги. Зачастую это делается при помощи опроса, и такие опросы регулируются разными государственными правовыми норма-

SURVEYING ADOLESCENTS: ETHICAL ISSUES AND REGULATORY REQUIREMENTS

Anna A. IPATOVA¹ — Cand. Sci. (Cult.), Senior Research Fellow, Center for Field Research, Institute for Social Analysis and Forecasting

E-MAIL: ipatova_anna@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1425-3434>

Olga B. SOLODOVNIKOVA¹ — Cand. Sci. (Philology), Senior Research Fellow, Center for Field Research, Institute for Social Analysis and Forecasting

E-MAIL: solodovnikova-ob@ranepa.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6032-6673>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. Over the past 30 years, the number of studies involving children and adolescents as participants has increased rapidly. It can mostly be explained by the increased attention to the protection of children's rights, which in turn requires various forms of monitoring and analysis of children's well-being (including statistical data) not only from the perspective of adults, but also from the perspective of the children themselves. Today, the global trend is the inclusion of the children's voices in the social policy of the state and in national or international indices and ratings. This is often done through a survey, and such surveys are governed by various national regulations, as well as more universal codes of ethics and protocols.

ми, а также более универсальными этическими кодексами и протоколами.

В статье анализируются российские особенности правового регулирования участия подростков в опросах, определяемые во многом как поиск компромисса между правом ребенка быть услышанным и защитой его интересов с одной стороны и невмешательством в частную жизнь семьи — с другой. Также авторы подробно рассматривают четыре этические проблемы, с которыми исследователи сталкиваются при проведении опросов среди подростков. Первая из них — возраст самостоятельного принятия решения об участии в исследовании, и эта проблема помещена в более широкий контекст принципа информированного согласия на участие в социологическом исследовании. Вторая проблема — это вопрос о безопасности подростка и отсутствии прямого или косвенного вреда. Третья проблема связана с выбором метода опроса. Наконец, четвертая проблема связана с пользой участия в опросе для подростка и фокусом на позитивные изменения.

Ключевые слова: опрос подростков, исследование с вовлечением детей, анкетирование детей, опрос уязвимой группы, этика социального исследования, правовое регулирование, исследование детства, социология детства, информированное согласие

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС при Президенте РФ.

The article regards the Russian features of the legal regulation of adolescents' participation in surveys. These features are largely defined as a search for a compromise between the child's right to be heard and the protection of his/her interests, on the one hand, and non-interference in the private life of the family, on the other. The authors also examine in detail four ethical issues that researchers face when conducting surveys among adolescents. The first of these is the age of independent decision-making about participating in research, and this problem is placed in the broader context of the principle of informed consent to participate in sociological research. The second issue is the matter of the adolescent's safety and the absence of direct or indirect harm. The third issue is related to the choice of the survey method. Finally, the fourth issue relates to the benefits of participating in the survey for the adolescent and the focus on positive change.

Keywords: teen survey, research involving children, questioning children, vulnerable group survey, ethics of social research, legal regulation, childhood studies, sociology of childhood, informed consent

Acknowledgments. The article was prepared in accordance with the state assignment for the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Сегодня нам кажется очевидным, что детство — классический объект исследования в социальных науках, наличие у детей статуса самостоятельных участников общественной и культурной жизни, существование отдельных «детских» прав не подвергается сомнению. Однако такому восприятию всего чуть более трех десятков лет. До этого дети считались «неразумными» и неполноправными членами общества и игнорировались как значимые и компетентные участники социальной жизни [Митрофанова, 2017: 161]. Детство оставалось за пределами внимания социальных наук вплоть до XX века [Бардина, 2019: 26], еще в середине которого функционалистский подход диктовал социологам свою логику, постулировав, что ребенок до достижения им зрелости подобен накопительному счету в сберегательном банке и полноценно функционировать может только по завершении процессов социализации [Davis, 1940: 217]. Вместе с тем в общественном сознании происходила переоценка значимости детства: число детей в семьях резко сократилось, их рабочая и экономическая нагрузка значительно снизилась, что привело к появлению «современного ребенка», «одновременно экономически бесполезного и эмоционально бесценного» [Никитина-ден Бестен, 2009: 8]. Пика эти процессы достигли ближе к концу 1970-х годов. Так, 1979 г. был объявлен ООН Международным годом ребенка, а дискуссия о проблемах детства и положении детей в современном мире приобрела более научный характер (см., например, [Alanen, 1988; Ovortrup, 1995; Ben-Arieh, 2006]). Можно говорить, что с 1980-х годов изучение детства и детей вышло в социальных науках с периферии на передовую, а критика подхода, согласно которому ребенок — это «еще не сформированный взрослый», стала мейнстримом (см., например, [Uprichard, 2008]).

Фиксируется изменение отношения к детям на государственном и международном уровнях — в 1989 г. ООН принимает Конвенцию о правах ребенка, определившую базовые и универсальные права, которые должны сохраняться за каждым ребенком. Согласно этому документу, государства-участники должны обеспечить детям, способным сформулировать свои собственные взгляды, право «свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка»¹. Происходит и «переопределение ребенка как социального актора» [Митрофанова, 2017: 161]. Уже в 1990 г. Эллисон Джеймс и Алан Праут формулируют новую парадигму социологии детства, исходя из которой детство и детские социальные отношения могут выступать в качестве отдельного и самостоятельного объекта для изучения, поскольку дети «активно включены в конструирование своих собственных социальных жизней, жизней тех, кто их окружает, и обществ, в которых они живут» [James, Prout, 1997: 4]. В рамках такой парадигмы дети обретают агентность и могут быть изучены «через» самих себя, то есть сами могут создавать социологические данные напрямую, без посредника в виде взрослых. Провозглашенная «новая социология детства» повлекла за собой значительное количество исследований детства и его связей с окружающей средой, культурой, классом, а также разработку методов, ставящих «детей во главу угла» и превращающих их в «равноправных участников исследовательского процесса» [Никитина-ден Бестен, 2009: 20].

¹ Конвенция о правах ребенка // ООН. Конвенции и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 10.02.2023).

В результате появилась потребность в различных формах мониторинга, анализа состояния детей и детства в странах по всему миру именно с детского ракурса, а не исходя из статистических данных о темпах вакцинации, младенческой смертности и пр. Первой из такого рода инициатив стал международный лонгитюдный проект Всемирной организации здравоохранения «Health Behaviour in School-Aged Children» (HBSC), стартовавший в 1982 г. и продолжающийся до сих пор². В рамках этого исследования раз в четыре года проводится опрос обучающихся в школе подростков³ в возрасте 11, 13 и 15 лет на тему их поведения в отношении собственного здоровья⁴. Другая широко известная инициатива — Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся (Programme for International Student Assessment, PISA), разработанная в конце 1990-х годов. Организацией экономического сотрудничества и развития (OECD). В рамках программы раз в три года проводится тест-опрос пятнадцатилетних школьников⁵. Данные этих обследований вошли в основу Многонационального проекта по мониторингу и измерению благополучия детей (Multi-National Project for Monitoring and Measuring Children's Wellbeing), стартовавшего в Чикагском университете в 1996 г. Этот проект первым из известных нам собрал национальных экспертов по вопросам детства из большого числа разных стран. Именно тогда впервые была сформулирована цель выработать для разных стран общие сопоставимые индикаторы детского благополучия [Statham, Chase, 2010: 7], что привело к идее создания сводного индекса детского благополучия. Это направление активно развивалось, и с 2010-х годов такие индексы реализуются на национальном и международном уровнях⁶. Поскольку запрос на «голоса детей» к этому времени уже сформировался, многие из такого рода исследований проводятся «не о детях, а с детьми», на основе их субъективных представлений о собственном благополучии, и используют опросы подростков, например, британский Индекс субъективного благополучия детей [Rees, Goswami, Bradshaw, 2010] (опрос детей и подростков в возрасте 8—15 лет), ирландский проект «Развитие национальной системы индикаторов детского благополучия» [Hanafin, Brooks, 2005] (опрос подростков 12—18 лет), а также международное исследование «Детский мир» [Thorne, 2002] (опрос детей и подростков в возрасте 8—12 лет).

² Health Behaviour in School-Aged Children Study. URL: <https://hbsc.org/> (дата обращения: 10.02.2023).

³ Здесь и далее по тексту, согласно терминологии Фонда ООН в области народонаселения (UNFPA), «подростками» мы будем называть лиц в возрасте от 10 до 19 лет.

⁴ Инструментарий исследования затрагивает самый широкий спектр тем детского благополучия в целом, от пищевого поведения до восприятия своего тела и социального окружения. Включает в себя около 80 вопросов, которые распределены по 12 доменам. Россия принимает участие в исследовании с 1990 г., ответственным за реализацию является ФГБУ «Санкт-Петербургский научный институт физической культуры». Подробнее см.: Научно-исследовательская группа Российской Федерации по Международному проекту HBSC. URL: <https://hbsc-ru.com> (дата обращения: 10.02.2023).

⁵ Изначально опросник был узкотематическим: подростку предлагалось решить ряд задач из разных предметных областей. В 2015 г. PISA впервые предложила участникам проекта после завершения детьми экзаменационной части обследования заполнять общий опросник, посвященный материальному положению семьи и социальным отношениям ребенка, а также опросник по субъективному благополучию. Россия принимала участие во всех волнах обследования, начиная с первой волны 2000 г. Национальным координатором проекта является ФГБУ «Федеральный институт оценки качества образования».

⁶ В качестве примеров можно привести Kidscreen-52 (в 2005 г.), UNICEF Report on Child Poverty and Child Wellbeing (в 2007 г.), Child and Youth Wellbeing Index (в США, 2007 г.), Index of Child Wellbeing in Europe (в 2009 г.), The Good Childhood Index (в Великобритании, 2010 г.), End of Childhood Index (в 2017 г.), Child and Youth Wellbeing Strategy (в Новой Зеландии, 2018 г.) и т. д.

Вместе с тем в СССР уже в 1960—1970-х годах, после длительного периода забвения в 1930—1950-х, активно развивалась профориентационная работа в школах, что способствовало обращению взрослых к миру подростков, прежде всего старшеклассников. Советский педагог Александр Голомшток в 1968 г. предложил оригинальную методику «Карта интересов», основанную на анкетировании детей и подростков и позволяющую исследовать характер профессиональных интересов респондентов [Профориентационная работа..., 1968]. Методика выдержала несколько редакций и последующих модификаций и лежит в основе многих современных профориентационных тестов [Рогов, 2019]. Важно отметить, что прикладные профориентационные исследования, развивавшиеся в «психотехнической» области (по названию I Всесоюзного психотехнического съезда 1931 г., где была поставлена задача профориентации в СССР), постепенно выходили на более широкую проблематику — равных возможностей детей к получению образования, самореализации и соблюдению своих прав.

В данной связи важно упомянуть лонгитюдное исследование социальных проблем молодежи, первая опросная волна которого прошла еще в 1962 г. под руководством Владимира Шубкина [Шубкин, Чередниченко, 1994], а проведением и анализом последних волн в 1990-е годы занимался уже Институт социологии РАН и лично Давид Константиновский [Константиновский, 2000]. Эмпирическая база исследования представляла собой сложный набор данных: как объективных статистических показателей, касающихся регионального уровня жизни (на начальном этапе проекта изучались школьники Новосибирской области, позже были добавлены выборки из Москвы и Краснодарского края), конкурсного приема в вузы и т. д., так и наблюдений за самими подростками. Последние участвовали в анкетировании накануне окончания школы, отвечая на вопросы не только о своем отношении к различным профессиям, но и о личных планах и перспективах — сюжетах, которые в современном социологическом тезаурусе тесно связываются с проблемами самореализации. Через полгода после такого анкетирования исследователи собирали информацию о том, как образовательные и жизненные траектории опрошенных сложились в реальности, и на основе сопоставления желаемого респондентами образа будущего и действительно случившегося с ними делали замечательные выводы о наличии социального неравенства даже в послевоенном СССР [Константиновский, 2008]. Дизайн указанного исследования предписывал социологам общение с 17-летними подростками, реализацию жизненных планов которых легко проследить. Однако практика проведения профориентационных опросов показала, что с анкетами справляются уже 10—11-летние подростки. В частности, современные исследования Центра социологии образования Института управления образования Российской академии образования включают в свою выборку пятиклассников наравне с одиннадцатиклассниками, причем и те и другие отвечают на вопросы о планах после окончания школы, о сферах профессиональной деятельности, с которыми хотели бы связать свою будущую жизнь и т. д. [Адамчук, 2017: 116].

Итак, на сегодняшний день детство уже стало отдельным, самостоятельным объектом изучения, и в современной исследовательской практике для измерения детского благополучия нормой является допускать агентность детей (по край-

ней мере, на ее базовом уровне — как информантов о собственном состоянии). Тем не менее исследования с вовлечением детей в качестве участников сталкиваются с рядом проблем, которые можно рассматривать в техническом, этическом и юридическом аспектах⁷. Прежде всего это связано с тем, что у исследователей отсутствует свободный доступ к детям, по праву считающимися уязвимой группой. Такие исследования регламентируются рядом профессиональных этических кодексов, а также законодательными нормами. Рассмотрим их подробнее.

Правовое регулирование

Особенности правового регулирования участия детей и подростков в опросах определяются поиском компромисса между правом ребенка быть услышанным, с одной стороны, и правом родителей или ответственных взрослых руководить ребенком, защищать его интересы и т. д. — с другой. Скажем, ст. 12 Конвенции о правах ребенка ООН гласит, что ребенок имеет право высказывать свое мнение в случаях, когда взрослые принимают затрагивающее его интересы решение. При этом ст. 5 подчеркивает, что государствам следует уважать право и обязанность семьи «управлять и руководить ребенком в осуществлении им признанных <...> прав»⁸.

Согласно ст. 64 Семейного кодекса РФ, «родители являются законными представителями своих детей»⁹. Соответственно, на участие ребенка в опросе требуется их согласие (или согласие иных законных представителей). Полезным дополнением к этому могут являться нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ и Кодекса об административных правонарушениях РФ. В частности, ст. 280 УПК РФ предписывает проводить допрос потерпевшего или свидетеля, не достигшего 16 лет, с обязательным участием его законного представителя и, кроме того, устанавливает определенные временные границы для его проведения: не более часа с обязательным перерывом после 30 минут для ребенка моложе 7 лет и не более двух часов с обязательным перерывом после первого часа для ребенка или подростка 7—14 лет. В школах допрос может проводиться без присутствия родителей, но с условием их обязательного оповещения¹⁰. Ст. 25.6 КоАП РФ требует обязательного присутствия педагога или психолога при опросе несовершеннолетнего свидетеля, не достигшего возраста 14 лет¹¹. Важный прецедент создает и ст. 54 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»¹², так

⁷ Есть еще эпистемологический аспект — как уйти от взрослых репрезентаций и интерпретаций при исследовании мира детей (см. подробнее [Форум, 2019: 25—26]), — но она выходит за рамки данной статьи.

⁸ Конвенция о правах ребенка // ООН. Конвенции и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 10.02.2023).

⁹ Статья 64. Права и обязанности родителей по защите прав и интересов детей. Семейный кодекс (СК РФ) // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/10105807/8e5cab37391b571c12c39a49736d35f9/> (дата обращения: 10.02.2023).

¹⁰ Статья 280. Особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля. Уголовно-процессуальный кодекс (УПК РФ) // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/12125178/ec9561bc1cc4447b1920d624bcd5435/> (дата обращения: 10.02.2023).

¹¹ Статья 25.6. Свидетель. Кодекс об административных правонарушениях (КоАП РФ) // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/12125267/f86de0dd957b7cb08bc16295d5595a7a/> (дата обращения: 10.02.2023).

¹² Статья 54. Права несовершеннолетних в сфере охраны здоровья. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/12191967/ff9fa08d419e8a3992b637ce02f95752/> (дата обращения: 10.02.2023).

как предусматривает, что несовершеннолетние старше 14 лет сами должны давать согласие на медицинское вмешательство (или отказываться от него), а также могут самостоятельно посещать врача без согласия родителей.

Кроме того, по достижении возраста в 14 лет каждый гражданин Российской Федерации получает паспорт. С этого возраста права подростка расширяются: по закону он уже может совершать мелкие бытовые сделки, быть нанятым на работу¹³, открывать вклады в банке, распоряжаться своим заработком без согласия родителей, в качестве правообладателя заниматься творческой и интеллектуальной деятельностью, самостоятельно обращаться в суд для защиты своих прав и нести уголовную ответственность. Как видим, возрастом самостоятельного принятия решений и ответственности за свои слова с точки зрения законодателя является отрезок 14—16 лет, причем его границы оказываются подвижными в разных правовых актах.

Серьезные ограничения на работу социологов накладывают и некоторые нормативные документы, принимаемые отдельными министерствами и ведомствами. Скажем, положение закона «Об образовании», согласно которому руководство учебного учреждения обязано обеспечивать безопасность учеников во время пребывания в школе, позволяет школам самостоятельно вводить системы пропусков, регулировать контрольно-пропускной режим и т. д.¹⁴ На практике большинство пропускных режимов, действующих в российских школах и досуговых учреждениях, делают невозможным проход социологов в соответствующую организацию без прямого разрешения от профильного руководства.

Этическое регулирование

Что касается этических норм и кодексов, то в России разработанные документы такого рода (например, Моральный кодекс социолога ИСПИ РАН¹⁵) не содержат специальных уточнений, касающихся опросов несовершеннолетних. Профильные научные статьи (см., например, [Детство XXI века..., 2018]) отсылают к действующим зарубежным стандартам, среди которых лидирующее место занимают рекомендации Европейской ассоциации исследователей рынка (ESOMAR) и ресурса «Этические исследования с участием детей» (ERIC Compendium), поддерживаемого совместными усилиями Детского фонда ООН и ряда других организаций [ESOMAR/GRBN Guideline..., 2018; Powell et al., 2013]. Заметим, что в отдельных пунктах эти рекомендации могут отличаться от норм, почерпнутых из российского законодательства.

¹³ Для выполнения легкого труда до 16 лет необходимо согласие родителей.

¹⁴ Письмо Минобрнауки России от 11 декабря 2015 г. № 08-ПГ-МОН-42989 «О рассмотрении обращения» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_203501/ (дата обращения: 10.02.2023); Письмо Минобрнауки России от 30 августа 2005 г. № 03-1572 «Об обеспечении безопасности в образовательных учреждениях» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901963281> (дата обращения: 10.02.2023); Письмо Минобрнауки РФ от 4 июня 2008 г. № 03—1423 «О методических рекомендациях по участию в создании единой системы обеспечения безопасности образовательных учреждений Российской Федерации» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902117689> (дата обращения: 10.02.2023).

¹⁵ См. подробнее: Моральный кодекс социолога // Институт социально-политических исследований РАН. URL: <https://socioline.ru/kodeks> (дата обращения: 10.02.2023).

Можно выделить несколько базовых этических проблем, возникающих при проведении исследований с подростками. Первая из них — ответ на вопрос, с какого именно возраста несовершеннолетний человек может самостоятельно принимать решение об участии в опросах. Ожидаемо, что профессиональные ассоциации руководствуются в этом случае правовыми актами. Общий подход ESOMAR требует обязательного оповещения ответственного взрослого об особенностях проведения опроса, а также присутствия «неподалеку», в зоне возможной досягаемости для ребенка [ESOMAR/GRBN Guideline..., 2018: 11], при этом возрастные ограничения определяются внутренним законодательством страны [ESOMAR Guideline..., 2011: 7]. При проведении исследования в интернете до приглашения ребенка к участию необходимо приложить все разумные усилия для получения согласия ответственного взрослого, если сам ребенок по законам страны не может принимать такие решения самостоятельно. В «Рекомендациях по проведению исследований и анализу данных с детьми, молодежью и другими уязвимыми группами» подчеркивается, что «ребенком» стоит считать человека 12 и менее лет, а подростком — 13—17 лет, соответственно, с этого возраста согласие родителей не требуется [ESOMAR/GRBN Guideline..., 2018: 9]. Светлана Майорова-Щеглова и Елена Колосова отмечают, что после 14 лет согласие на анкетирование или сбор других данных может давать сам подросток, тогда как более молодые респонденты должны участвовать в опросе только при согласии родителей или законных представителей [Майорова-Щеглова, Колосова, 2018: 66].

Вопрос о возрасте самостоятельного принятия решения несовершеннолетним респондентом об участии в опросе относится к более широкому спектру общих этических вопросов социологических исследований. По сути, это то, что принято называть «информированным согласием» — категорией, пришедшей в опросный мир из медицины. Добровольное и информированное согласие — обязательное условие при проведении любых исследований с участием человека, согласно Хельсинкской декларации предполагающее, что участник должным образом информирован о «методах, источниках финансирования, любых возможных конфликтах интересов, принадлежности исследователя к учреждению, ожидаемой пользе, потенциальных рисках исследования и неудобствах, которые могут возникнуть при участии в исследовании, а также о любых других релевантных аспектах исследования»¹⁶. Процедура согласия, по мнению авторов Бельмонтского отчета, должна быть основана на трех элементах: информации, понимании и добровольности [Belmont Report..., 1978: 10]. Соответственно, для соблюдения этих принципов (причем не только при опросе подростков) необходима уверенность, что респондент не только получил всю необходимую информацию, но и понял ее, и только тогда его согласие является информированным.

Вопрос о том, какой именно возраст является возрастом понимания особенностей участия в исследовании, не имеет однозначного ответа, и, очевидно, требует отдельной проработки исследовательским сообществом. Пока можно заключить, что в исследовательской практике чаще всего считается, что респондент в воз-

¹⁶ Декларация Хельсинкской встречи СБСЕ на высшем уровне (извлечение). 10 июля 1992 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900016> (дата обращения: 10.02.2023).

расте 14—15 лет уже является достаточно зрелым, чтобы самостоятельно принимать решение об участии в исследовании, а значит исследователи могут с ним взаимодействовать напрямую без соучастия ответственного взрослого. В таком случае информированное согласие конструируется по аналогии с опросом взрослых, и эти блоки информации могут быть включены в саму анкету, где респондент фиксирует свое согласие. В случае, если респондент не достиг возраста 14—15 лет, конструирование информированного согласия происходит в несколько этапов (например, сначала между исследователем и взрослым, затем между взрослым и ребенком, и наконец между исследователем и ребенком) и с вовлечением взрослого. Кроме того, в таких случаях одним из требований может выступать документальная фиксация процедуры — заполнение взрослыми формы информированного согласия по аналогии с медицинской, хотя официально, опять же, эти требования для социологических исследований нигде не прописаны. Важно также отметить, что взаимодействие с подростками в присутствии взрослых имеет свои отдельные сложности. В частности, Даша Шамрова в обзоре этических вопросов проведения оценки с участием детей подчеркивает, что вовлечение большого количества взрослых может привести к «конфликту интересов» и негативно скажется на результатах исследования [Шамрова, 2016: 6].

Вторая этическая проблема может быть сформулирована следующим образом: *как сделать участие подростка в исследовании безопасным*. Потенциальные риски различны: это и вопрос конфиденциальности и защиты персональных данных (если таковые собираются); это риск прямого или опосредованного физического или психологического вреда вплоть до стресса, потери уверенности в себе [Powell et al., 2013: 31]; это и работа с сенситивной или незнакомой ранее информацией. Необходимо задумываться и об отдаленных последствиях участия ребенка в исследовании: какие решения могут быть приняты по его результатам, как они могут повлиять на благополучие ребенка и его жизнь в целом. Базовый этический принцип «не навреди» в исследованиях с детьми возлагает на исследователей еще большую ответственность, поскольку дети являются уязвимой группой. Общепризнанная позиция всех этических кодексов и рекомендаций состоит в следующем: если безопасность ребенка не может быть обеспечена в рамках исследования, то такое исследование проводить не стоит [Schenk, Williamson, 2005: 32].

Вопрос конфиденциальности и защиты персональных данных при опросе подростков, на наш взгляд, должен разрешаться, как и в опросе взрослых, схожим образом. Согласно Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»¹⁷, организация, собирающая или обрабатывающая персональные данные, выступает в качестве оператора персональных данных и должна применять ряд организационных и технических мер. Последние четко прописаны. Если же в ходе опроса персональные данные не собираются, то задача исследователя — обеспечить и открыто артикулировать анонимность участия, отдельно сделав акцент на том, что персональные данные не собираются, а все результаты исследования будут анализироваться в обобщенном виде.

¹⁷ Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901990046> (дата обращения: 10.02.2023).

Особое внимание при рассмотрении вопроса о безопасности участия подростков необходимо уделить тематике исследования и инструментарию. Помимо сенситивных, анкета может содержать вопросы, потенциально вызывающие тревожность и настороженность, или же вопросы, в которых есть неизвестная или непонятная для подростка информация, способная ввести его в заблуждение и/или натолкнуть на рискованное поведение. Большая часть рекомендаций сводится к тому, что такого рода вопросов лучше избегать, а сам инструментарий для исследования, помимо тестирования, должен пройти этап обсуждения с подростками и взрослыми, а также получить одобрение экспертов в сфере детства [Schenk, Williamson, 2005: 20]. При этом существуют исследования, посвященные работе над сенситивными темами с детьми и подростками (см., например, [Noble-Carr, 2006]), или же в которых участвуют находящиеся в трудной жизненной ситуации несовершеннолетние. Для таких исследований оценка возможного вреда и пользы для участников требует более детальной и взвешенной проработки с использованием предоченочных инструментов [Шамрова, 2016: 5] и вовлечением этических комитетов и организаций социальной защиты [Involving Children..., 2008: 158], а также разработки этического протокола исследования, содержащего алгоритмы для поведения исследователей в разных ситуациях. При разработке такого протокола целесообразно предусмотреть участие специалистов государственных структур и НКО исследуемого региона, знающих местную инфраструктуру [Одинокова, 2018: 435].

Еще один важный вопрос безопасности — четкое формулирование правил безопасного участия. Подросток должен осознавать, что он может поменять свое мнение или прервать свое участие в исследовании в любое время без каких-либо негативных последствий [Schenk, Williamson, 2005: 191; Participatory Monitoring..., 2012: 11]. Некоторые исследователи в правилах проведения опроса отдельно оговаривают, что респонденты могут не отвечать на те вопросы, которые им не нравятся (например, в уже упомянутом ранее проекте HBSC).

Третья этическая проблема — это *выбор метода исследования и решение о наличии посредника для опроса*. Конечно, решение этого вопроса напрямую зависит от возраста ребенка. Ряд исследований с подростками младше 14 лет проходит с ассистированием либо со стороны психологической службы (например, исследование «Детский мир», где опрос детей и подростков в возрасте 10 и 12 лет проводит школьный психолог [Брук, Игнатжева, 2021]), либо со стороны специально подготовленного члена исследовательской команды (например, уже упомянутый ранее ирландский проект о развитии национальной системы индикаторов детского благополучия [Hanafin, Brooks, 2005]). Присутствие посредника в виде взрослого актуализирует проблему дистанции власти, по умолчанию присутствующую в отношениях взрослых и детей. Эту проблему невозможно полностью устранить, но нужно в той или иной мере минимизировать, а потому необходимо избегать манипуляций со стороны взрослых [Powell et al., 2013: 77]. Дети и подростки особенно чувствительны к манипуляциям и одобрению поведения, и это может приводить к отказу от взаимодействия или от участия в целом [Participatory Monitoring..., 2012: 11]. Кроме того, из-за дистанции власти подросток может войти в привычную роль ученика и пытаться угодить взрослому сво-

ими ответами, вести себя лучшим или ожидаемым от него образом, что также необходимо учитывать. Эта проблема осложняется еще и тем обстоятельством, что у подростков не всегда существует опыт взаимодействия со взрослыми на равных, и иерархия взаимоотношений «взрослый — ребенок» сложно преодолевается [Involving Children..., 2008: 22].

Описанные выше ограничения свойственны, в первую очередь, для методов межличностного непосредственного взаимодействия (например, для фокус-группового исследования, анкетирования или интервью). Отдельным сюжетом является онлайн-опрос, где взаимодействие происходит напрямую с компьютером или телефоном/планшетом. Современные дети в развитых странах достаточно компетентны и обладают компьютерной грамотностью, имеют опыт онлайн-обучения и взаимодействия в социальных сетях, и метод онлайн-опроса в этом смысле становится реальным инструментом, позволяющим исключить влияние взрослого-посредника. Особенно перспективным представляется метод онлайн-опроса для подростков, достигших возраста самостоятельного принятия решений. При этом нужно понимать, что любой метод, сколь бы современным или многообещающим он ни был, сам по себе не гарантирует требуемого результата: нет какого-то одного вида опроса, который подходил бы лучше всего для подростков. Гораздо важнее продумывать методологию и дизайн исследования [Involving Children..., 2008: 23].

Наконец, четвертая этическая проблема, которую мы рассмотрим в рамках этой статьи, это вопрос о том, *как сделать опыт участия подростка в исследовании положительным и полезным*. Этот этический вопрос связан не просто с отсутствием прямого или косвенного вреда, а с выгодой, которую подросток получит от участия. Выгода понимается в самом широком смысле: это и ощущение собственного вклада во что-то значительное, и признание важности такого вклада, и позитивные изменения, которые могут произойти, и денежное или иное вознаграждение, а также ощущение того, что мнение ребенка небезразлично. Общее место в существующих описаниях этических норм для исследований с детьми и подростками — любое участие несовершеннолетнего в том или ином исследовании должно работать на его благополучие [Шамрова, 2016: 1]. При этом фокус на позитивные изменения не должен создавать завышенных ожиданий быстрых или значительных перемен. Эти вопросы необходимо четко проговаривать с подростками, объяснять им ограничения исследования, его цели и задачи, область применения, чтобы подросток не разочаровался и не потерял веру в собственные возможности что-то изменить [Listen and Learn..., 2012: 16]. Для респондентов из уязвимых категорий дополнительной мотивацией является то, что исследование может помочь им получить защиту, преодолеть страх, повысить уверенность в себе, развить навыки анализа информации и критического мышления, проработать травматичный опыт, особенно если исследователи перед собой ставят такие задачи [Laws, Mann, 2004: 10—11]. Кроме того, сам факт участия подростков в исследовании делает их видимыми.

Ашер Бен-Арье, проанализировав несколько исследований, посвященных мнению самих детей и подростков и их позиции в отношении исследований, пришел к выводу, что у данной группы респондентов существует несколько типов мотива-

ции к участию. Во-первых, дети и подростки хотят, чтобы их спрашивали и интересовались их мнением о тех вещах, которые им действительно важны. Во-вторых, то, что кажется взрослым интересным и важным, не всегда воспринимается таким же детьми и подростками, потому активного участия последних можно добиться, если прислушиваться к ним, а не просто просить их выполнить поставленные задачи. В-третьих, дети и подростки хотят быть вовлечены во что-то стоящее и ценное лично для них — например, в исследования, изучающие существенные проблемы или направленные на изменения. В-четвертых, дети и подростки верят, что они могут внести свой личный вклад в результаты исследования, и чем выше оценка этого вклада, тем выше их мотивация к участию [Ben-Arieh, 2005: 590—591].

Вопрос о вознаграждении за участие также часто рассматривается в практических рекомендациях. Всего выделяют четыре вида оплат участия в опросах: возмещающие (когда возвращаются понесенные участниками исследования затраты, например, проезд, питание, проживание и т. д.), компенсационные (когда ввиду участия компенсируется потеря времени, дохода и т. д.), благодарственные (символическое вознаграждение за участие, при этом участники могут о нем и не знать заранее) и поощрительные (денежные выплаты или их альтернатива в виде разного рода ваучеров) [Powell et al., 2013: 88—89]. Все виды вознаграждений могут использоваться на этапе рекрута участников как убеждающий фактор, что влечет за собой очевидные риски в виде махинаций, принуждения к участию со стороны взрослых (например, родителя) или давления на подростка. В целом необходимо понимать, что любые финансовые связи в исследовательском процессе меняют характер взаимоотношений между участниками.

Конечно, перечисленные выше этические проблемы не могут исчерпывающе описать весь круг задач и сложностей, который возникает перед исследователями, решающими провести опрос среди подростков. Кроме того, эти проблемы взаимосвязаны, и решение одной из них тем или иным образом накладывает определенные ограничения при выборе решений в других. И все же самый главный вопрос, который исследователи должны задавать себе до начала работы с этими этическими проблемами, заключается в том, а стоит ли вообще привлекать подростков к участию.

Вместо заключения

За последние 30 лет количество исследований с вовлечением детей и подростков в качестве участников растет повсеместно, и Россия не является исключением. Международная практика показывает, что опросы детей и подростков, при всех ограничениях и сложностях их проведения, позволяют включить «голос ребенка» в национальные индексы и рейтинги благополучия, дополнив таким образом статистические данные, которые собираются взрослыми с опорой на свою «взрослую» оптику. Опросы детей и подростков регламентируются разными государственными правовыми нормами, а также более универсальными этическими кодексами и протоколами.

В России на сегодняшний день не существует общепринятого подхода к исследованиям детства в целом, нет собственных этических стандартов, требований и однозначных юридических норм [Одинокова, 2018: 436], которые можно было бы на-

прямую применить к опросу подростков. Те исследовательские команды, которые проводят социологические опросы подростков и детей, чаще всего ориентируются на международные протоколы, такие как ESOMAR, ERIC Compendium и др., и общие кодексы профессиональной этики социолога. При этом открытое обсуждение особенностей организации такого рода исследований практически не проводится, что во многом связано со страхом неверной трактовки не всегда однозначных юридических норм. Все это делает вопросы правового и этического регулирования опроса подростков особенно актуальными и требующими более пристального внимания со стороны профессионального исследовательского сообщества.

Список литературы (References)

Адамчук Д. В. Профессиональные и образовательные планы современных школьников // Человек и образование. 2017. № 4. С. 116—126. URL: http://obrazovanie21.narod.ru/Files/2017-4_pp116-126.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

Adamchuk D. V. (2017) Professional and Educational Plans of Modern Schoolchildren. *Man and Education*. No. 4. P. 116—126. URL: http://obrazovanie21.narod.ru/Files/2017-4_pp116-126.pdf (accessed: 15.02.2023). (In Russ.)

Бардина С. М. «Дети, идиоты и сумасшедшие»: Томас Гоббс и проблема современной социологии детства // Социология власти. 2019. Т. 31. № 1. С. 14—29. <http://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-14-29>.

Bardina S. M. (2019) “Children, Fools, and Madmen”: Thomas Hobbes and the Problems of the Sociology of Childhood. *Sociology of Power*. Vol. 31. No. 1. P. 14—29. <http://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-14-29>. (In Russ.)

Брук Ж. Ю., Игнатжева С. В. Субъективное благополучие детей 10-и и 12-и лет в пространстве удовлетворенности семьей, школой и друзьями // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 6. С. 164—175. <http://doi.org/10.17759/pse.2021260613>.

Bruk Z. Y., Ignatjeva S. V. (2021) Subjective Well-Being among Children Aged of 10- And 12-Year-Old Children in in the Space of Satisfaction Withwith Family, School and Friends. *Psychological Science and Education*. Vol. 26. No. 6. P. 164—175. <http://doi.org/10.17759/pse.2021260613>. (In Russ.)

Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус / отв. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. М.: Издательство Российского общества социологов, 2018.

Mayorova-Shcheglova S. N. (ed.) (2018) Childhood of the XXI Century: Socio-Humanitarian Thesaurus. Moscow: Publishing House of the Russian Society of Sociologists. (In Russ.)

Константиновский Д. Л. Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности. М.: Центр социологии образования Российской академии образования, 2000.

Konstantinovskiy D. L. (2000) The Youth of ‘90s: Self-Determination in a New Reality. Moscow: Centre for Sociology of Education of the Russian Academy of Education. (In Russ.)

Константиновский Д. Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). М.: Центр социального прогнозирования, 2008.

Konstantinovskiy D. L. (2008) Inequality and Education. Attempt of Sociological Research on the Life Starts of the Russian Youth (1960th — Early 2000th). Moscow: Social Forecasting Center. (In Russ.)

Майорова-Щеглова С. Н., Колосова Е. А. Дети и детство как объекты социологических исследований // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 62—69. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030066>.

Mayorova-Shcheglova S. N., Kolosova E. A. (2018) Children and Childhood as Objects of Sociological Research. *Sociological Studies*. No. 3. P. 62—69. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030066>. (In Russ.)

Митрофанова С. Ю. Дети как объект социогуманитарного исследования: социологический ракурс // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. Т. 10. № 2. С. 160—168. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.202>.

Mitrofanova S. Yu. (2017) Children as an Object of Sociohumanitarian Research: A Sociological Perspective. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. Vol. 10. No. 2. P. 160—168. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.202>. (In Russ.)

Никитина-ден Бестен О. «Детство» в социальных науках: новые смыслы и новые подходы // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2009. Т. 4. № 5. С. 7—24.

Nikitina-den Besten O. (2009) What's New in the New Social Studies of Childhood? *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 4. No. 5. P. 7—24. (In Russ.)

Одинокова В. А. Этика социальных исследований с участием детей // Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус / отв. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. М.: Издательство Российского общества социологов, 2018. С. 433—436.

Odinokova V. A. (2018) The Ethics of Research with Children. In: Mayorova-Shcheglova S. N. (ed.) *Childhood of the XXI Century: Socio-Humanitarian Thesaurus*. Moscow: Publishing House of the Russian Society of Sociologists. P. 433—436. (In Russ.)

Профориентационная работа в школе / под ред. А. Е. Голомштока. Калуга: Приокское книжное издательство, 1968.

Golomshtok A. E. (ed.) (1968) Career Guidance at School. Kaluga: Priokskoe Publishing House. (In Russ.)

Рогов Е. И. Настольная книга практического психолога: в 2 ч. Ч. 1. Система работы психолога с детьми разного возраста. М.: Юрайт, 2019.

Rogov E. I. (2019) Handbook of a Practical Psychologist in 2 Parts. Part 1. The System of Psychological Work with Children of Different Ages. Moscow: Yurayt. (In Russ.)

Форум: в поисках детской субъектности // Антропологический форум. 2019. № 42. С. 9—106. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2019-15-42-9-106>.

Forum: Children as Subjects. (2019) *Forum for Anthropology and Culture*. No. 42. P. 9—106. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2019-15-42-9-106>. (In Russ.)

Шамрова Д. Обзор международного опыта по применению оценки с участием детей. М.: Фонд Тимченко, 2016.

Shamrova D. (2016) Participatory Evaluation with Children: Overview of International Experience. Moscow: Timchenko Foundation. (In Russ.)

Шубкин В. Н., Чередниченко Г. А. Ценностные ориентации в структуре профессионального самоопределения старшеклассников. Типовая методика проведения социологического исследования ценностных ориентаций старшеклассников в области профориентации. М.: Центр социологии образования Российской академии образования, 1994.

Shubkin V. N. Cherednichenko G. A. (1994) Value Orientations in a Structure of Professional Self-Determination of High School Students. Standard Methodology for Conducting a Sociological Study of Value Orientations of High School Students for Career Guidance. Moscow: Centre for Sociology of Education of the Russian Academy of Education. (In Russ.)

Alanen L. (1988) Rethinking Childhood. *Acta Sociologica*. Vol. 31. No. 1. P. 53—67. <https://doi.org/10.1177/000169938803100105>.

Belmont Report: Ethical Principles and Guidelines for the Protection of Human Subjects of Research. DHEW Publication No. (OS) 78—0012. (1978) Washington, DC: U. S. Department of Health, Education, and Welfare.

Ben-Arieh A. (2005) Where Are the Children? Children's Role in Measuring and Monitoring Their Well-Being. *Social Indicators Research*. Vol. 74. No. 3. P. 573—596. <https://doi.org/10.1007/s11205-004-4645-6>.

Ben-Arieh A. (2006) Measuring and Monitoring the Well-Being of Young Children Around the World. Paris: UNESCO.

Davis K. (1940) The Child and Social Structure. *The Journal of Educational Sociology*. Vol. 14. No. 4. P. 217—229. <https://doi.org/10.2307/2262160>.

ESOMAR Guideline for Online Research. (2011) Amsterdam: ESOMAR. URL: <https://ana.esomar.org/documents/esomar-guideline-for-online-research-> (accessed: 19.02.2023).

ESOMAR/GRBN Guideline on Research and Data Analytics with Children, Young People, and Other Vulnerable Individuals. (2018) Amsterdam: ESOMAR. URL: https://www.jmra-net.or.jp/Portals/0/rule/guideline/20180912_ESOMAR-GRBN_Guideline-Children-Young%20People-Other%20Vulnerable%20Individuals_201809.pdf (accessed: 19.02.2023).

Hanafin S., Brooks A.-M. (2005) Report on the Development of the National Set of Child Well-Being Indicators in Ireland. Dublin: The National Children's Office.

Involving Children and Young People in Research: A Compendium of Papers and Reflections from a Think Tank co-hosted by the Australian Research Alliance for Children and Youth and the NSW Commission for Children and Young People on 11 November 2008. (2008) Surry Hills, NSW: NSW Commission for Children and Young People; Woden, ACT: ARACY.

James A., Prout A. (1997) Introduction. In: James A., Prout A. (eds.) *Constructing and Reconstructing Childhood: Contemporary Issues in the Sociological Study of Childhood*. London: Falmer Press. P. 1—6.

Laws S., Mann G. (2004) So You Want to Involve Children in Research? A Toolkit Supporting Children's Meaningful and Ethical Participation in Research Relating to Violence Against Children. Stockholm: Save the Children.

Listen and Learn: Participatory Assessment with Children and Adolescents. (2012) Geneva: UNHCR.

Noble-Carr D. (2006) Engaging Children in Research on Sensitive Issues. Dickson, ACT: Institute of Child Protection Studies at the Australian Catholic University.

Ovortrup J. (1995) Childhood in Europe: A New Field of Social Research. In: Chisholm L., Büchner P., Krüger H.-H., du Bois-Reymond M. (ed.) *Growing Up in Europe: Contemporary Horizons on Childhood and Youth Studies*. Berlin: De Gruyter. P. 7—20. <https://doi.org/10.1515/9783110879094-002>.

Participatory Monitoring and Evaluation: Methodologies for Working with Children and Young People. (2012) Innsbruck: SOS Children's Villages International.

Powell M. A., Taylor N., Fitzgerald R., Graham A., Anderson D. (2013) Ethical Research Involving Children. Florence: UNICEF Office of Research — Innocenti.

Rees G., Goswami H., Bradshaw J. (2010) Developing an Index of Children's Subjective Well-Being in England. London: The Children's Society.

Schenk K., Williamson J. (2005) Ethical Approaches to Gathering Information from Children and Adolescents in International Settings: Guidelines and Resources. Washington, DC: Population Council.

Statham J., Chase E. (2010) Childhood Wellbeing: A Brief Overview. Loughborough: Childhood Wellbeing Research Centre.

Thorne B. (2002) Editorial: From Silence to Voice: Bringing Children More Fully into Knowledge. *Childhood*. Vol. 9. No. 3. P. 251—254. <https://doi.org/10.1177/0907568202009003604>.

Uprichard E. (2008) Children as 'Being and Becomings': Children, Childhood and Temporality. *Children and Society*. Vol. 22. No. 4. P. 303—313. <https://doi.org/10.1111/j.1099-0860.2007.00110.x>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.1.2209](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2209)

О. Н. Калачикова, А. В. Короленко, Л. Н. Нацун

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ

Правильная ссылка на статью:

Калачикова О. Н., Короленко А. В., Нацун Л. Н. Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 20—45. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2209>.

For citation:

Kalachikova O. N., Korolenko A. V. Nutsun L. N. (2023) Theoretical and Methodological Foundations of Active Longevity Research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 20–45. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2209>. (In Russ.)

Получено: 14.03.2022. Принято к публикации: 18.11.2022.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ

КАЛАЧИКОВА Ольга Николаевна — кандидат экономических наук, зам. директора по научной работе, зав. отделом исследования уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия

E-MAIL: onk82@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4681-4344>

КОРОЛЕНКО Александра Владимировна — научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия

E-MAIL: coretra@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7699-0181>

НАЦУН Лейла Натиговна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия

E-MAIL: leyla.natsun@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9829-8866>

Аннотация. В статье концептуализируется и операционализируется активное долголетие как социальное явление и основание политики в отношении качества жизни населения старших возрастов. Сохранение социально-экономического потенциала пожилых людей обычно рассматривается в рамках концепций «успешного старения», «продуктивного старения», «гармоничного старения», «здорового старения» и «активного старения», но с точки зрения семантики русско-

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF ACTIVE LONGEVITY RESEARCH

*Olga N. KALACHIKOVA*¹ — *Cand. Sci. (Econ.), Head of the Department for the Studies of Lifestyles and Living Standards, Deputy Scientific Director*

E-MAIL: onk82@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4681-4344>

*Aleksandra V. KOROLENKO*¹ — *Researcher of the Department for the Studies of Lifestyles and Living Standards*

E-MAIL: coretra@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7699-0181>

*Leila N. NUTSUN*¹ — *Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher of the Department for the Studies of Lifestyles and Living Standards*

E-MAIL: leyla.natsun@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9829-8866>

¹ Volgda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Volgda, Russia

Abstract. The paper conceptualizes active longevity as a social phenomenon and the basis for social policy, improving the quality of life in old age. Several concepts reflect the socio-economic potential of the elderly, including “successful aging,” “productive aging,” “harmonious aging,” “healthy aging,” and “active aging.” Semantically, “active longevity” excludes negative connotations, making it more accurate. We describe components and determinants of active longevity by grouping them into internal and

го языка более приемлем термин «активное долголетие», снимающий негативную коннотацию старения. Авторы выявили компоненты и факторы активного долголетия, предложили разделение последних на внутренние, связанные с поведением человека (установки, мотивы и действия), и внешние, отражающие условия среды (доступность инфраструктуры, общественное одобрение, уровень жизни). Особенность предлагаемого подхода заключается в понимании активного долголетия как социального явления, включающего распространение среди населения ценностей и поведенческих практик, ориентированных на поддержание в течение всей жизни здоровья и хорошего самочувствия, социальных связей, развитие и сохранение трудовой, творческой и интеллектуальной активности, обеспечивающих самореализацию и удовлетворенность жизнью, эффективное использование человеческого потенциала всех возрастных групп населения.

Обзор методик измерения активного долголетия показал их ориентированность на оценку здоровья и социальной инфраструктуры. Их ограничения связаны с сопоставимостью данных, полученных с помощью социологических исследований. Наиболее близок к решению задачи по созданию интегрального индикатора активного долголетия для России Индекс человеческих возможностей пожилых людей в России (HCERI), разработанный С. Дэвисом.

Ключевые слова: активное долголетие, успешное старение, продуктивное старение, гармоничное старение, активное старение, здоровое

external ones. The internal factors relating to human behavior include attitudes, motives, and actions, while the external factors relating to societal conditions include standards of living, infrastructure capabilities, and public approval. According to the authors, active longevity refers to a set of beliefs and behaviors that support long-term health and happiness, social connections, the preservation of one's employment, intellectual and creative pursuits, self-realization and life satisfaction, and the efficient realization of human potential at all ages.

A review of active longevity measures revealed their focus on health and social infrastructure. Existing measures have a significant limitation regarding the comparability of the survey data used to calculate active longevity indices. The Human Capabilities of the Elderly in Russia Index (HCERI), developed by C. Davis, is the correct integral index to measure active longevity in Russia.

Keywords: active longevity, successful aging, productive aging, harmonious aging, active aging, healthy aging, active longevity index

старение, индекс активного долголетия, региональное социологическое исследование

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00036 Бел_а «Внедрение концепции активного долголетия в России и Беларуси в условиях необратимости демографического старения».

Acknowledgments. The study was carried out with the financial support of the RFBR and the BRFFI within the scientific project No. 20-511-00036 Bel_a “Introducing the active longevity concept in Russia and Belarus in conditions of the irreversibility of demographic aging.”

Введение

Старение населения — одна из ключевых демографических тенденций, имеющих глобальный характер. На фоне выросшей продолжительности жизни особое значение приобретает ее качество в старших возрастах. Увеличение старших возрастных групп в структуре населения влечет пересмотр политики «стареющих» стран с учетом интересов как граждан «серебряного возраста», так и государств и их экономик. С точки зрения баланса интересов наиболее перспективна концепция активного долголетия, предполагающая сохранение трудовой и социальной активности пожилых. При этом с научной точки зрения исследование феномена активного долголетия остается актуальным в связи с тем, что понимание его сущности ограничивается преимущественно комплексом здоровьесберегающих технологий без учета социокультурного контекста, а соотношение внутренних и внешних факторов его формирования не изучено в достаточной мере. В этой связи возрастает востребованность исследований, посвященных разработке методологических подходов к оценке параметров активного долголетия в том числе и для совершенствования механизмов реализации социальной политики в данной сфере.

Цель настоящей работы — обосновать теоретико-методологический подход к оценке активного долголетия, пригодный для проведения региональных социально-демографических исследований и способный обеспечить эффективность мер укрепления общественного здоровья.

В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

- 1) провести обзор теоретико-методологических подходов к изучению и определению активного долголетия;
- 2) рассмотреть сложившиеся в научной литературе подходы к выделению компонентов и факторов активного долголетия;
- 3) изучить существующие методики измерения активного долголетия, проанализировать их возможности и ограничения;
- 4) обосновать авторский теоретико-методологический подход к оценке активного долголетия.

Информационную базу исследования составили труды российских и зарубежных авторов по рассматриваемой тематике.

Результаты

Происхождение и семантика термина «активное долголетие»

Термину «активное долголетие» в рамках становления теории активности предшествовал ряд синонимичных, но не идентичных концептов (см. табл. 1). Одним из таких понятий стало «успешное старение» (successful ageing), впервые появившееся в 1961 г. в статье Р. Хэвигерста. Автор определял его как «сохранение как можно более продолжительного периода активности и установок среднего возраста» [Havighurst, 1961: 8]. Поддержание такой деятельности на более поздних этапах жизни было связано с повышением уровня благополучия и качества жизни [Havighurst, 1963]. Наиболее широкое применение термин «успешное старение» получил в 1980—1990-х годах в работах американских геронтологов Дж. Роуи и Р. Кана. Под успешным старением они подразумевают сохранение в старости моделей активности и ценностей, характерных для среднего возраста [Rowe, Kahn, 1987; Rowe, Kahn, 1997]. Это достигается путем отрицания наступления старости и замены утраченных отношений, видов деятельности и ролей среднего возраста новыми для поддержания активности и удовлетворенности жизнью [Walker, 2002]. Если в качестве главного критерия «успешности» старения Р. Хэвигерст признавал удовлетворенность жизнью, то другие последователи применяли иные критерии, например, Дж. Роуи и Р. Кан — предотвращение болезней или инвалидности [Rowe, Kahn, 1997], Н. Франклин и К. Тейт — социальное взаимодействие и физиологическое функционирование [Franklin, Tate, 2009], М. Балтес и П. Балтес — способность адаптироваться к возрастным изменениям [Baltes, Baltes, 1990].

Теория успешного старения была подвергнута критике по ряду обстоятельств, главными из которых стали:

- 1) отрицание неизбежных физических изменений с возрастом (создание идеала жизни «без возраста»);
- 2) упор на количественные характеристики занятости, не учитывающие качество активности в других сферах;
- 3) эксплуатация образа «вечной молодости» (иллюзия «нестареющего»);
- 4) непринятие во внимание этнокультурных особенностей отношения к старости [Liang, Luo, 2012].

Кроме того, в данной концепции не учитывались не только биологические или анатомические ограничения стареющего организма, но также экономические и социальные условия, часто мешающие людям оставаться активными (например, принудительный выход на пенсию и дискриминация по возрасту) [Walker, 2016].

В 1980-х годах вслед за теорией деятельности в работе Р. Батлера и Г. Глисона [Butler, Gleason, 1985], а затем и С. Басса, Ф. Карро и Ю. Чена [Bass, Caro, Chen, 1993], стал применяться термин «продуктивное старение» (productive ageing). Это любая деятельность пожилого человека, в результате которой производятся товары (услуги) или развивается способность их производить, причем независимо от того, продаются они или нет (приносят прибыль или нет). Данная концепция стала ответом на возникающие опасения по поводу экономических затрат на поддержку пожилых людей, выбывших из группы работников [Zaidi, Howse, 2017]. Однако концепция «продуктивного старения» ориентирована преимущественно на производство товаров и услуг и, следовательно, носит инструментальный

и экономический характер [Walker, 2002], но не учитывает немаловажные социально-психологические аспекты.

В ответ на критику концепции успешного старения исследователи Ц. Лян и Б. Луо предложили термин «гармоничное старение» (harmonious ageing), под которым понимается сбалансированное отношение к старости, в частности следование естественным законам своего тела, поддержание спокойствия ума, культивирование чувства гармонии с собой и своим окружением, обретение мудрости при решении проблем и соответствующая адаптация [Liang, Luo, 2012]. По мнению авторов, концепция гармоничного старения направлена на признание проблем и возможностей самой старости, преодоление дисгармонии между телом и разумом, свойственной для теории успешного старения, на учет этнокультурных особенностей старения и отношения к нему.

В начале 1990-х годов Всемирной организацией здравоохранения был введен в оборот термин «здоровое старение» (healthy ageing), характеризующий процесс развития и поддержания функциональной способности, обеспечивающей благополучие в пожилом возрасте. Главные его критерии — физическое и психическое здоровье пожилого человека, продолжительность активной жизни [Marina, Iopas, 2012]. Функциональная способность включает в себя связанные со здоровьем атрибуты, позволяющие людям делать то, что они ценят. Она складывается из внутренних возможностей индивида (индивидуальная жизнеспособность), характеристик окружающей среды и взаимодействий между индивидом и этими характеристиками. Индивидуальная жизнеспособность представляет собой совокупность всех физических и психических способностей, которые человек может использовать в любой момент. Ключевой идеей концепции здорового старения становится понимание того, что ни индивидуальная жизнеспособность, ни функциональная способность не остаются постоянными в течение жизни (как правило, снижаются по мере увеличения возраста), однако, несмотря на это, индивидуальный опыт здорового старения может быть позитивным у любого человека, даже с функциональными нарушениями, если он живет в благоприятных условиях и имеет доступ к приемлемой для него медицинской помощи, которая оптимизирует его жизнеспособность.

В этот же период на международном уровне начал использоваться термин «активное старение» (active ageing), принятый Всемирной организацией здравоохранения в конце 1990-х годов. В отличие от «здорового старения» он имеет более широкий смысл и помимо медицинского обслуживания признает влияние иных факторов на индивидуальное и популяционное старение [Kalache, Kickbusch, 1997]. В 2002 г., ознаменованном проведением Второй всемирной ассамблеи по проблемам старения и принятием Мадридского плана действий по проблемам старения, в публикации «Активное старение: основы политики» ВОЗ определила активное старение как «процесс оптимизации возможностей для здоровья, участия и безопасности в целях повышения качества жизни по мере старения людей»¹. В большинстве зарубежных и отечественных исследований за основу взято данное определение понятия.

¹ Active ageing: A Policy Framework. Geneva: World Health Organization. 2002. P. 12.

Организация экономического развития и сотрудничества (ОЭСР) в 2006 г. дала ему более узкое определение как «способность людей по мере старения вести продуктивную жизнь в обществе и экономике»². Основной акцент в концепции активного старения ОЭСР заключается в поощрении продуктивной деятельности пожилых людей. Однако в нем упускается из виду деятельность по укреплению здоровья и способность к автономной жизни [Sidorenko, Zaidi, 2013: 3].

В документах ВОЗ отмечается, что активное старение направлено на увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни и имеет общую цель повышения качества жизни всех людей по мере их старения, особенно тех, кто слаб, нетрудоспособен и нуждается в уходе³. Данный подход лег в основу современной концепции активного старения, которая содержит в себе основной элемент продуктивного старения с сильным акцентом на качество жизни, психическое и физическое благополучие [Walker, 2002]. Одна из последних трактовок активного старения была предложена в ЕС в Год активного старения и солидарности поколений в 2012 г.: «старение человека в состоянии хорошего здоровья, как полноправного члена общества, чувствующего удовлетворенность работой, более независимого в повседневной жизни и вовлеченного в гражданскую жизнь»⁴.

Как отмечают А. Сидоренко и А. Зайди, термин «активное старение» редко используется в странах СНГ, главным образом из-за того, что он может иметь негативное значение во многих славянских языках. Словосочетание «активное старение» может почти бессознательно включать образ человека, который слишком быстро состарился, ускорил свой жизненный путь. С точки зрения семантики более приемлем термин «активное долголетие» (active longevity). Однако в западной научной и популярной литературе в подавляющем большинстве случаев используется понятие «активное старение» [Sidorenko, Zaidi, 2013], хотя его смысловая нагрузка тождественна активному долголетию.

Необходимость распространения идеи активного долголетия не только на людей преклонного возраста, но и на все остальные возрастные группы была осознана в рамках современной концепции активного старения. Активное долголетие подразумевает понимание жизненной перспективы, учитывающей важное влияние опыта, накопленного на ранних этапах жизни, на характер старения человека в последующем [Голубева, 2015]. Как отмечают специалисты ВОЗ, «вчерашний ребенок — это сегодняшняя взрослая и завтрашняя пожилая (бабушка или дедушка). Качество жизни в пожилом возрасте зависит от тех рисков и возможностей, которые человек испытывал на протяжении всей своей жизни, а также от того, как последующие поколения будут оказывать взаимопомощь и необходимую поддержку» [Kalache, Gatti, 2003: 9].

В докладе «Концепция политики активного долголетия», подготовленном учеными НИУ ВШЭ в 2020 г., активное долголетие определяется как «состояние социального, экономического, физического и психологического благополучия граждан старшего поколения, которое обеспечивает им возможность для удовлетворения

² Live Longer, Work Longer. Paris: OECD. 2006. P. 27.

³ Active ageing: A Policy Framework (2002). Geneva: World Health Organization. P. 12.

⁴ European Year for Active Ageing and Solidarity between Generations. 2012.. P. 6. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/536344/EPRS_IDA\(2015\)536344_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/536344/EPRS_IDA(2015)536344_EN.pdf) (дата обращения: 21.02.2022).

потребностей, включение в различные сферы жизни общества и достигается при их активном участии»⁵.

Таблица 1. Подходы к определению активного старения/долголетия

Термин	Определение	Ученые, организации
Успешное старение (successful ageing)	Сохранение как можно более продолжительного периода активности и установок среднего возраста	Р. Хэвигхерст
	Сохранение в старости моделей активности и ценностей, характерных для среднего возраста	Дж. Роуи, Р. Кан
		Н. Франклин, К. Тейт
Продуктивное старение (productive ageing)	Любая деятельность пожилого человека, которая производит товары или услуги или развивает способность производить их, независимо от того, оплачиваются они или нет	Р. Батлер, Г. Глисон
		С. Басс, Ф. Карро, Ю. Чен
Здоровое старение (healthy ageing)	Процесс развития и поддержания функциональной способности, обеспечивающей благополучие в пожилом возрасте	ВОЗ
Гармоничное старение (harmonious ageing)	Сбалансированное отношение к старости — следование естественным законам своего тела, поддержание спокойствия ума, культивирование чувства гармонии с собой и своим окружением, обретение мудрости решения проблем и соответствующая адаптация	Ц. Лян, Б. Луо
Активное старение/долголетие (active ageing)	Способность людей по мере их старения вести продуктивную жизнь в обществе и экономике	ОЭСР
	Процесс оптимизации возможностей для обеспечения здоровья, участия в жизни общества и защищенности с целью улучшения качества жизни людей по мере их старения	ВОЗ, А. Калаче, А. Гатти
		А. Уолкер
	Старение в состоянии хорошего здоровья в качестве полноправного члена общества, удовлетворенного работой, более независимого в повседневной жизни и вовлеченного в гражданскую жизнь	А. Заиди, К. Хоус
		Европейская экономическая комиссия ООН, А. Заиди и др.
Состояние социального, экономического, физического и психологического благополучия граждан старшего поколения, которое обеспечивает им возможность для удовлетворения потребностей, включение в различные сферы жизни общества и достигается при их активном участии	Л.Н. Овчарова, М.А. Морозова, А.В. Сидоренко, О.В. Синявская, А.А. Червякова	

Источник: составлено авторами.

⁵ Концепция политики активного долголетия: научно-методологический докл. к XXI Агр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 7.

Авторский коллектив данного проекта под активным долголетием понимает социальное явление, включающее распространение среди населения ценностей и поведенческих практик, ориентированных на поддержание в течение всей жизни здоровья и хорошего самочувствия, социальных связей, развитие и сохранение трудовой, творческой и интеллектуальной активности, обеспечивающих самореализацию и удовлетворенность жизнью, с одной стороны, и эффективное использование человеческого потенциала всех возрастных групп населения — с другой. В отличие от большинства исследований по данной тематике, объектом которых становятся люди пожилого возраста, объектом нашего исследования стало все взрослое население, что отражает принципиально важную позицию авторского коллектива, подразумевающую распространение концепции активного долголетия на все этапы жизни человека (*active aging through the life*). Данный подход соответствует идеям концепции общества для всех возрастов, которая еще в 1999 г. была предложена в ходе подготовки к Международному году пожилых людей и в последующем стала основной темой этого года ООН. Исходя из ее положений «общество для всех возрастов призвано обеспечить всем поколениям возможности для взаимной поддержки и совместного использования плодов такой поддержки на основе двух неразделимых принципов взаимности и справедливости»⁶.

Компоненты и факторы активного долголетия

В рамках современной концепции активного старения/долголетия эксперты ВОЗ выделяют три его ключевых компонента: здоровье, социальное участие и безопасность⁷ (см. табл. 2). Здоровье включает физическое и психическое здоровье, а также социальное благополучие. В рамках социального благополучия выделяется трудовая и социальная активность. Безопасность включает безопасность жизнедеятельности и финансовую безопасность [Zasimova, Sheluntcova, 2014]. В 2015 г. президент Международного центра долголетия Бразилии А. Калаче предложил четвертый элемент активного долголетия — обучение на протяжении всей жизни (непрерывное образование). В сравнении с формальным образованием и приобретением знаний, связанных с работой, это более инклюзивный подход к обучению на протяжении всей жизни, нацеленный на уменьшение уязвимости, в частности, среди пожилых людей [Paúl, Lopes, 2016].

Различия в подходах к трактовке «активного старения» и его компонентов наблюдаются на национальном уровне [Sidorenko, Zaidi, 2013]. Так, Департамент здоровья и старения Австралии выделяет пять элементов активного старения: финансовую безопасность, социальную, умственную и физическую активность и участие в рабочей силе⁸. Канадское агентство общественного здравоохранения обозначает следующие составляющие: безопасное жилье; адекватное пита-

⁶ United Nations. Report of the Secretary-General «Conceptual Framework for the Preparation and Observance of the International Year of Older Persons in 1999» (A/50/114). New York: United Nations, 1995. Цит по: [Сидоренко, 2019: 36].

⁷ Active ageing: A Policy Framework (2002). Geneva: World Health Organization. P. 45.

⁸ The Australian Government Department of Health and Ageing by the Healthpact Research Centre for Health Promotion and Wellbeing. A Review of the Literature on Active Ageing. The Australian Government Department of Health and Ageing by the Healthpact Research Centre for Health Promotion and Wellbeing, Canberra, Australia, 2006. Цит. по: [Sidorenko, Zaidi, 2013: 2].

ние; соответствующий транспорт и социальная сеть; доступ к информации, здравоохранению и социальным услугам⁹.

А. Заиди с соавторами, разработавшие индекс активного старения (Active aging index, AAI), выделяют следующие компоненты: занятость; участие в жизни общества; независимую, здоровую и безопасную жизнь; потенциал и благоприятные условия для активного старения. Если первые три компонента показывают опыт активного и здорового старения, то четвертый — обеспечение благоприятных условий для активного и здорового старения [Zaidi, Howse, 2017; Zaidi, 2020]. То есть первые три составляющие отражают текущую ситуацию в части активного долголетия, тогда как четвертый — потенциал развития (готовность к активному долголетию). Данный подход применяется и в отечественных исследованиях активного долголетия, базирующихся на методике расчета индекса AAI [Varlamova, Ermolina, Sinyavskaya, 2017; Barysheva et al., 2018].

Таблица 2. Подходы к структуре активного старения/долголетия

Компоненты активного долголетия	Ученые, организации
— Здоровье: физическое и психическое здоровье, социальное благополучие. — Социальное участие: трудовая и социальная активность, участие в социальной, экономической, культурной, гражданской и духовной жизни общества. — Безопасность: финансовая безопасность и безопасность жизнедеятельности.	ВОЗ
	А. Сидоренко, А. Заиди
	Л. Засимова, М. Шелунцова
— Здоровье. — Социальное участие. — Безопасность. — Обучение на протяжении всей жизни (непрерывное образование).	Международный центр долголетия Бразилии (А. Калаче)
— Финансовая безопасность. — Социальная активность. — Умственная активность. — Физическая активность. — Участие в рабочей силе.	Департамент здоровья и старения Австралии
— Безопасное жилье. — Адекватное питание. — Соответствующий транспорт и социальная сеть. — Доступ к информации, здравоохранению и социальным услугам.	Канадское агентство общественного здравоохранения
— Занятость. — Участие в жизни общества. — Независимая, здоровая и безопасная жизнь. — Потенциал и благоприятные условия для активного старения.	Европейская экономическая комиссия ООН, А. Заиди и др.
	О. Синавская, А. Ермолина, М. Варламова
	Г.А. Барышева, Е.А. Фролова, В.А. Маланина, Е.А. Таран

Источник: составлено авторами.

⁹ Public Health Agency of Canada, «A guide for the development of a comprehensive system of support to promote active ageing,» in A Review of the Literature on Active Ageing, The Australian Government Department of Health and Ageing by the Healthpact Research Centre for Health Promotion and Wellbeing, 2003. Цит. по: [Sidorenko, Zaidi, 2013: 2].

Всемирная организация здравоохранения разделяет детерминанты активного долголетия на шесть групп: факторы, связанные с оказанием медицинских услуг и социальной помощи; поведенческие факторы; личностные; социальные; экономические факторы и факторы физической среды¹⁰ (см. табл. 3). Кроме того, эксперты ВОЗ отдельно обозначают межсекторальные (сквозные) детерминанты активного долголетия — культуру и гендер. Культура, окружающая индивидов и популяции, формирует то, как мы стареем, поскольку она влияет на все другие детерминанты активного старения. Культурные ценности и традиции в значительной степени определяют отношение в обществе к пожилым, в том числе политику в их отношении, характер межпоколенческих взаимосвязей, здоровьесберегательное поведение и т. д. Кроме того, существуют важнейшие общечеловеческие ценности, выходящие за рамки культуры, такие как этика и права человека. Отдельно стоит учитывать гендер как своеобразную «линзу», через которую можно рассматривать целесообразность различных вариантов политики и то, как они повлияют на благосостояние как мужчин, так и женщин.

В ходе эмпирической проверки модели детерминант активного старения/долголетия ВОЗ португальские исследователи К. Пауль, О. Рибейро и Л. Тейшейра в 2012 г. предложили собственную классификацию. Первой и самой главной детерминантой активного долголетия в ней выступает здоровье, включающее функциональные возможности организма, количество диагнозов (хронических заболеваний), образ жизни и самовосприятие здоровья. Эта компонента была получена в результате объединения двух детерминант ВОЗ — фактора здравоохранения и социальных услуг с поведенческими детерминантами. Вторая группа факторов — личностные, разделяется на несколько компонентов: психологический, когнитивный, собственно личностный и биоповеденческий. Психологический фактор включает как отрицательные (психологический стресс, одиночество и невротизм), так и положительные (счастье, качество жизни — окружающая среда и оптимизм) аффекты. В эту группу как переменную воспринимаемого субъективного благополучия перешли физические детерминанты и факторы физической среды ВОЗ. Когнитивный компонент показывает важность заработной платы, образования, зрения и умственной деятельности. В него были перенесены экономические детерминанты по модели ВОЗ. Биоповеденческий фактор, включающий способность к дыханию и силу захвата воздуха легкими, ясно показывает важность биологических аспектов в процессе старения. Детерминанта «социальные отношения», объединяющая в себе семью, друзей и доверенных лиц, иллюстрирует значимость социальных сетей для качества жизни пожилых людей. Личностная компонента была сведена к экстраверсии и открытости новому опыту. Только социальные детерминанты в соответствии с классификацией ВОЗ остались независимым фактором, получившим название «социальные отношения». Ученые пришли к выводу, что наиболее важные детерминанты активного старения организованы в фактор здоровья, причем как субъективно воспринимаемого, так и объек-

¹⁰ Active ageing: A Policy Framework. 2002. Geneva: World Health Organization. P. 19.

тивного здоровья и независимого функционирования, а также в фактор, проявляющийся в личностных детерминантах — психологическом стрессе, одиночестве, личностных характеристиках, ощущении счастья и оптимизма, которые имеют большое значение для индивидуальной активной адаптации к процессу старения [Paúl, Ribeiro, Teixeira, 2012].

Отдельно подчеркивается важность учета помимо объективных субъективных факторов активного долголетия. Так, португальские ученые К. Пауль, О. Рибейро, Л. Тейшейра [ibid.] доказывают главенствующую роль субъективного психологического фактора в процессе активного старения. Как отмечают исследователи, разница между пожилыми людьми, стареющими активно или, напротив, неактивно, может варьироваться в зависимости от их психологических характеристик и статуса, которые позволяют им справляться со спадами, связанными со старением, «смотреть вперед» и сохранять позитивный взгляд на жизнь. Поддерживая активность в широком смысле, пожилые люди преодолевают трудности и обеспечивают высокую мотивацию к участию в социальной жизни, ведению здорового образа жизни, что в конечном счете повышает качество жизни в процессе старения [ibid.].

В отечественных работах встречаются другие классификации детерминант активного старения/долголетия. Например, М. А. Савенко выделяет четыре фактора: социальный статус, состояние здоровья, физическую работоспособность и психическое состояние [Савенко, 2009]. При этом акцент в исследовании делается на факторах здоровья и двигательной активности.

В исследовании вологодских долгожителей 2016 г., в котором приняли участие авторы данной статьи, детерминанты активного долголетия подразделялись на генетические, географические и природно-климатические, поведенческие (образ жизни), социально-экономические и институциональные. В ходе эмпирического социологического исследования (серии глубинных интервью) было доказано, что наибольшую значимость и вклад в увеличение продолжительности (активной!) жизни имеют не биологические (генетические) или географические, а поведенческие факторы, такие как физическая активность, сбалансированное питание и правильный режим дня, отсутствие вредных привычек, вовлеченность в общественную деятельность и широта социальных связей, высокая трудовая активность [Калачикова и др., 2016].

В данной работе среди ключевых компонентов активного долголетия рассматриваются: здоровье, занятость (трудовая деятельность), социальные связи, досуг и увлечения, непрерывное образование и саморазвитие (см. рис. 1). В рамках предлагаемого подхода факторы активного долголетия подразделяются на внутренние, связанные с поведением человека (установки, мотивы и действия), и внешние, отражающие условия среды (доступность инфраструктуры, общественное одобрение, уровень жизни). При этом большое значение для понимания роли разнообразия проявлений взаимодействия поведенческих стратегий и окружающей среды в приверженности активному долголетию имеет учет соотношения его внутренних и внешних факторов [Короленко, 2022].

Таблица 3. Подходы к классификации факторов активного старения/долголетия

Факторы активного долголетия	Ученые, организации
<p>1) Система здравоохранения и социального обслуживания (содействие сохранению здоровья и профилактике заболеваний; медицинское обслуживание; долговременный уход; психиатрическая помощь).</p> <p>2) Поведенческие (курение, физическая деятельность, прием пищи, гигиена полости рта, алкоголь, лекарства).</p> <p>3) Личностные (биология, генетика и психологические факторы).</p> <p>4) Физическая среда (дружественная среда, безопасный дом, падения, отсутствие загрязнения).</p> <p>5) Социальные (социальная поддержка, отсутствие насилия и жестокого обращения, образование).</p> <p>6) Экономические (заработная плата, социальная безопасность, занятость)</p> <p>+ культура и гендер — межсекторальные факторы.</p>	<p>ВОЗ, Европейская комиссия</p>
<p>1) Здоровье: функциональные возможности, объективное (наличие хронических болезней) и субъективное (самооценка, образ жизни) здоровье (слияние поведенческого фактора и фактора здравоохранения и социальных услуг модели ВОЗ).</p> <p><u>Личностные детерминанты.</u></p> <p>2) Психологические факторы: отрицательный — психологический стресс, одиночество и невротизм, положительный — счастье, качество жизни — окружающая среда и оптимизм (фактор физической среды ВОЗ).</p> <p>3) Когнитивные факторы: важность заработной платы, образования, зрения и умственной деятельности (экономический фактор ВОЗ).</p> <p>4) Личностные: экстраверсия и открытость новому опыту.</p> <p>5) Биоповеденческие: способность к дыханию и сила захвата.</p> <p>6) Социальные отношения: семья, друзья и доверенные лица.</p>	<p>К. Пауль, О. Рибейро, Л. Тейшейра</p>
<p>1) Социальный статус.</p> <p>2) Состояние здоровья.</p> <p>3) Физическая работоспособность.</p> <p>4) Психическое состояние.</p>	<p>М.А. Савенко</p>
<p>1) Генетические (наследственность).</p> <p>2) Географические, природно-климатические.</p> <p>3) Образ жизни, поведенческие стереотипы: — физическая активность (занятия физкультурой и спортом); — характер питания (режим и рацион питания); — «вредные привычки»; — медицинская активность; — преодоление стресса; — трудовая активность; — социальная активность (общественная деятельность, социальные связи).</p> <p>4) Социально-экономические и институциональные: — уровень жизни и жилищные условия; — деятельность институтов и социальных служб.</p>	<p>О.Н. Калачикова, В. Н. Барсуков, А. В. Короленко, Е. Б. Шулепов</p>

Источники: составлено авторами.

Рис. 1. Схема компонентов и факторов активного долголетия¹¹

Методики оценки активного долголетия

В российской практике исследований старения сложилось представление, что «активное долголетие» наряду с такими понятиями, как «субъективное благополучие», «удовлетворенность жизнью» и «качество жизни», является компонентом комплексного понятия «благополучие» [Павлова, Гуменников, Монастырский, 2017]. Отечественные исследователи отмечают, что «термин „активное долголетие“ затрагивает не только возрастную группу лиц 60 лет и старше, но трактуется как процесс, участие в котором начинается с момента вступления индивида в трудоспособный возраст» [там же]. В то же время наиболее известные методики измерения активного долголетия охватывают старшие возрастные группы населения. Это методологическое противоречие приводит к необходимости пересмотреть подход к оценке активного долголетия.

Наиболее известная международная методика измерения активного долголетия — Индекс активного долголетия (Active Ageing Index — AAI). Для его расчета используются данные репрезентативных выборочных опросов населения в странах мира. Для Евросоюза это исследования European Social Survey (ESS)¹², European Health and Life Expectancy Information System (EHLEIS)¹³, European Union Labour Force Survey (EU LFS)¹⁴, European Quality of Life Surveys (EQLS)¹⁵, European Union

¹¹ Источник: составлено авторским коллективом проекта.

¹² European Social Survey. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/>.

¹³ EHLEIS — European Health and Life Expectancy Information System. URL: <http://www.eurohex.eu/index.php?option=welcome> (дата обращения: 21.02.2022).

¹⁴ European Union Labour Force Survey. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/microdata/european-union-labour-force-survey> (дата обращения: 21.02.2022).

¹⁵ European Quality of Life Surveys. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/surveys/european-quality-of-life-surveys> (дата обращения: 21.02.2022).

Statistics on Income and Living Conditions (EU-SILC)¹⁶. В состав интегрального индекса входят четыре субиндекса, характеризующие занятость граждан старшего поколения, социальное участие, здоровье, независимость и безопасность жизнедеятельности, а также возможности активного и здорового долголетия. Каждый субиндекс рассчитывается по формуле средневзвешенного арифметического. Веса переменным присваиваются согласно экспертной оценке. При объединении четырех субиндексов в интегральный показатель используется аналогичная формула, за исключением весовых коэффициентов, которые принимают новые значения. Обоснование выбора весов является наиболее сложной проблемой при расчете интегрального индекса активного долголетия. Авторы методики AAI отмечают, что на первых этапах для определения вклада каждого из четырех доменов в интегральный индекс при расчетах использовались равные весовые коэффициенты. Но впоследствии в свете новых рекомендаций экспертов от этого решения отказались. В обновленной методике каждому показателю стали присваиваться собственные весовые коэффициенты. Также и при агрегировании субиндексов в интегральное значение каждый из них умножался на собственный весовой коэффициент¹⁷.

Другая известная международная методика оценки активного долголетия — Глобальный индекс наблюдения за старением (Global Age Watch Index — GAWI)¹⁸. Этот индекс рассчитывается на основе статистических данных международных организаций: ООН, ВОЗ, МОТ, Института измерения и оценки здоровья (исследование «Глобальное бремя болезней» — «Global burden of disease»)¹⁹.

В работе М. Варламовой с соавторами [Varlamova, Ermolina, Sinyavskaya, 2017] подробно рассмотрены преимущества и недостатки международных методик оценки активного долголетия. Авторы отмечают, что недостатком методики расчета индекса GAWI является ее изначальная ориентированность на оценку благополучия и качества жизни пожилых людей при отсутствии модуля, позволяющего определить перспективы реализации человеческого потенциала старшего поколения в будущем. Положительная роль данного индекса состоит, на их взгляд, в акцентировании внимания власти на проблемах демографического развития и создания благоприятных условий для активного долголетия. При этом методика AAI включает соответствующий блок показателей (домен 4), что служит ее весомым преимуществом.

Детальный критический анализ международных методик расчета индексов активного долголетия представлен также в работе И. Павловой и коллег. Проведено сравнение двух индексов: AAI и GAWI, — по критериям их целевой аудитории, кругу решаемых задач, методике расчета и используемых для них источников данных [Павлова, Гуменников, Монастырный, 2017] (см. табл. 4).

¹⁶ European Union Statistics on Income and Living Conditions. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/microdata/european-union-statistics-on-income-and-living-conditions> (дата обращения: 21.02.2022).

¹⁷ Choice of the aggregation methodology for the AAI. URL: <https://statswiki.unecp.org/display/AAI/Choice+of+the+aggregation+methodology+for+the+AAI> (дата обращения: 21.02.2022).

¹⁸ Global Age Watch Index. Sources. URL: <http://www.globalagewatch.org/about/sources/> (дата обращения: 21.02.2022).

¹⁹ Global Burden of Disease (GBD). URL: <https://www.healthdata.org/gbd/2019> (дата обращения: 21.02.2022).

Таблица 4. Показатели и источники данных для расчета международных индексов активного долголетия

Active Ageing Index			Global Age Watch Index		
№	Переменные	Источники данных	№	Переменные	Источники данных
1	Уровень занятости в возрастных группах: 55—59 лет 60—64 лет 64—69 лет 70—74 лет	European Union Labour Force Survey	1	Охват пенсионным доходом	http://www.worldbank.org
2	Добровольческая деятельность	European Quality of Life Surveys (EQLS): http://eurofound.europa.eu	2	Уровень бедности в старости	http://www.worldbank.org , http://stats.oecd.org
3	Забота о детях, внуках		3	Относительное благосостояние пожилых людей	http://www.worldbank.org , http://ec.europa.eu/eurostat , http://stats.oecd.org
4	Уход за пожилыми людьми		4	ВВП на душу населения	http://www.worldbank.org
5	Участие в политической жизни		5	Продолжительность жизни	http://www.who.int/en
6	Физические упражнения		Special Eurobarometer 334 (European Commission, 2010): http://ec.europa.eu	6	Продолжительность здоровой жизни в 60 лет
7	Доступ к услугам здравоохранения и стоматологической помощи	European Union Statistics on Income and Living Conditions. http://www.eui.eu	7	Психологическое благополучие	https://worldview.gallup.com
8	Независимые условия проживания		8	Занятость пожилых людей	www.ilo.org , http://data.un.org
9	Относительный средний доход		9	Уровень образования пожилых людей	http://barrolee.com
10	Риск бедности			Социальные связи	https://worldview.gallup.com
11	Отсутствие жестких материальных лишений			Физическая безопасность	
12	Физическая безопасность	European Social Survey 2010: http://www.europeansocialsurvey.org		Гражданские свободы	
13	Непрерывное обучение	European Union Labour Force Survey (EU LFS)—Eurostat: http://ec.europa.eu		Доступность общественного транспорта	

Active Ageing Index			Global Age Watch Index		
№	Переменные	Источники данных	№	Переменные	Источники данных
14	Потенциал активной жизни после 55 лет	European Health and Life Expectancy Information System: http://www.chemu.eu			
15	Доля здоровых лет в оставшиеся годы жизни в возрасте 55 лет				
16	Психическое благополучие	European Quality of Life Surveys (EQLS): http://eurofound.europa.eu			
17	Использование ИКТ	Eurostat, ICT Survey: http://ec.europa.eu			
18	Социальная связанность	European Social Survey (core questionnaire): http://www.europeansocialsurvey.org			
19	Уровень образования пожилых людей	European Union Labour Force Survey (EU LFS)—Eurostat: http://ec.europa.eu			

Составлено по: [Павлова, Гуменников, Монастырский, 2017].

Из представленных данных следует, что индекс AAI в большей степени ориентирован на исследование ситуации, сложившейся в Европе, тогда как GAWI опирается на базы данных, имеющие более широкий международный охват. В то же время GAWI делает более выраженный акцент на благополучии пожилых людей, связанном с состоянием здоровья, доступностью и качеством медицинской помощи для граждан пожилого возраста.

В странах, не охваченных международными наблюдениями, неоднократно предпринимались попытки создать национальные индексы активного долголетия. Основными ориентирами для исследователей при этом оставались международные индексные методики. Первоочередной методологической задачей в подобных работах выступает обеспечение допустимости сравнения результатов с показателями активного долголетия, полученными с применением международной методики. Сама же необходимость создания национальных методик продиктована тем, что имеющиеся международные методики либо не охватывают значительное число стран (AAI), либо отличаются неполнотой спектра учитываемых показателей активного долголетия (GAWI). Применительно к методике AAI серьезную методологическую сложность представляет пересмотр, выбор и обоснование новых весовых коэффициентов. Этот этап адаптации методики необходим вследствие того, что иной, чем в Европе, социокультурный контекст меняет относительную значимость отдельных характеристик активного долголетия.

Принятие международной методики за основу национального индекса активного долголетия сопряжено с выбором аналогичного дизайна исследования. Так,

коллектив авторов из Тайваня, работая над собственной методикой, при решении научной задачи присвоения весов элементарным показателям и доменам в составе интегрального индекса обратился к опросу экспертов (использовался опросник Delphi), как это было сделано и при создании оригинальной методики AAI. В экспертную группу вошли 25 представителей власти, научного сообщества и промышленного производства. В рамках фокус-групповых исследований также были изучены мнения пожилых граждан. В тайваньской методике, в отличие от европейской, 33 элементарных показателя, хотя принцип их группировки по четырем доменам сохранен. На практике исследователи предлагают использовать разработанный ими индекс в рамках совершенствования национальной политики в области активного долголетия [Hsu et al., 2019]. В целом алгоритм создания модифицированного национального индекса активного долголетия, продемонстрированный данной группой исследователей, практически полностью соответствует плану, предложенному в руководстве по вычислению AAI, адаптированного для неевропейских стран²⁰. Это обеспечивает возможность проведения сравнительного анализа показателей активного долголетия в Тайване и странах Европы.

Изучение и учет мнений самих пожилых людей в процессе разработки национального индекса активного долголетия можно назвать сложившимся исследовательским принципом в данной сфере. Так, работа Д.В.Х. Ау, Дж. Ву и А. Заиди [Au, Woo, Zaidi, 2021] освещает результаты подготовительного этапа создания индекса активного долголетия, применимого для стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Ключевую роль в определении перечня используемых переменных и их относительной значимости (весовых коэффициентов) для общего показателя активного долголетия играет выявление мнений пожилых людей в рамках фокус-групповых исследований. Именно такой подход, по мнению авторов, позволяет учесть отличающийся от Европы социокультурный контекст, оказывающий влияние на возможности и характеристики активного долголетия [ibid.].

Для стран Европы, в свою очередь, актуальную научную проблему представляет собой разработка адаптированных методик оценки активного долголетия на субнациональном уровне. Примером такой работы может служить исследование В. Родригес-Родригес с соавторами [Rodríguez-Rodríguez et al., 2017], целью которого выступала разработка индекса активного долголетия, применимого для регионов Испании. Препятствия, с которыми столкнулись авторы, касались главным образом качества, полноты охвата и сопоставимости региональных данных о старении с данными национального уровня. Алгоритм построения индекса также в целом повторял шаги оригинальной методики [ibid.].

Встречаются работы, непосредственно направленные на совершенствование оригинальной методики расчета индекса активного долголетия (AAI). Например, коллектив сербских исследователей [Djurovic et al., 2017] предложил усовершенствовать используемую процедуру взвешивания показателей. В качестве альтернативы экспертному методу присвоения весовых коэффициентов в работе рассматривается двухэтапный подход CIDI (метод статистического композитного показателя I-расстояния). Преимуществом данного метода, как утверждают

²⁰ Active Ageing Index (AAI). Guidelines. UNECE. URL: https://www.unecce.org/fileadmin/DAM/pau/age/Active_Ageing_Index/AAI_Guidelines_final.pdf (дата обращения: 21.02.2022).

авторы, служит возможность объективно определить, какие из показателей/доменов наиболее значимы для процесса ранжирования. Это позволяет вычислять статистически обоснованные веса и полностью исключить влияние субъективного фактора на результаты расчетов [ibid.].

В России, как и во многих других государствах, применение готовых международных методик для оценки активного старения сопряжено с некоторыми методическими проблемами. Главная из них — фрагментированность временного ряда наблюдений вследствие того, что Россия не принимает участия в международных обследованиях, за исключением некоторых волн Европейского социального исследования (ESS) [Павлова, Гуменников, Монастырный, 2017]. Решить эту проблему могла бы адекватная замена информационной базы для расчета индекса. Но это потребует некоторой модификации самой методики, что, безусловно, снизит возможности сопоставления полученных расчетных значений российского индекса со значениями по странам Евросоюза.

Предпринимались попытки адаптации международных методик расчета индекса активного долголетия к российским реалиям. Основная методологическая сложность такой процедуры состоит в необходимости обеспечения максимальной сопоставимости исходных данных для расчетов. Проблема возникает вследствие того, что Российская Федерация не принимает регулярного участия в международных социологических исследованиях, которые служат ключевыми информационными источниками для расчета Индекса активного долголетия по странам Европейского региона. Использование данных выборочных обследований Росстата существенно снижает возможность международных сравнений. Помимо этих очевидных ограничений возникает также проблема учета региональной дифференциации показателей, характеризующих компоненты активного долголетия [Фролова и др., 2019].

В работе М. Варламовой с соавторами [Varlamova, Ermolina, Sinyavskaya, 2017] на основе методики AAI предпринята попытка рассчитать индекс активного долголетия для России. Подбирая исходные данные для расчета интегрального индекса, авторы опирались на принцип достижения наибольшего из возможного сходства формулировок вопросов в российских социологических опросах и международных исследованиях, используемых в оригинальной методике (см. табл. 5).

В исследовании М. Варламовой с соавторами были выявлены несколько ключевых методологических проблем, которые необходимо решить при разработке методики оценки активного долголетия, адаптированной к российским данным. К их числу относятся:

- 1) зависимость рангов значений элементарных переменных индекса от формулировок вопросов в социологических исследованиях;
- 2) межстрановые различия субъективной значимости отдельных компонент активного долголетия, что вызывает необходимость присвоения разных весов факторам, имеющим различное значение в России по сравнению с европейскими странами;
- 3) переоценка значимости благоприятной среды для активного долголетия (применительно к России) из-за особенностей учета в интегральном индексе показателей ОПЖ и ОПЗЖ;

4) необходимость расширения перечня индикаторов в составе интегрального индекса для лучшего учета страновой специфики факторов активного долголетия;

5) нехватка сопоставимых данных об активном долголетии (Россия не участвует в ряде крупных международных социологических исследований, которые служат информационной базой для расчета Индекса активного долголетия, при этом отечественные исследования, которые могли бы составить альтернативу этим источникам, проводятся по другим методикам и с другой периодичностью) [Varlamova, Ermolina, Sinyavskaya, 2017].

Таблица 5. Источники данных для расчета интегрального индекса активного долголетия

Источники данных в оригинальной методике	Источники данных в адаптированной методике
Обследование рабочей силы ЕС — EU Labour Force Survey (EU-LFS, 2010, 2011)	Всероссийская перепись населения — Russian Population Census (2010, микроданные)
Европейское исследование качества жизни — European Quality of Life Survey (EQLS, 2010)	Третья волна Российского исследования «Поколения и гендер» — 3rd wave of Russian Generations and Gender Survey (GGS, 2011)
Обследование доходов и условий жизни ЕС — EU Survey of Income and Living Conditions (EU-SILC, 2010)	Комплексное наблюдение условий жизни населения — Comprehensive Monitoring of Living Conditions of the Population (CMLC, 2011)
Европейское социальное исследование — European Social Survey (ESS, 2010),	Две волны Европейского социального исследования — two rounds of European Social Survey (ESS, round 5, 2010; round 6, 2012)
Обзор ИКТ Евростата — Eurostat ICT Survey (2010)	Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ — Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS, round 19, 2010)
Европейская информационная система здоровья и ожидаемой продолжительности жизни — European Health and Life Expectancy Information system (EHLEIS, 2010)	База данных о смертности — Human Mortality Database (HDM, 2010)
	Данные Института показателей и оценки здоровья — Data of the Institute for Health Metrics and Evaluation (IHME, 2010)

Составлено по: [Varlamova, Ermolina, Sinyavskaya, 2017].

Как было показано выше, методика Индекса активного долголетия подвергается критике, особенно в связи с выбранным способом взвешивания элементарных показателей в составе интегрального индекса. Ввиду этой и других методических проблем, в основу разрабатываемых национальных индикаторов активного долголетия не всегда закладывают именно эту методику. Примером оригинального решения проблемы разработки интегрального показателя активного долголетия для России является работа С. М. Дэвис [Davis, 2018]. Автор принимает в качестве концептуального и методического ориентира Глобальный индекс наблюдения за старением. Отмечается, что работа с российскими данными требует модификации существующей методики, особенно при решении поставленных в исследовании задач, связанных с проведением ретроспективного сравнительного анализа условий жизни и возможностей реализации потенциала пожилых людей в возрасте 60 лет (когорты 1930, 1935, 1940, 1950, 1960 гг. рождения).

Для того чтобы получить достоверное представление о том, как менялось положение пожилых людей, их возможности участия в социальной жизни, развития и реализации собственного потенциала на протяжении периода с 1990 по 2015 г., автором была разработана оригинальная методика расчета Индекса человеческих возможностей пожилых людей в России (Human Capabilities of the Elderly in Russia Index — HCERI). Последовательность шагов при расчете предлагаемого индекса практически точно повторяет шаги расчета индекса GAWI:

- 1) индикаторы преобразуются таким образом, чтобы они принимали возрастающие положительные значения;
- 2) проводится нормализация полученных показателей, чтобы область их значений ограничивалась диапазоном от 0 до 1;
- 3) рассчитываются субиндексы по формуле средневзвешенного геометрического: значения элементарных переменных, входящих в домен, последовательно возводятся в степень, равную ее весовому коэффициенту, а затем полученные значения перемножаются, из полученного произведения извлекается корень соответствующей степени;
- 4) по формуле среднего геометрического рассчитывается интегральный индекс человеческих возможностей пожилых людей (вклад каждого из пяти субиндексов в интегральный показатель принимается равным, поэтому взвешивание не производится).

В отличие от GAWI в предложенном индексе HCERI пять доменов: образование и занятость (education and work training — EW), гарантированный доход (income security — IS), благоприятная среда (enabling environment — EE), медицинская помощь (medical care — MC), состояние здоровья (health status — HS) [Davis, 2018]. Цель создания индекса, по словам его автора, заключалась в том, чтобы «измерить возможности различных возрастных когорт пожилых людей в одной стране за тридцатилетний период, а не сравнить характеристики пожилых людей в современный период во многих странах» [ibid.: 165], в связи с чем ключевым принципом отбора показателей выступала измеримость посредством доступных российских данных, прежде всего официальной статистики. Концептуальную основу создания HCERI составила теория человеческих возможностей А. Сена, которая делает акцент на том, какими стартовыми условиями располагают индивиды и как используют их для достижения собственного благополучия. Полученный индекс, в отличие от интегральных индикаторов, построенных по аналогии с AAI или GAWI, также включает блок показателей, характеризующих доступность и качество медицинской помощи, которые являются важнейшими индикаторами возможностей населения в достижении наилучшего состояния здоровья. Названные качества позволяют говорить о том, что полученный индекс наиболее близок к решению задачи по созданию интегрального индикатора активного долголетия, применимого для населения России.

Учитывая российский и зарубежный опыт построения национальных методик расчета индекса активного долголетия, можно констатировать, что подобная научная проблема решается, но требует четкого понимания специфики действия факторов активного долголетия в конкретной стране (или регионе) и текущей ситуации в области активного долголетия.

Заключение

Предлагаемый в данном исследовании теоретико-методологический подход заключается в понимании активного долголетия как социального явления, включающего распространение среди населения ценностей и поведенческих практик, ориентированных на поддержание в течение всей жизни здоровья и хорошего самочувствия, социальных связей, а также на развитие и сохранение трудовой, творческой и интеллектуальной активности, обеспечивающих самореализацию и удовлетворенность жизнью, с одной стороны, и эффективное использование человеческого потенциала всех возрастных групп населения — с другой.

Применение выбранного теоретико-методологического подхода предполагает проведение оценки влияния внешних и внутренних факторов на возможности достижения активного долголетия в разрезе демографических групп населения. Обзор известных методик активного долголетия показал, что их перенос в российские реалии сопряжен с целым спектром проблем. Это необходимость учета специфики российских статистических показателей и результатов выборочных обследований населения, характеризующих компоненты активного долголетия, наличие существенной дифференциации параметров социально-экономического и демографического развития регионов страны, а также выбора компонентов, используемых для оценки интегрального показателя активного долголетия. Отдельным вопросом остается способ взвешивания вклада элементарных компонент в величину интегрального показателя. Выявлено, что близок к решению задачи по созданию интегрального индикатора активного долголетия для России Индекс человеческих возможностей пожилых людей (HCERI), разработанный М. Дэвисом [Davis, 2018]. Однако данная методика ориентирована именно на пожилых людей, что препятствует ее использованию для оценки перспектив достижения активного долголетия населением более молодых возрастных групп. В целом проведенное исследование продемонстрировало лакуны в методических разработках, позволяющих оценить возможности достижения активного долголетия российского населения с позиции его детерминации. Эти обстоятельства определяют востребованность индексной методики соотношения внутренних и внешних факторов активного долголетия, разрабатываемой авторами в рамках выполнения грантового проекта (№ 20—511—00036 Бел_а «Внедрение концепции активного долголетия в России и Беларуси в условиях необратимости демографического старения»).

Цель обеспечения активного долголетия населения страны может быть достигнута при комплексном подходе к его пониманию как элементу качества жизни и фактору сохранения высокой социально-экономической активности в старших возрастах. Активное долголетие как концепция политики, направленная на улучшение качества и продолжительности жизни населения должно включать в себя ориентиры по формированию благоприятных условий для ведения соответствующего образа жизни всеми возрастными группами населения в сферах здоровья, образования, профессиональной деятельности, социальных связей и досуга. При этом в концепции должна учитываться специфика сочетания внутренних и внешних факторов активного долголетия в разных возрастных группах населения, а также предусматриваться меры по регулированию их влияния. Такой подход обеспечит максимальный охват населения идеями и практиками активного

долголетия, что является необходимым условием роста продолжительности здоровой и активной жизни.

Список литературы (References)

Голубева Е. Ю. Современные направления научно-практических исследований политики активного и здорового долголетия: опыт и перспективы // Успехи геронтологии. 2015. Т. 28. № 4. С. 634—638.

Golubeva E. Yu. (2015) Modern Directions of Scientific and Practical Research of the Policy of Active and Healthy Longevity: Experience and Perspectives. *Advances in Gerontology*. Vol. 28. No. 4. P. 634—638. (In Russ.)

Калачикова О. Н., Барсуков В. Н., Короленко А. В., Шулёпов Е. Б. Факторы активного долголетия: итоги обследования вологодских долгожителей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5. С. 76—94. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.5.47.4>.

Kalachikova O. N., Barsukov V. N., Korolenko A. V., Shulepov E. B. (2016) Determinants of Active Longevity: Results of a Survey of Vologda Long-Livers. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. No. 5. P. 76—94. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.5.47.4>. (In Russ.)

Короленко А. В. Активное долголетие в жизненных практиках населения Вологодской области // Социальное пространство. 2022. Т. 8. № 1. <https://doi.org/10.15838/sa.2022.1.33.2>.

Korolenko A. V. (2022) Active Longevity in the Life Practices of the Vologda Oblast Population. *Social Area*. Vol. 8. No. 1. <https://doi.org/10.15838/sa.2022.1.33.2>. (In Russ.)

Павлова И. А., Гуменников И. В., Монастырный Е. А. Международные интегральные индексы как сравнительные методики макроуровня в оценке благополучия пожилого населения // Вестник науки Сибири. 2017. № 1. С. 47—66.

Pavlova I. A., Gumennikov I. V., Monastyrny E. A. (2017) International Composite Indices as Comparative Methods of Macro Level for Evaluation of the Elderly Population's Well-Being. *Siberian Journal of Science*. No. 1. P. 47—66. (In Russ.)

Савенко М. А. Детерминанты активного долголетия людей пожилого возраста : автореф. дис. ... доктора медицинских наук. Санкт-Петербург, 2009.

Savenko M. A. (2009) Determinants of Active Longevity of Elderly People: Extended Abstract of the PhD Dissertation in Medical Sciences. St. Petersburg. (In Russ.)

Сидоренко А. В. (2019) Мадридский международный план действий по проблемам старения: адаптация к стареющему обществу // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. Вып. 17: Социальное обслуживание граждан пожилого возраста и инвалидов трудоспособного возраста / под ред. В. А. Барабохиной, Т. В. Бондаренко, М. М. Бубновой, Р. Г. Казаковой, М. Л. Приваловой, Н. И. Сергеевой. СПб.: СПб ГБУ «Городской информационно-методический центр «Семья». С. 33—44.

Sidorenko A. V. (2019) Madrid International Plan of Action on Aging: Adaptation to an Ageing Society. In: Barabokhina V. A., Bondarenko T. V., Bubnova M. M., Kazakova R. G.,

Privalova M. L., Sergeeva N. I. (eds.) *Social Service for Families and Children: Scientific and Methodical Collection. Vol. 27: Social Service for Senior Citizens and Disabled People of Working Age*. St. Petersburg: City information and methodological center Family. P. 33—44. (In Russ.)

Фролова Е. А., Кашапова Э. Р., Клемашева Е. И., Маланина В. А. Оценка активного долголетия в Сибирском федеральном округе на основе методики индекса активного долголетия // Векторы благополучия: экономика и социум. 2019. № 2. С. 36—45. Frolova E. A., Kashapova E. R., Klemasheva E. I., Malanina V. A. (2019) Active Ageing Assessment for Siberian Federal District Based on Active Ageing Index Methodology. *Journal of Wellbeing Technologies*. No. 2. P. 36—45. (In Russ.)

Au D. W. H., Woo J., Zaidi A. (2021) Extending the Active Ageing Index to Hong Kong Using a Mixed-Method Approach: Feasibility and Initial Results. *Journal of Population Ageing*. Vol. 14. P. 53—68. <https://doi.org/10.1007/s12062-020-09275-6>.

Baltes P. B., Baltes M. M. (1990) Psychological Perspectives on Successful Aging: The Model of Selective Optimization with Compensation. In: Baltes P. B., Baltes M. M. (eds.) *Successful Aging: Perspectives from the Behavioural Sciences*. UK: Cambridge University Press. P. 1—34. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511665684.003>.

Barysheva G. A., Frolova E. A., Malanina V. A., Taran E. A. (2018) Active Ageing Index: A Russian Study. In: Zaidi A., Harper S., Howse K., Lamura G., Perek-Bialas J. (eds.) *Building Evidence for Active Ageing Policies*. Singapore: Palgrave Macmillan. P. 409—435. https://doi.org/10.1007/978-981-10-6017-5_19.

Bass S., Caro F., Chen Y. P. (eds.) (1993) *Achieving a Productive Aging Society*. Westport, CT: Auburn House.

Butler R., Gleason H. P. (1985) *Productive Aging: Enhancing Vitality in Later Life*. Springer.

Davis C. M. (2018) The Changing Capabilities of Cohorts of the Elderly in Russia during 1990—2020: Measurement Using a Quantitative Index. *Population Ageing*. Vol. 11. P. 153—208. <https://doi.org/10.1007/s12062-017-9179-1>.

Djurovic I., Jeremic V., Bulajic M., Dobrota M. (2017) A Two-Step Multivariate Composite I-Distance Indicator Approach for the Evaluation of Active Ageing Index. *Population Ageing*. Vol. 10. P. 73—86. <https://doi.org/10.1007/s12062-016-9169-8>.

Franklin N. C., Tate C. A. (2009) Lifestyle and Successful Aging: An Overview. *American Journal of Lifestyle Medicine*. Vol. 3. No 1. P. 6—11. <https://doi.org/10.1177/1559827608326125>.

Havighurst R. (1963) Successful Ageing. In R. Williams, C. Tibbitts, & W. Donahue (eds.). *Process of Ageing*. New York: Atherton. Vol. 1. P. 299—320. <https://doi.org/10.4324/9781315127460>.

Havighurst R. J. (1961) Successful Aging. *The Gerontologist*. Vol. 1. No. 1. P. 8—13. <https://doi.org/10.1093/geront/1.1.8>.

- Hsu H., Liang J., Luh D., Chen C., Lin L. (2019) Constructing Taiwan's Active Aging Index and Applications for International Comparison. *Social Indicators Research*. Vol. 146. P. 727—756. <https://doi.org/10.1007/s11205-019-02128-6>.
- Kalache A., Gatti A. (2003) Active Ageing: A Policy Framework. *Advances in Gerontology*. Vol. 11. P. 7—18. <https://doi.org/10.1080/713604647>.
- Kalache A., Kickbusch I. (1997) A Global Strategy for Healthy Ageing. *World Health*. Vol. 50. No. 4. P. 4—5.
- Liang J., Luo B. (2012) Toward a Discourse Shift in Social Gerontology: From Successful Aging to Harmonious Aging. *Journal of Aging Studies*. Vol. 26. No 3. P. 327—334. <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2012.03.001>.
- Marina L., Ionas L. (2012) Active Ageing and Successful Ageing as Explicative Models of Positive Evolutions to Elderly People. *Scientific Annals of the "Alexandru Ioan Cuza" University — Sociology and Social Work Section*. Vol. 5. No. 1. P. 79—91.
- Paúl C., Lopes A. (2016) Active Aging. In: Pachana N. (eds.) *Encyclopedia of Geropsychology*. Singapore: Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-287-080-3_248-1.
- Paúl C., Ribeiro O., Teixeira L. (2012) Active Ageing: An Empirical Approach to the WHO Model. *Current Gerontology and Geriatrics Research*. Vol. 2012. <https://doi.org/10.1155/2012/382972>
- Rodriguez-Rodriguez V., Rojo-Perez F., Fernandez-Mayoralas G., Morillo-Tomas R., Forjaz J., Prieto-Flores M.-E. (2017) Active Ageing Index: Application to Spanish Regions. *Population Ageing*. Vol. 10. P. 25—40. <https://doi.org/10.1007/s12062-016-9171-1>.
- Rowe J. W., Kahn R. L. (1987) Human Aging: Usual and Successful. *Science*. Vol. 237 (4811). P. 143—149.
- Rowe J. W., Kahn R. L. (1997) Successful Aging. *The Gerontologist*. Vol. 37. No 4. P. 433—440. <https://doi.org/10.1093/geront/37.4.433>.
- Sidorenko A., Zaidi A. (2013) Active Ageing in Cis Countries: Semantics, Challenges, and Responses. *Current Gerontology and Geriatrics Research*. Vol. 2013. P. 1—17. <http://dx.doi.org/10.1155/2013/261819>.
- Varlamova M., Ermolina A., Sinyavskaya O. (2017) Active Ageing Index as an Evidence Base for Developing a Comprehensive Active Ageing Policy in Russia. *Population Ageing*. Vol. 10. P. 41—71. <https://doi.org/10.1007/s12062-016-9164-0>.
- Walker A. (2002) A Strategy for Active Ageing. *International Social Security Review*. Vol. 55. No. 1. P. 121—139.
- Walker A. (2016) Population Ageing from a Global and Theoretical Perspective: European Lessons on Active Ageing. In: Moulaert T., Garon S. (eds.) *Age-Friendly Cities and Communities in International Comparison: International Perspectives on Aging*. Cham: Springer. P. 47—64. https://doi.org/10.1007/978-3-319-24031-2_4.

Zaidi A. (2020) Active Aging and Active Aging Index. In: Gu D., Dupre M. (eds.) *Encyclopedia of Gerontology and Population Aging*. Springer, Cham. P. 1—5. https://doi.org/10.1007/978-3-319-69892-2_208-1.

Zaidi A., Howse K. (2017) The Policy Discourse of Active Ageing: Some Reflections. *Population Ageing*. Vol. 10. P. 1—10. <https://doi.org/10.1007/s12062-017-9174-6>.

Zasimova L., Sheluntcova M. (2014) Measuring Active Aging for Government Policy Planning: A Case of Russia. *Working papers by NRU Higher school of economics. Series PA "Public administration"*. WP BRP 11/PA/2014. Vol. 11. URL: <https://wp.hse.ru/data/2014/01/27/1326230041/11PA2014.pdf> (accessed: 18.01.2022).

DOI: [10.14515/monitoring.2023.1.2311](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2311)

З. Ф. Ибрагимова, М. В. Франц

ТЕОРИЯ РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ К ПРОБЛЕМЕ БЕДНОСТИ

Правильная ссылка на статью:

Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. Теория равных возможностей и ее применение к проблеме бедности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 46—71. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2311>.

For citation:

Ibragimova Z. F., Frants M. V. (2023) The Theory of Equal Opportunities and Its Application to the Problem of Poverty. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 46–71. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2311>. (In Russ.)

Получено: 20.09.2022. Принято к публикации: 21.12.2022.

ТЕОРИЯ РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ К ПРОБЛЕМЕ БЕДНОСТИ

ИБРАГИМОВА Зульфия Фануровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры инновационной экономики Института экономики, финансов и бизнеса, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

E-MAIL: badertdinova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0585-0170>

ФРАНЦ Марина Валерьевна — кандидат технических наук, доцент кафедры экономики предпринимательства Института экономики и управления, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

E-MAIL: tan-marina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5324-2463>

Аннотация. В работе описываются основные идеи теории равных возможностей и обсуждается потенциал их применения к исследованию бедности. Анализ работ, посвященных изучению факторов риска бедности, показывает, что классификация факторов никак не учитывает их контролируемость. Кроме того, традиционно принимаемые во внимание в исследованиях по неравенству возможностей факторы, такие как образование и профессиональный статус родителей, место рождения, материальное благополучие родительской семьи, крайне редко учитываются в работах по бедности. Рассмотрение непопадания в когорту бедных как индивидуального достижения, а также анализ факторов риска бедности с точки зрения их контролируемости индивидом может существенно обогатить исследования.

THE THEORY OF EQUAL OPPORTUNITIES AND ITS APPLICATION TO THE PROBLEM OF POVERTY

Zulfiya F. IBRAGIMOVA¹ — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Department of Innovation Economics, Institute of Economics, Finance and Business

E-MAIL: badertdinova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0585-0170>

Marina V. FRANTS¹ — Cand. Sci. (Tech.), Associate Professor at the Department of Business Economics of the Institute of Economics and Management

E-MAIL: tan-marina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5324-2463>

¹ Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Abstract. The paper deals with the key ideas of the equal opportunities theory and their application to the study of poverty. Existing studies on poverty risk fail to take the controllability of poverty determinants into account. Studies of poverty have underinvestigated education, professional status, place of birth, and material well-being of the parent family, which are usually tested in the studies of inequality of opportunities. Analysis of not-belonging to the poor from the perspective of individual achievement and analysis of poverty from the perspective of personal controllability of its determinants may deepen understanding of poverty roots.

Poverty research can benefit from methodology designed to study inequality of opportunities. Shapley decomposition, Oaxaca–Blinder decomposition, and

Методический инструментарий, применяющийся в эмпирических исследованиях по неравенству возможностей, также может оказаться весьма полезным при изучении бедности. Демонстрация таких методических приемов, как разложение по Шепли для измерения вклада отдельных факторов-обстоятельств в общий уровень неравенства возможностей, декомпозиция Оаксаки — Блайндера для разложения общего дифференциала неравенства возможностей на ассоциативный и композиционный эффекты, а также профилирование возможностей выполнена в работе на данных социологического опроса РМЭЗ НИУ ВШЭ (волна 2011 г.).

В прикладном аспекте приложение идей теории равных возможностей к проблеме бедности меняет приоритеты в борьбе с ней — помимо традиционного субсидирования малообеспеченных слоев населения обосновывается необходимость выстроить механизмы, дающие всем равные возможности в плане обеспечения собственного благосостояния на уровне, превышающем черту бедности.

Ключевые слова: неравенство возможностей, риск бедности, профилирование возможностей, социально уязвимые группы, декомпозиция Оаксаки — Блайндера, разложение по Шепли, регрессионный анализ

opportunity profiling are among them. The Shapley decomposition measures how individual factors-circumstances contribute to inequality of opportunities. The Oaxaca–Blinder method decomposes the general differential of inequality of opportunities into associative and compositional effects. The authors demonstrate the potential of these three methods using RLMS-HSE data collected in 2011.

In practical terms, applying equal opportunities theory to poverty might change priorities in fighting it. In addition to the traditional subsidization of low-income groups, the authors introduce the need of creating mechanisms that guarantee equal opportunities for everyone in terms their well-being at the level which exceeds poverty line.

Keywords: inequality of opportunities, poverty risk, opportunity profiling, socially vulnerable groups, Oaxaca-Blinder decomposition, Shapley decomposition, regression analysis

Введение

Проблема бедности остается актуальной, несмотря на длительную историю борьбы с этим явлением как на мировом уровне посредством международных программ, так и на уровне отдельных государств. В России проблема бедности резко обострилась в переходный период, достигнув 33,5% в 1992 г. С 1992 по 1997 г. уровень бедности быстро снизился до 20,8%, однако экономический

кризис 1998 г. снова привел к ощутимому росту показателя — до 29,0% в 2000 г. С начала 2000-х наметилась устойчивая тенденция к снижению уровня бедности, достигнувшему минимума в 10,7% в 2012 г. С 2012 г. снижение уровня бедности прекратилось, показатель «закрепился» на уровне 12—13%¹. Следующие практически друг за другом события — кризис на Украине в 2014 г., пандемия коронавируса и новый виток обострения на Украине в 2022 г., ухудшающие экономическую ситуацию, формируют значительную угрозу падения уровня жизни населения и нового роста масштабов бедности, что актуализирует дальнейшие исследования по этой тематике.

Повышение благосостояния граждан и снижение уровня бедности рассматривается как одна из важнейших задач в рамках обеспечения национальной безопасности, что отражено в таких основополагающих документах, как Стратегия национальной безопасности РФ и Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 г. В качестве основных мер по борьбе с бедностью рассматриваются развитие пенсионной системы, социальной поддержки отдельных категорий граждан и совершенствование системы социального обслуживания. В этом смысле российские власти используют базовый набор мер, апробированный много раз в мировой практике.

В своей работе мы пытаемся взглянуть на проблему бедности с необычного ракурса, а именно с позиций теории равных возможностей. Эта теория предлагает рассматривать любое человеческое достижение как результат, обусловленный двумя группами факторов. Первую группу формируют факторы, контролируемые индивидом и поэтому относящиеся к зоне персональной ответственности (факторы-усилия), вторая группа — неподконтрольные факторы (факторы-обстоятельства). С позиций теории равных возможностей, обусловленность индивидуальных достижений факторами второй группы (неравенство возможностей) рассматривается, во-первых, как несправедливость, а во-вторых, как источник демотивации индивидов к реализации своего потенциала. В связи с этим обществу следует стремиться к ликвидации или по крайней мере к уменьшению неравенства возможностей. Теория равных возможностей в исследовании широкого круга социально-экономических проблем активно применяется начиная с начала XXI века, при этом наиболее популярно изучение доходного и образовательного неравенства. В зоне эмпирических исследований сформирован обширный методический инструментарий, позволяющий оценивать неравенство возможностей с применением переменной достижения любого типа, ранжировать факторы-обстоятельства по степени их важности, «профилировать» возможности и т. д. Однако работ, рассматривающих бедность с позиций теории равных возможностей, крайне мало как в российской, так и в мировой науке. Настоящая статья направлена на заполнение этого пробела, что и составляет основную научную новизну исследования. Наша цель — продемонстрировать ценность теории равных возможностей в плане изучения проблемы бедности как на содержательном, так и на методологическом уровне. Работа построена следующим образом. В первом разделе кратко описы-

¹ Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) в целом по России и по субъектам Российской Федерации, абсолютные значения // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 05.02.2023).

вается история возникновения и развития теории равных возможностей, а также потенциал ее применения к проблеме бедности. Во втором разделе рассматриваются методические приемы, широко применяющиеся в эмпирических исследованиях по неравенству возможностей. В третьем разделе обсуждаются информационная база и методика расчетов. Четвертый раздел содержит результаты, их обсуждение и практическое значение.

Теория равных возможностей и потенциал ее применения к исследованию проблемы бедности

Теория равных возможностей сформировалась во второй половине XX века в результате развития эгалитарных теорий социальной справедливости в работах Дж. Роулза [Rawls, 1971], Р. Дворкина [Dworkin, 1981a; 1981b], Р. Арнесона [Arneson, 1989, 1990], Дж. Козна [Cohen, 1989] в результате критики эгалитаризма благосостояния. Эта теория базируется на идее о том, что индивид должен нести ответственность за то, что зависит от него самого, то есть за свои взгляды, решения, поведение, поступки. Следовательно, в справедливом обществе различия в уровне благосостояния, вызванные факторами, находящимися в зоне персональной ответственности, справедливы и должны сохраняться (принцип естественной награды). Напротив, неравенство возможностей (различия в благосостоянии, обусловленные внешними факторами-обстоятельствами) несправедливо и должно быть элиминировано (принцип компенсации).

В работе Р. Паес де Баррос [Paes de Barros et al., 2009] предложена детализованная градация факторов-обстоятельств в зависимости от степени несправедливости и наличия общественного консенсуса в плане необходимости их компенсации мерами государственной политики. Во-первых, выделяются генетически обусловленные врожденные таланты и неполноценности. Несправедливость различий в благосостоянии, обусловленных этой группой факторов, является предметом внутреннего спора среди апологетов теории равных возможностей, незавершенного до сих пор и известного как дискуссия о границе ответственности. Одни настаивают на том, что компенсация этих факторов необходима в связи с их неконтролируемостью, а другие считают, что они формируют человеческую индивидуальность и поэтому не нуждаются в компенсации. Вторая группа — факторы социальной дискриминации, ответственные за различия в благосостоянии людей, демонстрирующих одинаковую производительность. Типовые примеры факторов этой группы — пол, раса, национальность. Несправедливость дискриминации считается общепризнанной, но готовность выделять общественные ресурсы на борьбу с этим явлением сильно варьируется в различных странах. Наконец, есть ряд базовых факторов-обстоятельств, возникающих на ранних стадиях жизни и имеющих значительное влияние на благосостояние индивида в зрелом возрасте. В отношении этой группы существует общественный консенсус как в плане ее несправедливости, так и в плане готовности тратить общественные ресурсы для элиминации их влияния. К таким факторам относится семейный бэкграунд, а также социальные, экономические, культурные и другие параметры того локального пространства, где проходит детство и юность индивида.

Поначалу теория равных возможностей развивалась в рамках социальной философии, однако с начала XXI века началась работа по ее формализации, инструментализации и применению к исследованию насущных социально-экономических проблем. Значительный вклад в разработку математического аппарата внесли Дж. Ремер [Roemer, 1998], Х. Рамос, Д. Ван де Гаер [Ramos, Van de Gaer, 2016], М. Флербей, В. Перагин [Fleurbaey, Peragine, 2012], У. Боссерт [Bossert, 1995], формализовавшие принципы компенсации и естественной награды и исследовавшие их совместимость друг с другом, что открыло возможности к разработке инструментария измерения неравенства возможностей. Большой вклад в разработку методического обеспечения внесли Д. Чекки, В. Перагин [Cecchi, Peragine, 2010], Ф. Феррейра, Ж. Гинью [Ferreira, Gignoux, 2010], Ф. Бургиньон [Bourguignon et al., 2007], Р. Паес де Баррос [Paes de Barros et al., 2009], предложившие и впервые апробировавшие методики изучения неравенства возможностей, используемые теперь многочисленными исследователями по всему миру. Наиболее активно развивается приложение теории равных возможностей к проблеме доходного неравенства и его связи с экономическим ростом [Ибрагимова, Франц, 2020]. Второе по популярности направление — образовательное неравенство [Barone, Ruggera, 2018; Ибрагимова, Франц, 2021b]. Кроме того, в последнее время появились работы по неравенству возможностей в сфере здоровья [Carrieri, Jones, 2018; Brunori et al., 2020].

Изучение бедности с позиций теории равных возможностей мало представлено в мировой науке. Нам удалось найти только одну подобную эмпирическую работу [Perez-Mayo, 2019], она выполнена на данных общеевропейского обследования доходов и условий жизни (EU-SILC, волна 2011 г.)², использовались только данные по Испании. В качестве неконтролируемых индивидом факторов-обстоятельств в анализ были включены: образование, статус занятости, профессиональная группа родителей, материальный стресс в родительской семье, пол индивида. Авторы показали, что в отношении статуса принадлежности к бедным ведущим фактором является материальный стресс в детстве, на втором месте — профессиональная группа отца, на третьем — его образование.

Бедность как значительное снижение благосостояния также может рассматриваться через призму теории равных возможностей. Взгляд на это явление с позиций такого подхода предполагает разграничение детерминант риска бедности на те, которые находятся под контролем самого индивида (например, состав домохозяйства, включая наличие и количество детей; выбранную стратегию на рынке труда), и внешние по отношению к индивиду факторы-обстоятельства, традиционно рассматриваемые в рамках теории равных возможностей, — прежде всего характеристики родительской семьи и локального жизненного пространства, где проходили его детство и юность, а также факторы социальной дискриминации.

Определенные предпосылки к особой актуальности рассматриваемой точки зрения в изучении бедности в Российской Федерации выявлены в работе Н. Е. Тихоновой [Тихонова, 2014], где обсуждается отношение к малоимущим слоям населения в обществе. Автор отмечает, что «отношение к бедным начинает

² European Union Statistics on Income and Living Conditions (EU-SILC) // EuroStat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/microdata/european-union-statistics-on-income-and-living-conditions> (дата обращения: 05.02.2023).

выстраиваться в современном российском обществе, исходя уже не из факта, а из особенностей причин их бедности. Тем самым из „категориального“ оно превращается в „индивидуальное“, связанное с жизненной ситуацией конкретного человека... Одно дело, когда люди оказываются в бедности из-за смерти кормильца семьи, тяжелой болезни кого-то из членов домохозяйства и т. п., а государство не учитывает возникающих при этом рисков бедности и практически не оказывает помощь этим категориям. К таким людям россияне и сегодня в массе своей относятся с сочувствием и жалостью. И совсем другое, когда к бедности приводят алкоголизм и наркомания, а это, судя по всему, происходит все чаще. Таким бедным типичный россиянин отнюдь не склонен сочувствовать и не понимает, почему за счет его благосостояния им надо помогать из бюджетных средств» [там же: 8—9]. Эта позиция созвучна концепции равенства возможностей, ведь она фактически означает, что люди дифференцируют причины бедности на неконтролируемые обстоятельства (тяжелая болезнь индивида или кого-то из родственников) и факторы, связанные с собственным выбором индивида (злоупотребление алкоголем или прием наркотиков), и куда более согласны помогать из общественных фондов тем, кто беден в силу неконтролируемых обстоятельств по сравнению с теми, кто беден из-за собственного поведения.

Следует отметить, что факторы, традиционно находящиеся в фокусе внимания в рамках анализа с позиций теории равных возможностей, а именно — семейный бэкграунд, а также социальные, экономические, культурные и другие параметры того локального пространства, где проходит детство и юность индивида, редко можно встретить в мейнстриме российских работ, посвященных факторному анализу бедности. Как отмечает Е. Д. Слободенюк в работе [Слободенюк, 2016] «российские исследователи имеют консенсус относительно наиболее значимых факторов абсолютной бедности», «факторы бедности „по доходам“ остаются в целом неизменными на протяжении последних полутора десятков лет» и включают такие группы, как социально-демографические характеристики (пол, возраст, тип местности проживания, уровень здоровья); экономические характеристики (уровень образования, характер занимаемой профессионально-должностной позиции, уровень заработной платы); ситуационные и иные характеристики (семейные трагедии, вредные привычки). Кроме того, автор отмечает, что в последние годы усилился риск бедности, связанный с характерным для всего российского общества расширением процесса прекаризации части рабочей силы, в связи с чем относительно новым фактором бедности выступает факт занятия индивидом профессионально-должностных позиций, которые не гарантируют устойчивой занятости и соблюдения трудовых прав. Как видно из приведенной автором классификации, разбиение факторов на группы никак не связано с их контролируемостью.

Более поздние работы в целом следуют этой же схеме. Например, в исследовании А. И. Пишняк и соавторов [Пишняк и др., 2021] в фокусе внимания находится изучение хронических бедных, а в качестве факторов риска хронической бедности рассматриваются пол, возраст, место проживания, семейное положение, образование, занятость. Статья Е. Д. Слободенюк [Слободенюк, 2019] посвящена изучению проблемы глубокой бедности. В анализ включены следующие детерминанты: возраст, состав домохозяйств, тип поселения, пол, а также занятость и по-

ложение на рынке труда. В работе В. А. Аникин и Е. Д. Слободенюк [Аникин, Слободенюк, 2021] рассматривается эволюция роли детерминант риска бедности работающих россиян, используются следующие группы факторов: демографические (пол, возраст, тип местности проживания, состояние здоровья, композиция домохозяйства), уровень образования, качество рабочего места (тип собственника предприятия, продолжительность рабочей недели, наличие/отсутствие контракта и т. п.) и профессиональная группа.

В российском научном сегменте нам удалось найти только одно исследование, посвященное анализу причин доходной стратификации, частично созвучное теории равных возможностей [Каравай, 2018a, 2018b]. Автор пишет о нескольких классах факторов: аскриптивные характеристики, условия социализации и окружение индивидов, характеристики образовательного потенциала, особенности состава домохозяйства. В классе факторов, связанных с условиями социализации и окружением индивидов, учитываются детерминанты, трактующиеся в теории равных возможностей как базовые факторы-обстоятельства — образование родителей и тип поселения, в котором проживал индивид на момент начала обучения в школе. Работа выполнена на данных опроса Института социологии РАН. Опрос проводился в 2015 г., было опрошено 4000 респондентов от 18 лет и старше, представляющих основные социально-профессиональные группы населения и проживающих во всех территориально-экономических районах страны в различных типах поселений, репрезентативная общероссийская выборка. Основной метод анализа — мультиномиальная регрессионная модель. Авторы использовали несколько вариантов классификации респондента по доходным слоям. В первом варианте в качестве зависимой переменной рассматривалась шкала из четырех категорий: низкодоходные слои (с доходами ниже 0,75 от страновой медианы распределения среднедушевых доходов в домохозяйствах), медианная группа (0,75—1,25 страновой медианы), среднедоходная группа (1,25—2 страновых медианы) и высокодоходная группа (свыше 2 страновых медиан). Во втором варианте бралась не медиана доходного распределения по стране в целом, а медиана распределения среднедушевых доходов в домохозяйствах типа поселения, в котором проживает респондент. Результаты получились несколько двойственными. При использовании страновой медианы и образование родителей, и тип местности проживания в детстве оказались незначимы в плане риска попадания индивида в низкодоходный слой. Однако при использовании медианы своего типа поселения их роль стала существенной: высшее образование матери и социализация в городах, особенно крупных, заметно повышают шансы индивида не попасть в состав низкодоходных слоев.

Таким образом, потенциал применения теории равных возможностей к изучению бедности в России складывается из нескольких содержательных составляющих.

1. Существуют неконтролируемые индивидом детерминанты индивидуальных достижений, находящиеся в фокусе внимания теории равных возможностей, такие как семейный бэкграунд и характеристики локального жизненного пространства, в котором проходили детство и юность индивида. Они редко принимаются во внимание в эмпирических исследованиях бедности.

2. Включаемые в анализ факторы классифицируются по другим основаниям. Степень их контролируемости не учитывается и не обсуждается.

3. Изменения в восприятии бедности россиянами: ее факторы дифференцируются, а степень одобрения поддержки малоимущих слоев населения из общественных фондов зависит от причины бедности.

Методический инструментарий изучения неравенства возможностей

Применение теории равных возможностей к изучению проблемы бедности не ограничивается перечисленными выше содержательными аспектами. Деление причин индивидуальных достижений на обстоятельства и усилия с дальнейшей дифференциацией обстоятельств по степени их несправедливости значительно влияет на методический инструментарий эмпирических исследований. Первая стадия эмпирических работ в области неравенства возможностей, включающая оценку влияния обстоятельств и, возможно, усилий на индивидуальные достижения обычно осуществляется посредством оценивания регрессионных моделей (линейных, полулогарифмических, логит- или пробит-регрессий в зависимости от типа переменной достижения). Совершенно так же это делается в большинстве исследований, посвященных анализу факторов бедности, в которых основными «рабочими лошадками» являются логит- или пробит-регрессия [Слободенюк, 2016; Аникин, Слободенюк, 2021; Пишняк, 2021]. Однако в работах по неравенству возможностей есть и вторая, пострегрессионная стадия, связанная с применением дополнительных инструментов для измерения уровня неравенства возможностей, оценки роли отдельных факторов-обстоятельств, разложения неравенства возможностей на композиционный и ассоциативный эффекты, выявления наиболее уязвимых в отношении возможностей социальных групп (см., например, [Paes de Barros et al., 2009; Perez-Mayo, 2019]).

Первая из перечисленных задач — измерение уровня неравенства возможностей — решается путем измерения неравенства в контрфактическом распределении достижения, которое имело бы место, если бы неравенство возникло только в связи с факторами-обстоятельствами. Такая оценка носит название абсолютной меры неравенства возможностей. Отношение неравенства возможностей к общему неравенству достижения позволяет получить относительную меру неравенства возможностей, то есть вклад неравенства возможностей в неравенство достижения. Выбор конкретного индекса неравенства предопределяется типом переменной достижения. В случае непрерывной переменной наиболее популярны индексы L- и T-индексы Тейла и индекс Джини, в случае бинарной — обычный и модифицированный индексы диссимилиации. Кроме того, в случае непрерывной переменной достижения можно рассчитать и абсолютную и относительную меры неравенства возможностей, в случае качественной — только абсолютную.

Вторая задача — оценка относительной важности факторов-обстоятельств в формировании неравенства возможностей — обычно решается с использованием разложения по Шепли. Этот способ факторной декомпозиции обладает целым рядом привлекательных свойств:

1) универсальность (подходит для разложения практически любой обобщенной статистики, может использоваться с любой регрессионной моделью, работает с любым количеством и типами факторных переменных);

2) интерпретируемость (декомпозиция по Шепли позволяет интерпретировать полученное разложение в интуитивно понятном ключе — как усредненные предельные эффекты);

3) симметричность (независимости от порядка следования факторов);

4) аддитивность (сумма эффектов отдельных факторов в точности равна их суммарному эффекту);

5) группируемость (может проводиться как для отдельных факторов, так и для их пересекающихся подмножеств).

Процедура декомпозиции по Шепли состоит в том, чтобы перебрать все возможные последовательности факторов, оценить предельные эффекты от исключения каждого фактора во всех возможных последовательностях и усреднить предельные эффекты каждого фактора по всем последовательностям. Как следует из описания, декомпозиция по Шепли может быть весьма затратной в вычислительном смысле при использовании большого числа факторных переменных, что и является ее основным недостатком. Более подробное описание декомпозиции по Шепли, включая доказательство свойств симметричности и аддитивности, а также потенциал ее экономических приложений, можно найти в работе Э. Ф. Шоррокса [Shorrocks, 2012].

Третья задача — разложение неравенства возможностей на композиционный и ассоциативный эффекты — реализуется с применением декомпозиции Оаксаки — Блайндера и ее модификаций. Этот способ декомпозиции первоначально (в 80-х годах XX века) был разработан для линейной модели регрессии, но позднее были предложены его модификации для нелинейных моделей, в том числе с качественными результативными показателями. Хороший обзор этого метода и его модификаций можно найти в работе М. Синнинга и соавторов [Sinning et al., 2008].

Декомпозиция Оаксаки — Блайндера позволяет объяснить различия в средних уровнях результативной переменной в двух группах двумя эффектами — эффектом композиции, или эффектом распределения, возникающим в связи с различной структурой факторов, и эффектом ассоциации, или эффектом коэффициентов, появляющимся вследствие различной степени влияния факторов на результативный показатель.

Чаще всего декомпозиция по методу Оаксаки — Блайндера первоначально применялась в работах, посвященных проблемам дискриминации на рынке труда, родственным неравенству возможностей, и до сих пор активно используется в этой области, в том числе в российском научном сегменте [Лукиянова, 2021; Вакуленко, Леухин, 2016].

Четвертая задача — ранжирование социальных типов (социальных групп с одинаковым набором факторов-обстоятельств) от наиболее уязвимых (имеющих наименьшие шансы для достижения высоких результатов) к наименее уязвимым, «профилирование возможностей». В связи с тем, что количество типов может быть достаточно большим при учете значительного количества факторов-обстоятельств, иногда выделяют подмножество наиболее уязвимых групп, составляющих суммарно определенный процент населения. Изучение этой когорты важно, так как позволяет идентифицировать тех, кто не по своей вине, а в связи с внешними обстоятельствами имеет наименьшие шансы для реализации своего потенциала. Так

сделано, например, в работе [Paes de Barros et al., 2009], в которой в шести латиноамериканских странах выделены наиболее социально уязвимые 10% населения в отношении неравенства возможностей по доходам. Отметим, что в исследованиях бедности есть понятие «профиль бедности» [Овчарова, 2014], однако в этот термин вкладывается иное содержание — анализируется распределение бедных по различным характеристикам (пол, возраст, тип местности проживания и т. д.).

Таким образом, взгляд с позиции теории равных возможностей способен обогатить исследования по проблематике бедности не только содержательно, но и методически, за счет применения дополнительных инструментов анализа. Для демонстрации возможностей описанных методических приемов мы проведем анализ проблемы бедности с позиций теории равных возможностей на российских данных.

Информационная база и методика расчетов

Информационная база исследования включает данные социологического опроса РМЭЗ НИУ ВШЭ (волна 2011 г.). Использование в работе данных РМЭЗ именно 2011 г. связано с тем, что это последняя волна опроса, в которой помимо данных о численности, половозрастной структуре, доходах домохозяйства и регионе проживания, необходимых для определения принадлежности домохозяйства и его членов к бедным слоям населения, доступна информация об образовании родителей респондента. Учет образования родителей в качестве прокси семейного бэкграунда является практически стандартом де-факто в исследованиях по неравенству возможностей. Помимо образования родителей, в нашей работе также принимаются во внимание следующие неконтролируемые обстоятельства: пол индивида, место рождения (город/село) и национальность. Описательная статистика по факторам-обстоятельствам приведена в таблице 1. Общий объем наблюдений — 17 024 респондентов, объем наблюдений после применения критериев включения и удаления данных с пропусками в используемых переменных составил 4086.

Таблица 1. *Описательная статистика используемых в работе переменных*

Фактор	Категория	РМЭЗ	
		Н, человек	%
Максимальный уровень образования родителей	осн. общ. образование и меньше	1742	42,63
	общее среднее образование	737	18,04
	среднее проф. образование	827	20,24
	высшее и более	780	19,04
Место рождения	город	2140	52,37
	село	1946	47,63
Национальность	русский	3424	83,80
	другое	662	16,20
Пол	мужской	1697	41,53
	женский	2389	58,47

Источник: вычисления авторов.

Существует много подходов к отнесению индивидов к бедным слоям населения. При этом получающиеся с применением различных подходов множества бедных могут значительно отличаться (см., например, Овчарова, 2014; Тихонова, 2014)]. В связи с этим для проверки устойчивости результатов мы использовали несколько вариантов определения принадлежности индивидов к бедным: во-первых, абсолютный монетарный (на базе прожиточного минимума) подход; во-вторых, относительный монетарный подход с двумя разными границами бедности (50 % и 60 % от медианы распределения эквивалентного дохода, как предлагается экспертами Организации экономического сотрудничества и развития [OECD, 2017]). Для расчета эквивалентного дохода мы использовали методику, описанную в тех же рекомендациях OECD, в которых предлагается формула

$$DI_{ij} = Y_i / (S_i^\epsilon),$$

где DI_{ij} — эквивалентный доход j -го индивида, входящего в состав i -го домохозяйства,
 Y_i — доход i -го домохозяйства,
 S_i — число индивидов в i -м домохозяйстве,
 ϵ — коэффициент эластичности, равный 0,5.

Таким образом, в нашей работе мы выполнили расчеты для трех вариантов определения границы бедности:

- 1) абсолютный подход с применением публикуемой Росстатом величины прожиточного минимума для разных категорий населения (краткое обозначение — Абс.);
- 2) относительный подход с применением шкалы эквивалентности по OECD и границы бедности, составляющей 50 % от медианы (Отн_OECD_50);
- 3) относительный подход с применением шкалы эквивалентности по OECD и границы бедности, составляющей 60 % от медианы (Отн_OECD_60).

Таблица 2. Число и процент респондентов, относящихся к бедным слоям населения с применением различных подходов

Метод определения границы бедности	PMЭЗ	
	N	%
Абс.	808	19,72
Отн_OECD_50	622	15,22
Отн_OECD_60	948	23,20

Источник: составлено авторами.

Официальная статистика Росстата дает уровень бедности в 12,7 % в 2011 г., наша оценка по данным PMЭЗ получилась ощутимо выше — 19,72 %. Однако такое расхождение официальных оценок и оценок, полученных по данным социологических опросов, отмечают и другие исследователи [Овчарова и др., 2014].

В связи с тем, что исследования в проблемном поле неравенства возможностей достаточно интенсивно ведутся практически по всему миру, разработано довольно много методик измерения, однако большинство из них ориентированы на непрерывную переменную достижения. В работе Ф. Чавес-Хуареса и И. Соло-

ага [Chávez-Juárez, Soloaga, 2014] предложена методика для оценки неравенства возможностей в случае бинарной переменной достижения, которую мы и использовали. Преимущество данной методики заключается в том, что для оценки неравенства возможностей нужны данные только о факторах-обстоятельствах, информация об индивидуальных усилиях не требуется. Это весьма важный момент, так как, во-первых, усилия довольно часто ненаблюдаемы (по крайней мере, при сборе данных путем социологического опроса), и, во-вторых, они частично могут зависеть от факторов-обстоятельств, а это еще дополнительно усложняет расчеты. Описываемая методика довольно проста, но весьма популярна среди исследователей. Примеры ее применения можно найти в упомянутых выше работах [Paes de Barros et al., 2009; Perez-Mayo, 2019].

На первой стадии используется регрессионный анализ, а именно оценивается бинарная пробит-регрессия индивидуального достижения на факторы-обстоятельства. В нашем случае зависимая переменная, используемая в регрессии, принимала значение 1, если индивид не попадал в когорту бедных, 0 — если он в нее попадал. На второй стадии для оценки уровня неравенства возможностей рассчитываются прогнозные значения \hat{p} вероятности принятия бинарной результативной переменной значения равного 1. Далее по распределению прогнозных значений рассчитывается модифицированный индекс диссимилиации (MDI), представляющий собой абсолютную меру неравенства возможностей.

Для оценки вклада отдельных факторов реализуется декомпозиция по Шепли. Декомпозиция по методу Оаксаки — Блайндера используется для объяснения различий в уровнях неравенства возможностей (в нашем случае — в уровнях MDI) в группах путем выделения композиционного и ассоциативного эффекта. Группы можно формировать по любому качественному признаку, однако сравнение групп производится попарно. Мы продемонстрируем применение декомпозиции Оаксаки — Блайндера для изучения территориальной дифференциации неравенства возможностей, поэтому в качестве группировочного признака будем использовать тип территории проживания (крупный город — областной центр, город или поселок городского типа, село). Таким образом, в случае трех групп можно составить три пары.

На первом этапе производится оценка неравенства возможностей в каждой из двух сравниваемых групп: $MDI(A)$ и $MDI(B)$. Эти меры зависят, во-первых, от распределения факторов-обстоятельств в группах (X_A и X_B), во-вторых, от коэффициентов регрессии, полученных в результате оценки пробит-моделей (b_A , b_B). Поэтому $MDI(A) = MDI(X_A, b_A)$, $MDI(B) = MDI(X_B, b_B)$.

На втором этапе оцениваются два контрфактических неравенства возможностей: $MDI(X_B, b_A)$ и $MDI(X_A, b_B)$. $MDI(X_B, b_A)$ — это неравенство возможностей, которое имело бы место, если бы структура факторов-обстоятельств соответствовала группе B, а их роль — группе A. $MDI(X_A, b_B)$ — это неравенство возможностей, которое имело бы место, если бы структура факторов-обстоятельств соответствовала группе A, а их роль — группе B. Тогда $\Delta_{comp} = MDI(X_B, b_A) - MDI(X_A, b_A)$ — это абсолютный композиционный эффект, $\Delta_{ass} = MDI(X_A, b_B) - MDI(X_A, b_A)$ — это абсолютный ассоциативный эффект. Для оценки относительного композиционного θ_{comp} (ассоциативного θ_{ass}) эффектов абсолютный композиционный Δ_{comp} (ассоциативный Δ_{ass})

эффект мы делили на сумму обоих абсолютных эффектов $\Delta_{\text{асс}} + \Delta_{\text{комп}}$. Во всех парах групп в качестве группы А использовалась та, где неравенство возможностей было меньше.

Социальные типы ранжировались от наиболее уязвимых к наименее уязвимым (профилирование возможностей) следующим образом. В силу качественного характера всех факторов-обстоятельств (образование родителей — 4 градации, пол — 2 градации, место рождения — 2 градации, национальность — 2 градации) в нашей работе можно выделить 32 социальных типа. Для каждого социального типа, представляющего собой уникальное сочетание значений факторов-обстоятельств, рассчитывалось прогнозируемое значение вероятности непопадания индивида в когорту бедных (\hat{p}), а также его доля в популяции. Далее социальные типы ранжировались в порядке возрастания \hat{p} . Таким образом, наиболее уязвимые в отношении риска бедности социальные типы располагались в верхней части списка.

Результаты и дискуссия

Результаты оценки бинарной пробит-регрессии на факторы-обстоятельства по данным РМЭЗ при разных методах определения границы бедности приведены в таблице 3.

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа

Фактор	Категория	Абс	Отн_OECD_50	Отн_OECD_60
Максимальный уровень образования родителей	Основное общее образование и меньше	баз.	баз.	баз.
	Общее среднее образование	0,0001	0,1191*	0,0855
	Среднее проф. образование	0,1262**	0,2437***	0,2064***
	Высшее и более	0,4457***	0,5470***	0,4975***
Место рождения	Город	баз.	баз.	баз.
	Село	-0,1755***	-0,1870***	-0,2705***
Национальность	Русский (баз.)	баз.	баз.	баз.
	Другое	0,0202	-0,0962	-0,0352
Пол	Мужской	баз.	баз.	баз.
	Женский	-0,0198	-0,065	-0,0513
Константа		0,8367	1,0912	0,7938
pseudo-R ²		0,0191	0,0270	0,0290
p		0,0000	0,0000	0,0000

Источник: вычисления авторов.

Примечание. *, **, *** — значимость на 10-, 5- и 1-процентном уровне.

Как следует из таблицы 3, рассматриваемые факторы имеют ожидаемое влияние на вероятность непопадания в когорту бедных. Наличие среднего профессионального или высшего образования у родителей достоверно снижает риск бедности в следующем поколении, а рождение в селе — значимо увеличивает его.

Национальность и пол не имеют большого значения. Результаты оценки неравенства возможностей и вклада в него отдельных факторов-обстоятельств приведены в таблице 4.

Таблица 4. **Результаты декомпозиции по Шепли**

	Абс	Отн_OECD_50	Отн_OECD_60
Абсолютный уровень неравенства возможностей	0,0856	0,0893	0,1247
Вклад отдельных факторов-обстоятельств			
Максимальный уровень образования родителей	53,25	54,52	45,61
Место рождения	42,23	37,13	49,25
Пол	1,87	5,57	4,79
Национальность	2,64	2,79	0,35

Источник: вычисления авторов.

Как следует из таблицы 4, образование родителей и место рождения индивида — ведущие факторы в отношении риска бедности в следующем поколении. Вариация уровня бедности и неравенства возможностей в отношении бедности приведена в таблицах 5—6.

Таблица 5. **Территориальная вариация уровня бедности**

Метод определения границы бедности		Тип местности проживания			ИТОГО
		Областной центр	Город/ПГТ	Село	
Абс.	Абс., чел.	159	246	403	808
	Отн. %	11,16	17,40	32,32	19,77
Отн_K_50	Абс., чел.	91	184	347	622
	Отн. %	6,39	13,01	27,83	15,22
Отн_OECD_50	Абс., чел.	91	194	337	622
	Отн. %	6,39	13,72	27,02	15,22
Отн_K_60	Абс., чел.	166	277	457	900
	Отн. %	11,65	19,59	36,65	22,03
Отн_OECD_60	Абс., чел.	170	317	461	948
	Отн. %	11,93	22,42	36,97	23,20

Источник: вычисления авторов.

Таблица 6. **Вариация уровня неравенства возможностей в отношении риска бедности (MDI) по территориям проживания**

Метод определения границы бедности	Тип местности проживания		
	Крупный город — областной центр	Город или ПГТ	Село
Абс.	0,1307	0,1891	0,1107
Отн_OECD_50	0,0605	0,1977	0,1415
Отн_OECD_60	0,1426	0,2514	0,1688

Источник: вычисления авторов.

Как видно из таблицы 6, уровень неравенства возможностей в отношении бедности значительно варьируется по типам поселения. Самый высокий уровень неравенства возможностей в отношении бедности зафиксирован в небольших городах и поселках городского типа, самый низкий — в крупном городе — областном центре.

Наблюдающиеся различия в уровне неравенства возможностей в территориальных образованиях разного типа могут быть связаны, во-первых, с различиями в структуре населения (композиционный эффект), во-вторых, с разной силой влияния факторов-обстоятельств на риск бедности (ассоциативный эффект). Декомпозиция по методу Оаксаки — Блайндера позволяет разложить общий дифференциал неравенства возможностей на ассоциативный и композиционный эффекты (см. табл. 7—9).

Таблица 7. Композиционный и ассоциативный эффекты при сравнении крупного города-областного центра и города или ПГТ

Метод определения границы бедности	Δ_{comp}	Δ_{ass}	θ_{comp} , %	θ_{ass} , %
Абс.	-0,0011	0,0729	-18,43	118,43
Отн_OECD_50	-0,0067	0,1363	-5,21	105,21
Отн_OECD_60	0,0003	0,1229	0,22	99,78

Источник: вычисления авторов.

Как видно из таблицы 7, более высокий уровень неравенства возможностей в городе и ПГТ по сравнению с крупным городом — областным центром практически полностью связан с более значительным влиянием факторов-обстоятельств на риск бедности.

Результаты декомпозиции по методу Оаксаки — Блайндера при сравнении села и города или ПГТ приведены в таблице 8.

Таблица 8. Композиционный и ассоциативный эффекты при сравнении села и города или ПГТ

Метод определения границы бедности	Δ_{comp}	Δ_{ass}	θ_{comp} , %	θ_{ass} , %
Абс.	0,0299	0,0498	37,53	62,47
Отн_OECD_50	0,0346	0,0701	33,05	66,95
Отн_OECD_60	0,0358	0,0632	36,19	63,81

Источник: вычисления авторов.

Из таблицы 8 видно, что высокий уровень неравенства возможностей в городе и ПГТ по сравнению с селом примерно на треть объясняется другой структурой населения и на две трети — более значительным влиянием факторов-обстоятельств на риск бедности.

Результаты декомпозиции по методу Оаксаки — Блайндера при сравнении села и крупного города приведены в таблице 9.

Таблица 9. Композиционный и ассоциативный эффекты при сравнении и села и крупного города-областного центра

Метод определения границы бедности	Δ_{comp}	Δ_{ass}	$\theta_{comp}, \%$	$\theta_{ass}, \%$
Абс.	0,0707	-0,0164	130,27	-30,27
Отн_OECD_50	-0,0152	0,1347	-12,78	112,78
Отн_OECD_60	-0,0119	0,0982	-13,83	113,83

Источник: вычисления авторов.

Как показано в таблице 9, сравнительный анализ неравенства возможностей в селах и крупных городах дает неоднозначные результаты. При оценке бедности по абсолютному подходу неравенство возможностей в крупном городе выше, чем в селе, при оценке бедности по относительному подходу — наоборот. Кроме того, сильно разнятся и выводы по декомпозиции Оаксаки — Блайндера (см. табл. 9). В случае абсолютного подхода дифференциал по неравенству возможностей возникает благодаря композиционному эффекту и частично компенсируется благодаря ассоциативному. В случае относительного подхода, наоборот, разрыв в возможностях связан с ассоциативным эффектом и частично компенсируется композиционным.

Сравнительный анализ структуры населения в разрезе включенных в анализ факторов-обстоятельств по территориям проживания приведен в таблице 10.

Таблица 10. Описательная статистика факторов-обстоятельств в разных территориях проживания

Фактор	Категория	Крупный город — областной центр N = 1425		Город или ПГТ N = 1414		Село N = 1247	
		N, чел.	%	N, чел.	%	N, чел.	%
Максимальный уровень образования родителей	Основное общее образование и меньше	461	32,35	593	41,94	688	55,17
	Общее среднее образование	256	17,96	271	19,17	210	16,84
	Среднее проф. образование	309	21,68	309	21,85	209	16,76
	Высшее и более	399	28,00	241	17,04	140	11,23
Место рождения	Город	878	61,61	763	53,96	499	40,02
	Село	547	38,39	651	46,04	748	59,98
Национальность	Русский (баз.)	1202	84,35	1128	79,77	1094	87,73
	Другое	223	15,65	286	20,23	153	12,27
Пол	Мужской	593	41,61	579	40,95	525	42,10
	Женский	832	58,39	835	59,05	722	57,90

Источник: вычисления авторов.

Как видно из таблицы 10, заметные различия в структуре населения между тремя рассматриваемыми территориями проживания наблюдаются в распределении максимального уровня образования родителей и месте рождения, то есть по тем факторам-обстоятельствам, которые вносят основной вклад в неравенство возможностей в отношении риска бедности.

Как показывают расчеты, в плане неравенства возможностей в самом незападном положении находятся жители небольших городов и поселков городского типа. Именно в поселениях этого типа уровень неравенства возможностей самый высокий, значительно выше, чем в крупных городах и селах. Такая ситуация провоцирует «вымывание» с этих территорий в крупные города той активной части населения, которая стремится добиться продвижения по социальной лестнице за счет собственных усилий. Это приводит к нарастанию разрыва между характеристиками человеческого капитала в крупных городах и небольших городах и ПГТ, и, как следствие, между темпами их развития.

Результаты анализа на выявление наиболее социально уязвимых групп населения в плане неравенства возможностей в отношении риска бедности приведены в таблице 11 и на рисунке 1.

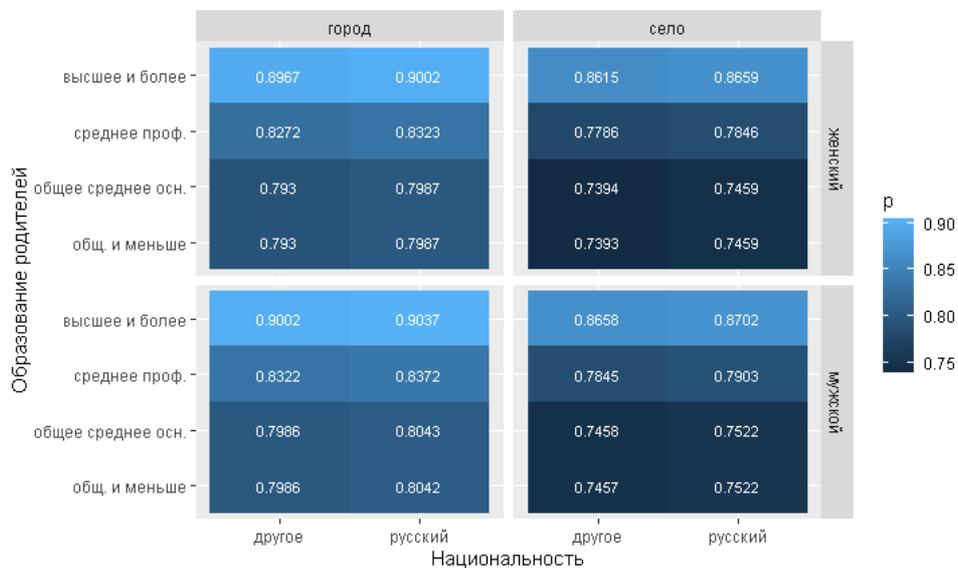
Таблица 11. **Результаты профилирования возможностей**

Образование родителей	Место рождения	Пол	Национальность	ρ	N	%	Куммулятивный %
Осн. общ. и меньше	Село	Женский	Другое	0,7393	116	2,84	2,84
Общее среднее	Село	Женский	Другое	0,7394	51	1,25	4,09
Осн. общ. и меньше	Село	Мужской	Другое	0,7457	85	2,08	6,17
Общее среднее	Село	Мужской	Другое	0,7458	28	0,69	6,85
Осн. общ. и меньше	Село	Женский	Русский	0,7459	528	12,92	19,77
Общее среднее	Село	Женский	Русский	0,7459	144	3,52	23,30
Осн. общ. и меньше	Село	Мужской	Русский	0,7522	383	9,37	32,67
Общее среднее	Село	Мужской	Русский	0,7522	105	2,57	35,24
Среднее проф.	Село	Женский	Другое	0,7786	35	0,86	36,10
Среднее проф.	Село	Мужской	Другое	0,7845	18	0,44	36,54
Среднее проф.	Село	Женский	Русский	0,7846	165	4,04	40,58
Среднее проф.	Село	Мужской	Русский	0,7903	100	2,45	43,02
Осн. общ. и меньше	Город	Женский	Другое	0,7930	54	1,32	44,35
Общее среднее	Город	Женский	Другое	0,7930	31	0,76	45,11
Осн. общ. и меньше	Город	Мужской	Другое	0,7986	48	1,17	46,28
Общее среднее	Город	Мужской	Другое	0,7986	31	0,76	47,04
Осн. общ. и меньше	Город	Женский	Русский	0,7987	324	7,93	54,97

Образование родителей	Место рождения	Пол	Национальность	p	N	%	Куммулятивный %
Общее среднее	Город	Женский	Русский	0,7987	202	4,94	59,91
Осн. общ. и меньше	Город	Мужской	Русский	0,8042	204	4,99	64,90
Общее среднее	Город	Мужской	Русский	0,8043	145	3,55	68,45
Среднее проф.	Город	Женский	Другое	0,8272	36	0,88	69,33
Среднее проф.	Город	Мужской	Другое	0,8322	28	0,69	70,02
Среднее проф.	Город	Женский	Русский	0,8323	256	6,27	76,28
Среднее проф.	Город	Мужской	Русский	0,8372	189	4,63	80,91
Высшее и более	Село	Женский	Другое	0,8615	22	0,54	81,45
Высшее и более	Село	Мужской	Другое	0,8658	12	0,29	81,74
Высшее и более	Село	Женский	Русский	0,8659	94	2,30	84,04
Высшее и более	Село	Мужской	Русский	0,8702	60	1,47	85,51
Высшее и более	Город	Женский	Другое	0,8967	35	0,86	86,37
Высшее и более	Город	Мужской	Другое	0,9002	32	0,78	87,15
Высшее и более	Город	Женский	Русский	0,9002	296	7,24	94,40
Высшее и более	Город	Мужской	Русский	0,9037	229	5,60	100,00

Источник: вычисления авторов.

Рис. 1. Ранжирование социальных типов по уязвимости в плане неравенства возможностей в отношении бедности³

³ Источник: вычисления авторов.

Как следует из таблицы 11 и рисунка 1, шансы не попасть в когорту бедных значительно варьируются в зависимости от сочетания значений факторов-обстоятельств — от 0,7393 в самой уязвимой группе до 0,9037 в наименее уязвимой. Наиболее уязвимые социальные типы формируются из индивидов, рожденных в селе, с низким уровнем образования родителей. Самым многочисленным из уязвимых социальных типов является сочетание следующих значений факторов-обстоятельств: образование родителей — основное общее и меньше, место рождения — село, пол — женский, национальность — русский (12,92%). Наличие высшего образования у родителей является отличительной чертой наименее уязвимых в отношении возможностей социальных типов.

Представляется, что взгляд на проблему бедности с позиций теории равных возможностей открывает новые горизонты как в содержательном отношении, так и в методологическом. На содержательном уровне этот подход позволяет внедрить в анализ категории справедливости и ответственности, разграничивая причины бедности на неконтролируемые обстоятельства, за которые индивида нельзя считать ответственным, и факторы-усилия, находящиеся в зоне персональной ответственности. Такое видение требует уделять основное внимание «несправедливо бедным», то есть тем, кто не по своей вине, не в силу собственного поведения и выбора, а в связи с внешними обстоятельствами попадает в малоимущие слои населения. Как следствие, меняются приоритеты в борьбе с бедностью — помимо традиционного субсидирования бедных слоев населения требуется выстраивать механизмы компенсации влияния неконтролируемых факторов-обстоятельств на риск попадания индивидов за черту бедности, выравнивая возможности для всех в плане обеспечения собственного благосостояния на уровне, превышающем ту черту, за которой уровень благосостояния уже не обеспечивает базовые человеческие потребности.

Кроме того, такие пострегрессионные аналитические «фишки», широко применяющиеся в исследованиях по неравенству возможностей, как декомпозиция по Шепли, разложение Оаксаки — Блайндера, профилирование возможностей, также могут «подсветить» интересные аспекты в проблематике бедности. Однако развитию этого направления мешает ограниченность информационной базы. По результатам метаанализа исследований оценки неравенства возможностей в мире [Ибрагимова, Франц, 2021а] выявлено, что образование родителей включается в анализ в 94,62% случаев, пол — 93,48%, место рождения (город/село) — 62,61%, профессиональный статус родителей — 54,67%, регион рождения — 26,06%, страна рождения — 22,31%, национальность — 21,53%, экономический статус родительской семьи — 15,86%. Таким образом, пол и образование практически обязательны. И если пол доступен в данных почти любого опроса, то с образованием родителей все гораздо сложнее. В российском научном сегменте можно выделить два источника данных в свободном доступе, использующихся для изучения широкого круга общественных проблем — РМЭЗ НИУ ВШЭ и выборочные обследования, проводимые Росстатом (например, ОБДХ, ВНДН). В РМЭЗ НИУ ВШЭ открытые данные об образовании родителей есть лишь в двух волнах исследования — 2006 и 2011 гг. (в связи с чем нам и пришлось использовать в работе довольно старые данные), в опроснике 2018 г. вопрос также име-

ется, однако в доступном наборе данных этот показатель отсутствует. В опросниках ОБДХ и ВНДН мы не нашли вопроса об образовании родителей ни разу за все годы их проведения.

Есть и другая проблема информационной базы, свойственная не только для российского сегмента, но и для мировой науки в целом. В исследованиях по неравенству возможностей обычно используются данные общенациональных социологических опросов с большим количеством наблюдений, однако не ориентированных собственно на задачу оценки неравенства возможностей. Поэтому включаемый в анализ набор факторов-обстоятельств определяется по принципу «что есть в данных». При таком подходе многое неизбежно оказывается «за кадром».

В рамках работы над грантом нашей командой был проработан вопрос «идеальных» данных для исследований по неравенству возможностей и предложен соответствующий социологический инструментарий, включая анкету для опроса респондентов, ориентированную под задачу оценки неравенства возможностей [Бухарбаева и др., 2019]. Кроме того, мы апробировали предложенный инструментарий, проведя небольшой опрос родителей студентов двух вузов⁴. Собранные данные были использованы для оценки ценности нескольких дополнительных факторов семейного бэкграунда (состав родительской семьи, включая ее полноту и количество детей, а также психологическую атмосферу в родительской семье) в дополнение к базовому набору (пол, тип населенного пункта — места рождения индивида, максимальный уровень образования и максимальный профессиональный статус его родителей) в плане изучения неравенства возможностей в отношении доходов. Получилось, что лишь один фактор — полнота родительской семьи — оказался по-настоящему ценным. Во-первых, он относительно независим от базовых факторов; во-вторых, обеспечивает заметный прирост к оценке неравенства возможностей; в-третьих, по относительной значимости в плане вклада в неравенство возможностей он стабильно занимает высокое второе место. Однако имеет ли он такое же значение в плане бедности — открытый вопрос. Проблемы бедности и неравенства, хоть и родственны, тем не менее их нельзя считать тождественными в связи с тем, что, во-первых, при изучении неравенства в фокусе внимания находится все распределение доходов, при изучении бедности — лишь его нижняя часть. В-вторых, при изучении неравенства доходов объектом является индивид и его личный доход (общий или трудовой), в то время как при изучении бедности в фокусе внимания находятся домохозяйство и его совокупный доход, скорректированный на размер домохозяйства. По этой причине значимость факторов-обстоятельств в формировании неравенства и риска бедности может различаться. Это подтверждает и работа И. Перес-Майо [Perez-Mayo, 2019], выполненная на испанских данных. В ней показано, что основными факторами-обстоятельствами в отношении эквивалентного дохода домохозяйства являются образование и профессиональная группа отца и образование матери. В случае личного дохода огромное значение приобретает пол, на втором ме-

⁴ Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. База данных социологического опроса для оценки неравенства возможностей в Республике Башкортостан. Свидетельство о регистрации базы данных 2022622377, заявка № 2022621469 от 23.06.2022.

сте — материальный стресс в детстве и профессиональная группа отца. В отношении статуса принадлежности к бедным ведущий фактор — материальный стресс в детстве, на втором месте — профессиональная группа отца, на третьем — его образование. Таким образом, значимость и относительная важность факторов-обстоятельств сильно меняется при переходе от одного индикатора индивидуального достижения к другому.

Вышесказанное свидетельствует о том, что исследования в проблемном поле неравенства возможностей в отношении бедности правильнее было бы начинать с формирования ориентированной под задачу информационной базы. В связи с этим определенные преимущества приобретают исследовательские коллективы, которые имеют ресурсы для проведения собственных социологических опросов или возможности для включения дополнительных вопросов в уже существующие проекты.

Заключение

В работе сделана попытка изучить проблему бедности с позиций теории равных возможностей. Установлено, что такой взгляд способен обогатить исследования в проблемном поле бедности как содержательно, так и методологически. В содержательном плане это означает включение новых факторов риска бедности, а также их анализ с точки зрения контролируемости индивидом. Методологическую ценность представляют такие широко применяемые в эмпирических исследованиях инструменты, как декомпозиция по Шепли, разложение по методу Оаксаки — Блайндера, профилирование возможностей.

Основным препятствием для развития этого направления является ограниченность информационной базы. Существующие наборы данных, традиционно используемые в российском сегменте для эмпирического изучения бедности, редко содержат данные по факторам, необходимым для изучения неравенства возможностей, а если и содержат, то в очень ограниченном объеме.

С практической точки зрения анализ бедности с позиций теории равных возможностей интересен тем, что приводит к смещению акцентов, выделяя несправедливый компонент и обосновывая необходимость формировать механизмы компенсации влияния неконтролируемых факторов-обстоятельств на риск попадания индивидов за черту бедности.

Список литературы (References)

- Аникин В. А., Слободенюк Е. Д. Бедность работающих: как изменились детерминанты в России за 20 лет? // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 4. С. 23—41. <https://www.doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8603>.
- Anikin V. A., Slobodenyuk E. D. (2021) In-Work Poverty in Russia: How Determinants Have Changed over the 20 Years? *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 9. No. 4. P. 23—41. <https://www.doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8603>. (In Russ.)
- Бухарбаева Л. Я., Егорова Ю. В., Ибрагимова З. Ф., Комлева Р. Н., Чурсина К. В., Франц М. В. Оценка неравенства возможностей в республике Башкортостан: программа исследования. Уфа: Азтерна, 2019.

Bukharbayeva L. Ya., Egorova Yu.V., Ibragimova Z. F., Komleva R. N., Chursina K. V., Frants M. V. (2019) Assessment of inequality of opportunities in the Republic of Bashkortostan: Research Program. Ufa: Aeterna. (In Russ.)

Вакуленко Е., Леухин Р. Дискриминируются ли иностранные работники на российском рынке труда? // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 1. С. 121—142.

Vakulenko E., Leukhin R. (2016) Wage Discrimination Against Foreign Workers in Russia. *Economic Policy*. Vol. 11. No. 1. P. 121—142. (In Russ.)

Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. Неравенство возможностей: трактовка, методы и проблемы оценки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2020. Т. 36. Вып. 4. С. 624—652. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.404>.

Ibragimova Z., Frants M. (2020) Inequality of Opportunities: Interpretation, Methods and Problems of Estimation. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*. Vol. 36. No. 4. P. 624—652. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.404>. (In Russ.)

Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. Измерение неравенства возможностей в отношении доходов: структурированный обзор и метаанализ // Прикладная эконометрика. 2021а. Т. 61. С. 89—109. <https://doi.org/10.22394/1993-7601-2021-61-89-109>.

Ibragimova Z., Frants M. (2021a) Measuring Income Opportunity Inequality: A Structural Review and Meta-analysis. *Applied Econometrics*. Vol. 61. P. 89—109. <https://doi.org/10.22394/1993-7601-2021-61-89-109>. (In Russ.)

Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. Неравенство возможностей в образовании в советский и постсоветский периоды: эмпирический анализ // Вопросы образования. 2021b. № 2. С. 43—62. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-43-62>.

Ibragimova Z., Frants M. (2021b) Inequality of Educational Opportunity in Soviet and Post-Soviet Russia: An Empirical Analysis. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 2. P. 43—62. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-43-62>. (In Russ.)

Каравай А. В. Факторы доходной стратификации российского общества: методология анализа и роль аскриптивных характеристик // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 1. С. 23—36. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.1.5735>.

Karavay A. V. (2018a) Factors of Income Stratification of Russian Society: Methodology of the Analysis and Role Ascriptive Characteristics. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. Vol. 6. No. 1. P. 23—36. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.1.5735>. (In Russ.)

Каравай А. В. Факторы доходной стратификации российского общества: роль структурных барьеров на пути восходящей доходной мобильности. Часть 2 // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 2. С. 34—51. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.1.5735>.

Karavay A. V. (2018b) Factors of Income Stratification of Russian Society: Methodology of the Analysis and Role Ascriptive Characteristics. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. Vol. 6. No. 1. P. 23—36. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.2.5855>. (In Russ.)

Лукьянова А. Л. Цифровизация и гендерный разрыв в оплате труда // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 2. С. 88—117. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-2-88-117>.

Lukyanova A. L. (2021) Digitalization and the Gender Wage Gap in Russia. *Economic Policy*. Vol. 16. No. 2. P. 88—117. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-2-88-117>. (In Russ.)

Овчарова Л. Н., Бурдяк А. Я., Пишняк А. И., Попова Д. О., Попова Р. И., Рудберг А. М. Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2014.

Ovcharova L. N., Burdyak A. Ya., Pishnyak A. I., Popova D. O., Popova R. I., Rudberg A. M. (2014) Dynamics of Russian Households Monetary and Non-monetary Features: Analytical Report. Moscow: Liberal Mission Fund. (In Russ.)

Пишняк А. И., Халина Н. В., Назарбаева Е. А., Горяйнова А. Р. Уровень и профиль хронической бедности в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 2. С. 56—73. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-50-2-3>.

Pishnyak A. I., Khalina N. V., Nazarbaeva E. A., Goriainova A. R. (2021) The Level and the Profile of Persistent Poverty in Russia. *The Journal of the New Economic Association*. Vol. 50. No. 2. P. 56—73. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-50-2-3>. (In Russ.)

Слободенюк Е. Д. Глубокая бедность в России: специфика объективного и субъективного положения и запросы к социальной политике // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 4. С. 26—38. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6797>.

Slobodenyuk E. D. (2019) Deep Poverty in Russia: The Specifics of the Objective and Subjective Poor and Their Requests for Social Policy. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. No. 4. P. 26—38. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6797>. (In Russ.)

Слободенюк Е. Д. Факторы абсолютной и субъективной бедности в современной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 3—4. С. 82—92. <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2016-00017>.

Slobodenyuk E. D. (2016) Factors of absolute and subjective poverty in modern Russia. *Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions*. No. 3—4. P. 82—92. <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2016-00017>. (In Russ.)

Тихонова Н. Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 7—19.

Tikhonova N. E. (2014) The Phenomenon of Poverty in Modern Russia. *Sociological Studies*. No. 1. P. 7—19. (In Russ.)

Arneson R. (1989) Equality and Equal Opportunity for Welfare. *Philosophical Studies*. Vol. 56. No. 1. P. 77—93.

Arneson R. (1990) Liberalism, Distributive Subjectivism, and Equal Opportunity for Welfare. *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 19. No. 2. P. 158—194.

Barone C., Ruggera L. (2018) Educational Equalization Stalled? Trends in Inequality of Educational Opportunity between 1930 and 1980 across 26 European Nations. *European Societies*. Vol. 20. No. 1. P. 1—25.

Bossert W. (1995) Redistribution Mechanisms Based on Individual Characteristics. *Mathematical Social Sciences*. Vol. 29. No. 1. P. 1—17.

Bourguignon F., Ferreira F., Menéndez M. (2007) Inequality of Opportunity in Brazil. *Review of Income and Wealth*. Vol. 53. No. 4. P. 585—618.

Brunori P., Trannoy A., Guidi C. F. (2020) Ranking Populations in Terms of Inequality of Health Opportunity: A Flexible Latent Type Approach. *Health Economics*. Vol. 30. No. 2. P. 358—383. <https://doi.org/10.1002/hec.4185>.

Carrieri V., Jones A. M. (2018) Inequality of Opportunity in Health: A Decomposition-Based Approach. *Health Economics*. Vol. 27. No. 12. P. 1981—1995.

Chávez-Juárez F. W., Soloaga I. (2014) IOP: Estimating Ex-Ante Inequality of Opportunity. *Stata Journal*. Vol. 14. No. 4. P. 830—846.

Checchi D., Peragine V. (2010) Inequality of opportunity in Italy. *Journal of Economic Inequality*. Vol. 8. No. 4. P. 429—450.

Cohen G. (1989) On the Currency of Egalitarian Justice. *Ethics*. Vol. 99. No. 4. P. 906—944.

Dworkin R. (1981a) What is Equality? Part 1: Equality of Welfare. *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 10. No. 3. P. 185—246.

Dworkin R. (1981b) What is Equality? Part 2: Equality of Resources. *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 10. No. 4. P. 283—345.

Ferreira F., Gignoux J. (2011) The Measurement of Inequality of Opportunity: Theory and an Application to Latin America. *Review of Income and Wealth*. Vol. 57. No. 4. P. 622—657.

Fleurbaey M., Peragine V. (2012) Ex Ante Versus Ex Post Equality of Opportunity. *Economica*. Vol. 80. No. 317. P. 118—130.

Organisation for Economic Co-operation and Development (2017) Terms of Reference OECD Project on the Distribution of Household Incomes. 2017/18 Collection.

Paes de Barros R., Ferreira F. H. G., Molinas Vega J. R., Saavedra Chanduvi J., De Carvalho M., Franco S., Freije-Rodríguez S., Gignoux J. (2009) Measuring Inequality of Opportunities in Latin America and the Caribbean. Basingstoke, Hants.; Palgrave Macmillan; New York, NY: World Bank.

Perez-Mayo J. (2019) Inequality of Opportunity, a Matter of Space? *Regional Science Policy and Practice*. Vol. 11. No. 1. P. 71—87. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12181>.

Ramos X., Van de Gaer D. (2016) Approaches to Inequality of Opportunity: Principles, Measures and Evidence. *Journal of Economic Surveys*. Vol. 30. No. 5. P. 855—883.

Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Roemer J. (1998) *Equality of Opportunity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Shorrocks A. F. (2012) Decomposition Procedures for Distributional Analysis: a Unified Framework Based on the Shapley Value. *The Journal of Economic Inequality*. Vol. 11. No. 1. P. 99—126.

Sinning M., Hahn M., Bauer T. K. (2008) The Blinder — Oaxaca Decomposition for Non-linear Regression Models. *The Stata Journal*. Vol. 8. No. 4. P. 480—492. <https://doi.org/10.1177/1536867X0800800402>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.1.2208](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2208)

В. В. Масленников, А. В. Ларионов

РОЛЬ ПОВЕДЕНЧЕСКОГО ЦИКЛА В ЭКОНОМИКЕ

Правильная ссылка на статью:

Масленников В. В., Ларионов А. В. Роль поведенческого цикла в экономике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 72—95. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2208>.

For citation:

Maslennikov V. V., Larionov A. V. (2023) Role of the Behavioral Cycle in the Economy. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 72–95. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2208>. (In Russ.)

Получено: 09.03.2022. Принято к публикации: 18.11.2022.

РОЛЬ ПОВЕДЕНЧЕСКОГО ЦИКЛА В ЭКОНОМИКЕ

МАСЛЕННИКОВ Владимир Владимирович — доктор экономических наук, профессор, экономический эксперт, независимый исследователь, Москва, Россия

E-MAIL: vv-masl@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6199-9979>

ЛАРИОНОВ Александр Витальевич — кандидат экономических наук, кандидат наук о государственном и муниципальном управлении, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории, Институт экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

E-MAIL: alarionov@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8657-6809>

Аннотация. Исследование раскрывает и эмпирически подтверждает концепцию поведенческого цикла, отражающего изменение доминирующих настроений экономических субъектов. Мониторинг динамики поведенческого цикла позволяет повысить точность определения фаз экономического цикла, отражающего как материальную, так и поведенческую компоненты экономики. Целью исследования является концептуализация поведенческого цикла и оценка его влияния на экономический цикл.

Поведение субъектов рассматривается как результат накопленных ожиданий, анализа параметров внешней среды, накопленного опыта прохождения кризисов, личностной предрасположенности субъектов к активному,

ROLE OF THE BEHAVIORAL CYCLE IN THE ECONOMY

Vladimir V. MASLENNIKOV¹ — Dr. Sci. (Econ.), Professor, economic expert

E-MAIL: vv-masl@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6199-9979>

Aleksandr V. LARIONOV² — Doctor of Philosophy (Ph. D) in Economic Sciences, Doctor of Philosophy in Public Administration, Leading Research Fellow at the Research Laboratory of the Institute of Economic Policy and Economic Security Problems

E-MAIL: alarionov@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8657-6809>

¹ Independent Researcher, Moscow, Russia

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. This study introduces and empirically confirms the concept of a behavioral cycle, which reflects the change in the prevalent attitude of economic actors. Monitoring the dynamics of the behavioral cycle enables increasing the accuracy of determining the phase of the economic cycle, considering both the material and behavioral components of the economy. The behavior of actors is taken into account because of their economic expectations coupled with their previous experience in handling crises. The behavior of economic actors is affected by external environmental parameters, which, in turn, determine the individual predisposition of actors to engage in an active, adaptive, or reactive type of behavior. The fractal analysis shows long-term patterns in the dynamics of actors' expectations in Russia. The in-

адаптивному или реактивному типам поведения и т. д. С помощью фрактального анализа демонстрируется наличие долгосрочных закономерностей в динамике показателей ожиданий субъектов в России. Показатели ожиданий, являющиеся персистентными, применяются для идентификации фаз поведенческого цикла. С учетом подхода, изложенного в работе Д. Хардинга и А. Пейгана, и показателей ожиданий, демонстрирующих наличие долгосрочных закономерностей, проводится идентификация фаз поведенческого цикла, начиная с четвертого квартала 1998 г.

Исследование демонстрирует, что начиная с 1998 г. в России наблюдалось семь поведенческих циклов, ряд пиковых значений по которым совпали с экономическими кризисами. Наложение фаз поведенческого цикла на экономический цикл демонстрирует наличие взаимосвязи, возникающей благодаря тому, что поведенческий цикл наряду с материальными циклическими процессами формирует наблюдаемый экономический цикл.

Ключевые слова: поведенческий цикл, кризис, экономическое поведение, риски, неопределенность, экономический цикл, волатильность, поведенческий надзор, центральный банк, экономический субъект

icators of expectations are a persistent parameter used for identifying the phases of the behavioral cycle. This research singles out the phases of the behavioral cycle, starting from the 4th quarter of 1998, following the approach of D. Harding and A. Pagan and the indicators of expectations demonstrating the presence of long-term patterns. The study shows that seven behavioral cycles have been observed in Russia since 1998. Several peak values for behavior cycles coincided with crisis periods in the economy. The superimposition of the phases of the behavioral cycle on the economic cycle reveals a relationship between the behavioral cycle and the material cycle, forming the general economic cycle.

Keywords: behavioral cycle, crisis, economic behavior, risks, uncertainty, economic cycle, volatility, behavioral supervision, central bank, economic entity

Введение

Исследование раскрывает концепцию поведенческого цикла, учитывающего настроения групп экономических субъектов на макроуровне. Экономика в силу безусловной невозможности существования без участия человека является в своей основе бихевиоральной [Масленников, 2000]. Все экономические процессы происходят под воздействием факторов, которые делятся на две взаимосвязанные группы: объективные (материальные) и субъективные (поведенческие). Связь фаз эко-

номического цикла и поведения субъектов была сформулирована еще в работах Н. Д. Кондратьева при описании им второй эмпирической правильности: «Периоды повышательных волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества (революции, войны), чем периоды понижательных волн» [Кондратьев, 2002: 767]. Эта эмпирическая правильность во многом связана с настроениями субъектов, их склонностью к совершению активных действий, направленных на изменение внешней среды. Эмпирическая правильность подчеркивает взаимосвязь между действиями субъектов и динамикой экономических колебаний. Однако в дальнейшем объяснении роли поведения в экономической динамике на макроуровне уделялось значительно меньше внимания, нежели материальным компонентам экономического цикла, контролируемым посредством традиционных экономических показателей (нормы сбережения, инвестиций, объема государственных закупок и т. д.) [Ромер, 2014; Клинов, 2015]. Такой подход неполный, поскольку в большей степени акцентирует внимание на материальной компоненте экономического цикла.

Многочисленные исследования выявили цикличность различных параметров, формирующих материальную компоненту экономического цикла, и, в частности, наличие долгосрочных трендов в динамике цен на нефть [Коссов, 2016], наличие закономерностей в институционализации участников рынка [Блохин, Гридин, 2021], формировании государственных расходов [Афанасьев, Афанасьев, 2009] и т. д. В то же время уже существуют исследования, раскрывающие аналогичные циклические закономерности и в поведенческой компоненте общего экономического цикла [Масленников, Ларионов, 2020b]. Поэтому объяснение закономерностей экономического цикла требует учета влияния на него не только материальных факторов, но также и поведенческих. Последнее возможно реализовать посредством формализации концепции поведенческого цикла.

Поведенческий цикл — смена доминирующих настроений субъектов с различными типами поведения относительно изменения ситуации в экономике [Масленников, Ларионов, 2020c]. Доминирующие настроения отражают преобладающую реакцию субъектов с определенным типом поведения, возникающую на фоне экономических колебаний. Реакция субъектов выражается в совершении операций, характерных для определенного типа поведения. К примеру, индивиды, склонные избегать совершения операций с валютой, не будут реагировать на колебания ее стоимости. Таким образом, в экономике субъекты склонны демонстрировать действия, связанные с их типом поведения.

Индивидуальное поведение формируется под влиянием внешней среды и сложившихся ожиданий по отношению к отдельным событиям с учетом накопленного человеческого, социального и финансового капиталов [Масленников, Ларионов, Гагарина, 2022]. В свою очередь, сформировавшийся у субъекта тип поведения непосредственно влияет на склонность к принятию им определенных хозяйственных решений¹. Тип поведения — внутренняя устойчивая характеристика поведения индивида, схожая с поведением других людей. Важным отличием типа пове-

¹ Концепция типов поведения может быть использована для анализа экономических процессов на микроуровне. Важным отличием типа поведения от ожиданий является постоянство типа поведения в течение длительного периода времени.

дения от ожиданий считается постоянство типа поведения в течение длительного периода времени.

Особую опасность для экономики представляет наложение и взаимоусиление в точках экстремумов волн материальной и поведенческой компонент экономического цикла. В такие периоды возникают угрозы развития кризисов или, наоборот, перегрева экономики. В связи с этим важным оказывается не только регулирование динамики факторов материальной компоненты, но и сглаживание по амплитуде поведенческого цикла. Последнее возможно реализовать путем применения инструментов государственного регулирования [Капелюшников, 2013]. Следовательно, необходимо изучение структуры субъектов по типам поведения и располагаемых у них ресурсов.

Традиционно экономическая наука рассматривает субъекта с позиции демонстрируемых им уникальных характеристик: уровня ожидаемой полезности, уровня риска, набора индивидуальных предпочтений [Mas-Colell, Whinston, Green, 1995]. Данные характеристики постоянно изменяются, в то время как тип поведения определяет диапазон устойчивых реакций субъектов на происходящие колебания. Многообразие поведения людей определяет не только временные лаги в скорости реакции различных групп субъектов на информационные потоки, но и их роли в формировании хозяйственных процессов. Поэтому поведенческий цикл необходимо рассмотреть как дополнительную компоненту экономического цикла и с этой целью сформулировать концепцию поведенческого цикла, а также предложить методику идентификации его фаз. Цели данного исследования — концептуализация поведенческого цикла и оценка его влияния на экономический цикл.

Проблема идентификации фаз поведенческого цикла связана с необходимостью учета склонности субъектов к совершению операций. С учетом доступного набора данных поведенческого цикла в данном исследовании идентифицируется с применением индексов ожиданий². Подтверждение существования поведенческого цикла требует доказательства двух ключевых фактов: наличия долгосрочных закономерностей в механизме формирования настроений субъектов и существования закономерностей в смене фаз поведенческого цикла. Полученные периоды поведенческого цикла целесообразно совместить с фазами экономического цикла с тем, чтобы продемонстрировать наличие зависимости между поведенческим и материальными циклами, формирующими общий экономический цикл.

Представленное исследование включает несколько разделов. Первоначально проводится литературный обзор, раскрывающий основные подходы к идентификации поведенческого цикла, формулируются гипотезы исследования. В дальнейшем предлагается методика анализа поведенческого цикла с учетом подхода, изложенного в работе Д. Хардинга и А. Пейгана [Harding, Pagan, 2002]. На основе собранных данных проводится эмпирическая проверка сформулированных гипотез, в том числе с применением фрактального анализа. В конце раскрываются практические рекомендации по применению концепции поведенческого цикла.

² Ожидания не эквивалентны типу поведения субъектов. Ожидания являются следствием и, в некоторой степени, причиной сформированного типа поведения. При этом для идентификации поведенческого цикла с учетом доступных статистических данных с определенной степенью допущений возможно применять индексы ожиданий. Вместе с тем надо понимать, что это вынужденное допущение. В дальнейшем необходимо собирать специализированные данные, позволяющие анализировать поведение субъектов.

Литературный обзор

Включение поведенческой компоненты в макроанализ позволяет по-новому взглянуть на экономические проблемы, связанные с кризисными явлениями [Сергеев, 2009]. Значимость ожиданий для прогнозирования выбора субъектов давно подтверждена в экономической науке [Mas-Colell et al., 1995]. В частности, ожидания воздействуют на объемы потребления, сбережений и инвестиций. Учитывая сформированные ожидания, субъект оценивает «полезность» от совершения операции. Рациональность оценки и дальнейших действий зависит от типа поведения субъекта, которое может быть пассивным (реактивным), адаптивным (адаптирующим к внешней среде) или активным (изменяющим среду) [Масленников, Соколов, 2002]. Естественно, субъект может столкнуться с проблемой совершения неоптимальных действий, вызванных асимметрией информации, моральным риском и т. д. [Akerlof, 1970]. Последнее учитывает государство при разработке политики, направленной на поддержание устойчивости экономического развития [Рубинштейн и др., 2020]. Представляется целесообразным рассмотреть понятие поведения субъектов, а также определить роль поведенческого фактора в цикличности экономики.

Концептуализация понятия «поведение»

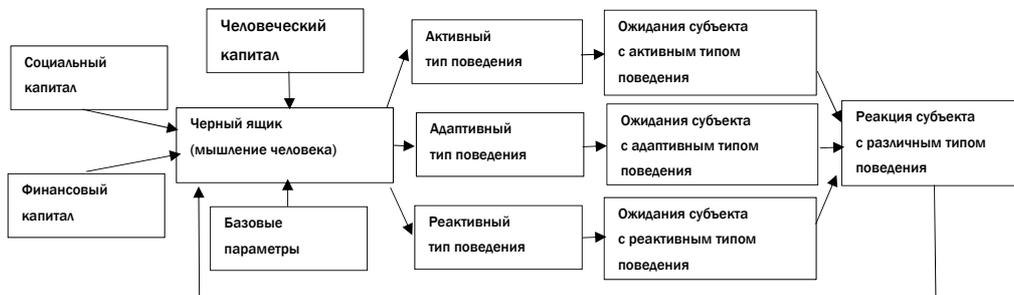
Рассчитывая ожидаемую полезность, субъекты оценивают набор конкретных действий, которые они могут совершить. Подобный подход учитывает статический выбор субъекта в определенный момент. Вместе с тем субъект (к примеру, потребитель) совершает операции постоянно — при походе в магазин, оплате образования, выборе места работы и т. д. Одни субъекты нацелены на активный стиль экономической жизни, в то время как другая их часть демонстрирует пассивную модель экономического поведения. Соответственно, можно предположить существование склонности субъектов к совершению определенного набора действий во времени в зависимости от типа поведения [Масленников, Ларионов, 2020с]. Если ожидания субъекта меняются постоянно, то поведение выступает устойчивой характеристикой субъекта, изменяющейся под воздействием лишь особо значимых событий или времени (в силу возраста, к примеру). Таким образом, поведение оказывается более фундаментальной характеристикой, нежели ожидания. Для анализа поведения субъектов необходимо определить дополнительную характеристику — тип поведения, позволяющую классифицировать субъектов на группы.

Выделяются три основных типа поведения: активный, адаптивный и реактивный [Масленников, Соколов, 2002]. Люди с активным типом поведения совершают действия, направленные на изменение состояния внешней среды. Пример субъекта с активным типом поведения — Джордж Сорос, успешно «атаковавший» Банк Англии³. Индивиды с адаптивным типом поведения, ориентируясь на действия субъектов с активным типом поведения, совершают адаптивные действия, но с некоторым запаздыванием. Субъекты с реактивным типом поведения вообще не ставят своей целью изменение внешней среды. Примером может выступить человек, имеющий свободные ресурсы, но не управляющий своей валютной кор-

³ Bliinov S. Negative Consequences of Smooth Devaluation // Munich Personal RePEc Archive. 2016. MPRA Paper No. 70292. P. 1—19. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/70292/1/MPRA_paper_70292.pdf (дата обращения: 14.02.2023).

зиной, инвестициями, уровнем потребления в зависимости от экономической динамики. Тип поведения субъектов формируется под воздействием накопленного человеческого, социального и финансового капитала, а также базовых параметров — к примеру, возраста (см. рис. 1). Человек с определенным типом поведения формирует ожидания, реализующиеся в дальнейшем в виде реакций экономических субъектов. Совершенные действия впоследствии приводят к изменению всех видов капитала субъекта.

Рис. 1. Взаимосвязь типа поведения и ожиданий субъектов

Сформированный тип поведения характеризует субъекта на протяжении длительного периода времени, оказывая воздействие на его ожидания относительно различных действий [Масленников, Ларионов, 2020с]. Можно сделать вывод, что субъекты с адаптивным и реактивным типом поведения склонны к адаптивным ожиданиям, в то время как субъекты с активным типом поведения систематически демонстрируют рациональные ожидания [Muth, 1961]. Тип поведения сохраняется у субъекта на протяжении длительного периода времени (на года), определяя механизм его мышления и набор постоянно изменяющихся ожиданий⁴. Таким образом, тип поведения субъекта оказывается долгосрочной характеристикой, в то время как ожидания — краткосрочной. Устойчивость типа поведения субъекта позволяет анализировать структуру общества по типу поведения, заранее предсказывая реакцию субъектов на происходящие изменения. Проведенный анализ определяет необходимость формализации ряда определений, применяемых в концепции поведенческого цикла (см. табл. 1).

Таблица 1. Определения, используемые в концепции поведенческого цикла

Термин	Определение
Поведение	Склонность субъектов к совершению действий
Тип поведения	Внутренняя устойчивая характеристика поведения субъекта, схожая с поведением иных субъектов
Реакция субъектов	Действия, совершаемые субъектами в ответ на изменение экономической ситуации

⁴ Наличие взаимосвязи между ожиданиями и поведением определяет возможность применения ожиданий для характеристики поведения субъектов. Вместе с тем по мере развития концепции поведенческого цикла представляется целесообразным обеспечить целенаправленный мониторинг распределения субъектов по типам поведения в экономике.

Термин	Определение
Доминирующие настроения	Преобладающая реакция субъектов с определенным типом поведения, возникающая на фоне экономических колебаний
Поведенческий цикл	Смена доминирующих настроений субъектов с различными типами поведения относительно изменения ситуации в экономике

Поведенческий цикл возникает в результате смены доминирующих настроений и последовательных действий групп субъектов с различными типами поведения. Их действия активизируются в ситуации усиления волатильности в экономике и изменения трендов ее развития⁵. В спокойные периоды времени действия субъектов достаточно схожи, так как субъекты с активным типом поведения не могут получить дополнительную экономическую выгоду. Как только возникает возможность получения выгоды, субъекты с активным типом поведения расширяют свою деятельность. Если результат действий индивидов с активным типом поведения будет существенным, то возможно ожидать активизацию действий субъектов с адаптивным типом поведения. В дальнейшем действия осуществляют выступающие «спонсорами всего процесса»⁶ субъекты с реактивным типом поведения. Изменения в экономике инициируют группы с активным типом поведения, в то время как другие субъекты усиливают тренды. Периодичность действий групп с различными типами поведения определяет повторяемость, цикличность поведенческих реакций, что дает возможность выдвинуть концепцию поведенческого цикла

Роль поведенческого фактора в экономическом цикле

Экономический цикл представляет собой совокупность различных волн, отражающих цикличность значимых материальных и поведенческих параметров. Совокупный анализ их динамики позволяет идентифицировать текущую фазу экономического цикла, при определении которого можно использовать три основные категории переменных: материальные, поведенческие и общие (см. табл. 2).

Таблица 2. Категории переменных, используемых для определения экономического цикла

Категория	Характеристика
Материальные переменные	Учитывают ресурсные ограничения, включая количество рабочей силы, технологические ограничения, состояние логистики, объем доступных финансовых ресурсов и т. п. Материальные факторы учитывают не только объем, но и качество доступных ресурсов [Масленников, Ларионов, 2020a]
Поведенческие переменные	Учитывают настроение субъектов, анализируемые посредством индексов ожиданий, построенных с использованием социологических оценок [Яременко, 2000]. Возможно учитывать уровень деловой активности субъектов [Китрар, Липкинд, 2020]
Общие переменные	Учитывают одновременно материальные и поведенческие аспекты экономической динамики. Общие переменные представлены показателями ВВП [там же], индексом промышленного производства, объемом выданных кредитов, уровнем безработицы и т. д.

⁵ Blinov S. (2016) Negative Consequences of Smooth Devaluation. Munich Personal RePEc Archive. MPRA Paper No. 70292. P. 1—19. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/70292/1/MPRA_paper_70292.pdf (дата обращения: 14.02.2023).

⁶ Из-за запоздалых действий субъектов с реактивным типом поведения их свободные денежные средства перераспределяются в пользу субъектов с активным и, в ряде случаев, с адаптивным типом поведения.

Общие переменные являются расчетными и достаточно часто применяются для датировки фаз экономического цикла [Akerlof, 2002]. Они учитываются при реализации государственных политик, в частности при анализе влияния фискальной политики [Дубовский, Кофанов, Сосунов, 2015]. Применимость общих переменных для идентификации фаз экономического цикла связана с тем, что они одновременно учитывают материальную и поведенческую компоненты цикличности экономики. Вместе с тем использование только общих переменных далеко не всегда дает возможность однозначно определить, какая из компонент оказала наибольшее влияние на смену фазы экономического цикла. Именно поэтому, помимо общих переменных, необходимо применять материальные и поведенческие переменные с тем, чтобы лучше оценивать источники цикличности в экономике.

Значимость материальных факторов была подтверждена в различных исследованиях [Китрар, Липкинд, 2021]. Расхождение между материальным и экономическим циклом говорит о наличии дополнительного фактора, объясняющего динамику экономической активности. Таким дополнительным фактором, по мнению авторов, выступает поведенческий цикл. Поведение субъектов определяет возникновение связей между элементами материального цикла.

Роль поведения в формировании поведенческой экономики показана в ряде работ, в частности лауреата Нобелевской премии по экономике Дж. Акерлофа [Akerlof, 2002]. Однако авторам не удалось найти исследования, рассматривающие формирование поведенческого цикла⁷. Идентификация существующей фазы поведенческого цикла — значимая задача государственного регулирования. Демонстрация субъектами различных типов экономического поведения способствует формированию неравномерного уровня экономической активности. Для эффективного регулирования экономики необходимо идентифицировать субъектов по типу поведения с целью дальнейшей оценки их общей структуры и экономического потенциала каждой из групп. Точная информация о типах поведения субъектов позволит целенаправленно воздействовать на активность каждой из групп в зависимости от фазы цикла. Последнее определяет необходимость разработки оригинальной методики исследования поведенческого цикла, а также ее апробации на доступных данных.

Методика исследования поведенческого цикла и описание данных

Методика исследования поведенческого цикла предполагает реализацию трех основных этапов:

Этап 1. Формирование набора показателей, отражающих динамику поведенческого цикла.

Этап 2. Идентификация фаз поведенческого цикла с использованием полученного набора данных.

Этап 3. Наложение выявленных этапов поведенческого цикла на идентифицированные ранее этапы экономического цикла.

Этап 1. Для определения текущей фазы поведенческого цикла необходим набор показателей. Так как поведение субъектов оценивается на основе резуль-

⁷ Вместе с тем существуют исследования, изучающие взаимосвязь экономического цикла с показателями ожиданий (к примеру, [Китрар, Липкинд, 2020]).

татов социологических исследований, длинные временные ряды, доступные для анализа поведенческого цикла, отсутствуют⁸. Акцент в исследованиях в большей степени делается на анализе ожиданий, являющихся следствием более устойчивой характеристики «тип поведения» [Масленников и др., 2022]. В этой связи среди существующих данных необходимо искать показатели-аналоги, учитывающие доминирующий тип поведения субъектов. Это вынужденный подход ввиду отсутствия накопленной информации в разрезе групп с различными типами поведения. Показатели, используемые при идентификации поведенческого цикла, должны обладать рядом необходимых характеристик:

— они должны регулярно собираться для формирования полноценного временного ряда;

— используемый временной ряд должен демонстрировать наличие зависимости от предыдущих значений (быть персистентным)⁹.

Наиболее перспективными показателями для характеристики поведения считаются показатели ожиданий населения¹⁰ (к примеру, Индекс произошедших изменений в экономике России¹¹). Очевидно, что временной ряд, связанный с ожиданиями, будет зависеть от предыдущих значений, так как ожидания субъектов относительно будущего могут накапливаться в связи с увеличением человеческого, социального и финансового капиталов. Период накопления ожиданий в рамках одного поколения ограничен¹². Более того, ожидания позволяют с определенной погрешностью описать доминирующий тип поведения субъектов.

Для идентификации поведенческого цикла необходимо использовать социологические индексы, учитывающие настроения субъектов (см. табл. 3). Подобные данные по России есть на сайте Росстата за период с четвертого квартала 1998 г. по второй квартал 2021 г., что подтверждает их соответствие первому требованию к данным, описанному ранее. Именно эти ряды при условии соответствия свойству персистентности могут быть использованы при эмпирической апробации методики идентификации поведенческого цикла. Учитывая, что тип поведения зависит от накопленного человеческого, социального и финансового капитала, все собираемые Росстатом индексы ожиданий, ориентированные на учет прошлого, настоящего и будущего, могут быть использованы для идентификации фаз поведенческого цикла.

⁸ Для идентификации поведенческого цикла возможно применять лонгитюдные обследования, такие как Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. Вместе с тем при идентификации экономического цикла чаще всего используются ежемесячные и ежеквартальные данные. Именно поэтому для целей настоящего исследования лонгитюдные обследования не применяются. Возможности их применения необходимо оценить в дальнейших исследованиях.

⁹ Персистентность ряда демонстрирует наличие закономерностей в формировании значений.

¹⁰ Необходимо подчеркнуть, что ожидания отражают тип поведения субъектов лишь частично. Однако из-за отсутствия временного ряда, оценивающего тип поведения субъектов, в данном исследовании для идентификации фаз поведенческого цикла применяются показатели ожиданий.

¹¹ Данный индекс значим из-за его связи с накопленным человеческим капиталом.

¹² Вероятно, ограничение длительности ожиданий субъектов связано с длительностью экономически активного периода жизни одного поколения, то есть ожидания могут формироваться в течение жизни одного поколения. При этом нельзя исключать возможность трансфера ожиданий за рамки одного поколения путем передачи опыта. Изучение данного процесса должно стать предметом отдельного исследования.

Таблица 3. Система показателей, доступных для идентификации фаз поведенческого цикла*

Наименование показателя	Характеристика	Среднее значение
Индекс текущего состояния экономики России	Демонстрирует, насколько положительно респонденты оценивают состояние экономики в России	-22,28
Индекс благоприятности условий для крупных покупок	Оценивает, насколько респонденты готовы совершать крупные покупки	-31,86
Индекс ожидаемого изменения числа безработных	Оценивает отношение респондентов к текущему состоянию безработицы	-34,26
Индекс ожидаемых изменений экономической ситуации в России через год	Оценивает ожидания респондентов в краткосрочном периоде	-5,2
Индекс произошедших изменений экономической ситуации в России	Оценивает, насколько положительны были произошедшие изменения в экономике России	-15,51
Индекс ожидаемых изменений экономической ситуации в России через пять лет	Оценивает долгосрочные ожидания респондентов в части экономической ситуации в России	8,92
Индекс ожидаемых изменений цен	Оценивает ожидания респондентов относительно инфляции. Баланс оценок представляет собой разность между суммой долей (в процентах) определено положительных и ½ скорее положительных ответов, а также суммой долей (в процентах) определено отрицательных и ½ скорее отрицательных ответов. Нейтральные ответы не принимаются во внимание	-71,91
Индекс произошедших изменений личного материального положения за год	Оценивает личное отношение респондента относительно изменений его материального положения	-13,91
Индекс ожидаемых изменений личного материального положения	Оценивает ожидания респондента относительно изменений его личного материального положения	-7,79
Индекс уверенности потребителя	Рассчитывается как среднее арифметическое значение индексов, учитывающих произошедшие и ожидаемые изменения личного материального положения, произошедшие и ожидаемые изменения экономической ситуации в России и т.д.	-14,82

*Составлена авторами исследования на основе данных Росстата.

Для формирования набора показателей, характеризующих поведенческий цикл, необходимо выбрать такие, которые имеют зависимость от предыдущих значений. С этой целью возможно использовать фрактальный анализ [Беляев, Ларионов, Сильвестров, 2021; Опокина, 2019], позволяющий оценить степень волатильности рассматриваемого показателя. На основании проведенных расчетов будет получено значение показателя Херста, который рассчитывается в соответствии со следующей формулой:

$$\ln(R/S) = \ln(c) + H \cdot \ln(m),$$

где H — показатель Херста,
 R/S — среднее значение нормированного размаха,
 m — количество наблюдений в группе,
 c — константа.

Для расчета показателя Херста применяется метод наименьших квадратов.

Возможно получение трех основных вариантов значений показателя:

- 1) больше 0,5: означает, что временной ряд является персистентным;
- 2) меньше 0,5: означает, что ряд является антиперсистентным;
- 3) равный 0,5: означает, что значения являются случайными.

Так как ожидания в рамках концепции поведенческого цикла тесно связаны с формированием типов поведения, можно предположить существование трендовой зависимости в динамике поведенческого цикла. Данное предположение позволяет сформулировать гипотезу 1: *индексы ожиданий демонстрируют преобладающую зависимость от предыдущих значений.*

Ожидания формируются под воздействием социального, человеческого и финансового капитала [Масленников и др., 2022]. Соответственно, предыдущий опыт субъектов в значительной степени определяет механизм совершения ими операций в будущем. Показатели ожиданий, для которых будет подтверждена данная гипотеза, могут быть использованы для идентификации фаз поведенческого цикла.

Этап 2. После определения перечня показателей, обладающих преимуществом значений, необходимо с помощью оценить фазу поведенческого цикла. Для этого в международной и отечественной практике применяются различные методы, включая алгоритм Хардинга — Пейгана [Harding, Pagan, 2006], метод Гамильтона — Шаве [Chauve, Hamilton, 2005] и др. Для датировки поведенческого цикла представляется целесообразным применять методику Хардинга — Пейгана, изложенную в работе 2002 г. [Harding, Pagan, 2002].

В алгоритме применяется временной ряд, анализ которого позволяет определить пики и дно цикла по рассматриваемому показателю, а также его основные характеристики в части длительности цикла и амплитуды колебаний. Пик для временного ряда Y наступает в момент времени t при условии:

$$Y_{t-k}, \dots, Y_{t-k+1} < Y_t > Y_{t+1}, \dots, Y_{t+k},$$

где k для квартальных данных равняется 2, для месячных данных — 5¹³. С помощью этого условия обеспечивается поиск поворотных точек для рассматриваемых рядов. Помимо прочего для квартальных данных устанавливаются ограничения на минимальную длину цикла (5 кварталов) и минимальную фазу цикла (2 квартала)¹⁴. Пики и дно циклов определяются для каждого временного ряда, используемого для идентификации поведенческого цикла. Совпадение экстремумов для ряда показателей рассматривается как смена фазы поведенческого цикла.

Этап 3. Наложение выявленных этапов поведенческого цикла на идентифицированные ранее этапы экономического цикла позволит определить наличие взаи-

¹³ Luvsannyam D., Batmunkh K. (2018) Dissecting the Business Cycle and the BBQ Add-In // EViews. Econometric Analysis Insight Blog. September. URL: <http://blog.eviews.com/2018/09/dissecting-business-cycle-and-bbq-add-in.html> (дата обращения: 06.01.2022).

¹⁴ Подобные ограничения применяются при анализе циклов в международной практике [Pagan, Harding, 2002].

мосвязи между фазами экономического и поведенческого циклов. В ряде случаев поведенческий цикл, вероятно, будет предвосхищать экономический цикл, в то время как в других случаях смена фазы поведенческого цикла будет происходить после смены фазы экономического цикла.

Поведенческий цикл предвосхищает экономический цикл. В ряде случаев субъекты могут понизить свои ожидания с учетом поступающей информации, что приведет к дальнейшему ухудшению экономической динамики. Данная ситуация может возникать при раннем изменении новостного фона до момента изменения динамики материального цикла.

Поведенческий цикл следует за экономическим циклом. Данный вариант предполагает, что смена фазы поведенческого цикла является результатом возникшей негативной экономической динамики. Из-за ухудшения материальной компоненты экономического цикла ухудшается новостной фон, что в конечном счете приводит к смене динамики поведенческого цикла.

Помимо этого, возможна ситуация совпадения поведенческого и материального циклов.

Совпадение волн поведенческого и материального циклов в точках минимума отражает факт наступления глубокого экономического кризиса, что позволяет сформулировать гипотезу 2: *Совпадение минимумов показателей, отражающих поведенческий цикл, является индикатором наступления экономического кризиса*¹⁵.

Необходимо оговориться, что помимо материальной и поведенческой компонент экономического цикла на него оказывают влияние и нециклические экстраординарные процессы, часто фигурально называемые «черными лебедями» [Taleb, 2007], «белыми лебедями» [Roubini, Mihm, 2010] или «...и случай, бог изобретатель»¹⁶. Такие события трудно спрогнозировать с использованием существующего инструментария¹⁷. Они не имеют очевидной периодичности, но могут существенно влиять на динамику экономического цикла, а иногда даже приводят к изменению парадигмы развития.

Эмпирическая оценка вышеописанных гипотез подтвердит существование поведенческого цикла в экономике, а также позволит использовать концепцию поведенческого цикла для предсказания смены фаз экономического цикла. Для этого необходимо апробировать вышеописанную методику на реальных данных.

Апробация методики исследования поведенческого цикла

Реализация трех описанных выше этапов методики позволит определить динамику поведенческого цикла и эмпирически оценить сформулированные ранее гипотезы.

Этап 1. Формирование набора показателей, отражающих динамику поведенческого цикла

Для определения набора показателей целесообразно применять персистентные показатели. Для этого рассчитывается значение показателя Херста, позво-

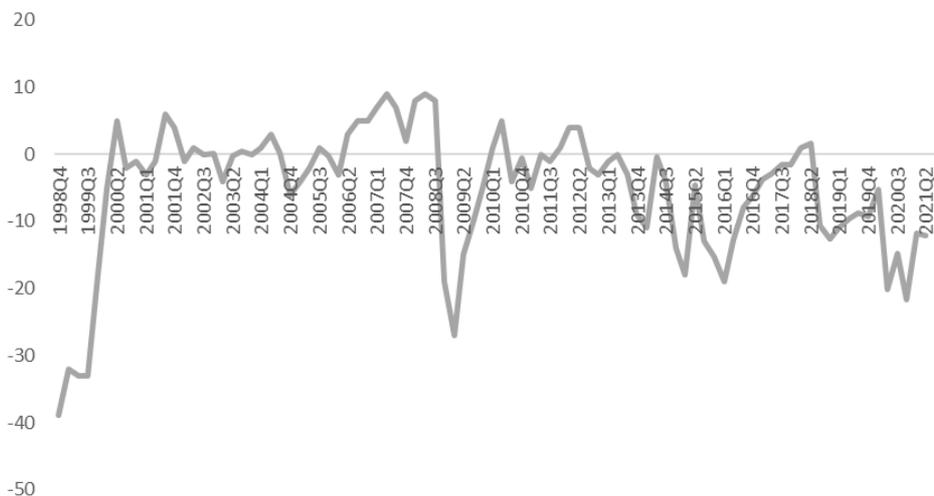
¹⁵ Индикатором наступления экономического кризиса является не только совпадение минимумов материального и поведенческого цикла, но и факт того, что без минимума поведенческого цикла, экономический цикл наступает крайне редко. Данный аспект нуждается в дополнительном изучении в ходе дальнейших исследований.

¹⁶ Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 16 т. Т. 3. Стихотворения, 1826—1836. Сказки. М.: Художественная литература, 1948. С. 464.

¹⁷ Данный аспект не является предметом изучения настоящего исследования.

ляющего оценить тип рассматриваемого временного ряда (к примеру, показатель Индекс ожидаемых изменений экономической ситуации в России через год (см. рис. 2). Графический анализ демонстрирует определенные закономерности в динамике изменения данного показателя. В частности, провалы значений индекса ожидаемых изменений экономической ситуации в России через год наблюдаются в кризисные периоды (к примеру, в период мирового финансового кризиса 2008 г.).

Рис. 2. Индекс ожидаемых изменений экономической ситуации в России через год¹⁸

С учетом того, что данные были доступны на квартальной основе, рассматриваемый временной ряд по всем показателям был разделен на пять классов (см. табл. 3). Впоследствии было рассчитано среднее значение нормированного размаха (R/S). Аналогичные расчеты проведены для всех доступных показателей, отражающих ожидания субъектов (см. табл. 4).

Таблица 4. Результаты фрактального анализа для показателя «Индекс ожидаемых изменений экономической ситуации в России через год»

	Класс 1	Класс 2	Класс 3	Класс 4	Класс 5
M	10	15	18	30	45
R/S	2,649994	3,300655	3,8808	5,404757	7,033964
ln(m)	2,302585	2,70805	2,890372	3,401197	3,806662
ln(R/S)	0,974557	1,194121	1,356041	1,687279	1,95075

На основании рассчитанных логарифмов значений показателей среднего нормированного размаха (ln(R/S)), а также логарифмов значений «количество наблю-

¹⁸ Построен авторами на основе данных Росстата.

дений в каждой группе» ($\ln(m)$) были получены индивидуальные значения показателя Херста для каждого временного ряда, отражающего ожидания субъектов (см. табл. 5). Проведенный анализ продемонстрировал, что большинство показателей ожиданий являются персистентными. Подобный результат позволяет подтвердить гипотезу 1 о том, что индексы ожиданий демонстрируют преобладающую зависимость от предыдущих значений. Полученный результат обусловлен тем, что субъекты при формировании ожиданий принимают в расчет предыдущий опыт прохождения кризисов, учитывают накопленный социальный, человеческий и финансовый капитал, а также ориентируются на будущее.

Таблица 5. **Результаты фрактального анализа для различных поведенческих показателей**

Наименование показателя	Значение Херста
Индекс текущего состояния экономики России	0,67
Индекс благоприятности условий для крупных покупок (ИБКП)	0,75
Индекс ожидаемого изменения числа безработных	0,51
Индекс ожидаемых изменений экономической ситуации в России через год	0,66
Индекс произошедших изменений экономической ситуации в России	0,66
Индекс ожидаемых изменений экономической ситуации в России через пять лет	0,44
Индекс ожидаемых изменений цен	0,62
Индекс произошедших изменений личного материального положения за год	0,73
Индекс ожидаемых изменений личного материального положения	0,77
Индекс уверенности потребителя	0,68

Единственным антиперсистентным показателем выступает индекс ожидаемых изменений экономической ситуации в России через пять лет, значение показателя Херста для которого составляет 0,44. Данный показатель в значительной степени зависит от текущих значений, экстраполированных за горизонт, доступный для предвидения большинством субъектов, а следовательно, не в полной мере позволяет идентифицировать фазы поведенческого цикла. Иные показатели, значения Херста для которых больше 0,5, могут использоваться для анализа поведенческого цикла и реализации второго этапа методики.

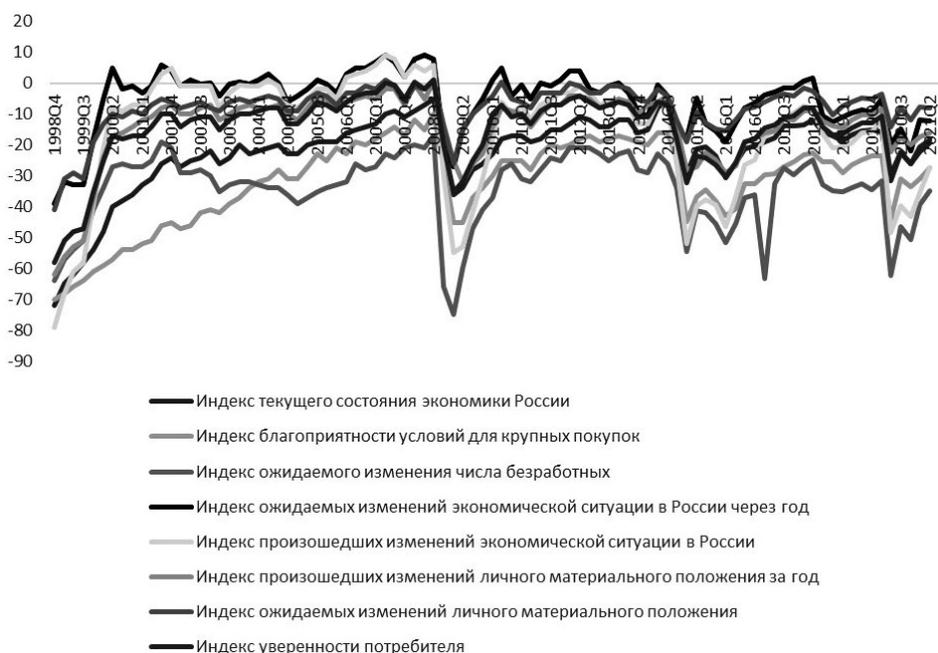
Необходимо отметить, что показатели являются усредненными по группам субъектов со всеми тремя доминирующими типами поведения, среди которых, вероятно, численно преобладает группа с реактивным типом поведения. Это также объясняет антиперсистентность наиболее долгосрочного из оцененных показателей. Можно предположить, что тот же показатель для группы с активным типом пове-

дения уже был бы персистентным и весьма ценным для исследования, поскольку именно эта группа субъектов и формирует будущие тренды. Решение проблемы выявления распределения субъектов по типам поведения определяет необходимость проведения целевого социологического исследования.

Этап 2. Идентификация фаз поведенческого цикла с использованием полученного набора данных

Внедрение в практику анализа концепции поведенческого цикла позволит дополнить ранее уже известные «волны», определяющие цикличность в экономике. Для анализа фаз поведенческого цикла использованы девять показателей, представленных в таблице 5, за исключением индекса ожидаемых изменений экономической ситуации в России через пять лет (см. рис. 3). Анализ их динамики демонстрирует наличие общих закономерностей, что подтверждает возможность существования единых причин их изменения. Наиболее негативные тенденции в значениях рассматриваемых показателей наблюдаются в кризисные периоды.

Рис. 3. Динамика ряда показателей, используемых для идентификации фаз поведенческого цикла¹⁹

Для выбранных показателей ожиданий субъектов была реализована процедура, изложенная в методике Хардинга — Пейгана. Расчеты проводились в программе Eviews 8. С учетом проведенного анализа можно выделить несколько фаз поведенческого цикла (см. табл. 6).

¹⁹ Составлен авторами на основе данных Росстата.

Таблица 6. Идентификация фаз поведенческого цикла

Фаза	Датировка	Количество совпадений	Цикл
Пик	3—4 квартал 2001	4	Цикл 1
Дно	1 квартал 2003	6	
Пик	2 квартал 2004	5	Цикл 2
Дно	1 квартал 2005	5	
Пик	2 квартал 2007	5	Цикл 3
Дно	4 квартал 2007	4	
Пик	3 квартал 2008	8	Цикл 4
Дно	1 квартал 2009	9	
Пик	2 квартал 2010	7	Цикл 5
Дно	1 квартал 2011	6	
Пик	2 квартал 2012	6	Цикл 6
Дно	1 квартал 2016	4	
Пик	2 квартал 2018	9	Цикл 7
Дно	4 квартал 2018	9	
Пик	1 квартал 2020	9	Цикл 8 (начало)

В качестве фазы выбирались даты, в которых наблюдалось совпадение динамики по четырем из девяти показателей, характеризующих ожидания населения. Совпадение рассматривалось с лагом в один квартал²⁰. В соответствии с предпосылкой, что большая часть субъектов демонстрирует реактивный тип поведения, мы видим некое ожидание реактивного большинства. Пики поведенческого цикла смещены в сторону ожиданий большинства людей с реактивным типом поведения. Поведенческий цикл формируется под воздействием отдельных групп, которые имеют свои особенности на каждом этапе цикла. За рассматриваемый период удалось идентифицировать семь полноценных поведенческих циклов, начиная с четвертого квартала 1998 г.

Необходимо отметить, что фазы поведенческого цикла обладают различной степенью интенсивности. В частности общую динамику рассматриваемые показатели демонстрируют в период существенных вызовов для мировой экономики, таких как мировой финансовый кризис 2008 г., а также пандемия COVID-19. Для оценки наличия взаимосвязи между рассматриваемыми показателями представляется целесообразным проанализировать сопряженность фаз поведенческого и экономического циклов.

Этап 3. Наложение выявленных этапов поведенческого цикла на идентифицированные ранее этапы экономического цикла

Необходимо сравнить существующие фазы поведенческого и экономического циклов. Для этого определенные ранее фазы поведенческого цикла наложим

²⁰ Лаг в 1 квартал для идентификации поведенческого цикла связан с тем, что поведение является производной от ожиданий в совокупности с другими факторами. При идентификации пиков и дна цикла мы наблюдаем экстремумы, определенные для конкретных групп. Поскольку волны в рассматриваемых показателях совпадают не всегда, смены фаз поведенческого цикла целесообразно идентифицировать в периоды совпадений динамики одновременно по нескольким показателям. Подобное ограничение связано с тем, что фазы поведенческого цикла идентифицируются с помощью косвенных показателей ожиданий.

на фазы экономического цикла с целью оценки уровня их сопряженности. При оценке сопряженности представляется целесообразным использовать существующие исследования, определившие фазы экономического цикла для экономики России²¹. В рассматриваемых исследованиях не всегда наблюдаются совпадения в части фаз экономического цикла, что определяет потребность в дальнейших исследованиях материальных аспектов экономического цикла, а также высокую зависимость полученных результатов от выбранных показателей (см. табл. 7). Несовпадение фаз экономических циклов может быть связано с недостаточным учетом поведенческой компоненты при проведении анализа и ориентацией общих переменных лишь на материальный аспект цикличности экономики.

Таблица 7. Оценка степени сопряженности экономического и поведенческого цикла

Фаза	[Дубовский и др., 2015]	[Смирнов, 2020]	Совпадение экономического и поведенческого цикла
Пик	—	Ноябрь 1997	Нет данных по поведенческому циклу
Дно	4 квартал 1998	Сентябрь 1998	Нет данных по поведенческому циклу
Пик	2 квартал 2008	Май 2008	3 квартал 2008 — пик поведенческого цикла. При этом цикл смещен на 1 квартал
Дно	2 квартал 2009	Май 2009	1 квартал 2009 — дно поведенческого цикла. Дно наступило раньше, чем дно общего экономического цикла
Пик	3 квартал 2012	—	Датировка поведенческого цикла частично совпала.
	—	Декабрь 2014	2 квартал 2012 — пик поведенческого цикла
Дно	—	Июнь 2016	Датировка поведенческого цикла совпала. 1 квартал 2016 — дно поведенческого цикла

Сравнительный анализ волн поведенческого цикла с общим экономическим циклом демонстрирует их частичное совпадение в различные периоды времени — в период мирового финансового кризиса 2008 г. и кризиса 2014 г. Таким образом, фазы поведенческого цикла совпадают с фазами общего экономического цикла, в связи с чем поведение можно рассматривать как важный компонент цикличности экономики. Именно поэтому при анализе экономического цикла целесообразно учитывать как материальную, так и поведенческую компоненты.

Итак, мы подтвердили гипотезу о том, что совпадение минимумов показателей, отражающих поведенческий цикл, является индикатором наступления экономического кризиса. Совпадение фаз поведенческого и общего экономического цикла, вероятно, связано с существенным внешним негативным влиянием. Поведенческий цикл наблюдается обособленно от общего экономического цикла (волны не всегда совпадают), однако в периоды потрясений степень сопряженности настроений субъектов с динамикой материального цикла возрастает, что приводит к смене фазы общего экономического цикла.

При этом в датировке циклов есть небольшие лаги. Наличие лагов, вероятно, связано с различиями в источниках наступления экономического кризиса. Если

²¹ В дальнейших исследованиях возможно наряду с поведенческим циклом самостоятельно определить также и общий экономический цикл. Вместе с тем в рамках нашего исследования данный шаг значительно увеличил бы его объем, не позволив в полной мере раскрыть концепцию поведенческого цикла.

кризис имеет внешние причины, то он сначала проявляется в мировой экономике, а впоследствии переходит на национальный уровень. Данный факт, в частности, мы можем наблюдать для кризиса 2008 г., когда дно поведенческого цикла наступило в первом квартале 2009 г., в то время как дно общего экономического цикла в российской экономике наступило во втором квартале 2009 г.²² Ухудшение динамики мировой экономики привело к искажению информационного фона, вследствие чего было достигнуто дно поведенческого цикла. Изменение поведенческой компоненты повлияло на динамику общего экономического цикла. Таким образом, при анализе сопряженности поведенческого и общего экономического циклов необходимо учитывать в том числе факторы, определяющие изменения настроений субъектов. К таким факторам относятся динамика денежных потоков, состояние информационного фона и т. д.

Заключение

Исследование подтвердило существование поведенческого цикла, определяющего изменение динамики настроений субъектов. Поведенческий цикл дополняет общий экономический цикл путем учета склонности людей к совершению определенных действий. Совпадение фаз материального цикла с фазами поведенческого цикла может приводить к масштабным кризисам. Экономический цикл невозможно остановить, однако можно изменить амплитуду и скорректировать сроки его наступления, обеспечив необходимый уровень устойчивости экономики. Последнее возможно реализовать путем использования поведенческих инструментов воздействия.

Учет поведенческого цикла в числе факторов, формирующих экономический цикл, по сути, означает отказ от механистического подхода, объясняющего цикличность экономики только динамикой материальных факторов. Игнорирование поведенческих факторов в объяснении и прогнозировании экономических циклов снижает возможности государственных органов в реализации контрциклической политики, направленной на достижение целей национальной безопасности и устойчивого социально-экономического развития. Теоретические основы, заложенные при анализе поведенческого цикла, могут применяться для развития системы стратегического планирования.

В ходе исследования была предложена оригинальная методика анализа поведенческого цикла, а также проведена ее эмпирическая апробация на примере поведенческого цикла в России. Эмпирическая апробация позволила подтвердить гипотезы, сформулированные в настоящем исследовании. С учетом сопряженности поведенческого цикла с общим экономическим целесообразно дальнейшее развитие концепции поведенческого цикла. Создание теории поведенческого цикла требует раскрытия ряда ключевых аспектов.

Во-первых, необходимо выявить факторы, определяющие динамику поведенческого цикла, смену фаз в периодах повышающих и понижающих волн. Начиная с конца 1998 г. в России произошло всего семь полных фаз поведенческого цикла, различных по значимости. Поведенческий цикл является частью экономи-

²² При наличии внешних причин возникновения кризиса поведение, вероятно, индуцирует появление спада в национальном экономическом цикле, выступая каналом передачи негативного влияния от мировой экономики.

ческого, в связи с чем поведенческая компонента всегда присутствует в экономическом цикле. Совпадение фаз, особенно в точках минимума, свидетельствует о высокой роли поведения субъектов, формализованного в виде поведенческого цикла, в формировании условий для развития кризисов. Ключевым вопросом является определение факторов смены фаз поведенческого цикла, а также его взаимосвязи с различными сферами хозяйственной деятельности. В частности, возможно предположить наличие взаимосвязи с движением денежных потоков, усилением волатильности на финансовых рынках. Помимо прочего, последствия поведенческого цикла могут усиливаться благодаря активной цифровизации экономики, значительно способствующей структуризации поведения субъектов [Масленников, Ларионов, 2020а].

Во-вторых, важным аспектом оказывается анализ длительности фаз поведенческого цикла, анализ структурных условий, в течение которых сохраняется доминирующий тип поведения субъектов. В данном исследовании, с учетом доступного набора данных, было продемонстрировано существование коротких поведенческих циклов. Однако можно предположить существование еще средних и длинных циклов²³. Необходимо по аналогии с экономическим циклом идентифицировать различные виды поведенческого цикла в зависимости от длительности. Наличие средних поведенческих циклов связано с динамикой экономической активности различных поколений субъектов. Долгосрочные поведенческие циклы могут быть связаны с выбытием поколений субъектов из-за демографических факторов, а также постепенным изменением доминирующего типа поведения по мере старения населения. Можно предположить, что длинный поведенческий цикл (в случае подтверждения его существования) составляет не более сорока лет, что включает период экономически активной жизни субъектов.

В-третьих, поведенческий цикл на различных этапах характеризует проявление в обществе различных доминирующих типов поведения, отражая наиболее значимые настроения субъектов. Поведенческий цикл позволяет идентифицировать доминирующие настроения людей без выделения отдельных групп субъектов с активным, адаптивным и реактивным типом поведения. Для разработки методов прогнозирования поведенческой динамики и формирования механизмов государственного управления поведением индивидов необходимо разработать инструменты, позволяющие классифицировать их в зависимости от типа поведения, а также исследовать эти группы не только по статическим характеристикам — возраст, образование, финансовое состояние, уровень ожиданий, склонность к активным экономическим действиям и т. п., но и проанализировать эти характеристики в динамике. Примером такой политики выступает практика поведенческого надзора, реализуемая Банком России²⁴.

Представляется целесообразным разработать дополнительные индикаторы для идентификации субъектов с различными типами поведения. Анализ типов пове-

²³ Предположение о существовании различных видов поведенческих циклов может также выступать предметом иных исследований. Их подтверждение требует получения высокочастотных данных относительно настроения экономических субъектов (как минимум на ежемесячной основе) за большой период времени.

²⁴ Служба по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг. Отчет по итогам поведенческой экспертизы тестирования неквалифицированных инвесторов // Банк России. Москва, 2021. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120017/report_results_testing.pdf (дата обращения: 06.01.2022).

дения субъектов ограничивает ориентация социологических опросов на оценку ожиданий. Ожидания — более волатильный показатель, его периодичность сбора и интерпретации сильно ограничена. Тип поведения субъекта является постоянной характеристикой. Статистически оценив распределение субъектов по типам поведения, можно в дальнейшем учитывать потенциальные поведенческие реакции на происходящие изменения в экономике. Будущие исследования должны быть направлены на разработку подходов к идентификации фаз поведенческого цикла применительно к различным категориям субъектов, демонстрирующих активный, адаптивный и реактивный типы поведения, а также на разработку подходов к классификации видов поведенческих циклов.

Список литературы (References)

Афанасьев М. П., Афанасьев Я. М. Методические и теоретические основы формулировки закона А. Вагнера. Подходы к его тестированию // Вопросы государственного и муниципального управления. 2009. № 3. С. 47—70.

Afanasyev M. P., Afanasyev Ya. M. (2009) The Theoretical and Methodical Foundations of the Wagner's Law. Approaches to Testing It. *Public Administration Issues*. No. 3. P. 47—70. (In Russ.)

Беляев И. И., Ларионов А. В., Сильвестров С. Н. Оценка состояния экономической безопасности России на примере показателя уровня безработицы: метод фрактального анализа // Проблемы прогнозирования. 2021. № 2. С. 34—42. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-185-34-42>.

Belyaev I. I., Larionov A. V., Sil'vestrov S. N. (2021) Assessing the State of Economic Security in Russia Using the Example of the Unemployment Rate Indicator: Fractal Analysis Method. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 32. No. 2. P. 141—146. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-185-34-42>. (In Russ.)

Блохин А. А., Гридин Р. В. Институциональные факторы в экономических прогнозах // Проблемы прогнозирования. 2021. № 5. С. 18—28. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-188-18-28>.

Blokhin A. A., Gridin R. V. (2021) Institutional Factors in Economic Forecasts. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 32. No. 5. P. 459—466. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-188-18-28>. (In Russ.)

Дубовский Д. Л., Кофанов Д. А., Сосунов К. А. Датировка российского бизнес-цикла // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 19. № 4. С. 554—575. Dubovskiy D., Kofanov D., Sosunov K. (2015) Dating of the Russian Business Cycle. *Higher School of Economics Economic Journal*. Vol. 19. No. 4. P. 554—575. (In Russ.)

Капелюшников Р. И. Поведенческая экономика и «новый» патернализм. Часть 1 // Вопросы экономики. 2013. № 9. С. 66—90. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-9-66-90>.

Kapelyushnikov R. I. (2013) Behavioral Economics and “New” Paternalism. (Part 1). *Voprosy Ekonomiki*. No. 9. P. 66—90. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-9-66-90>. (In Russ.)

Китрар Л. А., Липкинд Т. М. Анализ взаимосвязи индикатора экономических настроений и роста ВВП // *Экономическая политика*. 2020. Т. 15. № 6. С. 8—41. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2020-6-8-41>.

Kitrar L. A., Lipkind T. M. (2020) Analysis of Interconnection of the Indicator of Economic Attitude and Growth. *Economic Policy*. Vol. 15. No. 6. P. 8—41. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2020-6-8-41>. (In Russ.)

Китрар Л. А., Липкинд Т. М. Развитие композитных индикаторов циклического реагирования в конъюнктурных исследованиях // *Вопросы статистики*. 2021. Т. 28. № 2. С. 24—41. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-2-24-41>.

Kitrar L. A., Lipkind T. M. (2021) Development of Composite Indicators of Cyclical Response in Business Surveys. *Voprosy Statistiki*. Vol. 28. No. 2. P. 24—41. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-2-24-41>. (In Russ.)

Клинов В. Г. Эволюция длинных волн мирового хозяйства // *Проблемы прогнозирования*. 2015. № 3. С. 114—127.

Klinov V. G. (2015) The Evolution of Long Waves of the World Economy. *Studies of Russian Economic Development*. Vol. 26. No. 3. P. 285—294. (In Russ.)

Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002.

Kondratiev N. D. (2002) Large Conjuncture Cycles and the Theory of Foresight. *Selected Works*. Moscow: Economics. (In Russ.)

Коссов В. В. Цена спроса на нефть — среднесрочный прогноз // *Проблемы прогнозирования*. 2016. № 6. С. 65—75.

Kossov V. V. (2016) Demand Price for Oil — Medium-Term Forecast. *Problems of Forecasting*. No. 6. P. 65—75. (In Russ.)

Масленников В. В. Факторы развития национальных банковских систем. СПб.: СПбГУЭФ, 2000.

Maslennikov V. V. (2000) Factors in the Development of National Banking Systems. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics. (In Russ.)

Масленников В. В., Соколов Ю. А. Национальная банковская система. Москва: ТД «Элит-2000», 2002.

Maslennikov V. V. (2002) The National Banking System. Moscow: “Elite-2000”. (In Russ.)

Масленников В. В., Ларионов А. В. Влияние поведенческого цикла на формирование денежных потоков // *Финансы: теория и практика*. 2020а. Т. 24. № 5. С. 100—111. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-5-100-111>.

Maslennikov V. V., Larionov A. V. (2020a) Impact of the Behavioral Cycle on Cash Flow Formation. *Finance: Theory and Practice*. Vol. 24. No. 5. P. 100—111. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-5-100-111>. (In Russ.)

Масленников В. В., Ларионов А. В. Влияние поведенческих циклов на экономику // *Экономика. Налоги. Право*. 2020b. Т. 13. № 2. С. 34—44.

Maslennikov V. V., Larionov A. V. (2020b) Influence of Behavioral Cycles on the Economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. V. 13. No. 2. P. 34—44. (In Russ.)

Масленников В. В., Ларионов А. В. О роли поведенческого цикла в наступлении финансового кризиса // *Банковское дело*. 2020с. № 9. С. 14—20.

Maslennikov V. V., Larionov A. V. (2020c) The Role of the Behavioral Cycle in the Onset of the Financial Crisis. *Bankovskoe Delo*. No. 9. P. 14—20. (In Russ.)

Масленников В. В., Ларионов А. В., Гагарина М. А. Факторы формирования типов финансового поведения экономических субъектов // *Финансы: теория и практика*. 2022. Т. 26. № 2. С. 88—103. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-2-88-103>.

Maslennikov V. V., Larionov A. V., Gagarina M. A. (2022) Factors of Formation of Financial Behavior Types of Economic Entities. *Finance: Theory and Practice*. Vol. 26. No. 2. P. 88—103. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-2-88-103>. (In Russ.)

Опокина Н. А. Модель формирования портфеля ценных бумаг с использованием фрактального анализа // *Казанский экономический вестник*. 2019. Т. 3. № 41. С. 47—50.

Opokina N. A. (2019) A Model for the Formation of a Securities Portfolio Using Fractal Analysis. *Kazan Economic Bulletin*. Vol. 3. No. 41. P. 47—50. (In Russ.)

Рубинштейн А. Я., Городецкий А. Е., Гринберг Р. С., Гловели Г. Дж. и др. Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма. СПб.: Алетейя, 2020.

Rubinshtein A. Ya., Gorodetsky A. E., Grinberg R. S., Glovely G. D. et al. (2020) Economic Theory of the State: A New Paradigm of Paternalism. Saint Petersburg: Aletheia. (In Russ.)

Ромер Д. Высшая макроэкономика / пер. с англ. под науч. ред. В. М. Полтеровича. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.

Romer D. (2014) *Advanced Macroeconomics*. Moscow: HSE University. (In Russ.)

Сергеев В. М. О глубинных корнях современного финансового кризиса // *Полис. Политические исследования*. 2009. № 3. С. 47—53.

Sergeev V. M. (2009) On the Deep Roots of the Modern Financial Crisis. *Polis. Political studies*. No. 3. P. 47—53. (In Russ.)

Смирнов С. В. Предсказание поворотных точек российского экономического цикла с помощью сводных опережающих индексов // *Вопросы статистики*. 2020. Т. 27. № 4. С. 53—65. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-4-53-65>.

Smirnov S. V. (2020) Predicting Turning Points of the Russian Economic Cycle Using Composite Leading Indicators. *Voprosy Statistiki*. Vol. 27. No. 4. P. 53—65. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-4-53-65>. (In Russ.)

Яременко Ю. В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. М.: Наука, 2000.

Yaremenko Yu. V. (2000) *Theory and Methodology of the Study of a Multilevel Economy*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Akerlof G. A. (1970) The Market for «Lemons»: Quality Uncertainty and the Market Mechanism. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 84. No. 3. P. 488—500. <https://doi.org/10.2307/1879431>.

Akerlof G. A. (2002) Behavioral Macroeconomics and Macroeconomic Behavior. *American Economic Review*. Vol. 92. No. 3. P. 411—433. <https://doi.org/10.1257/00028280260136192>.

Chauve M., Hamilton J. D. (2005) Dating Business Cycle Turning Points. *National Bureau of Economic Research*. Working Paper No. 11422. <https://doi.org/10.3386/w11422>.

Harding D., Pagan A. (2002) Dissecting the Cycle: A Methodological Investigation. *Journal of Monetary Economics*. Vol. 49. No. 2. P. 365—381. [https://doi.org/10.1016/S0304-3932\(01\)00108-8](https://doi.org/10.1016/S0304-3932(01)00108-8).

Harding D., Pagan A. (2006) Synchronization of Cycles. *Journal of Econometrics*. Vol. 132. No. 1. P. 59—79. <https://doi.org/10.1016/J.JECONOM.2005.01.023>.

Mas-Colell A., Whinston M. D., Green J. R. (1995) *Microeconomic Theory*. Oxford: Oxford University Press.

Muth J. F. (1961) Rational Expectations and the Theory of Price Movements. *Econometrica*. Vol. 29. No. 3. P. 315—335.

Roubini N., Mihm St. (2010) *Crisis Economics: A Crash Course in the Future of Finance*. New York, NY: Penguin Press.

Taleb N. N. (2007) *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*. New York, NY: Random House.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.1.2254](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2254)

Е. В. Бродовская, С. Е. Заславский, А. Ю. Домбровская, В. А. Лукушин

ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЙ РОССИЯН

Правильная ссылка на статью:

Бродовская Е. В., Заславский С. Е., Домбровская А. Ю., Лукушин В. А. Векторы трансформации партийной системы и электоральных ожиданий россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 96—120. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2254>.

For citation:

Brodovskaya E. V., Zaslavsky S. E., Dombrovskaya A. Y., Lukushin V. A. (2023) Vectors of Transformation of the Party System and Electoral Expectations of Russians. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 96–120. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2254>. (In Russ.)

Получено: 08.06.2022. Принято к публикации: 22.12.2022.

ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЙ РОССИЯН

VECTORS OF TRANSFORMATION OF THE PARTY SYSTEM AND ELECTORAL EXPECTATIONS OF RUSSIANS

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна — доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра политических исследований, профессор Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: brodovskaya@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5549-8107>

*Elena V. BRODOVSKAYA*¹ — Dr. Sci. (Polit.), Senior Researcher of the Center for Political Studies, Associate Professor at the Department of Political Science
E-MAIL: brodovskaya@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5549-8107>

ЗАСЛАВСКИЙ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: zasl_se@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4297-0238>

*Sergey E. ZASLAVSKY*¹ — Dr. Sci. (Law), Associate Professor at the Department of Political Science
E-MAIL: zasl_se@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4297-0238>

ДОМБРОВСКАЯ Анна Юрьевна — доктор социологических наук, профессор Департамента политологии, директор Центра политических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: an-doc@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2015-2349>

*Anna Yu. DOMBROVSKAYA*¹ — Dr. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department of Political Science, Director of the Centre for Political Studies
E-MAIL: an-doc@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2015-2349>

ЛУКУШИН Владимир Андреевич — лаборант-исследователь Центра политических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: valukushin@fa.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6185-303X>

*Vladimir A. LUKUSHIN*¹ — Research Assistant at the Center for Political Studies
E-MAIL: valukushin@fa.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6185-303X>

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена «социального поворота» в развитии современной российской партийной системы. Уникальность завершившегося в 2021 г. федераль-

Abstract. The article studies the phenomenon of «social turn» in the development of the modern Russian party system. The electoral cycle that ended in 2021 might be seen as unique for sev-

ного электорального цикла состоит в ускорении процесса трансформации отечественного партийного ландшафта под влиянием глобальных проблем, ключевой из которой стала пандемия COVID-19, структурном усложнении партийной системы ввиду появления новых игроков и значительного обновления нижней палаты парламента, а также увеличении влияния современных технологий и инструментов цифровых коммуникаций политических партий. Описанные проблемы способствуют интенсивному агрегированию интересов групп, ориентированных на усиление прежде всего социальных функций государства.

Благодаря реализации гибридной стратегии эмпирического исследования и использованию комбинации методов и инструментов, позволяющих работать одновременно с офлайн- и онлайн-средами (когнитивное картирование контента, социально-медийный анализ партийных информационных потоков, окулометрический анализ) установлено, что происходящие в отечественной партийной системе изменения носят противоречивый характер. Процесс трансформации политических партий, включающий их приобщение к современным реалиям цифровой эпохи, не соотносится с динамикой и направленностью электоральных запросов и ожиданий, декларируемых гражданами и институтами общественных идей и ценностей.

В статье показано, что рост вовлеченности пользователей в социально-ориентированные информационные потоки в условиях низкой функциональности цифровых инфраструктур левых партий угрожает формиро-

eral reasons. Firstly, the transformation of the Russian party system was accelerated under the influence of global problems, especially the COVID-19 pandemic. Secondly, the structure of the party system became more complicated due to the emergence of new actors and a significant renewal of the lower house of parliament. Thirdly, in recent years, the influence of modern technologies and digital communication tools of political parties increased significantly. These processes contribute to the intensive aggregation of the interests of groups focused on strengthening the social functions of the state.

This study implements a hybrid strategy of empirical research and uses a combination of methods and tools that allow working simultaneously with offline and online environments (cognitive mapping of branded content, social media analysis of parties' information flows, eye-tracking analysis). It shows that the changes taking place in the Russian party system are controversial. The process of transformation of political parties, including their familiarization with the modern realities of the digital age, does not correlate either with the dynamics and direction of electoral requests and expectations or with the declared public and institutional ideas and values.

The study shows that the growing involvement of users in socially oriented information flows in the context of low functionality of the digital infrastructures of the left parties threatens to form dissonance in the public consciousness and increase political discontent, which can be used by destructive political forces. The results of the study actualize the problems of consolidation and reset of

ванием диссонанса в общественном сознании и повышением социально-политического недовольства, которое может быть использовано деструктивными политическими силами. Результаты проведенного исследования актуализируют проблемы консолидации и «перезагрузки» левых партийных проектов в России, а также создания единого социального проекта при совместном участии государства, политических партий и гражданского общества.

Ключевые слова: партийная система, политические партии, политические идеологии, левый поворот, социальные медиа, электоральные ожидания, социально-медийная аналитика, окулометрический анализ

left-wing party projects in Russia, as well as the creation of a unified social project with the joint participation of the state, political parties, and civil society.

Keywords: party system, political parties, political ideologies, left turn, social media, electoral expectations, social media analytics, eye tracking analysis

Постановка проблемы

В 2020—2021 гг. развитие партийной системы в России продемонстрировало существенную динамику, не свойственную предыдущим электоральным кампаниям. Появление новых партийных акторов, ориентированных на социальную повестку, и их относительный успех на региональных выборах был обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, пандемия COVID-19 способствовала усилению так называемого *социального поворота* (термин введен Д. И. Орловым¹) прежде всего в электоральных ожиданиях граждан. Во-вторых, исследуемый период характеризовался пролонгированными массовыми протестами как в самой России, так и за ее пределами, что усиливало запрос общества на социальную повестку политических партий, с одной стороны, и стимулировало властных акторов к принятию решения об обновлении политического ландшафта — с другой [Бродовская, Давыдова, Еремин, 2021]. В-третьих, в ряде регионов особое внимание электората к социальной проблематике формировалось ситуационно, как, например, в случае конфликтов в Башкирии и Красноярском крае [Расторгуев, Тян, 2021]. Необходимо также учитывать ориентированность части преимущественно младшей и средней возрастных групп россиян на инвайроменталистские ценности и распространенность моды на «новую этику», неотъемлемым компонентом которой является вовлеченность в решение экологических проблем [O'Brien, Selboe, Hayward, 2018; Макаренко, 2020].

¹ «В новом году наступят радикальные изменения» — о социальной политике РФ // Regnum. 2019. 6 декабря. URL: <https://regnum.ru/news/society/2800244.html> (дата обращения: 20.02.2023).

Что касается электоральной кампании по выбору депутатов Государственную Думу ФС РФ в 2021 г., важно подчеркнуть, что к внешним условиям, во многом предопределявшим успех партийных акторов, добавились внутренние факторы: ребрендинг партии «Справедливая Россия», построение цифровой инфраструктуры партии «Новые люди», усиление качества цифрового менеджмента партии КПРФ. Кроме этого, по итогам выборов в 2021 г. для политической системы РФ крайне важно было добиться устойчивости правил игры, чего можно было достичь только при условии обратной связи, то есть ответа на запросы российского электората в отношении социальной повестки, «новых лиц во власти» и усиления общественного контроля.

Таким образом, базовая проблема прикладного исследования состоит в соответствии динамики и направленности развития современной партийной системы Российской Федерации соответствующим изменениям в электоральных предпочтениях и ожиданиях значительной части избирателей. Именно возможному балансу/дисбалансу между скоростью и содержанием трансформации отечественной партийной системы, с одной стороны, и восприятию этих процессов в общественном сознании россиян, выраженному в виде электоральных запросов и предпочтений избирателей — с другой, посвящено настоящее исследование. Актуальные тенденции в развитии партийной системы и особенности их восприятия рассматриваются авторами без отрыва от текущего общественно-политического контекста при учете взаимного влияния комплекса факторов.

Обзор современных исследований

Одним из наиболее актуальных трендов в исследовании современных партийных систем является рассмотрение внутренних и внешних факторов их трансформации, а также институциональных и идеологических рамок, в границах которых происходят эти изменения. Рассматриваемый в представленной работе феномен «социального поворота» не является новшеством для партийных исследований. Более устоявшимся в политической науке термином служит «*левый поворот*» (или «*левый дрейф*») партийных систем, которым обозначают явление, наметившееся течение последних десятилетий в ряде государств. Учитывая относительную молодость института политических партий в России, а также специфику электоральной культуры, авторы намеренно характеризуют процессы трансформации отечественной партийной системы в контексте именно «*социального поворота*», принимая во внимание динамику указанных изменений.

На основании анализа современной мировой практики, можно утверждать, что основной причиной изменения устоявшейся конфигурации партийной системы является высокая волатильность внутренних социально-экономических процессов, влекущая за собой переоценку ценностей значительной части избирателей [Mustillo, 2018]. Этим, в частности, объясняется феномен левого поворота в странах Латинской Америки, связанный с появлением «новых левых» и приходом их к власти, несмотря на высокую гетерогенность политических систем данных государств [Исобчук, 2018]. В то же время исследователи подчеркивают наличие общих детерминант в развитии левых режимов в латиноамериканском регионе, заключающихся прежде всего в распространении социально-ориентированных

и патерналистических моделей при соблюдении требований политического плюрализма и прямой демократии, принявших в этом регионе характер «цепной реакции» [Kostiuk, 2020].

Толковать тенденции левого поворота исключительно в национальных границах, на уровне партийных систем отдельных государств, не вполне целесообразно. Рассматриваемые процессы активно протекают в странах Запада в достаточно жестких институциональных рамках при наличии широкого общественного запроса, подталкивающего устоявшиеся партийные конструкции к постепенной деформации. Условное движение европейских партийных систем в правую сторону в настоящее время фактически остановлено вследствие обновления и укрепления традиционных игроков левого фланга, а также появления новых партий.

Если взять в качестве точки отсчета мировой финансовый кризис 2008 г., можно проследить за многократным усилением критики неолиберального «хищнического либерализма» и возвращением в европейский политический дискурс концепций «социального государства» и «государства всеобщего благосостояния» [Rabotyazhev, 2018]. Широко распространена точка зрения о взаимосвязи подъема левых сил в Европе с возросшей гражданской активностью поколений Y и Z, вынужденно делающих выбор в пользу социалистов и социал-демократов в условиях повсеместной поляризации политической жизни². Развитие схожих процессов наблюдается и в США на уровне «левого дрейфа» Демократической партии, продиктованного усталостью молодых избирателей от традиционных американских ценностей [Александров, 2018].

С учетом обозначенного теоретического контекста исследования можно выделить следующие факторы, оказывающие наибольшее воздействие на трансформацию российской партийной системы и оформление «социального поворота» в динамике ее развития.

Появление новых игроков и усложнение внутренней партийной конструкции. Артикуляция наиболее популярных общественных запросов все чаще осуществляется новыми политическими акторами (экологами/зелеными, феминистками, либертарианцами и проч.), использующими эффект новизны и привлекающими массового избирателя уходом от традиционных шаблонов и форматов взаимодействия, а также удовлетворяющими актуальный среди молодежи запрос на обновление. Отмечается, что, оформляясь в партии, эти игроки часто бросают вызов устойчивости партийных систем, влияют на трансформацию устоявшихся избирательных традиций и электоральных предпочтений граждан [Туровский, Сухова, Луизидис, 2020]. Отдельные элементы гражданского общества интегрируются и в российскую партийную систему, конструируя новые партийные проекты. В итоге специалисты сталкиваются с проблемой размывания партийного поля, а избиратели — с проблемой идеологической идентификации партий.

Ряд исследователей выступает с наиболее радикальных позиций, обосновывая феномен эрозии традиционного идеологического спектра, заключающийся в деконструкции понятий «левый» и «правый» применительно к политическим партиям

² Кортунов А. Миллениалы и перспективы «левого поворота». Российский совет по международным делам // Российский совет по международным делам. 2022. 11 января. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/millennialy-i-perspektivy-levogo-povorota/> (дата обращения: 18.02.2023).

и их представителям [Скиперских, 2021]. Основным критерием выработки и принятия политических решений для партий становится соответствие текущему общественному запросу, а также общей конъюнктуре. Одним из косвенных доказательств является закрепление в багаже избирательных технологий «ценностного камуфлирования» — современного способа продвижения рекламных и агитационных материалов, скрывающего или корректирующего устоявшиеся политические позиции партии с учетом ситуативных запросов большинства избирателей [Бродовская, Лукушин, 2021]. По результатам последних прикладных исследований, данная технология активно использовалась большинством партий в ходе прошедшей думской кампании.

Эффекты всеобщей глобализации и усиление «антиистеблишментной» волны. Линия поколенческого противоборства в развитии партийных систем, упомянутая ранее, обостряется под влиянием негативных эффектов глобализации (пандемия COVID-19, мировой терроризм, социальное неравенство, угроза ядерной войны, экологический кризис). Внутренние противоречия накапливаются на фоне явного дисбаланса в возможностях и ресурсах различных возрастных групп, а также ограниченности электорального выбора последних и искусственного характера политической конкуренции в западных демократиях. Данный факт формирует условия для развития концепции «антиистеблишментных волн», содержащей в себе попытку осмыслить современные межпоколенческие взаимодействия на электоральном поле. Фрагментация партийного пространства, упадок традиционных макроидеологий, формирование «молекулярных идеологий» и «партий одного вопроса» — прямые следствия противостояния глобалистских элит и антиглобалистских масс [Соловьев, 2018].

Пандемия COVID-19 во многом стала триггером, спровоцировавшим усиление конкурентной борьбы по указанной линии, значительно повысив роль «антиистеблишментных» групп и сторонников социально-демократического подхода к решению общественных проблем [Walby, 2021]. По результатам последних транснациональных исследований в странах Европейского союза, растущие «антиистеблишментные» настроения, по мнению населения, не учитываются лицами, принимающими решения. Молодые респонденты с наиболее выраженными «антиистеблишментными» взглядами занимают, как правило, умеренно левые позиции, чаще голосуют за малые и антиэлитные партии (обеспечивая переток голосов, а также рост популистских настроений) и используют онлайн-платформы для реализации собственной политической активности [Droste, 2021]. По результатам экспертных исследований Российской ассоциации по связям с общественностью, «антиистеблишментная волна» уже формирует в России новую политическую реальность, выражаясь в усилении недоверия избирателей к традиционным политикам и крупным медиа-структурам³.

Масштабная цифровизация политического пространства. С учетом распространения цифровых коммуникаций в политической сфере возникает вопрос о роли онлайн-среды в партийных и электоральных исследованиях. Тем более,

³ Исследование «Инструменты избирательной кампании: наступила ли новая политическая реальность?». Комитет по политическим технологиям РАСО. URL: https://politteh.ru/netcat_files/9/10/h_b8a7f2ad5e2390f124b1dc2aefc3396a (дата обращения: 18.02.2023).

что пандемийные риски переносят большинство коммуникативных практик политических партий в онлайн-формат [Стародубцева, Сычева, Шилина, 2021]. Современные исследователи рассматривают развитие интернета в качестве причины ренессанса партий и обозначают изменение их функций в политической системе под влиянием цифровых коммуникаций. [Ахременко, Бродовская, 2021; Svensson, Russmann, Cezayirlioğlu, 2020]. С упором на процесс глокализации общества и политики, обосновываются концепции платформизации партий, основной задачей которых в цифровую эпоху становится оперативное агрегирование массовых общественных запросов посредством современных сетевых сервисов [Gerbaudo, 2019]. Цифровые инструменты представляют партиям широкие организационные возможности, в т. ч. за счет быстрого реагирования на постоянно меняющиеся настроения и ожидания граждан [Ennser-Jedenastik et al., 2021]. Российские политические партии уже начинают ощущать на себе последствия всеобщей цифровизации, развивая собственные цифровые инфраструктуры и осваивая основные правила управления информационными потоками. В то же время формируется новая линия разделения партий по качеству их приобщения к онлайн-пространству [Мухаметов 2021].

Отдельную сторону поднятой в настоящей работе научной проблемы составляет положение левых сил в России по завершению электорального цикла 2021 г. Отметим, что речь идет не столько о формальных позициях и возможностях партий, столько о соответствии их повестки доминирующим в обществе электоральным установкам и ожиданиям. С учетом старта строительства полноценного «социального проекта» в России, политические партии берут на себя дополнительную ответственность, требующую, по мнению некоторых исследователей, комплексного обновления и реформатирования [Вилков, Шестов, Абрамов, 2021]. Исследователи также отмечают общественные риски, формируемые слабостью традиционных левых партий и отсутствием мотиваций к качественному обновлению собственных партийных повесток [Костюк, 2021]. Коммунистическая идеология продолжает доминировать на левом фланге партийной системы, а попытка «перезагрузки» социал-демократического движения в последнем электоральном цикле признается неудачной за счет внутренних противоречий, отсутствия новых ярких лидеров, отставания в использовании цифровых инструментов коммуникации [Вилков, 2021].

Перспективы дальнейшего развития левых проектов остаются весьма неопределенными, в то время как базовый общественный запрос на системную социальную партию усиливается. Проблема диссонанса между социально-политическими запросами граждан и состоянием партийной системы остается крайне актуальной и неразрешенной. При этом сама партийная система проявляет достаточную открытость и конкурентность, что формирует необходимые условия для ее постепенной трансформации в соответствии с ожиданиями российского общества [Заславский, 2021; Карпова, 2021].

Методологическая основа исследования

Многоуровневость исследования цифровых политических коммуникаций, вызванная в первую очередь усложнением информационно-коммуникационного

пространства, обуславливает использование в данном исследовании гибридной стратегии. Указанная стратегия подразумевает совмещение позитивистского и интерпретаторского компонентов, выраженное в использовании пула количественных и качественных методов, которые позволяют обеспечить взаимосвязь изучения онлайн- и офлайн-сред. Методологическую основу исследования составляют использованные в комплексе положения следующих подходов: сетевого, когнитивного и нового для политической науки междисциплинарного подхода Predictor Mining.

Достижения *сетевого подхода* наиболее значимы для представленного исследования, так как он может объяснить процессы реконструкции партий и их адаптации к меняющимся общественным настроениям и ожиданиям, артикулируемым преимущественно в сетевом пространстве. Рассматривая процесс «сетевизации политики», сторонники подхода декларируют принципы децентрализации управления и закладывают новые основы социальной и политической коммуникации, связанные с развитием телекоммуникационных технологий, усиливающих размер и плотность связей между людьми [Сморгунов, 2001]. Дальнейшее развитие сетевого подхода позволило рассматривать политическую коммуникацию через призму организации данного процесса, что наиболее продуктивно именно в онлайн-среде [Пырма, 2020; Howard, Parks, 2012].

Реализация положений сетевого подхода позволяет не только осуществить наблюдение за ходом политических коммуникаций, но и понять особенности внутренних взаимосвязей, оценить размер, масштаб, динамику и силу исследуемых сетевых структур, а также понять накопленный потенциал их использования в электоральном контексте. Говоря о сетевых структурах политических партий, имеем в виду функциональность выстроенных цифровых инфраструктур для решения ключевых коммуникационных задач в рамках избирательной кампании, выстраивание эффективного взаимодействия с целевыми группами и возможности конвертации цифровой активности (пользовательских реакций, иных действий аудитории, лидеров мнений и симпатизантов, работы онлайн-комьюнити и др.) в поддержку политической партии на выборах, исчисляемую отданными голосами. В условиях распространения практик электронного голосования речь идет уже не столько о конвертации онлайн-практик в офлайн, сколько о мотивациях избирателей, особенностях электорального выбора в условиях повышенной конкуренции за внимание избирателя в цифровом пространстве.

Значимым для настоящего исследования служило представление об интернете как о пространстве, которое способствует циркуляции и обмену мнениями для конструктивного гражданского диалога, отраженном в работах З. Папахарисси, Л. Даймонда, М. Платтнера и др. [Papacharissi, 2002; Diamond, Plattner, 2012]. Учен и показанный в трудах М. Кастельса сетевой механизм организации общественных отношений, в которых каждый субъект находится во взаимосвязи с другими. С позиций перечисленных авторов цифровые связи децентрализовали потоки информации, но их координация может привести к мобилизации определенных социальных установок [Castells 2011].

Когнитивный подход применен в интерпретации Н. Браунинга и К. Д. Свитсера, которые в своих исследованиях акцентируют внимание на том, как информаци-

онная повестка, фреймы и бренды в социальных медиа влияют на электоральный потенциал политических партий. Исследователи подчеркивают необходимость управления содержанием информационного потока и партийным интернет-контентом для эффективного использования цифровых коммуникаций с целевыми группами. По их мнению, дисфункции в этой сфере создают риски перетока электоральных голосов и снижения устойчивости электоральной базы политических партий [Browning, Sweetser, 2020]. Для данного подхода значимым является анализ смыслов и значений, вкладываемых коммуникаторами в сообщения. В этой связи особое внимание было уделено поиску слов и словосочетаний в дискурсивных практиках анализируемых документов социальных медиа, создающих ключевые смыслы, обращенные к пользовательской аудитории. Важное значение для теоретико-методологического фрейма имеет концепция психологического таргетирования, выдвинутая коллективом ученых под руководством С. Мац [Matz, Appel, Kosinski, 2020]. Она представляет интерес в связи с рассмотрением в настоящем исследовании информационного воздействия в цифровых сетях политических партий при учете психологических потребностей целевой аудитории за счет ее таргетирования и строгой адресации любой публикуемой информации. Подобные подходы позволяют интерпретировать включенность в социально-медийные потоки с позиций формирования политических убеждений и предпочтений в так называемой «информационной капсуле» — наборе цифровых ресурсов, в поле воздействия которых находится конкретный интернет-пользователь.

Кроме того, *когнитивный подход* в представленном исследовании выступает в качестве методологического звена между совокупностью показателей цифрового менеджмента политических акторов и характеристиками субъективного восприятия массовой аудиторией различных элементов общественно-политической жизни. В рамках когнитивного подхода обосновывается также характер интерпретации пользователями партийного контента и иных сообщений, адресованных целевым группам [Пушкарева, 2003; Grant et al., 2021]. Конструирование политическими игроками собственного пространства коммуникаций сопровождается реализацией когнитивных механизмов, влияющих на эффективность и качество взаимодействия с аудиторией. В значительной степени исследователи имеют дело с неявными когнитивными процессами, имеющими зачастую решающее значение для формирования личного отношения и принятия решений. Даным фактом обуславливается использование положений имплицитной когнитивистики посредством специального инструментария для уточнения особенностей восприятия политических образов и символов, составляющих основу управления цифровым политическим контентом [Подшибякина, 2018; Огнев, Петровский, Лихачева, 2018].

Predictor Mining — подход, состоящий в интеллектуальном поиске цифровых маркеров социальных и политических процессов [Бродовская и др., 2017]. *Predictor Mining* является оригинальным подходом и занимает промежуточное положение в ряду наиболее актуальных направлений аналитики данных. Использование данного подхода позволило обосновать цифровые маркеры (лингво-маркеры) для аккумуляции релевантных предмету анализа цифровых сообщений с использованием сервисов автоматизированного мониторинга социальных медиа.

Методика и выборочная совокупность исследования

Методика исследования предусматривает комбинацию методов и инструментов, позволяющих продуктивно изучать процессы, протекающие в онлайн- и офлайн-пространстве одновременно. Проведенный на начальном этапе исследования пилотаж подтвердил предположение о невозможности полноценного анализа процессов трансформации партийной системы и актуальных трендов в развитии электоральных ожиданий граждан по данным одной или нескольких однородных политических партий. В этой связи в выборку исследования вошли как традиционные представители левого фланга российской партийной системы («Справедливая Россия — За правду», КПРФ, «Родина», «Коммунисты России», «Партия пенсионеров»), так и иные политические партии, по оценкам исследователей и собственной идентификации не относящиеся к данной части политического спектра («Единая Россия», ЛДПР, «Новые люди», «Яблоко», «Зеленая Альтернатива»). В целом выборка исследования согласуется с результатами, полученными партиями в ходе последней федеральной кампании, и охватывает основных партийных игроков.

Для формирования банка маркеров партийной активности в цифровом пространстве, а также выявления содержательных характеристик информационного потока использовалось когнитивное картирование контента, размещенного в формальных и неформальных цифровых сообществах исследуемых партий. Для реализации содержательного анализа отобрано 300 релевантных и активных цифровых партийных сообществ на крупных интернет-площадках: «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook*, Twitter, Instagram*. Критерием отбора сообществ выступили: а) размер аудитории — не менее 500 пользователей; б) публикационная активность — не реже одной публикации в неделю; в) открытость и общедоступность страницы сообщества⁵. Всего было проанализировано более 2000 публикаций (размещенных сообществами в период избирательных кампаний 2020—2021 гг.) по следующим показателям: декларирование социально-экономических требований, формирование установок гражданского участия, использование приемов ценностного воздействия, использование исторических образов и символов, апеллирование к конкретным персоналиям, использование разнообразных триггеров, степень оппозиционности сообщений. Обработка собранной базы данных проведена посредством статистического инструмента «IBM SPSS Statistics» (осевой, кросс-табуляционный, корреляционный типы анализа). В ходе когнитивного картирования применяется поиск отдельных текстовых маркеров «социального» контента, отражающих специфику содержательного наполнения информационного потока. Собранные лингвистические маркеры легли в основу словарей поисковых запросов для следующего этапа исследования⁶.

Базовым исследовательским методом стал социально-медийный анализ, проведенный посредством инструмента автоматизированного мониторинга социаль-

⁴ Здесь и далее * означает, что деятельность социальной сети запрещена на территории РФ.

⁵ Список цифровых сообществ/аккаунтов политических партий, составляющих выборочную совокупность когнитивного картирования см.: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/publicFile/submissionFileId?fileId=12345&hash=624ac6710f0729fa0d49f9cde1c78874>.

⁶ Список лингвистических маркеров, составляющих словари поисковых запросов автоматизированного социально-медийного анализа см.: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/publicFile/submissionFileId?fileId=12346&hash=5e4a968dbb6f81dfe41d53351e565e90>.

ных медиа «IQBuzz». Реализация автоматизированной выгрузки обеспечила охват более 30 популярных среди россиян цифровых платформ (социальных сетей, блогов и микроблогов, форумов). Общая база данных, собранная по итогам исследования, составила более 10 млн сообщений, включающих публикации с упоминанием отобранных лингвистических маркеров, закрепленных за каждой политической партией. Глубина выгрузки: сообщения, датированные периодом с марта 2020 г. по сентябрь 2021 г. Таким образом были проанализированы информационные потоки партий в период региональных выборов, прошедших в Единый день голосования в сентябре 2020 г. и федеральных выборов депутатов Государственной Думы РФ, состоявшихся в сентябре 2021 г. Использование автоматизированного социально-медийного анализа позволило обеспечить понимание динамических/структурных характеристик информационных потоков политических партий и соотнести формируемую партиями в цифровом пространстве повестку с ее восприятием со стороны широкой интернет-аудитории.

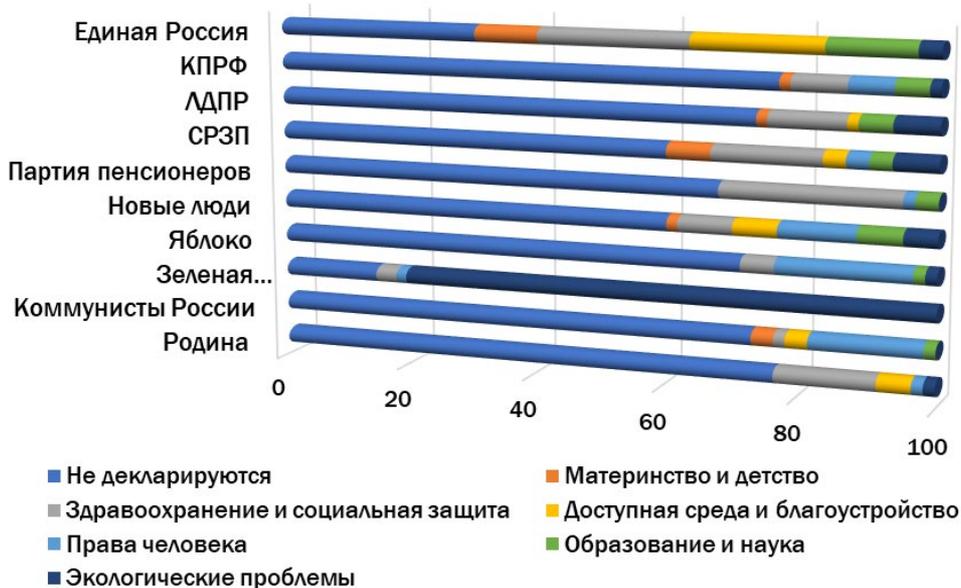
Углубление результатов анализа партийных информационных потоков стало возможным благодаря применению современных инструментов когнитивной инструментальной диагностики. Окулометрический анализ, проведенный с использованием портативного айтрекера (частота 60 Герц) позволил собрать данные о реакции зрачка глаза на комплекс стимульных материалов, ассоциируемых с политическими партиями. Использование окулометрического анализа в комбинации с методами социально-медийной аналитики уже показывало высокую эффективность для аттестации партийного контента [Бродовская, Ежов, Огнев, 2021]. В рамках настоящего исследования комбинация методов используется для обнаружения и анализа паттернов политического и электорального поведения. Дополнительным этапом стало проведение обязательного послетестового фокусированного интервью с участниками исследования с целью самоанализа полученных результатов и формулирования субъективного отношения к анализируемым объектам. Репрезентативная по полу и возрасту выборка включила 300 респондентов, проживающих во всех федеральных округах РФ.

Результаты исследования

На начальном этапе прикладного исследования проанализированы изменения содержательной составляющей публикационной активности российских политических партий в интернет-пространстве посредством реализации когнитивного картирования сетевого партийного контента. В ходе анализа выделены несколько групп социальных проблем, декларируемых партиями в отобранных публикациях: здравоохранение и социальная защита, проблемы материнства и детства, права человека и социальная справедливость, проблемы доступной среды и благоустройства, проблемы образования и науки, экологические проблемы. Для проведения картирования разработан комплекс маркеров, предполагающий причисление используемого контекста к выделенным группам проблем, универсальных для каждой партии. По результатам проведенного анализа информационного потока выявлена дисфункциональность в информационном сопровождении деятельности политических партий, связанная с низким уровнем привязки контента к общественным проблемам и запросам. В первую очередь это проявляется в от-

сутствии декларации социальных проблем (в среднем, 60,6% публикаций не имеют привязки к актуальному контексту). На рисунке 1 продемонстрировано распределение совокупного объема публикаций к выделенным контекстам. Можно говорить о существовании нескольких стратегий информационного взаимодействия партий с целевыми группами в онлайн-пространстве: 1) доминирование общих смыслов в структуре информационного потока без явной декларации социальных проблем; 2) ориентация на ключевые проблемы и контексты, соотносимые с центральной идеологической линией партии; 3) привязка к нескольким группам социальных проблем, наиболее востребованным среди целевых групп.

Рис. 1. Декларирование социальных проблем в информационных потоках российских политических партий, в %⁷

Содержательное наполнение информационного потока в социальных медиа зависит не только от качества цифрового партийного менеджмента, но и от устоявшейся идеологической позиции и набора разделяемых партией ценностей. Традиционные представители левого фланга партийной системы демонстрируют большую привязку к социально значимым проблемам. В то же время задача достижения тематической диверсификации контента остается для отечественных партий актуальной. Проведенный анализ продемонстрировал отсутствие привязки партийного контента к упоминанию социальных проблем к актуальной информационной повестке (в среднем, более 70% партийных публикаций не привязаны к конкретным событиям-триггерам по итогам содержательного анализа). Таким образом, партии имеют весьма ограниченный набор возможностей для оператив-

⁷ Источник к рис. 1—4: данные, полученные по результатам эмпирического исследования авторов.

ного реагирования на изменения общественных настроений. В течение всего периода исследования, охватывающего как региональные, так и федеральную кампанию, серьезных изменений в представленных пропорциях не выявлено. Даже с учетом увеличенной частоты обращения к насущным проблемам избирателей, политические партии пока не способны системно агрегировать запросы граждан и использовать их для формулирования обратной связи и удовлетворения запросов избирателей посредством инструментов виртуального пространства.

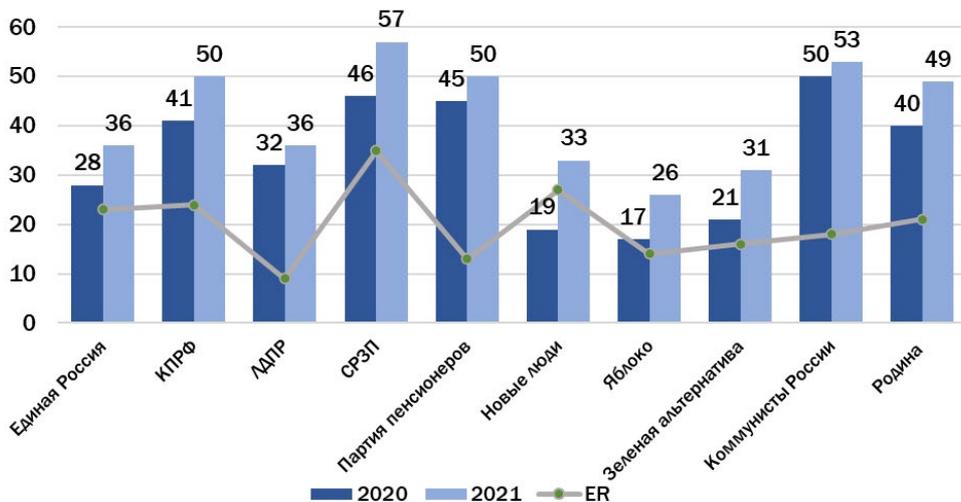
Одним из направлений оценки содержания партийного контента стала его привязка к различным образам и символам, составляющих бренд партии. Примечательно, что группа отобранных левых партий демонстрирует общий набор используемых исторических символов, ассоциируемых преимущественно с советским прошлым (33 % — серп и молот, 21 % — образы советских руководителей; 16 % — советский флаг, 12 % — знамя Победы, 9 % — красная звезда, 9 % — иное). Российские левые партии используют ранее сложившиеся образы прошлого, не формируя собственную уникальную повестку и не предлагая избирателям новых символов и целостного образа будущего, что характеризует их нацеленность на устоявшиеся целевые группы и низкую мотивацию к масштабированию электоральной поддержки.

На следующем этапе поставлена задача определить взаимосвязь партийного и общественного интереса к социальной повестке. На рисунке 2 представлено сравнение доли публикаций с упоминанием социальных проблем в течение 2020—2021 гг. Зафиксировано увеличение доли подобного контента в сообществах и аккаунтах всех исследуемых политических партий. Тема здравоохранения/охраны здоровья граждан доминировала лишь на пике первой волны пандемии (весна 2021 г.), к середине 2021 г. на первый план вышли темы социально-экономической защиты населения, противодействия росту цен, необходимости увеличения доходов граждан и борьбы с безработицей. Отметим, что доля представленного «социального» контента среди партий, публично позиционирующих себя как правые («Новые люди», «Яблоко»), выросла сильнее, чем у традиционных представителей левого фланга, что подтверждает выдвинутый тезис о развитии идеологического/ценностного камуфлирования партий под влиянием пандемии. Примечателен также рост левых контекстов в информационных потоках центристской партии «Единая Россия», являющейся ведущей партийной силой страны. В наибольшей степени это проявляется в публичных заявлениях, программных документах и в освещении реальных политических практик.

Сопоставление полученных результатов со средней оценкой вовлеченности пользователей, полученной с использованием автоматизированного киберметрического анализа сотен партийных сообществ и аккаунтов, демонстрирует сильную корреляцию между долей «социального» контента и уровнем пользовательской активности. Широкая интернет-аудитория не только заинтересована в артикуляции социальных тем, но и активно участвует в их обсуждении. Интерес пользователей к различным партийным цифровым продуктам растет динамичнее, чем генерируется сам контент. Фактически общественный запрос на социальную повестку растет быстрее, чем его удовлетворение со стороны партий. Речь идет о несоответствии скоростей изменения партийной системы и развития электо-

ральных установок российских граждан, формирующем риски внутреннего противоречия в сознании значительной части россиян. Формирование социального общественно-политического проекта все еще является значимым общественным требованием, не находящем целостного ответа со стороны партийной системы.

Рис. 2. Динамика репрезентации «социального» контента в цифровых сообществах российских политических партий, в %

Важным препятствием к выходу из найденных противоречий является совершенствование цифрового менеджмента партий и соблюдение ключевых правил управления информационным потоком: достижение равномерности и адресности цифровой активности, встраивание в актуальную информационную повестку, формирование развитой цифровой инфраструктуры, привлечение широкой сети лидеров мнений. Результаты исследования социально-медийного пространства подтверждает тот факт, что российские политические партии находятся в начале этого пути. На рисунке 3 представлен динамический ряд, отражающий распределение совокупного числа сообщений с упоминанием парламентских партий в течение прошедшего электорального цикла. Несмотря на увеличение совокупного объема информационного потока примерно в три раза и достаточно высокий уровень конкурентности партий в онлайн, характер администрирования цифрового пространства отличается высочайшей неравномерностью и сильно зависит от конкретных избирательных кампаний. Быстрое наращивание потока в предэлекторальный период не способствует выполнению долгосрочных целей, связанных с мониторингом общественных запросов, масштабированием поддержки и встраиванием плотных и современных связей с различными сегментами интернет-аудитории.

Совершенствование цифрового взаимодействия партий с избирателями увеличивает шансы на конвертацию онлайн-активности в электоральный результат, с учетом привязки к актуальному информационному контексту и текущей специфики общественных настроений. Таким образом, партии способны подстраиваться

под меняющиеся реалии общественной жизни, повышая собственную политическую субъектность и устойчивость всей партийной системы в целом. Необходимость решения указанной проблемы будет нарастать одновременно с погружением граждан в цифровую реальность, усложнением политического пространства за счет появления новых игроков и роста их влияния.

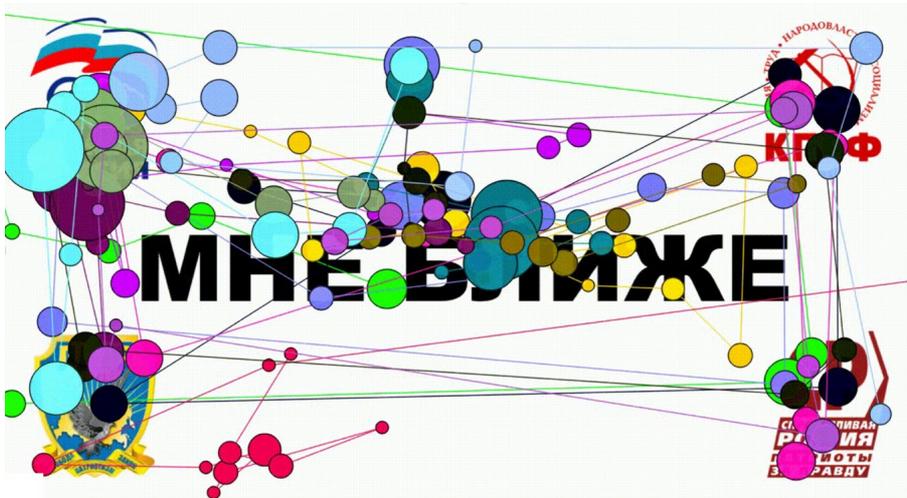
Рис. 3. Динамика информационного потока политических партий в социальных медиа в преддверии Единого дня голосования 2021 г. (количество сообщений в сутки)

Углубление данных, полученных в ходе работы с цифровой средой, произведено посредством сочетания айтрекингового тестирования и послетестового интервью. В ходе тестирования респондентам было предложено рассмотреть специальный визуальный ряд, в который включены несколько видов цифрового контента: логотипы политических партий, фотографии партийных лидеров, главные страницы цифровых партийных сообществ в крупных социальных медиа. Айтрекинговое тестирование основано на мгновенной автоматизированной фиксации окуломоторной реакции, отличающейся неосознанностью за счет высокой скорости реагирования. Визуальный ряд подобран таким образом, чтобы избежать возможных искажений в реакции респондентов. Во-первых, отобраны только те материалы, с которыми каждый избиратель имеет возможность столкнуться в реальной жизни (логотипы в бюллетене, стендовые фотографии на избирательной участке, наружные агитационные материалы). Во-вторых, соблюдены правила расположения материалов в зоне видимости респондента. В-третьих, в ходе послетестового интервью респондентам предлагалось объяснить полученные результаты наблюдения для верификации данных. На рисунке 4 представлен пример итогового результата тестирования по брендам парламентских партий по ограниченной выборке респондентов (выделены различными цветами), отражающий динамику

движения зрачка глаза по створу экрана, а также время фиксации зрачка на отдельных точках, обозначенные диаметром кругов.

Рис. 4. Пример результатов айтрекингового исследования по ограниченной выборке респондентов (логотипы политических партий)

В результате тестирования были подтверждены сразу несколько гипотез, полученных ранее в ходе комбинации методов социально-медийной аналитики, о восприятии «левых» партий и текущих социальных ожиданий граждан. Важнейшим фактором успеха в электоральном цикле 2021 г. является новизна. В ходе исследования зафиксирован четкий общественный запрос на новые лица и партии. Бренды новых политических партий, а также образы новых партийных лидеров привлекают в два раза больше внимания участников исследования (совокупные распределения в табл. 1). Наиболее выражен данный запрос у молодых респондентов, проживающих в крупных городах. В послетестовом интервью представители этой группы респондентов высказывали узнаваемые и отчетливые нарративы, укладывающиеся в результаты мониторинга онлайн-пространства:

Уже надоели одни и те же лица, куда ни посмотришь, везде они. Молодежи в политике практически нет, не могу вспомнить известных молодых депутатов. (Мужчина, 27 лет, г. Москва)

В этом году будет много новых партий, я уже знаю про них. Возможно, проголосую за «Новых людей», не просто на их логотип смотрела. Это хоть что-то яркое и интересное. (Женщина, 21 год, г. Владивосток)

В такое сложное время стране нужны современные политики, открытые и молодые. Нужно им давать дорогу, чтобы они реализовывались, а старые партии как будто застряли в прошлом веке. (Женщина 29 лет, г. Москва)

Таблица 1. Распределение взглядов участников айтрекингового исследования по материалам непарламентских партий, в %⁸

Политическая партия	Партийный бренд	Партийное сообщество
Партия пенсионеров	14	12
Новые люди	38	33
Яблоко	19	26
Зеленая альтернатива	29	29

В то же время у респондентов данной группы фиксируются явные симпатии к идеям «новых левых». В ходе послетестовой беседы среди ключевых ценностей респонденты называют как традиционные положения социал-демократии (справедливость, солидарность, социальная ответственность государства), так и современные идеи (защита окружающей среды, защита прав женщин и разнообразных общественных меньшинств, свобода творчества и самовыражения, поддержка социал-ориентированного бизнеса). В плоскости партийных исследований высказываемые молодежью положения являются условной комбинацией идей традиционных социал-демократических партий, а также новых «зеленых» проектов, крайне распространенных в европейских странах. Более половины участников с наиболее выраженными социально-демократическими взглядами подтверждают, что их политическая позиция была усилена в последний год на фоне пандемии COVID-19, связанных с ней событий и явлений общественной жизни. Достаточно высок уровень информированности молодежи о консолидации «левых» сил на платформе партии «Справедливая Россия», однако интерес вызывает сама идея, а не деятельность партии. Респонденты демонстрируют достаточно рациональные стратегии электорального поведения, основанные на реальной деятельности партии и выполнении собственных инициатив и обещаний. Общее распределение внимания респондентов по брендам и цифровым сообществам парламентских представлено в таблице 2.

Таблица 2. Распределение взглядов участников айтрекингового исследования по материалам парламентских партий, в %

Политическая партия	Партийный бренд	Партийное сообщество
Единая Россия	32	31
КПРФ	26	19
ЛДПР	22	26
Справедливая Россия	20	24

Серьезные проблемы у респондентов вызывают попытки идентификации собственных взглядов и установок с существующими в стране политическими партиями. Наблюдается упомянутый ранее кризис электоральной самоидентификации, вызванный в том числе размыванием идеологических рамок и коммуникативны-

⁸ Источник к табл. 1—2: данные, полученные по результатам эмпирического исследования авторов.

ми проблемами партий в работе с молодежью, а также завышенными социальными ожиданиями респондентов. Более 70% участников исследования не осведомлены о практических результатах партийной активности, не идентифицируют крупных партийных лидеров. Лишь четверть опрошенных связала отобранных партийных лидеров с брендами самих партий. В целом нельзя утверждать, что молодежь о критически относится к партийной системе, скорее, можно говорить о некоторой отстраненности из-за отсутствия привлекательных предложений со стороны традиционных партий:

Партии может и делают многое, они важны, но не могу себя ни к какой причислить. Я много партий знаю, подписан на некоторых депутатов в инсте, но за определенную голосовать не готов, поэтому на выборы скорее всего тоже не пойду. (Мужчина, 19 лет, г. Сочи)

Слышал о том, что эсеры хотят обновиться, это интересно, что-то новое, но пока реальных дел и предложений не вижу от них, только видимость создают перед выборами, надеются засветиться и голосов получить. (Мужчина, 22 года, г. Челябинск)

Идеальная партия это та, которая заботится о людях, депутаты которой знают, сколько стоит хлеб и проездной в метро, о проблемах простых граждан, в общем, делают так, чтобы люди жили комфортно и без лишних забот. (Женщина, 18 лет, г. Санкт-Петербург)

Самое важное в стране это справедливость, когда каждый получает достойную зарплату, когда есть равенство и каждый в ответе за ситуацию в обществе. Если все вместе будут думать об этом, и политики тоже, то и жизнь станет лучше. (Женщина, 31 год, г. Владикавказ)

Заключение

По результатам проведенного с использованием современных методик, комбинирующих возможности исследования онлайн- и офлайн-сред, теоретического и эмпирического анализа можно сделать следующие выводы о феномене «социального поворота» в развитии российской партийной системы. В настоящее время в российском социально-политическом пространстве развиваются два разнонаправленных процесса, определяемых нарастанием глобальных проблем и общемировыми трендами социально-политического развития. С одной стороны, наблюдается ускоренное негативными последствиями пандемии COVID-19 устойчивое преобладание социально-ориентированных настроений и ожиданий в обществе, проявляющихся в высокой вовлеченности граждан в социально-ориентированные дискурсы в информационном пространстве, а также в декларируемости соответствующих электоральных установок и ценностей: запрос на социальную ответственность государства, справедливость и равенство, оживление общественной жизни, активизацию социальных лифтов и др. В наибольшей степени данные запросы высказываются молодежью, имеющей собственные представления о направлениях развития государства и общества. С другой стороны, явная дисфункциональность существующих левых партий, отраженная

в неспособности выстраивания эффективной коммуникации с избирателями посредством современных цифровых платформ, затрудняющей процесс конвертации актуальных общественных запросов в политические инициативы и решения, а также оперировании символами и образами прошлого без привязки к текущей социальной реальности.

Данная ситуация явно носит противоречивый характер и формирует риски диссонанса между скоростью трансформации партийной системы и развитием электоральных ожиданий, что может способствовать увеличению общественного недовольства. Наибольшая угроза для социально-политической стабильности состоит в возможном использовании данной обстановки несистемными и внешними акторами с целью перехвата общественных запросов и ослабления политической системы, что требует оперативного реагирования со стороны государства, партий и гражданского общества. Тенденция «социального поворота» принимает устойчивый характер и будет усиливаться по мере накопления указанных общественных проблем и развития виртуального пространства коммуникаций.

Трансформация партийной системы РФ в ближайшие годы станет естественным продолжением представленных в статье дискуссионных линий. В связи с этим актуализируются проблемы качественного обновления традиционных левых партий, а также формирования нового социального проекта — национального образа будущего, отражающего интересы всех слоев российского общества. Формат и институциональные основы подобного проекта могут быть многовариантны и не ограничиваются созданием или преобразованием конкретной политической силы. Развитие отечественной партийной системы в данном направлении является важной общественной задачей, а результаты ее реализации могут быть восприняты властью при условии соблюдения принципов конкурентности и открытости, а также заложенных в Конституции РФ положениях демократического и социального государства.

Список литературы (References)

Александров М. В. Внутриполитическая борьба в рядах демократической партии США в процессе президентской кампании 2016 года // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 53. С. 13—15. <https://doi.org/10.17223/19988613/53/3>.

Aleksandrov M. V. (2018) Internal Political Struggle in the Democratic Party of the United States During the Presidential Campaign in 2016. *Tomsk State University Journal of History*. No. 53. P. 13—15. <https://doi.org/10.17223/19988613/53/3>. (In Russ.)

Ахременко А. С., Бродовская Е. В. Влияние новых информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм: «линии напряжения» дискуссионного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 4—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2111>.

Akhremenko A. S., Brodovskaya E. V. (2021) Impact of New Information and Communication Technologies on Civic and Political Activism: «Tension Lines» of the Discussion Field. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 4—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2111>. (In Russ.)

Бродовская Е. В., Давыдова М. А., Еремин Е. А. Пролонгированные политические протесты в России и в Республике Беларусь летом-осенью 2020 года: референтность российской аудитории социальных медиа // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. № 1. С. 6—13. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-1-6-13>.

Brodovskaya E. V., Davydova M. A., Eremin E. A. (2021) Prolonged Political Protests in Russia and the Republic of Belarus in Summer-Autumn 2020: Reference of the Russian Social Media Audience. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. No. 1. P. 6—13. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-1-6-13>. (In Russ.)

Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н., Синяков А. В. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 79—104. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.06>.

Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Karzubov D. N., Sinyakov A. V. (2017) Developing Methodology for “Smart” Search for Political Process Markers in Social Media. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 79—104. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.06>. (In Russ.)

Бродовская Е. В., Ежов Д. А., Огнев А. С. Интернет-коммуникации российских политических партий в текущем избирательном цикле: результаты окулOMETрического анализа сетевого контента // Политическая наука. 2021. № 3. С. 112—141. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.05>.

Brodovskaya E. V., Ezhov D. A., Ognev A. S. (2021) Internet Communications of Russian Political Parties in the Current Election Cycle: Results of Oculometric Analysis of the Network Content. *Political Science*. No. 3. P. 112—141. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.05>. (In Russ.)

Бродовская Е. В., Лукушин В. А. Ценностное камуфлирование в информационных потоках российских политических партий // Власть. 2021. Т. 29. № 6. С. 20—26. <https://www.doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8672>.

Brodovskaya E. V., Lukushin V. A. (2021) Value Disguise in the Information Flows of Russian Political Parties. *Vlast' (The Authority)*. Vol. 29. No. 6. P. 20—26. <https://www.doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8672>. (In Russ.)

Вилков А. А. Ведущие «левые» партии России в канун выборов в Государственную Думу 2021 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21. № 2. С. 203—210. <https://www.doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-203-210>.

Vilkov A. A. (2021) The Leading “Left” Russian Parties on the Eve of State Duma Election-2021. *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. Vol. 21. No. 2. P. 203—210. <https://www.doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-203-210>. (In Russ.)

Вилков А. А., Шестов Н. И., Абрамов А. В. Социальный запрос на будущее России в политических проектах и массовом сознании граждан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Междуна-

родные отношения. 2021. Т. 26. № 3. С. 108—122. <https://www.doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.10>.

Vilkov A. A., Shestov N. I., Abramov A. V. (2021) Social Demand for the Future of Russia within Political Projects and Mass Political Consciousness. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. Vol. 26. No. 3. P. 108—122. <https://www.doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.10>. (In Russ.)

Заславский С. Е. Партийная система России: точки политической конкуренции // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 7. С. 2016—2028. <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.71.7.006>.

Zaslavsky S. E. (2021) Party System of Russia: Points of Political Competition. *Political Science Issues*. Vol. 11. No. 7. P. 2016—2028. <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.71.7.006>. (In Russ.)

Исобчук М. В. «Левый поворот» и трансформация политических режимов в странах Латинской Америки // *Ars Administrandi*. 2018. Т. 10. № 1. С. 155—167. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2018-1-155-167>.

Isobchuk M. V. (2018) “Left Turn” and Transformation of Political Regimes in Countries of Latin America. *Ars Administrandi*. Vol. 10. No. 1. P. 155—167. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2018-1-155-167>. (In Russ.)

Карпова Н. В. Электоральная культура российского общества в фокусе парламентских выборов 2021 г // Теория и практика общественного развития. 2021. № 12. С. 35—40. <https://www.doi.org/10.24158/tpor.2021.12.4>.

Karpova N. V. (2021) The Electoral Culture of Russian Society in the Context of the 2021 Parliamentary Elections. *Theory and Practice of Social Development*. No. 12. P. 35—40. <https://www.doi.org/10.24158/tpor.2021.12.4>. (In Russ.)

Костюк Р. В. Общественный проект в идейно-политических установках левых сил России XXI века // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2021. № 2. С. 123—128. https://www.doi.org/10.46418/2079-8202_2021_2_20.

Kostiuk R. V. (2021) Public Project in the Ideological and Political Attitudes of the Left Forces of Russia in the XXI Century. *Vestnik of St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2. Art Criticism. Philological Sciences*. No. 2. P. 123—128. https://www.doi.org/10.46418/2079-8202_2021_2_20. (In Russ.)

Макаренко К. М. Политизация гражданского протеста в публичном пространстве современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 12—20.

Makarenko K. M. (2020) Politization of Civil Protest in the Public Space of Modern Russia. *Bulletin of Tula State University. Humanities*. No. 1. P. 12—20. (In Russ.)

Мухаметов Д. Р. Политические партии в цифровой реальности. Партии сетевого контроля и сетевой координации // Обозреватель. 2021. № 2. С. 59—70. https://www.doi.org/10.48137/2074-2975_2021_2_59.

Mukhametov D. R. (2021) Political Parties in the Digital Reality. Parties of Network Control and Network Coordination. *Observer*. No. 2. P. 59—70. https://www.doi.org/10.48137/2074-2975_2021_2_59. (In Russ.)

Огнев А. С., Петровский В. А., Лихачева Э. В. Окулометрические проявления психологических установок респондентов в отношении восприятия визуального контента // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2018. № 2. С. 41—48. <https://www.doi.org/10.25586/RNU.V925X.18.02.P041>.

Ognev A. S., Petrovsky V. A., Likhacheva E. V. (2018) Oculometric Expressions of Respondents' Psychological Attitude to Visual Content Perception. *Bulletin of the Russian New University. Series: Human in the Modern World*. No. 2. P. 41—48. <https://www.doi.org/10.25586/RNU.V925X.18.02.P041>. (In Russ.)

Подшибякина Т. А. ИмPLICITная когнитивистика в политической науке: методологические возможности исследования идеологии // Политика и общество. 2018. № 9. С. 76—82. <https://www.doi.org/10.7256/2454-0684.2018.9.27089>.

Podshibyakina T. A. (2018) Implicit Cognitivism in Political Science: Methodological Possibilities of Ideology Research. *Politics and Society*. No. 9. P. 76—82. <https://www.doi.org/10.7256/2454-0684.2018.9.27089>. (In Russ.)

Пушкарева Г. В. Изучение электорального поведения: контуры когнитивной модели // Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 120—130. <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.03.12>.

Pushkareva G. V. (2003) The Study of Electoral Behavior: The Contours of the Cognitive Model. *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 120—130. <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.03.12>. (In Russ.)

Пырма Р. В. Социальные сети и электоральное участие: возможности активации голосования // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 3. С. 9—32. URL: https://www.rcoit.ru/lib/gvv/2020_3/ (дата обращения: 19.02.2023).

Pyрма R. V. (2020) Social Networks and Electoral Participation: Voting Activation Opportunities. *Citizen. Elections. Power*. No 3. P. 9—32. URL: https://www.rcoit.ru/lib/gvv/2020_3/ (accessed: 19.02.2023). (In Russ.)

Расторгуев С. В., Тянь Ю. С. Протестный экоактивизм в цифровой среде (на примере «Красноярского кейса») // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 53—75. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2017>.

Rastorguev S. V., Tian Y. S. (2021) Protest EcoActivism in the Digital Environment (On the Example of the “Krasnoyarsk Case”). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 53—75. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2017>. (In Russ.)

Скиперских А. В. Левое vs правое в политическом пространстве: искушения авторской деконструкции // PolitBook. 2021. № 1. С. 6—24. URL: <http://politbook.online/index.php/archiv/135-pb-2022-1> (дата обращения: 19.02.2023).

Skiperskikh A. V. (2021) Left vs Right in Political Space: Temptations of Author's Deconstruction. *PolitBook*. No. 1. P. 6—24. URL: <http://politbook.online/index.php/archiv/135-pb-2022-1> (accessed: 19.02.2023). (In Russ.)

Сморгунов Л. В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. Политические исследования. 2001. № 3. С. 103—112. URL: <https://www.politstudies.ru/article/2901> (дата обращения: 19.02.2023).

Smorgunov L. V. (2001) Network Approach to Politics and Governance. *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 103—112. URL: <https://www.politstudies.ru/article/2901> (accessed: 19.02.2023). (In Russ.)

Соловьев Э. Г. Эволюция партийных систем: новая точка бифуркации? // *Контур*ы глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 3. С. 185—198. <https://www.doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-3-185-198>.

Solovyev E. G. (2018) Evolution of Party Systems: New Point of Bifurcation? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 11. No. 3. P. 185—198. <https://www.doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-3-185-198>. (In Russ.)

Стародубцева Н. А., Сычева Е. Ю., Шилина С. А. Управленческий потенциал дискурса электоральных предпочтений в свете цифровизации коммуникативного взаимодействия // *Власть*. 2021. Т. 29. № 5. С. 95—102. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8540>.

Starodubtseva N. A., Sycheva E. Yu., Shilina S. A. (2021) Management Potential of the Electoral Preferences Discourse in the Context of the Communication Digitalization. *Vlast' (The Authority)*. Vol. 29. No. 5. P. 95—102. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8540>. (In Russ.)

Туровский Р. Ф., Сухова М. С., Луизидис Е. М. Новые игроки в партийных системах старых демократий: есть ли угроза политической стабильности? // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). 2020. № 1. С. 154—183. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-96-1-154-183>.

Turovskiy R. F., Sukhova M. S., Luizidis E. M. (2020) New Players in Party Systems of Old Democracies: Is There a Threat to Political Stability? *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*. No. 1. P. 154—183. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-96-1-154-183>. (In Russ.)

Browning N., Sweetser K. D. (2020) How Media Diet, Partisan Frames, Candidate Traits, and Political Organization-Public Relationship Communication Drive Party Reputation. *Public Relations Review*. Vol. 46. No. 2. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2020.101884>.

Castells M. (2012) *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge: Polity Press.

Diamond L., Plattner M. F. (2012) *Liberation Technology: Social Media and the Struggle for Democracy*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

Droste L. Feeling Left Behind by Political Decisionmakers: Anti-Establishment Sentiment in Contemporary Democracies. *Politics and Governance*. Vol. 9. No. 3. P. 288—300. <https://www.doi.org/10.17645/pag.v9i3.3949>.

Ennsner-Jedenastik L., Gahn C., Bodlos A., Haselmayer M. (2021) Does Social Media Enhance Party Responsiveness? How User Engagement Shapes Parties' Issue Attention on Facebook. *Party Politics*. Vol. 28. No. 3. P. 468—481. <https://doi.org/10.1177/1354068820985334>.

Gerbaudo P. (2019) *The Digital Party: Political Organization and Online Democracy*. London: Pluto Press.

Grant M. D., Flores A., Pedersen E. J., Sherman D. K., Van Boven L. (2021) When Election Expectations Fail: Polarized Perceptions of Election Legitimacy Increase With Accumulating Evidence of Election Outcomes and With Polarized Media. *PLoS ONE*. Vol. 16. No. 12. e0259473. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0259473>.

Howard Ph.N., Parks M.R. (2012) Social Media and Political Change: Capacity, Constraint and Consequence. *Journal of Communication*. No. 62. P. 359—362. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2012.01626.x>.

Kostiuk R. (2020) Contemporary Social Democracy in Latin America: General Features and Particularities. *Izquierdas*. Vol. 49. P. 2965—2981. URL: <http://izquierdas.cl/ediciones/2020/numero-49> (accessed: 12.02.2023).

Matz S. C., Appel R. E., Kosinski M. (2020) Privacy in the Age of Psychological Targeting. *Current Opinion in Psychology*. Vol. 31. P. 116—121. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2019.08.010>.

Mustillo T. (2018) Floating Voters and the Rise of New Left Parties: Electoral Volatility During Party System Transformation. *Latin American Politics and Society*. Vol. 60. No. 3. P. 1—26. <https://doi.org/10.1017/lap.2018.22>.

O'Brien K., Selboe E., Hayward B. M. (2018) Exploring Youth Activism on Climate Change: Dutiful, Disruptive, and Dangerous Dissent. *Ecology and Society*. Vol. 23. No. 3. <https://doi.org/10.5751/ES-10287-230342>.

Papacharissi Z. (2002) The Virtual Sphere: The Internet as a Public Sphere. *New Media and Society*. Vol. 4. No. 1. P. 9—27. <https://doi.org/10.1177/14614440222226244>.

Rabotyazhev N. V. (2018) European Social Democracy in Search of Responses to Challenges of the 21st Century. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*. Vol. 62. No. 11. P. 15—25. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-15>.

Svensson J., Russmann U., Cezayirlioğlu A. B. (2020) Broadcasting Achievements: Social Media Practices of Swedish Parties In-Between Elections Through the Lens of Direct Representation. *Journal of Applied Journalism & Media Studies*. Vol. 9. No. 2. P. 147—168. https://www.doi.org/10.1386/ajms_00020_1.

Walby S. (2020) The COVID Pandemic and Social Theory: Social Democracy and Public Health in the Crisis. *European Journal of Social Theory*. Vol. 24. No. 1. P. 22—43. <https://www.doi.org/10.1177/1368431020970127>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.1.2340](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2340)

Н. В. Колесник

ЭВОЛЮЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ: ОТ ПОКВАРТИРНОГО ОБХОДА ДО «ЦИФРЫ» И ОБРАТНО

Правильная ссылка на статью:

Колесник Н. В. Эволюция избирательных технологий в России: от поквартирного обхода до «цифры» и обратно // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 121—142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2340>.

For citation:

Kolesnik N. V. (2023) The Evolution of Electoral Technique in Russia: from Door-to-Door to Digital Control and Back. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 121–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2340>. (In Russ.)

Получено: 17.11.2022. Принято к публикации: 29.12.2022.

ЭВОЛЮЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ: ОТ ПОКВАРТИРНОГО ОБХОДА ДО «ЦИФРЫ» И ОБРАТНО

THE EVOLUTION OF ELECTORAL TECHNIQUE IN RUSSIA: FROM DOOR-TO-DOOR TO DIGITAL CONTROL AND BACK

КОЛЕСНИК Наталья Владимировна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: n.kolesnik@socinst.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2323-6799>

Natalya V. KOLESNIK¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow
E-MAIL: n.kolesnik@socinst.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2323-6799>

Аннотация. На основе интервью с российскими политтехнологами, представителями бизнеса и власти реконструируется процесс эволюции избирательных технологий в современной России. Используя эмпирические данные, автор исследует особенности формирования рынка избирательных услуг и то, какое влияние на избирательные кампании оказали представители власти, бизнеса, а также политтехнологи. Анализ избирательных технологий, реконструируемых из нарративов экспертов, показал, что они, как правило, эволюционируют вместе с общими политическими практиками в стране. Открывшийся в 1990-е годы рынок избирательных услуг стал отражением повышенного спроса на политику, отличную от советской, причем со стороны не только российского электората, но и новых политических деятелей, представителей бизнеса. В ходе проведенного эмпирического исследования выявлено, что в результате эволюции рынка избирательных услуг в России политические технологии подверглись значительной трансформации. Прошедшие выборные кампании показали, что применение административного ресурса часто имеет непредсказуемые последствия и потому сейчас активно приме-

¹ Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Abstract. Based on interviews with Russian political consultants, and business and government representatives, the reconstruction process of electoral techniques in contemporary Russia is being held. Using empirical data, the authors explore the features of forming the market for electoral services in the context of the electoral process and the impact on the election campaigns that representatives of government, business, and political consultants have. The analysis of electoral techniques reconstructed by experts showed that they usually evolve along with the general political practices in the country. The electoral services market, established in the 90s, reflected the increased demand for a different kind of politics — not only from the Russian electorate but also from new politicians and business representatives. In the course of the empirical study, it was revealed that due to the evolution of the political regime in Russia, electoral techniques had undergone a significant transformation, and, in general, the electoral system is being reproduced on an enclosed basis. The past election campaigns have shown that the use of administrative resources often has unpredictable consequences. Therefore digital resources are now being

няются новые избирательные практики, которые резко технологизируют избирательный процесс и повышают точность в подсчете голосов. Традиционные методы ведения избирательной кампании в сочетании с цифровыми технологиями не только становятся новым способом коммуникации между кандидатом и электоратом, но и расширяют возможности участия в большой политике рядового гражданина и развития цифровой демократии в целом. В роли архитекторов цифровых продуктов выступают не только профессионалы избирательного рынка — политтехнологи, журналисты, представители политических партий и общественных движений, — но также разработчики и обычные пользователи.

Ключевые слова: выборы, электорат, элита, власть, политтехнологи, российский регион, рынок избирательных услуг, избирательные технологии, цифровые технологии

actively used, dramatically technologizing the electoral process and increasing the accuracy of counting votes. Traditional methods of conducting an election campaign in combination with digital technologies are becoming a new way of communication and expanding opportunities for the participation of ordinary citizens in big politics and the development of digital democracy. The architects of digital products are not only professionals of the electoral market represented by political technologists, journalists, and representatives of political parties and social movements but also developers and users.

Keywords: elections, electorate, elite, power, political marketers, Russian region, electoral services market, electoral technique, digital technologies

Постановка проблемы

Для описания транзита политических режимов на постсоветском пространстве с конца XX века в западной науке активно используются такие термины, как «автократия», «электоральная автократия», «управляемая демократия» [Simpser, 2013; Treisman, 2007; Balasubramaniam, 2008; Lodge, 1998]. Эти концепты используются для анализа трансформационных процессов в странах «новой демократии», включая и Россию. В изучении режимов электоральных автократий важно рассмотрение формальных и неформальных практик избирательных кампаний, а также роли выборов как необходимого условия для функционирования и воспроизводства существующей власти [Бьюкенен, 1997; Барсукова, 2006; Левин, 2014; Нуреев, Шульгин, 2006; Кордонский, 2008; Колесник, 2021; Barsukova, Denisova-Schmidt, 2022]. Одним из главных агентов по превращению электоральной системы в закрытую и непрозрачную выступает государство, даже несмотря на то что граждане участвуют в выборах, а политические партии состязаются в предвыборной гонке [Schedler, 2006; Levitsky, Way, 2010]. В таких странах политические режимы достаточно устойчивы ввиду того, что представители властной элиты формируют правила игры, минимизирующие риски падения режима.

В этой связи исследование эволюции избирательных технологий важно для прояснения не только процесса институционализации властной элиты, но и всего поли-

тического режима в целом, так как выборы и применяемые избирательные технологии — значимый элемент любого электорального режима. Основными субъектами российских избирательных практик выступают представители власти, бизнеса и иные агенты, аффилированные с политическими и экономическими институтами. В этой связи избирательная кампания представляет собой не только значимую демократическую процедуру, но и важный механизм по воспроизводству экономических интересов социальных общностей. Экономическими агентами избирательного процесса выступают представители бюджетной и частной сфер, рядовые граждане, заключающие неформальный контракт с государством и обменивающие свои голоса на привилегии. Как отмечает Беатрис Магалони, в этих условиях начинает работать схема по сохранению власти в обмен на правильные результаты голосования [Magaloni, 2010].

Стивен Левитски и Лукан Уэй в своих работах о конкурентном авторитаризме приводят примеры стран с подобными режимами, среди которых упоминается и современная Россия. По мнению авторов, в таких странах выборы, будучи основным способом установления власти, сопровождаются массовым использованием административного ресурса, тем самым лишая оппозицию возможности реальной конкуренции. Это проявляется в первую очередь в неравном доступе к СМИ и манипуляциях голосованием и ходом выборов. В таких условиях возможны и уголовно наказуемые действия: угрозы и давление на оппозицию, а также преследование кандидатов, которые могут быть опасны для действующей власти [Levitsky, Way, 2010, 2020].

Российские ученые, исследуя избирательные кампании и политические выборы, обращают внимание на возросшую роль партии власти в избирательном процессе как на федеральном, так и региональном уровнях. Политолог Владимир Гельман поясняет, что удержание власти заключается не в явных запретах оппозиционных партий или кандидатов на участие в выборах, а в создании условий, при которых исключается возможность поражения действующей власти [Гельман, 2005]. Это становится возможным прежде всего благодаря использованию «ресурсов государства» (административных, экономических, кадровых, информационных) для обеспечения преимуществ одной из сторон [там же: 15].

По нашему мнению, теоретическая рамка «авторитарной автократии» при описании избирательных кампаний в их региональном разнообразии оказывается слишком общей. В России даже в условиях сложившейся вертикали власти имеют место разные модели организации и проведения избирательных кампаний [Барсукова, Левин, 2020]. Более того, как пишет Александр Кынев, электоральная ситуация в регионах крайне неустойчива и подвижна. По его мнению, в России есть регионы, которые на протяжении двадцати лет входят в число аномальных с точки зрения результатов голосования, а есть те, которые, попадая в эту группу, вскоре выбывают из нее¹. Устойчивость электорального процесса зависит и от кадрового фактора, в частности — от смены руководителя блока внутренней политики в Администрации Президента².

Несмотря на имеющиеся исследования электорального процесса, организация и проведение выборов как механизма консервации статус-кво или попыток его

¹ Кынев А. В. Выборы 2021 года и три эпохи становления электоральной автократии // Фонд «Либеральная миссия». 2021. 18 ноября. URL: <https://liberal.ru/lm-ekspertiza/vybory-2021-goda-i-tri-epochi-stanovleniya-elektoralnoj-avtokratii> (дата обращения: 09.02.2023).

² Там же.

изменения остаются слабоизученными. На это еще в 2010 г. указывала Сусанна Пшизова, изучающая теневые аспекты политической конкуренции: «...наши политические и государственные лидеры пользуются услугами политконсультантов. Однако в силу совершенно неправомерного отсутствия официальных сведений на этот счет граждане могут только догадываться о масштабах такой деятельности, объемах задействованных ресурсов и персоналиях экспертов, облеченных доверием власти» [Пшизова, 2010: 25].

При изучении эволюции избирательных технологий неизбежно возникает и другой исследовательский вопрос: какое влияние на политические коммуникации между избирателем и кандидатом оказывают цифровые ресурсы и новые медиа? Алекс Геккер предлагает рассматривать эти процессы через призму медиатизации политики. Медиатизация им определяется как метапроцесс, учитывающий продольные сдвиги в коммуникативных процессах, опосредованных различными формами технологических средств массовой информации и новыми медиа. Будучи разнообразной и несвободной от внутренних дебатов, перспектива медиатизации признает, что медийные инфраструктуры и институты постоянно переплетаются с другими, ранее существовавшими отдельно социальными сферами [Gekker, 2019: 392]. В этой связи А. Геккер предлагает собственный взгляд на политики (посредством геймификации), преодолевая разрыв между исследователями игр и теми, кто изучает политическую коммуникацию.

Таким образом, анализ теоретических подходов, рассматривающих особенности политического режима в России в постсоветский период, показывает, что для его понимания в качестве «переменной» нередко вводится изучение избирательных кампаний. Как результат, в поле зрения исследователей попадают субъекты выборного процесса, их программы, особенности взаимодействия власти и бизнеса в ходе выборов, соотношение административных и финансовых ресурсов и т. д. Изучение трансформации избирательных технологий на основе интервью с их реальными участниками видится значимой эмпирической переменной, позволяющей определить вектор развития демократических институтов и учесть многомерность выборного процесса с пересекающимися общественными, корпоративными, государственными интересами. Следует обратить внимание на то, что избирательные технологии и формирование рынка избирательных услуг в России крайне редко оказывались в фокусе специальных исследований и практически не рассматривались в академическом дискурсе. В этом плане обращение к вопросу эволюции избирательных технологий в постсоветский период позволит выявить основные этапы и причины развития последних, роль политтехнологов и административного (властного) ресурса в выборах, специфику формирования рынка избирательных услуг и влияния цифровых ресурсов на его развитие.

Эмпирические основания исследования

Для реализации основного исследовательского замысла автором статьи была проведена серия интервью с участниками избирательных кампаний федерального и регионального уровней. Выражаю огромную благодарность моим коллегам Светлане Барсуковой, Сергею Левину и Анастасии Казун за участие в сборе эмпирических данных. Эмпирическую базу исследования составили 75 глубинных интервью

со следующими группами информантов: политтехнологи; представители региональных и городских администраций; депутаты регионального и муниципального уровней; предприниматели и представители бизнеса, вовлеченные в избирательный процесс. Для проведения интервью был разработан гайд, определивший ключевые направления сбора информации: биографический блок об информанте, опыте работы в региональных/федеральных избирательных кампаниях, нарративы о развитии российской политики после распада СССР и формировании рынка избирательных услуг. Для каждой группы информантов подбирались особая исследовательская тактика, определявшаяся степенью доверия информанта тому, кто его интервьюировал. Чаще всего в роли информантов выступали мужчины, которые охотно делились своим экспертным знанием и опытом. Серьезных различий в уровне доверия к интервьюеру со стороны представителей власти, бизнеса и политтехнологического сообщества выявлено не было, но те, для кого участие в избирательных кампаниях осталось в прошлом, охотнее делились информацией и оценивали происходящее. Информанты, как правило, подбирались методом «снежного кома», что резко повышало степень доверия между информантом и интервьюером.

Следует заметить, что в ходе сбора эмпирической информации были нередки случаи, когда соавтором гайда интервью выступал сам информант, и тогда интервью часто проходило не по заранее намеченному плану, а лишь согласно тематике основных блоков. Чаще всего «поломки» происходили тогда, когда информантом оказывался известный политтехнолог федерального или регионального уровня, для которого само участие в интервью было способом и возможностью не только выступить в роли эксперта, но и определить свою «историческую» роль в электоральном процессе. Респонденты, выход на которых в большинстве случаев осуществлялся через посредников, подбирались с учетом разнообразия их ролей в избирательном процессе — от председателя избирательного штаба губернатора, юриста или редактора газеты до руководителя департамента регионального министерства. В среднем продолжительность интервью составила полтора — два часа, но некоторые из них длились четыре часа и более. Интервью проходили как в офлайн-, так и в онлайн-режимах.

Основная масса интервью была собрана в период с октября 2018 по июль 2019 г. в Москве, Санкт-Петербурге, Кемерово, Красноярске, Новосибирске, Бердске, Екатеринбурге и Ульяновске. В последующие годы этот массив дополнялся эпизодическими интервью с участниками политического рынка. Регионы отбирались на основе данных, полученных в ходе пилотажного исследования. Последнее зафиксировало, что именно Москва и Санкт-Петербург были (за исключением 1990-х годов) и остаются главной «биржей труда» для трудоустройства политтехнологов. По этой причине более половины интервью были проведены с московскими и петербургскими экспертами, представляющими политтехнологическое сообщество, бизнес и власть. Что же касается интервью с информантами из городов Сибири и Поволжья, то эта информация носила скорее дополнительный, но при этом крайне важный характер.

Российские избирательные технологии: начало

В начале 1990-х годов в России начался новый этап политического развития: впервые в истории страны выборные кампании стали реальной демократической

площадкой для выражения интересов не только коммунистов, но и иных политических сил. События начала 1990-х годов способствовали разрушению партийной и государственной системы, возникло окно политических возможностей для простого человека. По мнению Юлия Нисневича, называющего эти события «восстанием советских масс», речь идет не о революционном порыве ниспровергнуть советский режим, но о высвобождении этих масс от гнета режима при их по большей мере пассивном, нежели активном участии [Нисневич, 2018].

На данном этапе интерес к политике активно проявил новый субъект, готовый не просто участвовать в предвыборной кампании, но и финансировать ее. Инвестирование бизнеса в политику в те годы носило относительно добровольный характер, но именно тогда были заложены основы «малых» и «больших» олигархатов, которые тесно и взаимно переплелись с политической и административной властью. Немалую роль в развитии избирательных технологий в конце 1980—1990-х годов сыграли перестроечные медиа, среди которых были вестники общественно-политических движений и объединенных фронтов. Для новой политики потребовались новые социальные институты, в том числе и новые СМИ. Представители различных — порой альтернативных — точек зрения свободно высказывали свои мнения и открыто спорили на страницах газет.

<...> [Через новые СМИ] начался вброс альтернативной точки зрения, <...> появились лидеры общественного мнения, лидеры Народного фронта. У нас в городе тогда было разделение Народного фронта — был отдельно Народный фронт и отдельно Объединенный фронт трудящихся (ОФТ). Ну, и, собственно, ОФТ так и остался структурой, которую создавал обком партии и которая работала на предприятиях. Вот это миф, что у нас есть массовые структуры, есть профсоюзы <...>. Организации формально есть, а вбросить идею через эти структуры и чтобы она работала, было уже тогда невозможно: они воспринимались как структуры предыдущего времени, и <...> обсуждать новые темы через них было нереально. Чтобы обсуждать новые темы, необходимо было, чтобы появились новые институты и новые СМИ. (Интервью № 1, муж., 50 л.)

Благодаря новым СМИ в 1980-х годах любой человек становился известным за считанные дни. Во многом это было связано с тем, что читатель в те годы с большим доверием относился к печатному слову, что подтверждалось многочисленными примерами вхождения в политику благодаря все возникающим новым медиа.

Помните Гдляна и Иванова? Они стали популярными только потому, что вышли в медийное пространство, а у нас в городе [Санкт-Петербурге] передача «600 секунд» — можно было в одну неделю сделать человека популярным политиком. Газета «Петербургский дневник»... Потом газеты стали в большом количестве издаваться и превратились в макулатуру. Людям стало понятно, что напечататься может любой, достаточно каких-то денег. И в 1990-х годах газеты уже не играли такой большой роли — и стали играть листовки, которые надо было положить в ящик. (Интервью № 5, муж., 54 г.)

В этой ситуации вырос спрос на услуги специалистов, способных организовать и провести избирательную кампанию, в стране появились первые политтехноло-

ги. Если еще лет 30 назад никаких политехнологов в российской политике не существовало, то уже с конца прошлого века практически любая избирательная кампания проходила при их участии. Важно отметить, что на начало 1990-х годов в стране не было профессионалов, которые бы имели соответствующее образование или практический опыт. В советской образовательной системе в то время не было специальностей ни социолога, ни политолога, и политехнологами становились врачи, юристы, инженеры, ученые. Основные знания будущие гуру избирательных кампаний получали в ходе выборных кампаний через самообразование, семинары и выездные школы, которые в те годы активно финансировали в том числе и зарубежные фонды. Первые политехнологи формировали свои команды, в которых каждый, соответственно принципу разделения труда, отвечал за свой участок работы.

Практически в каждой биографии политехнологов первой волны — а это те, кому сегодня больше 50 лет, — как важный и значимый опыт упоминается их участие в избирательных кампаниях народных депутатов СССР. По мнению информантов, это был период «реального политического процесса» и время «настоящих политических дискуссий».³

Проходит первый тур, когда избралась, когда прокатили всех коммунистов и были назначены повторные выборы на тех округах, где не состоялись выборы тогда. И вот тогда пошла вся кампания демократическим широким фронтом. Был уникальный для российской политической истории округ, когда было 34 кандидата. Более того, все они выступали с дебатами, которые шли на нашем ленинградском телевидении. Среди них было много интересных людей. (Интервью № 6, муж., 52 г.)

Зачастую каналом для рекрутирования региональных пулов политехнологов в те годы оказывались вузовские кафедры и научные отделы государственных институтов. Как правило, это были институты гуманитарного профиля, режим работы в которых позволял совмещать преподавание и науку с политехнологическим бизнесом. Плавному вхождению в общенациональный график выборных кампаний способствовали и летние отпуска преподавателей российских вузов. Поэтому неслучайно, например, Институт философии и права Уральского отделения РАН (директор А. Гайда) или кафедра политической психологии СПбГУ (заведующий А. Юрьев) стали уже хрестоматийными примерами мест, где научные сотрудники и преподаватели впервые в стране отработывали политические технологии. Как заметил один из первых российских политехнологов: «...нет ничего удивительного в том, что в наше „смутное время“⁴, когда вся фундаментальная наука оказалась ненужной, а тем более такая фундаментальная, как „философия“, все ученые нашего Института философии и права стали искать „приработок“ на стороне. <...> Все занимаются политическим консалтингом. Курсируют по всему региону и по всей стране. Имиджмейкерство, политология, социология, PR — все эти специальности были легко освоены „фундаментальными“ философами» [Матвейчев, 1998: 23].

³ Интервью № 6, муж., 52 г.

⁴ Речь идет о 1990-х годах — Н. К.

Первый этап в развитии российских избирательных технологий характеризуется не только активным финансированием предвыборных кампаний, но и творческим подходом к подбору того или иного кандидата, работе с пулом избирателей и членами избирательных комиссий территориального и регионального уровней, к организации рекламных кампаний. Политтехнологи в интервью вспоминали не только про знаменитые «карусели», когда один и тот же избиратель мог проголосовать по несколько раз, но и организацию районных праздников для потенциальных избирателей, вручение подарков пенсионерам и т. п. В ходе предвыборных кампаний различного уровня применялись наглядная агитация, политические дебаты в СМИ, появлялись и первые «двойники» как некое ноу-хау в предвыборной технологии от Алексея Кошмарова (Трубецкого). Осваивая в ходе выборов многомиллионные бюджеты, политтехнологи, часто в погоне за быстрыми результатами и прибылью использовали все технологии подряд. Как вспоминает один из них, это действительно было время, именуемое «безумством креатива» (Интервью № 5, жен., 53 г.). Это были не только «баннерные войны» в Байкальском регионе, но и запомнившиеся примеры яркой политической агитации в Башкортостане, картографические образы Тюменской области, городские и сельские пейзажи в агитации избирателей Липецкой области [см. Визуализация выбора..., 2016]. При этом, как отмечают сами организаторы избирательных кампаний, нередко были случаи, когда и творчество «выходило в тираж». К примеру, так произошло на выборах мэра Нижнего Тагила, когда сразу несколько кандидатов использовали в своих рекламных роликах сюиту Георгия Свиридова «Время, вперед»⁵ [там же: 176].

Помимо вышеупомянутого, в начале 1990-х годов рынок избирательных услуг характеризовался тем, что на нем было сконцентрировано немалое количество политтехнологов, находившихся в состоянии профессиональной конкуренции. Второй момент был связан с тем, что спонсоры избирательных кампаний имели полномочия выбирать потенциальных подрядчиков. Поэтому в условиях конкуренции за подряды полученные на очередных выборах результаты рассматривались как некий шанс на получение нового заказа.

Когда это все только начиналось в нашей стране, в начале 1990-х годов, выборы были чем-то вроде КВН <...>. Активные, творческие, с жилкой авантюриности. <...> очень слабые были ограничения законодательные <...> по финансам, по формам коммуникации, практически неограниченный креатив. И мало знаний про то, как это вообще делается. Люди приходили из разных сфер и пытались проводить избирательные кампании. Много денег, мало ограничений и много творчества. Это, наверное, был самый романтичный период в избирательных кампаниях. (Интервью № 6, муж., 52 г.)

По мнению пермских политологов, самой точной характеристикой предвыборных технологий того времени был «синтез искусства и технологий, творчества и холодного расчета». Этот период в электоральной истории не был долговечен ввиду того, что запрос со стороны избирателей стремительно менялся. Именно тогда по-

⁵ Сами авторы исследования объясняют это тем, что создатели рекламных роликов пользовались услугами одной студии.

явились «политические Пигмалионы, уверенно лепящие избирательницу-Галатею» [Визуализация выбора..., 2016: 176]. Политтехнологи реализовывали привлекательные и зрелищные рекламные кампании, но последние часто не обеспечивали победу своим кандидатам. В этой связи исследователи описывают кейс избирательной кампании партии «Союз правых сил» (СПС), в 1999 г. поддержавшей художественный фестиваль «Культурные герои XIX века, или в поисках Золушки». Благодаря фестивалю стали известны имена многих художников и политиков, но самой СПС так и не удалось заручиться большой поддержкой избирателей [там же].

На этом фоне появились «звездные политтехнологи», чья работа демонстрировала высокую результативность. Как некий ориентир для потенциального заказчика начали формироваться рейтинги политтехнологов: чем выше в рейтинге была позиция специалиста, тем дороже стоили его услуги. Более того, в среде политтехнологов профессионализм в те годы часто измеряли тем, сможет ли политтехнолог за малые деньги привести к победе того или иного кандидата. По мнению Олега Матвейчева, «важно не только число успешных кампаний, но и их стоимость. Здесь [в регионах. — Н. К.] умеют работать с небольшим бюджетом, а вот москвичи избалованы деньгами. А я скажу так: с деньгами любой дурак сделает почти кого угодно. А вот дали бы московским знаменитостям вместо миллиона долларов двадцать миллионов рублей... сомневаюсь, что они бы вообще взяли за дело при таких суммах» [Матвейчев, 1998: 15].

Таким образом, анализ эмпирического материала показывает, что именно в 1990-х годах в России зародился рынок избирательных услуг. Спрос на другую политику был порожден не только политизированным электоратом, но и образовавшимся кругом новых политиков и предпринимателей, готовых финансировать кампании. В этих условиях старые методы ведения выборных кампаний уже не работали — требовались носители специальных знаний, навыков, креатива. Сто тысяч избирательных кампаний в России, организованных ЦИК РФ в течение пяти лет в 1990-х годах, открыли невиданные возможности для отечественных политтехнологов. Отсутствие властных рычагов для влияния на исход выборов в регионах вкупе с невероятной креативностью политтехнологов, их первыми изобретениями в условиях обостренной борьбы и часто непредсказуемым результатом выборов способствовали тому, что организация избирательных кампаний стала отдельной профессией.

Новые вехи в электоральной истории

По мнению опрошенных политтехнологов, большое влияние на развитие избирательных технологий в России в постсоветский период сыграла президентская кампания Бориса Ельцина 1996 г., ставшая важной вехой в электоральной истории страны. Как вспоминает гендиректор Совета по национальной стратегии Валерий Хомяков, «было понятно, что популярность Бориса Николаевича оставляет желать лучшего, шла чеченская война, был серьезный разброс среди финансово-промышленной элиты — красные директора, олигархи, а на этом фоне — невыплаты бюджетникам и пенсионерам»⁶. В таких условиях развернулась пред-

⁶ Корченкова Н. Кампания, собравшаяся на кухне // Коммерсант. 2016. 15 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2916755> (дата обращения: 09.02.2023).

выборная кампания штаба Б. Ельцина, политтехнологии которого избрали для будущего президента образ «проснувшегося льва». Георгий Сатаров, входивший в один из штабов Б. Ельцина, рассказывал, что тогда был создан совет избирательной кампании (на языке политтехнологов — «кухонный кабинет»), в который вошли представители нового и старого избирательного штабов⁷.

Кампанию 1996 г. отличало активное использование административного ресурса⁸. Это было связано, во-первых, с крайне ограниченным временем на подготовку кампании, во-вторых — со слабой институционализацией рынка избирательных технологий. Взятые нами интервью показывают, что только в Санкт-Петербурге при участии представителей административной элиты одновременно было организовано три избирательных штаба в поддержку Б. Ельцина. Именно в этой кампании политтехнологи впервые использовали технологию актуальной повестки дня, разработанную уральскими специалистами⁹. В результате избиратель стал ассоциировать Б. Ельцина со светлым будущим, а Г. Зюганова — с мрачным коммунистическим режимом.

В избирательную кампанию Б. Ельцина были вовлечены не только российские, но и американские политтехнологи. Лозунг «Голосуй, или проиграешь» оказался востребованным у российского избирателя. Несмотря на то что кампания проходила на фоне войны в Чечне и роста бедности, Б. Ельцин благодаря административному ресурсу, поддержке СМИ и крупного бизнеса был избран на второй срок. По мнению Ю. Нисневича, важную роль в переизбрании Б. Ельцина на второй срок сыграло «водное перемирие», заключенное при участии Анатолия Чубайса между влиятельными в то время финансово-промышленными группами для финансовой и информационной поддержки избирательной кампании действующего президента [Нисневич, 2014: 18—19]. Следует отметить, что еще за полгода до подсчета голосов рейтинг поддержки Б. Ельцина среди россиян был крайне низким. Умелое сочетание избирательных технологий с административным и финансовыми ресурсами обеспечили Б. Ельцину победу. В среде же политтехнологов оценки результатов выборов 1996 г. оказались несколько иными:

Ну, как получилось тогда, что... Трудно сказать, выиграл ли тогда Ельцин. (Интервью № 1, муж., 50 л.)

В середине 1990-х годов началось формирование пула региональных политтехнологов, позже активно принимавших участие и в президентской кампании Б. Ельцина. Пущенные в 1996 г. в ход финансовые и административные ресурсы предопределили дальнейший вектор развития рынка избирательных технологий в российских регионах. Представители административной элиты выступали

⁷ Корченкова Н. Кампания, собравшаяся на кухне // Коммерсант. 2016. 15 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2916755> (дата обращения: 09.02.2023).

⁸ Согласно Р.М. Нурееву, административный ресурс — это, с одной стороны, накопленная политическая рента (следствие присвоения политической ренты), а с другой — потенциал политика, позволяющий ему получать политическую ренту в будущем (предпосылка получения политической ренты). К числу форм административного ресурса относятся возможность перенесения даты выборов и снятия кандидатов, давление на активность избирателей и завышение явки, сокращение политической конкуренции на выборах [Нуреев, 2013].

⁹ Интервью № 25, муж., 58 л.

не только заказчиками той или иной кампании, но и гарантами своевременной оплаты труда политтехнолога. В интервью политтехнологи вспоминают, что в ходе избирательных кампаний были нередки случаи обмана.

В 1990-х и в начале 2000-х годов не такое бывало. Поэтому здесь очень важен вопрос доверия, чтобы одни не кинули других. Жестко кидали и с одной стороны, и с другой. Заказчик мог не заплатить деньги по итогам кампании, тем более если он ею остался недоволен. Невозможно, чтобы все победили, всегда ведь кто-то проигрывает... Деньги не платили тогда, это понятно... (Интервью № 4, муж., 49 л.)

При этом следует отметить, что в 1990-х годах власть на региональном локальном уровне имела значительные экономические и политические ресурсы, что позволяло реализовывать относительно самостоятельную политику на местах. В сложившейся ситуации для политтехнологов открывались возможности для реализации избирательных проектов и выбора подряда при проведении очередной кампании. Это не было временем полной свободы выбора, но было временем для реализации профессиональных амбиций в случае, если оказываешься в нужном месте и в нужное время.

Раньше договаривались не только через Москву. <...>. Люди, условно говоря, едут в Петербург, Хабаровск или на Дальний Восток, потому что они здесь с кем-то работали, у них есть позитивный результат, есть человек, который может рекомендовать, есть система договоренностей. «Мы от этих», «они от этих» — это такая сетевая структура. А сейчас она централизованная. (Интервью № 7, муж., 51 г.)

К концу 1990-х годов российское политтехнологическое сообщество начало институционализироваться. В регионах активно формировались профессиональные союзы политконсультантов и политтехнологов. Так, в Екатеринбурге с целью закрепить монополию уральских политтехнологов в регионе и не допустить получение подрядов на организацию избирательных кампаний «чужаками» в 1997 г. была создана Уральская гильдия политических консультантов. Тогда же появилась и первая профессиональная литература, обобщающая опыт российских или зарубежных политтехнологов [О'Дей, 1999; Максимов, 1999; Малкин, Сучков, 2000]. В роли авторов выступали не только столичные, но и региональные политтехнологи. Особенно преуспели в издании специальной литературы по тому, как «делать выборы», представители уральской школы. Книга «Уши машут ослом» выдержала не одно издание и стала настольной для тех, кто в те годы постигал азы зарождающегося рынка избирательных технологий [Гусев и др., 2002].

Тогда же наступил этап, когда креативные технологии практически перестали использоваться. Активно применялись лозунги и плакаты — только из-за одного их содержания конкурент мог сразу выбыть из гонки. Предвыборный дискурс того времени отражал реальную политическую борьбу. В рекламные кампании запускались слоганы и лозунги про «коммунистов», «чиновников», «номенклатурщиков», но чуть позже их сменили лозунги про «воров» и «кормушки», прочно ассоциировавшиеся с негативом и блокировавшие все шансы кандидатов на избрание.

Профессионализация сообщества политтехнологов привела к тому, что к концу первого десятилетия постепенно отсеялись случайные люди и сформировался пул политтехнологов, принимавших в своих регионах самостоятельные решения по распределению заказов на организацию избирательных кампаний. Постепенно исход избирательной кампании все меньше зависел от креативности политтехнолога и все сильнее — от административной поддержки кандидата и финансового обеспечения кампании.

Реформа избирательной системы и появление цифровых технологий

По мнению А. Кынева, именно 2000-е годы стали в России периодом масштабной избирательной и партийной реформы, затронувшей как региональные, так и федеральные выборы. Основным ее содержанием было принудительное введение в систему выборов пропорциональной составляющей (с 2003 г. в виде смешанной, мажоритарно-пропорциональной, избирательной системы, с 2007 г. в ряде регионов — полностью пропорциональной). Приметами времени стали постоянные ужесточения партийного законодательства и усиливающийся государственный контроль над политическими партиями, что в итоге привело к усилению косвенного контроля государственной бюрократии над депутатским корпусом через контроль над партийной бюрократией [Кынев, 2009: 9].

Развитие экономики в первое десятилетие правления Владимира Путина эксперты оценили как «русское экономическое чудо», и именно экономические успехи в стране диктовали необходимость в проверенных кадрах на высших позициях в российских регионах. Несмотря на то, что центр не испытывал финансовых трудностей по обеспечению и организации избирательных кампаний, политические нововведения существенно сократили поле деятельности политтехнологов. После отмены выборов губернаторов в 2004 г. они лишились значимых подрядов на локальном уровне. При этом бизнес по-прежнему участвовал в избирательных кампаниях и финансировал кандидатов:

Он [предприниматель] с кем-то о чем-то договорился, с партией, человеку надо решать через законодательный орган власти. Он рассчитывает, что партия, выиграв выборы, будет отстаивать его интересы, неважно, какие интересы — может быть, ларек поставить, снизить себестоимость арендной платы, поможет получить ему заказ на сброс снега — неважно что, что-то. Может быть, просто друг, хороший школьный товарищ или товарищ по институту: «Можешь чем-то помочь?» — «Да, у меня на складе лежит постельное белье, и не знаю куда его деть, уже мыши съели». — «Давай раздадим». — «Давай». (Интервью № 3, муж., 56 л.)

Давид Саконьи в работе, посвященной участию предпринимателей в региональных выборных кампаниях в России с 2004 по 2011 г., проанализировал данные о 41 тыс. кандидатов, баллотировавшихся в законодательные органы власти. По его мнению, в случае выдвижения и избрания в местный парламент представитель бизнеса минимизирует свои издержки и получает выгоды для своей компании. При этом, если предприниматель оказывается на высших позициях в исполнительных органах власти города или региона, то это влияет на управленческие

практики. Как правило, в таких регионах формируется режим наибольшего благоприятствования для бизнеса и в основном развивается экономическая, но не социальная политика [Szakonyi, 2021].

В политическом календаре 2006 г. произошли изменения, когда были отменены выборы губернаторов и периодичность выборов была сведена только к двум кампаниям в году. Эти нововведения не могли не отразиться на рынке избирательных услуг. Поле деятельности политтехнологов существенно сократилось, а те, кто смог остаться в профессии, часто были вынуждены в поисках заработка перемещаться из одного региона в другой.

Была кочующая тусовка, цыганский табор, так сказать, политтехнологов. Потом, когда перестали губернаторов выбирать, кое-где даже мэров не избирали. (Интервью № 16, муж., 54 г.)

В этих условиях упал профессиональный уровень политтехнологов и возникла, как отмечают информанты, парадоксальная ситуация, когда в силу сжатия рынка возросла конкуренция между политтехнологами, а требования к их профессионализму снизились. Нужный результат для баллотирующегося кандидата все чаще получали путем «работы с комиссиями», и профессия политтехнолога перестала быть синонимом яркого креатива и больших заработков.

Отчего это случилось? Централизация федеральной власти. <...>. Главное, по большому счету, стало некому платить за выборы. <...>. Заказчик этих услуг — либо государство, либо лица, аффилированные с государством, с федеральным центром. Это главный фактор, который повлиял на развитие этого бизнеса и развитие профессии. Сейчас политтехнолог — это зачастую кто? Это зачастую чиновник. Он не чиновник, но он выполняет функции чиновника в рамках избирательной кампании. (Интервью № 14, муж., 48 л.)

Что происходило с избирательными технологиями в 2000-е годы и как они трансформировались? В условиях нарастания деполитизации населения и персональных изменений в сообществе политтехнологов стали активно применяться такие технологии, как «карусели», использование кандидатов-однофамильцев, фейковых кандидатов и др. Так, по воспоминаниям политтехнолога из Санкт-Петербурга, в одну из избирательных кампаний в городе среди политтехнологов было популярно блокировать процедуру регистрации реальных кандидатов.

<...> Ну, там были фейковые кандидаты, которые занимали очередь в избирательные комиссии, а аппарат избирательных комиссий минимален в плане пропускной возможности их регистрировать, и настоящие кандидаты, которые хотели выдвинуться, к сожалению, в течение рабочих дней не смогли. Фейковые кандидаты, как на работу приходили и препятствовали реальным кандидатам подавать документы в срок. (Интервью № 69, жен., 34 г.)

На федеральном и региональном уровне использовались и другие предвыборные приемы и технологии — например, «скупка голосов». Что представляет собой эта технология и как она реализовывалась на практике?

Она достаточно характерна для России. В принципе, зонтичная схема была тогда применена. То есть были агитаторы, у которых есть определенное количество знакомых, им выдавали определенные суммы за каждого человека, и, соответственно, он выдавал эту же сумму другому. Ну, и так же могли дальше по цепочке перепродавать. (Интервью № 60, муж., 45 л.)

Анализ результатов региональных выборов в 2003—2009 гг., проведенный А. Кыневым, показал, что не только политические технологии, но и принятые локальные акты в те годы не вносили ясности и скорее вводили в заблуждение избирателя, голосующего на выборах. Так, принятые методики распределения мандатов между группами внутри партийного списка, считает исследователь, зачастую носили странный и манипулятивный характер. Яркой иллюстрацией происходившего стал казус в Орловской области в 2007 г., продемонстрировавший совершенный обман избирателей [Кынев, 2009: 64].

Начиная с конца 2000-х годов стал формироваться пул «золотых политтехнологов», получавших наиболее крупные заказы на организацию выборов по всей стране. Эти специалисты были не в силах освоить такие объемы работ и передавали заказы региональным политтехнологам, оставляя себе существенный процент за посреднические услуги. В среде политтехнологов «социальный налог» (он же «откат») определяется как некая норма, учитывающая интересы всех, кто желает заработать на кампании. При этом следует отметить, что часть информантов полагает «откат» не способствующим развитию политической системы и «ведущим страну в тупик». В целом же политтехнологи воспринимают его скорее как заказ.

Надо, чтобы получить заказ от партии какой-то, искать туда выходы, заходы какие-то, отношения, откатывать что-то... (Интервью № 14, муж., 56 л.)

Значительное сокращение заказов у политтехнологов произошло тогда, когда в стране был введен единый день голосования. Те, кто не имел доступа к крупным заказам, был вынужден уйти из профессии. Кроме того, в это время многие избирательные кампании начали обходиться без социологических исследований, агитационного материала и встреч с избирателями. Как говорит информант,

<...> снизился уровень конкуренции, причем так резко, существенно. Исчезли самостоятельные игроки, которые могли предоставлять бюджет. (Интервью № 16, муж., 45 л.)

В ходе предвыборных кампаний нередко через типографские тиражи (вне зависимости от партийной принадлежности кандидата на выборах) и оплату работы волонтерам или наблюдателям просто зарабатывались деньги. В сложившихся условиях важным капиталом оказывались скорее не финансы, а доверие и лояльность. Таким образом, формирующийся рынок избирательных услуг сопро-

вождался новой иерархией политтехнологов, в основу которой были поставлены не профессиональные качества, а близость к заказчику в лице представителей административной либо политической власти.

Другой приметой того времени было (и остается) активное вхождение на рынок избирательных услуг новых цифровых технологий. Избирательные кампании кандидатов в региональные органы власти в 2016 г., президента РФ в 2018 г. показывают, что стали активно вовлекаться политтехнологи как старой, так и новой волны. К примеру, в президентской кампании К. Собчак принимали участие те, кто работали еще в избирательных штабах первого президента РФ Б. Ельцина, а также на выборах Ангелы Меркель в Германии, Барака Обамы и Дональда Трампа в США. К примеру, В. Шкляров оказался не только автором «политического Uber», активно применявшегося на муниципальных выборах в Москве в 2017 г., но и отвечал в штабе К. Собчак за цифровые технологии. Используя наработки муниципальной кампании, своей основной задачей он видел конвертацию миллионов подписчиков социальной сети в волонтеров.

Массовое распространение в выборных кампаниях в эти годы получили не только традиционные технологии, но и новые цифровые и геймифицированные продукты. Используя анимационные сюжеты, мемы, гифки, браузерные и иные игры, политтехнологи убеждают потенциального избирателя в необходимости проголосовать не только за того или иного кандидата, но и поделиться со своими цифровыми друзьями необходимой информацией.

Вовлеченность в избирательный процесс обеспечивают и новые медиа. Именно новостные паблики были одними из первых в РФ, использовавших браузерные игры. Они запустили игры на темы политики и выборов президента РФ. Так, в 2015 г. были достаточно популярными игры, в которых игроки проходили испытания, персонажами были В. Путин и его конкуренты. Событийным фоном таких игр выступили Олимпийские игры в Сочи, «Крымская весна», экономический кризис в стране.

Не только новые медиа, но и иные субъекты политического поля разрабатывали и использовали гейм-продукты на тему выборов. Активно развивались краудфандинговые проекты, реализовавшиеся благодаря спонсорской помощи потенциальных игроков. Рынок избирательных услуг резко расширился за счет не только новых медиа, но и создателей игр-симуляторов. Новые технологии отличаются в первую очередь тем, что цифровые продукты создаются исключительно на деньги потенциальных потребителей, которые в перспективе могут принять участие и в голосовании, но уже в роли избирателей.

Цифровые продукты в избирательных кампаниях стали активно использовать не только провластные политтехнологи. В 2017 г. свою эффективность доказало применение ранее упомянутой технологии «политического Uber», когда десятки оппозиционных и независимых кандидатов в муниципальные органы власти г. Москвы смогли не только зарегистрироваться и вести избирательную кампанию по правилам квеста, но еще и получить мандат депутата. Позже эта технология активно использовалась в других российских регионах, в том числе в Санкт-Петербурге. Процесс технологизации выборов позволил максимально упростить процедуру регистрации кандидатов на выборах и оптимизировать расходы, связанные с ведением предвыборной кампании.

В последние годы большое распространение получают мобильные приложения для избирателей, которые по мысли разработчиков призваны не только информировать жителей регионов о выборах, но и стать альтернативой традиционным сайтам. Как правило, в роли заказчика подобных нововведений выступают региональные избирательные комиссии. Так, в Пермском крае в 2017 г. было запущено мобильное приложение «Мои выборы», позволившее потенциальному избирателю получать информацию об избирательной кампании в регионе и рейтингах кандидатов, отправлять обращение или вопрос на горячую линию¹⁰.

Анализ собранных эмпирических данных показывает, что после 2018 г., когда в ряде российских регионов на выборах потерпели поражение действующие губернаторы, для политтехнологов наступил новый этап в развитии рынка избирательных технологий. В некоторых регионах настроения избирателей изменились, и потому потребовалась разработка новых технологий.

Да, административный ресурс — достаточно важная вещь, хотя сейчас он тоже претерпевает некую такую эрозию. Мы видим, что во Владимирской области и некоторых других регионах административный ресурс уже перестает помогать. Если есть яркий кандидат. <...>. Хотя Владимирская область не тот случай. Там просто усталость некая была от этой [Светланы] Орловой. Но в традиционной кампании, если есть яркий кандидат, то административный ресурс может и не помочь. (Интервью № 34, муж., 34 г.)

Следуя логике информантов, все же не стоит преувеличивать роль административного ресурса в прошлом. Прежде всего потому, что практически на всех этапах избирательных кампаний голосующие чаще всего отдавали свои предпочтения не провластным кандидатам, а ярким политикам и эффективным хозяйственникам.

Раньше людям было не важно, что там за партия, главным была личность кандидата. Личность перешибала партийную принадлежность. Люди голосовали за конкретного человека. (Интервью № 19, муж., 45 л.)

В 2018 г. рынок избирательных услуг оживился в результате усиления политической борьбы, региональный бизнес, как и в конце 1990-х годов, вновь оказался готовым инвестировать финансовые ресурсы в избирательный процесс. На этом фоне политтехнологи вспомнили старые технологии и начали придумывать новые приемы ведения предвыборных кампаний, в том числе с использованием цифровых ресурсов. По мнению российского политтехнолога Александра Серавина, именно электронные и интернет-технологии сейчас активно применяются во многих странах мира и имеют высокий потенциал на различных этапах проведения избирательных кампаний. Использование не только онлайн-базы избирателей, но и биометрических данных в регистрации резко технологизирует данный процесс и повышает точность в подсчете голосов. Новые избирательные практики трансформируют систему политического представительства и при этом способствуют развитию в целом «прямой цифровой демократии» [Серавин, Соколова, 2019: 4—10].

¹⁰ Информация о выборах в формате мобильного приложения // Блог Лаборатории Маугри. 2017. 18 августа. URL: <http://blog.maugry.ru/blog/portfolio/izbirkom> (дата обращения: 09.02.2023).

Заключение

Проведенное эмпирическое исследование вносит значимый вклад в изучение трансформации не только политической системы, но и избирательных технологий, применяемых в ходе предвыборных кампаний. В ранних исследованиях по данной проблематике роль избирательных технологий в предвыборных кампаниях регионального и федерального уровней рассматривалась крайне редко и тем более не был актуализирован вопрос об агентах выборного процесса в лице политехнологов. В этой связи учет формальных и неформальных аспектов политических практик в целом важен и необходим для объективации научных данных о политических процессах в России.

В работе на основе эмпирических данных показано, что избирательные технологии, применяемые в ходе электоральных процессов в постсоветский период, меняются вместе с общими политическими практиками. Рассмотрение основных этапов эволюции избирательных технологий, начиная с 1990-х годов, позволило заключить, что за последнее десятилетие в стране сложился рынок избирательных услуг с доминированием политических технологов, работающих на провластных кандидатах и выступающих одним из важнейших агентов выборных кампаний как на федеральном, так и на региональном уровне. Электоральный марафон, начавшийся в России в начале 1990-х годов, открыл невиданные возможности для представителей зарождавшейся профессии политехнологов. Возникший рынок избирательных услуг отразил повышенный спрос на новый политический курс со стороны не только российского электората, но также новых общественно-политических деятелей и предпринимателей. Следующий этап в эволюции российских избирательных технологий приходится на 2000-е годы и связан в первую очередь с отменой выборов губернаторов. Этот и другие факторы обусловили рост конкуренции на рынке политических услуг и снижение спроса на высокий профессионализм политехнолога.

Избирательные же кампании последних лет показали, что использование исключительно административного ресурса может иметь непредсказуемые последствия, в том числе и такие, когда кандидат выбывает из избирательной гонки и не получает поддержки избирателей. В этих условиях политехнологи начинают разрабатывать новые технологии, в том числе с применением цифровых ресурсов. Следует отметить, что использование российскими партиями и кандидатами возможностей избирательных цифровых технологий пока не носит массовый характер, но постепенно цифровые ресурсы обретают статус нового способа коммуникации, дополняя традиционные способы и методы ведения избирательной кампании. В роли создателей цифрового политического контента выступают не только профессионалы политического рынка в лице политехнологов, журналистов, партийных деятелей, но и разработчики игр и потребители контента такого рода. По-прежнему остается дискуссионным вопрос, как под воздействием цифровых механик изменяются управление избирательной кампанией и традиционные технологии, а также какое влияние на политический процесс оказывают создатели и пользователи «сетевых продуктов», формирующие новые площадки для политической коммуникации.

Проведенное исследование имеет некоторые ограничения в связи с тем, что среди информантов оказались в основном профессионалы, работающие с канди-

датами от партии «Единая Россия», и крайне мало тех, кто участвует в избирательных кампаниях других партий. Автор работы отдает себе отчет в том, что полученный эмпирический материал не позволил комплексно подойти к анализу рынка избирательных услуг в целом и трансформации избирательных технологий в постсоветский период в частности. В связи с этим перспективным для дальнейших исследований видится сбор нарративов политтехнологов других российских партий и агентов избирательного процесса (работников ЖКХ, образования, здравоохранения, журналистов, волонтеров, студентов и др.), выявление их мнений относительно текущего состояния электоральной системы и демократической перспективы в России. Кроме того, более углубленный анализ цифровых избирательных технологий позволит оценить масштаб и эффективность сетевых ресурсов, активно применяемых в российском выборном процессе последнего десятилетия.

Список литературы (References)

- Барсукова С. Ю. Власть и бизнес: новые правила игры // Полис. Политические исследования. 2006. № 6. С. 135—144. <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.06.10>.
Barsukova S. Yu. (2006) Power and Business: New Rules of the Game. *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 135—144. <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.06.10>. (In Russ.)
- Барсукова С. Ю., Левин С. Н. Соотношение административного и финансового ресурсов в ходе избирательных кампаний в современной России: региональная специфика // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 40—58.
Barsukova S. Y., Levin S. N. (2020) Ratio Between Administrative and Financial Resources during Election Campaigns in Modern Russia: Regional Specifics. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 40—58. (In Russ.)
- Бьюкенен Дж. Сочинения : в 1 т. Т. I: Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы / пер. с англ. Ю. Н. Парамонова, А. А. Соловьевой. М.: Таурис Альфа, 1997.
Buchanan J. (1997) Selected Works. Vol. I: The Constitution of Economic Policy. The Calculus of Consent. The Limits of Liberty. Moscow: Taurus Alpha. (In Russ.)
- Визуализация выбора: история и современное состояние предвыборной агитации в России / под ред. К. В. Киселева, О. Б. Подвинцева, О. А. Рябовой. Пермь: Пермский научный центр УрО РАН, 2016.
Kiselev K. V., Podvintsev O. B., Ryabova O. A. (eds.) (2016) Visualization of Choice: History and the Modern State of Pre-Electoral Agitation in Russia. Perm: Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
- Гельман В. Я. Эволюция электоральной политики в России: на пути к недемократической консолидации? // Политическая наука. 2005. № 2. С. 8—25.
Gelman V. Ya. (2005) Evolution of Electoral Politics in Russia: On the Way to Undemocratic Consolidation? *Political Science (RU)*. No. 2. P. 8—25. (In Russ.)
- Гусев Д. Г., Матвейчев О. А., Хазеев Р. Р., Чернаков С. Ю. Уши машут ослом. Современное социальное программирование. Пермь: Alex J. Bakster Group, 2002.

Gusev D. G., Matveychev O. A., Khazeev R. R., Chernakov S. Yu. (2002) *Ears Wave a Donkey*. Modern Social Programming. Perm: Alex J. Bakster Group. (In Russ.)

Колесник Н. В. «Я противник режима, но всегда работаю на „Единую Россию“», или о политтехнологическом сообществе в современной России // Мир России. 2021. Т. 30. № 4. С. 79—105. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-4-79-105>.
Kolesnik N. V. (2021) “I Oppose the Regime but I Always Work for ‘Yedinaya Rossiya’”: On the Community of Political Strategists in Modern Russia. *Universe of Russia*. Vol. 30. No. 4. P. 79—105. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-4-79-105>. (In Russ.)

Кордонский С. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.

Kordonsky S. (2008) *The Estate Structure of Post-Soviet Russia*. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation. (In Russ.)

Кынев А. В. Выборы парламентов российских регионов 2003—2009: первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М.: Центр «Панорама», 2009.
Kynev A. V. (2009) *Elections of Parliaments of Russian Regions 2003—2009: The First Cycle of Introducing a Proportional Electoral System*. Moscow: Panorama Center. (In Russ.)

Левин С. Н. «Рынки власти», режимы прав собственности и политический ресурс предпринимателей в современной России // Мир России. 2014. Т. 23. № 4. С. 35—58.

Levin S. N. (2014) “Power Markets”, Property Rights and Political Resource of Entrepreneurs in Modern Russia. *Universe of Russia*. Vol. 23. No. 4. P. 35—58. (In Russ.)

Малкин Е., Сучков Е. Основы избирательных технологий. М.: Русская панорама, 2000.

Malkin E., Suchkov E. (2000) *Fundamentals of Electoral Technologies*. Moscow: Russian Panorama. (In Russ.)

Максимов А. «Чистые» и «грязные» технологии выборов. Российский опыт. М.: Дело, 1999.

Maksimov A. (1999) “Clean” and “Dirty” Election Technologies. Russian Experience. Moscow: Delo. (In Russ.)

Матвейчев О. А. Что такое политический консалтинг? Екатеринбург: Губернский издательский дом «Ведомости», 1998.

Matveychev O. A. (1998) *What is the Political Consulting?* Yekaterinburg: Provincial Publishing House “Vedomosti”. (In Russ.)

Нисневич Ю. А. Электоральная коррупция в России: политико-правовой анализ федеральных избирательных кампаний в 2003—2012 годах. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2014.

Nisnevich Yu. A. (2014) *Electoral Corruption in Russia: Political and Legal Analysis of Federal Election Campaigns in 2003—2012*. Moscow: Liberal Mission Foundation. (In Russ.)

Нисневич Ю. А. Восстание советских масс: политико-антропологический анализ // *Общественные науки и современность*. 2018. № 2. С. 127—139.

Nisnevich Yu. A. (2018) *Revolt of the Soviet Masses: Politico-Anthropological Analysis. Social Sciences and Contemporary World*. No. 2. P. 127—139. (In Russ.)

Нуреев Р. М., Шульгин С. Г. Взаимосвязь экономического и политического монополизма в российских регионах: административный ресурс и формы его проявления // *экономический вестник Ростовского государственного университета*. 2006. Т. 4. № 3. С. 33—40.

Nureev R. M., Shulgin S. G. (2006) *Interrelation of Economic and Political Monopolism in Russian Regions: Administrative Resource and Forms of Its Manifestations. Economic Herald of Rostov State University*. Vol. 4. No. 3. P. 33—40. (In Russ.)

Нуреев Р. М. Административный ресурс и его эволюция в постсоветской России // *Есть ли место политэкономии в современной экономической науке? Материалы научной конференции Института экономики РАН и Новой экономической ассоциации* / под ред. М. И. Воейкова. М.: Институт экономики РАН, 2013. С. 191—207.

Nureyev R. M. *Administrative Resource and Its Evolution in Post-Soviet Russia*. In: Voeikov M. I. (ed.) *Is There a Place for Political Economy in Contemporary Economics? Proceedings of the Academic Conference of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences and the New Economic Association*. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. P. 191—207. (In Russ.)

О’Дей Б. Планирование политических кампаний. Шаг за шагом к победе на выборах. М., 1999.

O’Day B. (1999) *Political Campaign Planning Manual. A Step-by-Step Guide to Winning Elections*. Moscow. (In Russ.)

Пшизова С. Н. За спиной партий вождей: спин-доктор у руля // *Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах* / под ред. Ю. Г. Коргунюка, Е. Ю. Мелешкиной, Г. М. Михалевой. М.: КМК, 2010. С. 11—25.

Pshizova S. N. (2010) *Behind the Party Leaders: Spin Doctor at the Helm*. In: Korgunyuk Yu. G., Meleshkina E. Yu., Mikhaleva G. M. (eds.) *Political Parties and Political Competition in Democratic and Non-Democratic Regimes*. Moscow: KMK. P. 11—25. (In Russ.)

Серавин А., Соколова Е. Современные технологии в электоральных процессах. Санкт-Петербург: Электронная электоральная политика: Экспертный институт социальных исследований, 2019.

Seravin A., Sokolova E. (2019) *Contemporary Technologies in Electoral Processes*. Saint Petersburg: Electronic Electoral Politics; Expert Institute for Social Research. (In Russ.)

Balasubramaniam R. R. (2008) *Indefinite Detention: Rule by Law or Rule of Law?* In: Ramraj V. V. (ed.) *Emergencies and the Limits of Legality*. Cambridge. Cambridge University Press. P. 118—142. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511552021.006>.

Barsukova S., Denisova-Schmidt E. (2022) *Double Standards as Modus Operandi: Mixing Business and Politics in Russia. Europe-Asia Studies*. Vol. 74. No. 6. P. 990—1005. <https://doi.org/10.1080/09668136.2021.1913100>.

- Gekker A. (2019) Playing with Power: Casual Politicking a New Frame for Political Analysis. In: Glas R., Lammes S., Lange M., Raessens J., Vries I. (eds.) *The Playful Citizen: Civic Engagement in a Mediatized Culture*. Amsterdam: Amsterdam University Press. P. 377—419. <https://doi.org/10.1515/9789048535200-023>.
- Lodge T. (1998) Political Corruption in South Africa. *African Affairs*. Vol. 97. No. 387. P. 157—187. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.afraf.a007924>.
- Szakonyi D. (2021) Politics for Profit: Business, Elections, and Policymaking in Russia. New York, NY: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108869089>.
- Levitsky S., Way L. A. (2010) Competitive Authoritarianism after the Cold War. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511781353>.
- Levitsky S., Way L. (2020) The New Competitive Authoritarianism. *Journal of Democracy*. Vol. 31. No. 1. P. 51—65. <https://doi.org/10.1353/jod.2020.0004>.
- Magaloni B. (2010) The Game of Electoral Fraud and the Ousting of Authoritarian Rule. *American Journal of Political Science*. Vol. 54. No. 3. P. 751—765. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2010.00458.x>.
- Schedler A. (2006) The Logic of Electoral Authoritarianism. In: Schedler A. (ed.) *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers. P. 1—23.
- Simpser A. (2013) Why Governments and Parties Manipulate Elections: Theory, Practice, And Implications. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09781139343824>.
- Treisman D. (2007) What Have We Learned About the Causes of Corruption from Ten Years of Cross-National Empirical Research? *Annual Review of Political Science*. No. 10. P. 211—244. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.10.081205.095418>.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): январь — февраль 2023 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 143—156.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): January — February 2023. (2023) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 143–156.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ 2023

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов в возрасте от 18 лет. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5%. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

ПРАВИТЕЛЬСТВО МИШУСТИНА: ТРИ ГОДА НА ПОСТУ144

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ: ГОД СПУСТЯ146

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: НЕОЖИДАННЫЙ РЕНЕССАНС? 148

ДОВЕРИЕ СМИ В РОССИИ150

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ЗА И ПРОТИВ 151

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ЧИСТОТА ЯЗЫКА И КАК ЗА НЕЕ БОРОТЬСЯ..... 153

МАСЛЕНИЦА: БЛИНЫ, ГОСТИ И НАРОДНЫЕ ГУЛЯНЬЯ 155

ПОЛИТИКА

ПРАВИТЕЛЬСТВО МИШУСТИНА: ТРИ ГОДА НА ПОСТУ144

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ: ГОД СПУСТЯ146

ПРАВИТЕЛЬСТВО МИШУСТИНА: ТРИ ГОДА НА ПОСТУ

12—14 января 2023 г.

Оценка населением деятельности Правительства РФ во главе с М. В. Мишустиним — ключевой индикатор успешности его работы. Январский опрос показывает, что россияне проявляют интерес к работе Правительства последних трех лет: ее смогли оценить большинство опрошенных (90%). Более того, эта оценка положительная: доля позитивных ответов в три раза превосходит долю негативных (68% VS. 22%). Основой для позитивных оценок деятельности Правительства служат воплощенные в жизнь меры социальной поддержки, социальные выплаты (28% в группе положительно оценивающих деятельность Правительства), внимание к пенсионерам, увеличение пенсий (18%), дорожно-строительные работы (11%), в стране идет развитие, видны изменения (9%), повышается уровень жизни (8%). На негативные оценки повлиял прежде всего рост цен (36% в группе негативно оценивающих). На втором месте — снижение уровня жизни населения (20%). На третьем — низкий уровень здравоохранения, платная медицина (14%), вопросы безопасности (14%), низкие заработные платы (10%) и то, что власть не выполняет обещаний, не решаются проблемы населения (9%).

Рис. 1. В январе 2020 г. был назначен новый состав Правительства Российской Федерации под руководством Михаила Мишустина. Как Вы считаете, за эти три года Правительство РФ работало хорошо или плохо? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Россияне отмечают следующие изменения, произошедшие при Правительстве РФ во главе с М. В. Мишустиним: стало легче получать госуслуги (82%) и было принято больше мер поддержки семьям с детьми (79%). Кроме этого, появилось больше отечественных продуктов и товаров в магазинах (72%), органы власти стали более доступны для обращения через соцсети (70%). Также повысилась привлекательность путешествий внутри страны (69%), а у молодежи появилось

больше возможностей для развития и самореализации (61%). Рейтинг сфер, на развитие которых Правительству РФ нужно сделать упор в ближайшее время, возглавляет здравоохранение (58%), на втором месте — сфера образования (41%), на третьем — сельское хозяйство (23%).

Рис. 2. Насколько работа Правительства РФ соответствует Вашим ожиданиям? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рис. 3. Как Вы считаете, в течение ближайших трех лет Правительство РФ будет работать хуже, лучше или так же, как сейчас? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ: ГОД СПУСТЯ

январь 2023 г.

В годовщину начала специальной военной операции России в Украине можно зафиксировать устойчивые паттерны общественного мнения в отношении ее проблематики. Согласно январским данным, решение провести СВО России в Украине поддерживает больше половины наших соотечественников (68%), не поддерживает — каждый пятый (20%). Высока и оценка промежуточных итогов спецоперации: в январе 80% респондентов назвали их значимыми для страны. Еще один ключевой маркер — положительное отношение граждан к вхождению четырех новых регионов в состав России (октябрь 2022 г. — 75%). Большинство россиян стараются быть сопричастными событиям на фронте. В январе текущего года готовность помогать жителям новых территорий и российским солдатам выразили 79% участников опроса, мобилизованным гражданам — 74%, беженцам — 72%. О деятельной поддержке жителей освобожденных территорий и российских солдат рассказал примерно каждый второй (55% назвали, как минимум, одно действие из списка, куда входила поддержка деньгами, продуктами, амуницией и т. п.), о помощи мобилизованным сообщили 36%, о помощи беженцам — 21%.

Заметно укрепились в общественном мнении представления о положении России в мире. На вопрос о том, какое влияние Россия имеет в международных делах, в октябре 2022 г. 73% отвечали «скорее большое» (что на 11 п. п. выше, чем в 2021 г.). Мнения о небольшом влиянии России в международных делах придерживался каждый пятый (19%). В оценках изменения статуса России на мировой арене в ближайшие 15—20 лет также доминирует позитив. По мнению каждого второго, Россия уже завоевала статус одной из великих мировых держав (51%, +20 п. п. к данным 2021 г.). Еще треть опрошенных полагают, что Россия великой державой, скорее всего, станет (31%), а 13% — что не станет. Доля пессимистов снизилась за анализируемый период в два раза (2021 г. — 26%).

Рис. 4. Скажите, пожалуйста, решение провести специальную военную операцию России в Украине Вы поддерживаете или не поддерживаете? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

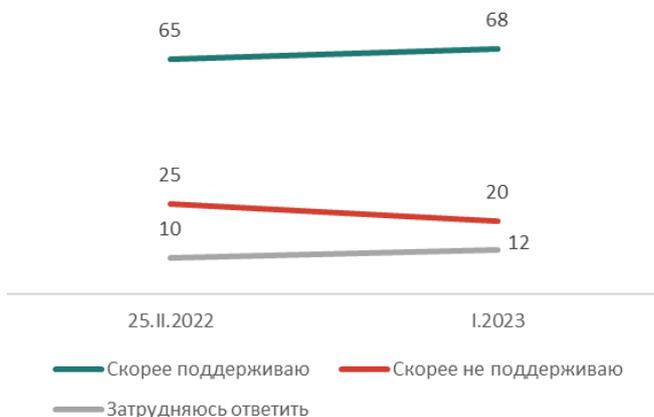

Рис. 5. Если говорить о промежуточных итогах специальной военной операции, то, как Вам кажется, достигнутые результаты являются для страны значимыми или незначимыми? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

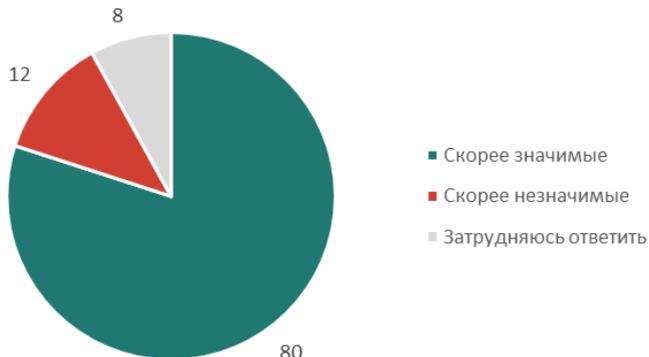
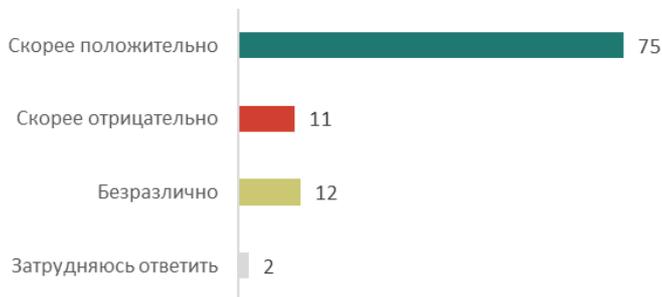

Рис. 6. Скажите, как Вы относитесь к вхождению Донецкой и Луганской народных республик и освобожденных районов Херсонской и Запорожской областей в состав Российской Федерации? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

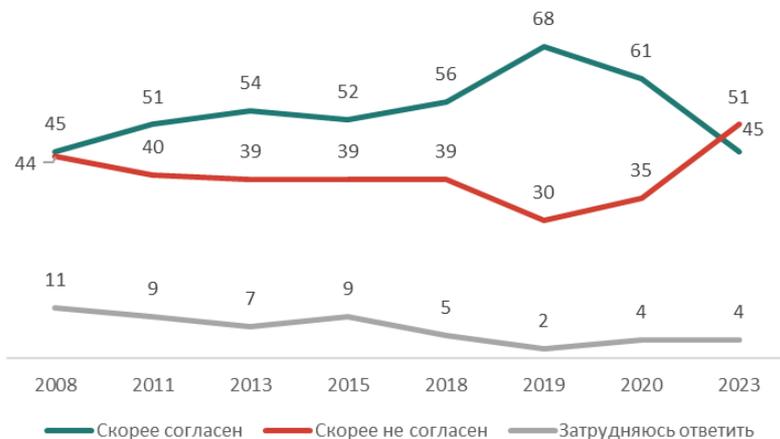
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: НЕОЖИДАННЫЙ РЕНЕССАНС?.....	148
ДОВЕРИЕ СМИ В РОССИИ.....	150
НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ЗА И ПРОТИВ.....	151

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: НЕОЖИДАННЫЙ РЕНЕССАНС?

22 января 2023 г.

Суждение о том, что значимость высшего образования часто преувеличивают, в наше время и без него можно сделать удачную карьеру и устроить свою жизнь, воспринимается россиянами неоднозначно, опрошенные разделились на две примерно равные группы. Согласных с этим утверждением 45 %, а несогласных — 51 %. В 2023 г. существенно выросла доля россиян, осознающих значимость высшего образования и его влияние на будущие карьерные достижения, по сравнению с 2020 г. показатель вырос на 16 п. п. Это самое высокое значение за все время измерений.

Рис. 1. Вы согласны или не согласны со следующим суждением: значимость высшего образования часто преувеличивают, в наше время и без него можно сделать удачную карьеру и устроить свою жизнь? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Молодежь в целом склонна преуменьшать значимость высшего образования: доля тех, кто считает, что в наше время и без него можно сделать удачную карьеру и устроить свою жизнь, в этой группе населения наибольшая: 60 % среди 18—24-летних, 52 % среди 25—34-летних. Уровень образования опрошенных также влияет на оценку перспектив, которые открывает получение высшего образования. Наибольшие доли россиян, считающих, что без высшего образования можно обойтись и построить карьеру, — среди опрошенных с неполным средним

образованием (63%), средним образованием (50%) и средним специальным образованием (51%). Больше всего тех, кто придерживается обратного мнения и считает, что высшее образование — необходимая составляющая построения удачной карьеры, среди россиян с неоконченным высшим и высшим уровнем образования (59%). По мнению россиян, хорошо оплачиваемую работу в будущем выпускнику надежнее гарантирует именно высшее образование (47%).

Рис. 2. По Вашему мнению, получение какого образования, среднего специального или высшего, надежнее гарантирует выпускнику хорошо оплачиваемую работу в будущем? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

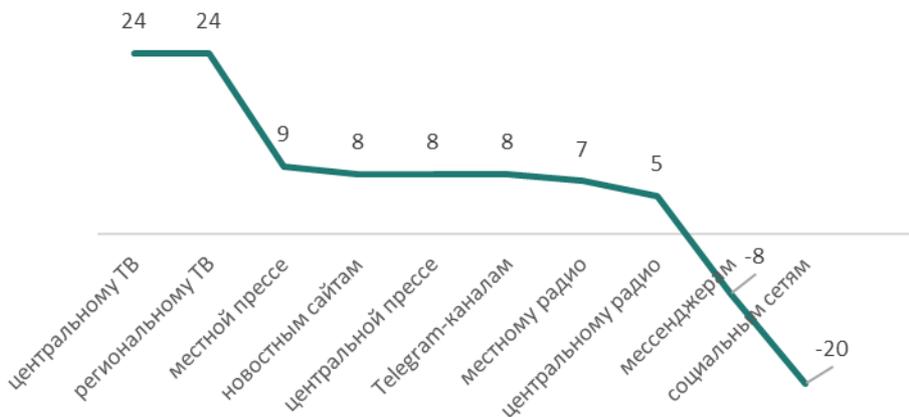
ДОВЕРИЕ СМИ В РОССИИ

14 января 2023 г.

Как показал январский опрос, уровень доверия россиян к различным видам СМИ серьезно разнится, но приоритет по-прежнему сохраняется за традиционным медиа — телевидением. Наибольшим общественным доверием в России пользуется центральное телевидение (53%). Второе место с небольшим, но статистически значимым отрывом от лидера занимает местное телевидение: региональным телеканалам доверяет почти каждый второй (47%). Таким образом, расчетный индекс¹ для представленных медиа в январе текущего года составил 24 п. (при диапазоне от –100 до 100 п.). Остальные источники информации по данному показателю серьезно проигрывают телевидению.

Примерно в равной степени россияне доверяют новостным, аналитическим, официальным сайтам (35%, индекс доверия — 8 п.); центральной и региональной прессе (по 33%, индексы — 8 и 9 п. соответственно); Telegram-каналам (31%, индекс — 8 п.). В группе аутсайдеров — мессенджеры (WhatsApp, Viber и др.) и социальные сети, блоги в интернете. Доля тех, кто не доверяет им (35% и 43%), превышает долю доверяющих (27% и 23%), в результате чего индекс по обоим ресурсам принимает отрицательные значения: –8 и –20 п. соответственно. Таким образом, несмотря на высокие темпы трансформации общего медиаландшафта под воздействием цифровых технологий, общество продолжает доверять наиболее привычному формату получения информации.

Рис. 3. **Доверяете ли Вы следующим средствам массовой информации?**
(закрытый вопрос, один ответ, представлена сумма ответов
«определенно да» и «скорее да», % от всех опрошенных)

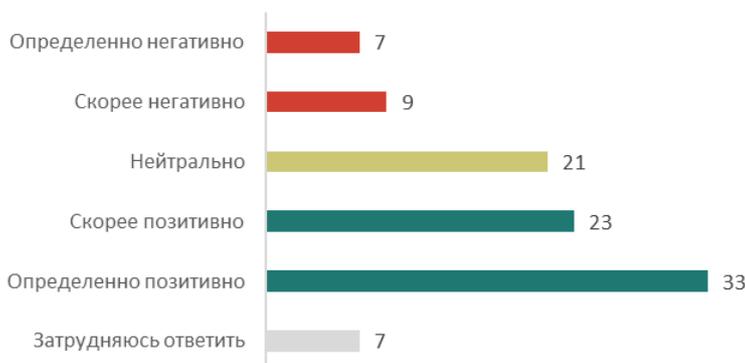
¹ Индекс рассчитывался как разница доли ответов «доверяю» и «не доверяю». Индекс принимает значения от –100 до +100. Чем выше значение индекса, тем выше уровень доверия СМИ.

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ЗА И ПРОТИВ

3 февраля 2023 г.

Состояние российской экономики во многом обусловлено ситуацией в промышленном секторе. В целях поддержки последнего с 2014 г. в России реализуется государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», включающая меры по защите инвестиций, информационной и кадровой политике и др. Результаты опроса показывают, что в строительстве промышленных объектов могут быть заинтересованы не только хозяйствующие субъекты, но и жители. К строительству нового промышленного предприятия в своем населенном пункте / по соседству с ним больше половины респондентов отнеслись бы позитивно (56%), доля положительных оценок в 3,5 раза превышает долю отрицательных (16%). О нейтральном отношении к промышленному строительству в своем населенном пункте заявил каждый пятый (21%), среди молодежи 18—24 лет — каждый второй (50%). Создание новых рабочих мест для жителей — главное преимущество строительства нового объекта промышленности, так считают 80% россиян. Далее с ощутимым отрывом следуют развитие социальной инфраструктуры (44%), повышение уровня жизни (41%), снижение оттока молодежи (41%) и дополнительные налоговые поступления в бюджет региона (40%). Каждый третий полагает, что строительство промпредприятия поспособствует благоустройству населенного пункта (32%). То есть появление в населенном пункте нового завода/фабрики рассматривается россиянами прежде всего как поддержка рынка труда, предоставление новых рабочих мест. Отсутствие позитивных последствий отметили лишь 6%, вдвое чаще такой ответ звучал от москвичей и петербуржцев (13%). Рейтинг негативных последствий строительства нового промышленного объекта возглавило нанесение вреда экологии (51%). Каждый пятый считает, что это приведет к транспортной перегруженности в населенном пункте (22%). Еще 30% заявили об отсутствии негативных последствий. Таким образом, по мнению россиян, плюсы строительства нового промпредприятия в их населенном пункте перевешивают минусы.

Рис. 4. Как бы Вы отнеслись к строительству нового промышленного предприятия в Вашем населенном пункте или по соседству с ним? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Хотя половина опрошенных рассматривают строительство промышленного объекта в качестве источника загрязнения окружающей среды (51%), восприятие природоохранной деятельности предприятий за последние пару лет скорее улучшилось. По мнению каждого четвертого, корпорации приносят для экологии населенного пункта больше хорошего (26%); за два года сторонников этой позиции стало в три раза больше (2021 г. — 8%). Доля тех, кто придерживается обратной точки зрения («приносит больше плохого»), напротив, снизилась за этот период на 8 п. п. (13% vs. 21% в 2021 г.). Каждый десятый считает, что в работе корпораций нет ни хорошего, ни плохого для экологии региона (10%). Однако доминирующей позицией по-прежнему остается следующая: деятельность промышленных предприятий приносит экологии и хорошее, и плохое примерно в равной степени: в 2023 г. — 42%, в 2021 г. — 33%.

Рис. 5. Как Вы считаете, для экологии Вашего города, населенного пункта деятельность предприятий, корпораций приносит больше хорошего или больше плохого? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

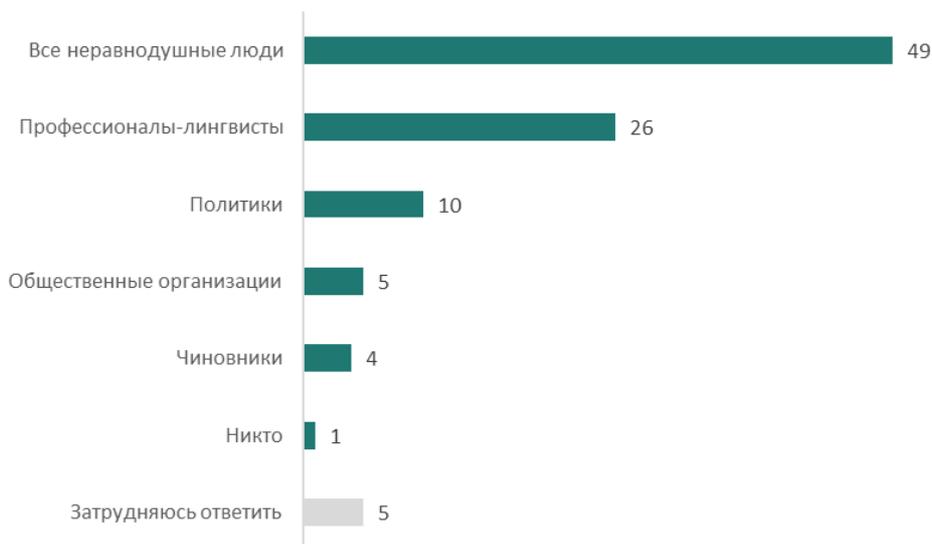
ЧИСТОТА ЯЗЫКА И КАК ЗА НЕЕ БОРЬТЬСЯ.....	153
МАСЛЕНИЦА: БЛИНЫ, ГОСТИ И НАРОДНЫЕ ГУЛЯНЬЯ	155

ЧИСТОТА ЯЗЫКА И КАК ЗА НЕЕ БОРЬТЬСЯ

12 февраля 2023 г.

Изменение языка — естественный процесс его развития, на который влияет множество факторов, в последние десятилетия это глобализация, распространение интернета, активное заимствование иностранных слов и выражений. Однако лингвистические споры об иностранных заимствованиях идут давно, в России их пик пришелся на начало XIX века, когда полемика сконцентрировалась вокруг традиционного, старого слога и нового, «западного», историческая победа осталась за последними. А для западников и славянофилов вопрос языка и речи и вовсе стал политическим. Сегодня большая часть россиян выступает против перестройки языковой ситуации: по их мнению, родной язык надо оберегать и бороться за его чистоту (56%), с 2019 г. этот показатель сократился на 12 п. п. Обратное мнение, что язык отражает реальную ситуацию в обществе и должен развиваться самостоятельно, без вмешательств с чьей-либо стороны, разделяют 38% (+11 п. п. к 2019 г.). В сравнении с 2008 г. распределение ответов россиян практически не изменилось.

Рис. 1. Кто должен следить за чистотой русского языка?
(закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто выбрал второе суждение в предыдущем вопросе)

Те россияне, кому ближе идея о необходимости оберегать русский язык, полагают, что следить за чистотой языка должны сами неравнодушные граждане (49%), вариант «лингвисты-профессионалы» выбирают еще 26% в этой группе. В меньшей степени решение подобных задач возлагается на политиков (10%), общественные организации (5%). Молодежь 18—24 лет чаще других возрастных групп говорит о профессионалах-лингвистах (37%). Говоря о том, как лучше поступать в отношении всего нового (товаров, идей, процессов и пр.), уже появившегося в реальности, а в языке — пока нет, 45% россиян, то есть почти половина, указали, что не имеет значения, будет это иностранное слово или новое слово с русским корнем, лишь бы было понятно, о чем речь.

МАСЛЕНИЦА: БЛИНЫ, ГОСТИ И НАРОДНЫЕ ГУЛЯНЯ

11 февраля 2023 г.

20 февраля в России отмечают начало Масленичной недели. Это один из самых массовых традиционных праздников — две трети россиян празднуют Масленицу (66%), среди них больше женщин, чем мужчин (72% vs. 59%). Каждый третий признался, что не празднует Масленицу (31%). Среди православных россиян 77% отмечают Масленицу, не отмечают 20%. Среди исповедующих ислам россияне каждый пятый сообщил, что празднует Масленицу (20%), но большинство мусульман России этого не делают (79%). На вопрос, почему россияне празднуют Масленицу, больше половины опрошенных ответили, что это дань традиции, унаследованная от предков (+10 п. п., 62% vs. 52% в 2020 г.). Второй по популярности ответ — проводы зимы и встреча весны (17%). Далее идут варианты отдыха, возможности отвлечься (8%) и веселья (7%). Религиозное понимание Масленицы продемонстрировали 8%. О языческих корнях праздника вспомнили лишь 2% россиян. В большинстве семей планируют печь на Масленицу блины (76%) — это самое популярное занятие, оно остается лидером рейтинга праздничных активностей на протяжении всех замеров с 2000 г. Принимать гостей или ходить в гости собираются 36% россиян. Ощутить праздничное единение с народом в народных гуляньях планируют 32% (+6 п. п., 26% в 2010 г.). О намерении есть мясо, мясные продукты на Масленицу сообщили 13% россиян (–13 п. п., 26% в 2010 г.), в семьях еще 14% россиян не будут праздновать Масленицу.

Рис. 2. Лично Вы празднуете Масленицу или нет?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Каждый десятый россиянин планирует соблюдать Великий православный пост, который начинается 27 февраля (12%), доля намеревающихся поститься не изменилась по сравнению с 2018 годом (11%). Не будут соблюдать пост 72% россиян, еще 14% пока не определились. В этом году увеличилась доля тех, кто

не собирается поститься (+6 п. п. по сравнению с 66% в 2018 г.), и сократилась доля пока не принявших решение (–6 п. п. vs. 20% в 2018 г.).

Рис. 3. После Масленичной недели с 27 февраля наступит Великий православный пост. Вы будете соблюдать его в этом году или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

DOI: [10.14515/monitoring.2023.1.2212](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2212)

Ю. В. Веселов, Н. Г. Скворцов

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ДОВЕРИЯ В РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Веселов Ю. В., Скворцов Н. Г. Трансформация культуры доверия в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 157—179. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2212>.

For citation:

Veselov Y. V., Skvortsov N. G. (2023) Transformation of the Culture of Trust in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 157–179. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2212>. (In Russ.)

Получено: 23.03.2022. Принято к публикации: 26.12.2022.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ДОВЕ- РИЯ В РОССИИ

ВЕСЕЛОВ Юрий Витальевич — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

*E-MAIL: yurivitalievichveselov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7797-2594>*

СКВОРЦОВ Николай Генрихович — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

*E-MAIL: n.skvortsov@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7194-1444>*

Аннотация. В статье рассматриваются процессы формирования и развития культуры доверия в России. Основной исследовательский вопрос — почему в России уровень доверия относительно низкий? Для ответа на него авторы разбирают понятие культуры доверия и ключевые социологические концепции трансформации доверия (Ф. Фукуямы, Э. Гидденса, Н. Лумана, П. Штомпки); объясняют логику формирования доверия в России начала XX века; показывают преобразование традиционного доверия, основанного на партикуляризированном доверии внутри крестьянских сообществ, в современное, основанное на доверии генерализованном, институциональном и ролевом. Авторы выявляют причины формирования специфической «культуры недоверия» в 1930-е годы в советском обществе и показывают постепенный процесс накопления «капитала доверия» в послевоенный период. Падение уровня доверия

TRANSFORMATION OF THE CULTURE OF TRUST IN RUSSIA

*Yuri V. VESELOV¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Chair of Economic Sociology
E-MAIL: yurivitalievichveselov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7797-2594>*

*Nikolai G. SKVORTSOV¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology
E-MAIL: n.skvortsov@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7194-1444>*

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article examines the processes of formation and development of a culture of trust in Russia. The main research question is why the trust level is relatively low in Russia. To answer it, the authors analyze the concept of a culture of trust and the main sociological concepts of the transformation of trust (F. Fukuyama, E. Giddens, N. Luhmann, P. Sztompka); explain the logic of the formation of trust in Russia at the beginning of the 20th century; show, as a result of urbanization processes, the transformation of traditional trust, based on particularized trust within peasant communities, into modern, based on generalized, institutional and role-based trust. The authors identify the reasons for the formation of a specific “culture of distrust” in the 1930s in Soviet society and show the gradual process of accumulation of “trust capital” in the post-war period. The fall in trust in the 1990s was associated with the “trauma of change,” but the beginning of confidence building in

в 1990-е годы связано с «травмой перемен», но начавшееся в 2000-х годах укрепление доверия не имело продолжения. Причины этого множественные, главные из них связаны с ростом социального неравенства (поскольку доверие и справедливость существуют только вместе) и неэффективной работой общественных институтов. Современное преобразование культуры доверия связано с начавшейся цифровой революцией, на наших глазах формируется новая цифровая культура доверия в социальных сетях, в использовании интернета для дистанционной работы и покупок товаров и услуг. Для анализа культуры доверия авторы провели эмпирическое исследование (телефонный опрос жителей Санкт-Петербурга ($N = 1\,032$), интернет-опрос ($N = 505$) и 45 глубинных интервью), результаты которого обобщаются в данной статье.

Ключевые слова: доверие, генерализованное доверие, институциональное доверие, сравнительная социология доверия, культура доверия, цифровое доверие

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант 20-011-00155 А.

Введение. Общие определения

В статье мы сначала рассмотрим общие определения доверия, его типы и виды; потом обсудим проблему измерения доверия и представим количественные данные наших эмпирических исследований в Санкт-Петербурге; затем вернемся к теоретическому анализу трансформации доверия и рассмотрим процессы изменения доверия в истории СССР и современной России; в заключении на основе данных глубинных интервью покажем, как происходило формирование особой российской культуры доверия.

В социологии доверие определяется как уверенность (*confidence*) в надежности человека или системы [Giddens, 1990: 34]. Примерно так же понимается до-

the 2000s failed to continue in subsequent years. The reasons for this are multiple, but the main ones are related to the growth of social inequality (since trust and justice exist only together) and the inefficient work of public institutions. The modern transformation of the culture of trust is associated with the beginning of the digital revolution. Before our eyes, a new digital culture of trust is being formed in social networks, using the Internet for remote work and purchases of goods and services. To analyze the culture of trust, the authors conducted an empirical study (telephone survey of residents of St. Petersburg ($N = 1\,032$), Internet survey ($N = 505$), and 45 in-depth interviews, the results of which are summarized in this article.

Keywords: trust, generalized trust, institutional trust, comparative sociology of trust, culture of trust, digital trust

Acknowledgments. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, grant 20-011-00155 A.

верие в повседневной жизни, толковый словарь С. И. Ожегова дает нам следующее определение: «Уверенность в чьей-нибудь добросовестности, искренности, в правильности чего-нибудь»¹. В психологии доверие рассматривается как высшее чувство [Купрейченко, 2008: 28—41], а в социологии оно исследуется как социальное действие — «ставка на то, как поведут себя в отношении вас другие» [Sztompka, 1999: 75]. В этом определении подчеркивается деятельностный, рациональный и вероятностный характер доверия, то есть оно связано с действиями людей; доверие обладает смыслом и не предполагает полный контроль над поступками других. В процессе институционализации отношения доверия приобретают ролевой характер. Дж. Коулман выделяет две базовые роли — тот, кто оказывает доверие (*trustor*) и тот, кому оказывается доверие (*trustee*) [Coleman, 1990: 91], они могут заменяться с течением времени, между ними могут находиться разнообразными социальными посредниками. Доверие — институционализированный процесс, в типических социальных ситуациях определены правила и нормы доверия: ребенок в процессе социализации обучается кому, в каком случае и насколько можно доверять, а взрослый уже довольно легко и непринужденно ориентируется в этом социальном пространстве доверия/недоверия. А. Смит, например, считал, что каждый ребенок обладает врожденным чувством доверия («слепое доверие»), а далее общество (семья и школа) обучают его благоразумному недоверию. Однако если бы ролевое поведение было жестко закреплено в отношениях людей, и можно было бы легко предвидеть и контролировать их действия, тогда и необходимости в доверии не возникало бы. Наоборот, доверие связано с отклонением от правил поведения роли, с тем, что А. Селигмен называет «открытым пространством ролей» [Селигмен, 2002: 21]. Поэтому функционально доверие снижает уровень неопределенности в отношении индивидов, решает «проблему риска», как утверждал Н. Луман [Luhmann, 1996: 94—107]. Тем самым доверие делает социальное взаимодействие более эффективным, его социальный механизм связан со снижением издержек социального обмена (например, в экономике доверие снижает уровень трансакционных издержек).

Как на личностном уровне, так и на уровне общества, доверие может накапливаться (или растрачиваться) и приносить своим обладателям символическую прибыль, то есть выступает в роли социального капитала. На уровне индивида социальный капитал — это его социальные связи и отношения, считает П. Бурдье [Бурдье, 2002: 66]. «...Социальный капитал продуктивен. Он способствует достижению определенных целей, добиться которых при его отсутствии невозможно», — добавляет Дж. Коулман [Коулман, 2001: 124]. Социальный капитал доверия функционирует примерно так же, как и человеческий капитал: накопленные знания, умения и навыки доверия и репутация используются индивидом для построения эффективной социальной коммуникации, что в будущем приносит ему добавочную ценность — такой человек быстрее и с меньшими социальными издержками достигает своих целей. Полученная символическая прибыль вполне может конвертироваться в денежную прибыль, например, доверие как ресурс активно используется в предпринимательской деятельности. При этом речь не идет о макси-

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ozhegov.textologia.ru/definit/doverie/?q=742&n=170539> (дата обращения: 20.02.2023).

мальном доверии, а скорее об оптимальном, где необходим правильный баланс доверия и недоверия.

На уровне общества доверие как социальный капитал связано не только с накоплением позитивных практик доверия между людьми, но и с доверием между социальными группами (например, этническими), доверием людей государству и социальным институтам [Шрадер, 2004: 49—61]. Доверие, нормы реципрокности и социальные сети являются составными частями социального капитала и повышают эффективность общества благодаря скоординированным действиям [Putnam, Leonardi, Nanetti, 1993: 167]. Старая голландская поговорка гласит: «Доверие приходит пешком, а уезжает верхом на лошади» (*Vertrouwen komt te voet en gaat te paard*). Это одно из общих правил функционирования доверия как социального капитала — доверие долго и тяжело накапливается и очень быстро теряется. Вряд ли доверие может долго сохраняться в виде «отложенного капитала», наоборот, оно постоянно производится и воспроизводится в разнообразных социальных отношениях. Понятие культуры доверия отличается от понятия социального капитала доверия, это особая система правил и норм формирования и изменения отношений доверия и недоверия, их критериев, специфических оснований и детерминант [Купрейченко, Мерсиянова, 2013: 5—24]. Когда мы говорим о культуре доверия, речь идет не о накоплении доверия или недоверия в обществе, а скорее о том, как происходит этот процесс, под воздействием каких факторов формируются в течение длительного периода времени в зависимости от социально-исторического контекста правила и нормы доверия. Например, в период экономического кризиса накопленное доверие государству обычно быстро теряется, что характерно для всех обществ, но в национальной культуре всегда остается исторически сложившаяся установка на общее доверие к государству. Культура доверия связана с «коллективной памятью», считает П. Штомпка: «Культурные правила, касающиеся доверия, — это сложно переплетающиеся исторические результаты коллективного опыта. Будучи свидетельством позитивного или негативного опыта данного общества в прошлом, они могут существенно изменить нынешние расчеты, а также индивидуальные склонности отдельных людей» [Штомпка, 2005: 331].

В социологической теории доверия выделяют несколько его типов и видов. Существуют доверие между людьми — «*межличностное доверие*»; доверие между социальными общностями — «*межгрупповое доверие*»; доверие людей социальным, экономическим и политическим институтам — «*институциональное доверие*»; доверие системам — «*системное доверие*», например, системам знания или техническим цифровым системам — «*цифровое доверие*» [Леонова, 2015: 34—41]. Межличностное доверие в свою очередь подразделяется на несколько видов:

— *Генерализированное доверие* — доверие другим людям вообще, или точнее — доверие обобщенному другому, которое обычно операционализируется в вопросе «Вы считаете, что большинству людей можно доверять?»;

— *Партикуляризированное доверие* — доверие тем людям, кого индивид знает лично, это члены семьи, родственники, друзья, знакомые, соседи;

— *Доверие чужакам* — то есть доверие незнакомым людям (обычно это те, кого индивид встречает впервые). Оно противостоит партикуляризированному доверию.

Сопоставление последних двух видов доверия связано с понятием «радиус доверия» — насколько широко индивид включает в свой круг доверия других людей: сначала это члены семьи, потом родственники, затем друзья, знакомые, соседи, коллеги, и, наконец, совсем незнакомые люди. Радиус доверия связан не с уровнем доверия (высокий-низкий), а с масштабом доверия (широкий-узкий) [Hu, 2017: 147]. В социологии доверия аксиомой считалось, что ориентация на коллективистские установки снижает радиус доверия, а ориентация на индивидуализм расширяет радиус доверия [Delhey, Newton, Welzel, 2011: 786—807; Van Hoorn, 2014: 1256—1259], однако новые данные ставят под вопрос это положение. Проведенные в Южной Корее широкомасштабные эмпирические исследования показывают обратную картину [Lim, Im, Lee, 2021: 149—171]. Исследования уровня доверия в Китае также разрушают другую аксиому социологической теории доверия — «чем выше уровень демократии, тем выше уровень генерализованного доверия». Чтобы объяснить этот парадокс — как высокий уровень генерализованного доверия в Китае сочетается с невысоким уровнем развития демократии, некоторые исследователи (например, американский социолог Эрик Усланер) полагают, что китайское понимание доверия просто сильно отличается от европейского. Однако на наш взгляд, дело не в этом: доверие отличается в западных и восточных странах, поэтому без понятия культуры доверия, очевидно, нельзя обойтись.

Социология доверия, как и социология в целом, стремится быть позитивистской наукой — значит, найти методы и технику измерения различных типов и видов доверия. Для измерения уровня доверия используют массовые опросы. Обычно генерализованное доверие операционализируется в вопросе: «Если говорить в целом, вы считаете, что большинству людей можно доверять или надо быть очень осторожным в отношениях с людьми?», именно так измеряет доверие в различных странах WVS (World Value Survey, Q57). Почти так же измеряет доверие EVS (European Values Study, Q7): «Если говорить в целом, вы считаете, что большинству людей можно доверять, или осторожность никогда не помешает (*you can't be too careful*) в отношениях с людьми?». Наш отечественный ФОМ использует при измерении доверия примерно такой же вопрос: «Одни считают, что людям можно доверять. Другие считают, что с людьми следует быть осторожными. Какая точка зрения вам ближе?». Другие организации, например, Edelman Trust Barometer, для расчета уровней доверия использует оценку по специальной девятибалльной шкале (расширение шкалы Лайкерта).

В научной литературе обсуждается адекватность такого измерения генерализованного доверия [Ромашкина и др., 2018: 464—486]. Например, в методике WVS в качестве противоположности доверию предлагается осторожность, хотя в действительности можно одновременно доверять другим людям и быть осторожным. Также ставится под сомнение и дихотомическая шкала измерения (доверяете или нет) [Рыжова, 2019: 81—94]. Вносит путаницу и то, что, например, уровень партикуляризированного доверия (доверие членам семьи, доверие соседям, доверие людям, которых вы знаете лично) измеряется WVS по шкале Лайкерта, что не позволяет его адекватно сравнивать с измеряемым по дихотомической шкале генерализованным доверием. На наш взгляд, главная проблема в методике измерения доверия связана с тем, что, строго говоря, все эти про-

цедуры операционализации доверия позволяют измерить не реальный его уровень, а все же мнение людей о доверии. Поэтому для измерения доверия необходимо сочетание количественных и качественных методов; построение моделей проективных ситуаций, в которых респонденты бы могли выбрать тот или иной способ действия, показывающий их реальную ориентацию на доверие/недоверие в конкретных условиях.

Методология исследования

Наше эмпирическое исследование имело общую цель показать трансформацию доверия (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области). Для достижения этой цели мы должны были выполнить три группы задач. Первая заключалась в том, чтобы измерить как общий уровень генерализированного доверия (по дихотомической шкале и по шкале Лайкерта), так и уровень партикуляризованного доверия; сравнить их с другими регионами и с уровнем доверия в среднем по РФ; а также измерить уровень самооценки доверия и радиус доверия. Чтобы определить место России на «географической карте доверия», надо было сравнить текущий уровень генерализированного доверия в РФ с другими странами. Для измерения институционального доверия мы спросили жителей города и области насколько они доверяют правительству России; насколько правительство доверяет нам, гражданам страны, и просили оценить — способствуют ли действия правительства в целом укреплению доверия в обществе. Для выполнения первой группы задач, связанной с измерением разных уровней доверия, наиболее адекватным методом нам представлялся телефонный опрос жителей города по репрезентативной выборке; мы такой опрос провели в июле 2020 г. Выборка репрезентативна по основным социально-демографическим параметрам ($N = 1032$). База телефонных номеров формировалась случайным образом, на основе номерной емкости. Опрос проводился Центром социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета в системе CATI, опросный лист содержал 20 вопросов.

Вторая группа задач связана с исследованием цифровой трансформации доверия. Для этого нам необходимо было измерить уровни «цифрового доверия»: доверие в социальных сетях (например, подписчикам и «друзьям» в соцсетях «ВКонтакте», «Одноклассники»); доверие в цифровой экономике (доверие мобильным приложениям банков; интернет-торговле; интернет-порталам «Госуслуги», «Налог.ру» и др.); также мы просили респондентов оценить влияние эпидемии COVID-19 на уровень доверия или недоверия в обществе. Для исследования «цифрового доверия» наиболее подходящим методом считается интернет-опрос, поскольку респонденты в большей степени обладают навыками цифрового поиска и уже находятся в интернет-среде. Мы провели такой интернет-опрос жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области в сентябре 2021 г. Выборка по набору респондентов неограниченная — любой интернет-пользователь мог принять участие в опросе. Объявление давалось в пабликах, выборка нерепрезентативная, по характеру целевая: мы специально сравнивали мнение жителей крупного города (Санкт-Петербурга), малых городов (в них проживает большинство жителей Ленинградской области) и сельских жителей — из 505 опрошенных 119 прожи-

вают в малых городах и 70 — в сельских поселениях. Опрос проводился Центром социологических и интернет-исследований СПбГУ, анкета содержала 12 вопросов (одиннадцать закрытых и один полузакрытый).

Третья группа задач связана с исследованием общей трансформации культуры доверия. Это не только текущие изменения, но и «длинные волны» динамики доверия, связанные с процессами модернизации (и постмодернизации) общества; индустриализации и постиндустриализации экономики. Нам надо было выявить, как менялось доверие при переходе от советского общества к постсоветскому; как изменялась культура доверия в контексте семейных историй в XX веке; как люди воспринимают изменение доверия сейчас, при переходе к цифровому обществу. Наиболее адекватным методом эмпирического исследования культуры доверия мы считаем глубинные интервью, а также фокус-группы. Однако в 2020—2021 гг. у нас была возможность провести только глубинные полуструктурированные интервью², всего их было 45. Мы разработали два гайда для глубинного интервью; вопросы сгруппированы в следующих блоках:

Блок 1. Общие показатели и оценка доверия;

Блок 2. Доверие в личных отношениях;

Блок 3. Цифровое доверие и социальные сети;

Блок 4. Культура доверия в России.

Для последующего анализа все интервью были транскрибированы.

Результаты исследования и анализ данных

В нашем исследовании в Санкт-Петербурге уровень генерализованного доверия (по методике WVS, дихотомическая шкала, телефонный опрос населения Санкт-Петербурга, 2020 г.) составляет 25,7 %. Эти данные согласуются со средними показателями по РФ: согласно исследованию WVS, уровень генерализованного доверия в России составляет 22,8 % в 2018 г. (N = 3648)³ По данным Фонда общественного мнения (ФОМ) уровень генерализованного доверия в РФ составляет примерно 20 % (2017 г.), в Москве — 25 %⁴, что вполне объяснимо: обычно в крупных городах уровень генерализованного доверия выше, чем в малых городах и в сельских поселениях. В других исследованиях данные незначительно отличаются. Так, И. Мерсиянова отмечает⁵, что уровень генерализованного доверия в России составляет 26 %⁶. Однако если немного изменить методику измерения, и сформулировать вопрос «Вы считаете, что большинству людей можно доверять?» и ответы распределить по шкале Лайкерта, то 16,2 % респон-

² Проводились они специалистами к. ф. н., доцентом Е. В. Капусткиной и к. с. н. М. В. Беловой., за что мы выражаем им нашу глубокую благодарность.

³ World Values Survey. Wave 7 Q57 // World Values Survey. 2017—2020. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 09.10.2022).

⁴ Доверие как фактор общественной жизни (интервью с Л. Паутовой) // 2035.media. 2017. 14 июня. URL: <http://2035.media/2017/06/06/pautova-interview/> (дата обращения: 09.10.2022).

⁵ Мерсиянова И. В. Изменилось ли доверие в российском обществе во время пандемии // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 2020. 21 мая. URL: https://roscongress.org/upload/medialibrary/2fa/01_Izmenilos-li-doverie-v-rossijskom-obshchestve-vo-vremya-pandemii-.pdf (дата обращения: 09.10.2022).

⁶ Телефонный опрос, N = 2012, исследование проводилось в 2020 г. в рамках мониторинга состояния гражданского общества Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ.

дентов в Санкт-Петербурге однозначно утвердительно отвечают на этот вопрос, а 45,1% считают, что можно доверять, но только частично. В Москве в 2014 г. 47,6% респондентов склонны доверять людям (по сумме ответов «точно можно доверять» и «скорее можно доверять») [Рыжова, 2016: 78] против 61,3% в Санкт-Петербурге по нашим данным. Согласно исследованию О. Боровинских, этот показатель еще выше в Новосибирске — 62,5%, а в Екатеринбурге — 57,6%, в Омске — 57,1%; в Казани — 55,1% [Боровинских, 2017: 236—240]. Чтобы измерить и оценить самооценку доверия, мы спросили ⁷ жителей Санкт-Петербурга: «По-вашему, насколько россияне доверяют друг другу?»: 1,2% респондентов ответили «полностью доверяют», а «частично доверяют» — 40,4%. ФОМ в 2019 г. (N = 1500) задавал примерно такой же вопрос: «На ваш взгляд, сегодня в нашем обществе люди чаще относятся друг к другу с доверием или с недоверием?». Ответы по дихотомической шкале распределились таким образом: «с доверием» — 16%; «с недоверием» — 78%⁸.

Итак, хотя уровень генерализованного доверия в Санкт-Петербурге один из самых высоких в России, он все же не сильно отличается от общероссийских показателей; если сравнивать со странами высокого уровня доверия (Швеция — 62,8%; Дания — 73,9%; Норвегия — 72,1%; Китай — 63,5%), то можно констатировать, что Россия характеризуется низким уровнем генерализованного доверия, что также подтверждается данными самооценки доверия. Обе российские столицы — Москва и Санкт-Петербург, также не могут похвастаться высоким уровнем этого показателя. Однако Россию нельзя отнести к странам самого низкого доверия: Перу — 4,2%; Колумбия — 4,5%; Эквадор — 5,2%; Чили — 12,9%; Кения — 9,5%; Египет — 7,2%. Мы входим в одну группу вместе с бывшими социалистическими странами Восточной Европы: Польша — 24,1%; Чехия — 21,1%; Словакия — 21,4%; Болгария — 17,1%; Хорватия — 13,6%; Венгрия — 27,2%; Румыния — 11,4%; Сербия — 16,3%; Словения — 25,3%⁹.

Чтобы измерить уровень партикуляризованного доверия, в телефонном опросе населения Санкт-Петербурга присутствовал вопрос: «Насколько Вы доверяете членам Вашей семьи?». WVS измеряет доверие в семье по шкале Лайкерта, мы для сравнения поступили так же. По сумме ответов «полностью доверяю» и «частично доверяю» уровень партикуляризованного доверия составляет 95,4% в Санкт-Петербурге (телефонный опрос, 2020 г.), по данным WVS в РФ в среднем полностью доверяют членам семьи — 97,7%; что сопоставимо со странами высокого уровня доверия: Китай — 99,1%; Швеция — 98,5%; Норвегия — 98,9%; Дания — 99,5%¹⁰. Чтобы определить радиус доверия, мы измерили уровень доверия незнакомым людям: «Насколько Вы доверяете людям, которых встречаете впервые?» (ответы распределены по шкале Лайкерта): в Санкт-Петербурге он составляет 60,1%, что существенно отличается от средних показателей по РФ

⁷ Интернет-исследование, 2021 г., шкала Лайкерта.

⁸ Межличностное доверие: Надо ли доверять людям? Можно ли вернуть утерянное доверие? // ФОМ. 2019. 6 июня. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14215> (дата обращения: 09.10.2022).

⁹ World Values Survey. Wave 7. Q57 // World Values Survey. 2017—2020. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 09.10.2022).

¹⁰ Там же: Q58.

(21,9%), — видимо, сказывается эффект большого города. В странах Восточной Европы показатели примерно такие же: Польша — 25,9%; Чехия — 35,5%; Словакия — 32,3%; Венгрия — 38,9%; Сербия — 23,4%; а чемпионы — скандинавские страны: Дания — 74,7%; Швеция — 73,9%; Норвегия — 67,7%¹¹. Интересно, что Китай хоть и обладает высоким уровнем генерализованного доверия, но по доверию незнакомым людям (13,4%) существенно уступает и скандинавским странам, и России, что свидетельствует о принципиально другом «механизме доверия». Итак, уровень партикуляризированного доверия в Санкт-Петербурге и России в целом очень высок (что подтверждается исследованиями И. Мерсияновой¹² и др.); а вот радиус доверия в нашей стране невелик, данные Санкт-Петербурга по доверию незнакомым людям не являются показательными, так как сказывается эффект масштаба мегаполиса.

Институциональное доверие мы измеряли по отношению петербуржцев к федеральному правительству, хотя для более точного представления о нем необходимо исследовать отношения и к другим институтам. Однако данных такого вида достаточно, исследования подобного рода регулярно проводят ВЦИОМ, ФОМ и другие центры изучения общественного мнения. Мы спросили петербуржцев: «Доверяете ли Вы правительству Российской Федерации?» (телефонный опрос, 2020 г.), по сумме ответов «полностью доверяю» и «частично доверяю» уровень институционального доверия составляет 46,4%. ФОМ раньше считал индекс доверия правительству РФ по дихотомической шкале, уровень доверия в среднем по РФ составлял 51% (данные 2010 г.)¹³, а после стал регулярно определять уровень одобрения правительства: «Как, по Вашему мнению, сегодня работает российское правительство — скорее хорошо или скорее плохо?». В октябре 2021 г. этот показатель составил 35%, в октябре 2022 г. — 48%¹⁴. ВЦИОМ также считает рейтинг одобрения правительства по дихотомической шкале — «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Правительства РФ?»: уровень одобрения составляет 52,1%¹⁵. По данным WVS уровень доверия правительству в России составляет 51,9% (2017 г.), что сопоставимо со Швецией — 50,7%; Норвегией — 59,2%; но сильно уступает Китаю — 94,6%. А вот Восточно-Европейские страны имеют гораздо более низкие показатели доверия правительству: Польша — 23,2%; Венгрия — 27,6%; Словакия — 30,4%; Сербия — 30,0%¹⁶. В нашем исследовании мы также просили респондентов оценить деятельность правительства в укреплении

¹¹ World Values Survey. Wave 7. Q61 // World Values Survey. 2017—2020. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp> (дата обращения: 09.10.2022).

¹² Мерсиянова И. В. Изменилось ли доверие в российском обществе во время пандемии // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 2020. 21 мая. URL: https://roscongress.org/upload/medialibrary/2fa/01_izmenilos-li-doverie-v-rossiyskom-obshchestve-vo-vremya-pandemii-.pdf (дата обращения: 09.10.2022).

¹³ Доверие правительству РФ // ФОМ. Доминанты. 2010. № 16. URL: <https://bd.fom.ru/pdf/d16dp10.pdf>. (дата обращения: 10.10.2022).

¹⁴ Политические индикаторы // ФОМ. Доминанты. 2022. № 42. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d42pi2022.pdf> (дата обращения: 10.10.2022).

¹⁵ Деятельность государственных институтов // ВЦИОМ. 2022. 23 октября. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-gosudarstvennykh-institutov/> (дата обращения: 24.10.2022).

¹⁶ World Values Survey. Wave 7. Q71. // World Values Survey. 2017—2020. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp> (дата обращения: 09.10.2022).

доверия: «Как по-вашему, государство своими действиями расширяет доверие или провоцирует рост недоверия в нашем обществе?». Ответы были распределены по дихотомической шкале, 58,5% респондентов считают, что правительство провоцирует рост недоверия. Итак, в Санкт-Петербурге уровень институционального доверия (доверие Правительству РФ) примерно соответствует среднему российскому уровню институционального доверия, который сопоставим с европейским уровнем доверия правительству, однако сильно уступает уровню доверия правительству в азиатских странах.

Цифровое доверие мы измеряли по различным показателям: доверие интернет-банкингу; интернет-торговле; доставке товаров и услуг через интернет; доверие в социальных сетях; доверие источникам цифровой информации и т. д. Подробно мы описали результаты в другой работе [Веселов, Скворцов, 2021: 57—68], отметим только, что, вопреки нашим ожиданиям, уровень цифрового доверия оказался достаточно высоким, Россия в этом вряд ли отстает от других стран.

Все полученные данные мы анализировали не только в сравнительной перспективе, но и для того, чтобы выявить социальную структуру доверия.

Территориальное деление доверия. В крупных городах (таких, как Санкт-Петербург) уровень генерализированного доверия несколько выше среднего — на 3 п. п. В малых городах он снижается, и самый низкий — в сельских населенных пунктах (меньше на 9 п. п.). Этот вывод подтверждается в нашем исследовании также и при вопросе о самооценке доверия. В целом такое территориальное разделение в отношении генерализированного доверия обнаруживается и в других исследованиях (см., например, [Гудков, 2012])¹⁷. Объяснимо, что уровень цифровизации в области меньше, чем в городе (например, удаленная занятость, полностью или частично, характерна для жителей города — 34,8%, а в области только 16,4%), соответственно, ниже и уровень цифрового доверия.

Возрастное деление доверия. Понятно, что генерализированное доверие в пожилом возрасте (старше 60 лет) существенным образом снижается (это подтверждается и исследованиями ФОМ). Однако удивительно, что генерализированное доверие низкое для молодежи (18—29 лет), а далее — с 30 до 60 лет примерно одинаковое. Институциональное доверие, наоборот, выше у людей пожилого возраста, а вот цифровое доверие (во всех его видах) самое высокое у молодежи и самое низкое для людей пожилого возраста. «Цифровой разрыв» четко определяется при возрастном делении — наши пожилые люди почти полностью исключены из цифрового мира, им не удается его использовать для повышения своего благосостояния или для работы. Удивительный результат для нас в том, что партикуляризированное доверие (доверие членам семьи) выше для молодежи, чем для людей пожилого возраста, однако этот вывод требует дополнительной проверки.

Гендерное разделение доверия. Генерализированное и партикуляризированное доверие у мужчин и женщин примерно одинаково (что согласуется и с данными других исследований); а вот институциональное доверие у женщин несколько выше, чем у мужчин (например, правительству РФ доверяет 41,6% мужчин

¹⁷ См. также: Доверие как фактор общественной жизни (интервью с Л. Паутовой) // 2035.media. 2017. 14 июня. URL: <http://2035.media/2017/06/06/pautova-interview/> (дата обращения: 09.10.2022).

и 50,2% женщин). Цифровое доверие во всех его видах выше у мужчин, чем женщин (например, мы спросили наших респондентов:

— «Насколько Вы доверяете мобильным приложениям банков (типа Мобильный Сбербанк)?»: мужчины доверяют им полностью или частично — 74,2%, а женщины — 62%;

— «Пользуетесь ли Вы услугами заказа еды или доставки продуктов через интернет?»: среди мужчин такими услугами пользуются 53%, среди женщин — 32%. Даже при оплате коммунальных услуг через QR-коды преимущество у мужчин — 69,6% против 61,6% у женщин; доверяет интернет-магазинам 75,1% мужчин и 66,4% женщин; существенно меньше женщинам удается монетизировать цифровую занятость — 28% против 18%.

Образование и доверие. Высшее образование (и незаконченное высшее) существенно увеличивает доверие, причем как генерализированное, партикуляризированное, так и цифровое (что согласуется с данными ФОМ). Любопытно, что наличие ученой степени далее не повышает, а понижает доверие — институциональное доверие снижается с повышением уровня образования, а вот получать доход от «цифры» лучше всего получается у студентов.

Доходы и доверие. Для наших состоятельных сограждан (у кого доходы в десять раз превышают прожиточный минимум) уровень генерализированного и партикуляризированного доверия самый высокий, что подтверждается исследованиями ФОМ, а вот институциональное доверие (Правительству РФ) снижается с уровнем дохода; цифровое доверие во всех видах выше у богатых, чем у бедных.

Профессия и доверие. Самый высокий уровень генерализированного доверия у предпринимателей — 44,6% (телефонный опрос, дихотомическая шкала, 2020 г.), затем у специалистов с высшим гуманитарным образованием (37,4%), самый низкий у государственных служащих (14,3%); партикуляризированное доверие (доверие членам семьи, шкала Лайкерта) выше всего у специалистов с высшим гуманитарным образованием и ниже всего у государственных служащих; институциональное доверие (доверие правительству) самое высокое у пенсионеров, а самое низкое у студентов и предпринимателей. Парадоксально, что российской вакцине Спутник V менее всего доверяют военные, сотрудники полиции, прокуратуры и суда. Цифровое доверие во всех видах самое высокое у предпринимателей и специалистов с высшим техническим образованием, а самое низкое у неработающих пенсионеров.

Семейное положение и доверие. Никаких значимых результатов не определено — мы видим, что у женатых/замужних или разведенных уровень межличностного доверия выше, чем у вдов/вдовцов, но это скорее следствие возрастных различий, то же и для цифрового доверия — он выше у неженатых/незамужних, но это опять скорее следствие возраста.

Итак, наше исследование доверия в Санкт-Петербурге показало, что различные типы и виды доверия в городе примерно соответствуют средним российским показателям. Уровень генерализированного доверия несколько выше, партикуляризированного доверия несколько ниже, уровень институционального примерно такой же, как в среднем по РФ. Отличается существенным образом только радиус доверия за счет того, что уровень доверия незнакомым людям существенно выше,

чем в среднем по РФ, однако скорее это объясняется скорее эффектом масштаба мегаполиса. Это означает, что в плане доверия петербуржцы не отличаются от жителей других городов России: они сначала россияне, а потом уже петербуржцы (например, в своих вкусовых или культурных предпочтениях). Сравнивая наши данные с международной статистикой доверия, мы можем определить характерные черты или характер доверия — как в нашей стране сочетаются его определенные виды и типы. Уровень генерализированного доверия в Петербурге и России в целом относительно низкий (в международных сравнениях соответствует группе среднего низкого (*lower middle*) уровня, он характерен для бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы). Уровень партикуляризованного доверия высокий, но радиус доверия узкий — мы доверяем тем, кого знаем лично (членам семьи, друзьям, знакомым, соседям), но не доверяем тем, кого встречаем впервые. Уровень институционального доверия (доверия правительству) в России средний, вполне соответствует европейскому уровню, но сильно уступает азиатским странам, таким как Китай, Индия, Малайзия, Индонезия и др.

Наш основной исследовательский вопрос заключается в том, почему именно такой характер доверия сформировался в России? Многие (и мы в том числе) в 1990-х годах считали, что развитие экономики и рыночные реформы в России автоматически будут способствовать повышению уровня доверия между людьми, но этого не произошло. Потому что доверие — сложный социальный феномен, формирующийся за длительный период исторического времени под воздействием социальных, политических и экономических преобразований в стране. Доверие постепенно накапливается как социальный капитал (хотя может быть в момент социальных потрясений быстро растрчено), в течение длительного периода исторического времени оно формируется как определенная культура со своими правилами, нормами и ценностями [Купрейченко, Мерсиянова, 2013: 5—24]. Понять, почему в России сегодня такой уровень и характер доверия, можно только рассматривая социально-исторический процесс развития доверия как минимум за последние сто лет, поскольку именно в XX веке Россия прошла основной этап модернизации: если в XIX столетии она все еще была крестьянской страной с преобладающим сельским населением, невысоким уровнем образования и культуры и верой вместо доверия, то в советское время ускоренными темпами осуществила индустриализацию экономики, урбанизацию и секуляризацию общества. Вот только некоторые факты: согласно переписи 1897 г., в России число грамотных в возрасте 9—49 лет составляло 28,4%; доля городского населения была 9,89 млн чел. или 15 % населения; 60 % горожан проживало в малых городах с численностью до 50 тыс. чел.; две трети всей рабочей силы были заняты в сельском хозяйстве. Уже к 1939 г. доля грамотных составляла 87,4%; горожан было 33 % от населения страны; по переписи 1959 г. городское население превысило сельское — 52,4 %, а к 1992 г. составило 73 %¹⁸, к 1966 г. в сельском хозяйстве были заняты 31 %, а в промышленности и строительстве — 36 %¹⁹. Такие масштаб-

¹⁸ Римашевская Н. М. Городское население // Большая российская энциклопедия. 2004—2017. URL: <https://old.bigenc.ru/text/3039828> (дата обращения: 09.10.2022).

¹⁹ Страна Советов за 50 лет (Сборник статистических материалов). М.: Статистика, 1967. URL: <https://istmat.org/node/17047> (дата обращения: 09.10.2022).

ные преобразования не могли не отразиться на изменении отношений доверия. На основе концепций трансформации изучаемого феномена рассмотрим, как преобразовывалось доверие в России в начале XX столетия и в советское время.

Теоретические концепции трансформации доверия

В XIX веке Фердинанд Теннис заложил основы понимания социальной сущности трансформации доверия. Он разделял исторический процесс культурной эволюции на две эры — эру общности и эру общества. Эра общности характеризуется социальной волей в виде единодушия, обычая, религии; социальной основой общности являются родство, соседство, дружба и доверие. Эра общества характеризуется социальной волей в виде конвенции, политики, общественного мнения, ее основа — торговля, промышленность, деньги. В социальном плане люди в обществе пребывают «в существенной отдаленности друг от друга», «мало-помалу доверие вытесняется и заменяется расчетом, в коем будущее действие считается ...как соответствующее собственным интересам...» [Теннис, 2002: 63, 300]. Эту же линию продолжает Фрэнсис Фукуяма в книге «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» [Fukuyama, 1995]. Он опирается на парадигму модернизации: общества развиваются от традиционных к современным, от индустриальных к постиндустриальным, но доверие по своей природе неизменно — оно построено на традиции, на привычке, на моральных обязательствах; это элемент «славного прошлого» в настоящем. Доверие, как и вера, выступает высшим чувством, моральным феноменом (добродетелью), что обеспечивает необходимую стабильность в функционировании современного общества [Fukuyama, 1995: 11]. К моральным категориям доверие относят и другие ученые, например, Эрик Усланер [Uslaner, 2002].

Для объяснения изменения доверия Ф. Фукуяма использует понятие «радиуса доверия»: обычно под ним понимают круг людей, в котором распространено сотрудничество и высок уровень безусловного доверия. В традиционных обществах радиус доверия ограничивается небольшими группами (семья и родственные группы; кланы; соседские общины; этнические общности) — это так называемое частное, партикуляризированное доверие (*in-group trust*). При переходе к современным обществам радиус доверия расширяется и охватывает все общество — это обобщенное, генерализированное доверие (*out-group trust*) [Fukuyama, 2001: 7—20]. Фукуяма применяет эту методологию трансформации радиуса доверия в сравнительной социологии доверия. Он делит страны мира на три группы: к государствам с высокой «культурой доверия» он относит либеральные демократии (США, Германия, Япония). Китай, Франция, Италия характеризуются высоким уровнем партикуляризированного доверия (что Фукуяма называет *familistic trust* — доверие в рамках семейных групп или кланов), но низким уровнем генерализированного доверия. Страны Восточной Европы и Россию он причисляет к «атомизированным обществам» с самым низким уровнем социального капитала и культуры доверия. Однако сравнительные эмпирические исследования доверия в разных странах, проведенные в 1990-е и 2000-е годы, показали ошибочность этой концепции. Оказалось, что наивысшим уровнем генерализированного доверия обладают Китай и скандинавские страны. А США, Германия и Япония вхо-

дят в группу стран со средним уровнем генерализированного доверия. Феноменально низким уровнем генерализированного доверия отличаются латиноамериканские страны, никакого отношения к «атомизированным» постсоветским обществам не имевшие. Не подтверждают также концепцию трансформации «радиуса доверия» эмпирические исследования соотношения генерализированного и партикуляризированного доверия, проведенные командой российских и американских ученых. Например, при низком уровне генерализированного доверия в целом в России эмпирические исследования в Татарстане показали высокие уровни межгруппового доверия — между этническими группами (уровень доверия русских татарам и татар русским составляет около 90%) [Bahry et al., 2005: 521—532]. В эмпирическом исследовании, проведенном С. Рыжовой в Москве в 2014 г., также выявлено: «...очень высокое доверие друзьям, практически такое же, как родственникам и членам семьи (89,7 % „полностью доверяют“ и „скорее доверяют“), что дает основание считать, что потенциал горизонтальных связей все же очень широк» [Рыжова, 2016: 80]. Значит, тезис об «атомизации» Ф. Фукуямы также сомнителен. Однако позитивным в концепции доверия Фукуямы нам представляется выделение понятия «культуры доверия», что означает, что не все общества абсолютно одинаково конструируют отношения «доверия/недоверия», что каждое общество создает особую, укорененную в истории, систему правил и норм их формирования и изменения.

Противоположная концепция трансформации доверия представлена в работах Н. Лумана [Luhmann, 1996], А. Селигмена [Селигмен, 2002], Э. Гидденса [Гидденс, 2011] и П. Штомпки [Штомпка, 2012]. Н. Луман был одним из первых, кто подчеркнул, что само доверие как феномен возникает при переходе от традиционного общества к современному. Доверие основано не на чувстве, не на вере, а на расчете — это рациональная конструкция; она связана с проблемой неопределенности в поведении других и риска в планировании собственного действия, где риск — сознательно просчитываемая опасность. В традиционных обществах нет понятия риска²⁰, там есть понятия предопределенности, то есть судьбы и надежды. Для снижения неопределенности в традиционном обществе задействуется механизм знакомства (что называется *familiarity*, например, крестьянин в городе прежде всего ищет родственников), а в современном обществе для снижения сложности и решения проблемы риска формируется механизм доверия в межличностных отношениях и уверенности (*confidence* — этот термин Луман использует для характеристики доверия по отношению к институциональным системам) [Luhmann, 1996: 94—107]. А. Селигмен также подчеркивает современный характер доверия и связывает его с возникновением в XVII столетии разделения труда и с развитием рыночной экономики, что приводит к сложному (дифференцированному) ролевому поведению. Доверие как раз и появляется тогда, когда вместе с процессами секуляризации вера и верность как центральное социальное отношение феодального общества (где самое страшное преступление — вероломство) теряют свое прежнее значение, и их место в повседневной жизни человека замещает доверие [Селигмен, 2002: 21]. Доверие теперь становится частичным,

²⁰ Само слово «риск» приходит из словаря испанских мореплавателей эпохи Великих географических открытий.

в большей степени функциональным — мы доверяем не полностью и безоговорочно конкретному индивиду, а только когда он выполняет определенную функцию согласно правилам поведения роли в типических ситуациях. Рыночные отношения ежедневно создают проблему выбора, а выбор требует формирования механизма (правил и норм) доверия.

Э. Гидденс, говоря о доверии как о феномене современности (*late modernity* в его определении), связывает доверие в досовременных обществах с обязательствами личного характера (*facework commitments*), которые включены в локальное пространство и время. Поэтому он называет доверие в традиционных обществах «локальным доверием»; социальная среда этого типа доверия — родственные отношения; местное сообщество, например, соседи; формы религиозных верований и ритуалов; традиционное поведение (ориентация на прошлый опыт) [Гидденс, 2011: 236]. Доверие в современных обществах связано в большей степени с безличными отношениями (*faceless commitments*) — появляется фигура «другого» с которым необходимо взаимодействовать, но лично его вы не знаете, тогда в какой степени ему можно доверять? Современность характеризуется разделением пространства и времени; теперь не требуется соприсутствия — доверие функционирует дистанционно. Возрастает рефлексивность действия: это доверие абстрактным символическим системам, например, деньгам как символической системе обмена: если в традиционном обществе крестьяне не разбирались в рыночных ценах, только «купцы и торговцы знали цену вещам», то теперь каждому надо понимать, как работает рынок, деньги и цены. Это доверие экспертному знанию, например, научному или медицине как формам «надежного знания», или техническим системам, то есть знанию, которое жизненно важно для обычного функционирования человека в его повседневности.

П. Штомпка определяет доверие совсем в духе теории рационального выбора как Дж. Коулман [Coleman, 1990] и Й. Эльстер [Эльстер, 2011] — как вероятностное действие в условиях неопределенности. Однако важно то, что он соединяет это определение доверия с «правилами культуры»: «...решение об оказании доверия или отказе в нем принимается в устоявшемся культурном контексте, где нормативные правила подталкивают человека к доверию либо удерживают его от этого» [Штомпка, 2012: 159]. Культура доверия является «продуктом истории», она опирается на «традиции доверия» и зависит от нормативной связи в обществе (которая противостоит аномии), от его стабильности, от «прозрачности» институтов, «привычности» общественной среды и ответственности людей [там же: 306]. Исходя из этого, П. Штомпка объясняет и невысокий уровень доверия в постсоциалистических странах Восточной Европы — это следствие «великой травмы перемен», когда шоковый переход к рыночному обществу нарушил привычные правила функционирования общественных механизмов.

Итак, в самом общем виде процесс исторической модернизации доверия выглядит таким образом: традиционное доверие персонализированного характера (к конкретному индивиду), основанное на чувстве, на коллективной установке, формируется в крестьянских сообществах (общинах); это доверие локальное и партикуляризированное; в процессе развития рыночного общества, капитализма, урбанизации и секуляризации доверие традиционное все больше уступает место со-

временному доверию — доверию безличному, ролевому, абстрактному, институциональному, основанному на рациональности и воспроизводимому в городской среде.

Процессы трансформации и модернизации доверия в России

Для понимания трансформации доверия в России нам видится очень важным развитие его социальной истории, объясняющей, как возникает и трансформируется доверие в зависимости от социальных и экономических изменений [Hosking, 2006: 95—115]. В традиционном обществе России XIX столетия, где подавляющее большинство населения — крестьяне, доверие (как и вера) в основном выступает как чувство и охватывает узкий круг семьи и деревенского сообщества (соседей и родственников). Отношение к чужим построено на преобладающем недоверии (город даже воспринимается крестьянами как некое изодренное изобретение для обмана сельских тружеников). В начале XX века начинается медленный и постепенный процесс модернизации доверия: вместе с урбанизацией и развитием образования доверие из веры превращается в рациональную конструкцию, основанную не только на чувстве, но и на знании. Нужно учиться теперь доверять не только «своим», но и «чужим» (в городе ведь все теперь «чужие»). Это предполагает освоение новых правил и норм доверия в социальном мире, основанном на отчуждении [Стоянов, 2004: 32—49].

После отмены крепостного права процессы урбанизации в России были связаны с очень быстрой массовой миграцией крестьян в города. Происходило то, что получило потом название «окрестьянивание» городского населения — 80% населения в Петербурге конца XIX века было из крестьян. Бывшие жители деревни приносили с собой культуру и стереотипы доверия общинного типа: доверяли не функции, не институту, а конкретному индивиду. Еще больше после коллективизации 1930-х годов бывшие крестьяне распространяли в городской среде свои прежние патриархальные установки доверия, что предполагало доверие конкретной личности, от которой ждут управления по типу «твердой руки». Так возникает «культ личности», основанный на безусловном доверии тоталитарным лидерам. «В 1920-е годы коммунисты целенаправленно уничтожили или захватили большинство социальных институтов, которые прежде поддерживали габитус доверия: среди них были, в частности, церковь и семья... сталинский террор стал апогеем катастрофического надлома общественного доверия как в стране в целом, так и в партийно-государственном аппарате в частности» [Hosking, 2013: 1—25]. Массовые репрессии и доносительство, напрямую поощряемое государством, сформировали особенную «культуру недоверия» в российском обществе [Тихомиров, 2013].

В серии глубинных интервью мы изучали как «генетическая память» о 1930-х годах влияет на процессы формирования генерализованного доверия в советском и российском обществе.

Тогда в нашей стране были практически две группы населения — те, кто доносил, и те, на кого доносили. Основной причиной доносов было желание занять чужое место. Соответственно, доносили коллеги, знакомые. Естественно, это привело к формированию атмосферы недоверия, которая на генетическом уровне передалась потомкам участников этого процесса, причем с обеих сторон... (Женщина, 59 лет)

В те времена доверять можно было только членам своих семей, а вот так называемым коллегам по работе и даже друзьям нет. Такая беда случилась с матерью моей бывшей свекрови... Она работала в библиотеке, и начальница обвинила ее в краже редких книг, которые, на самом деле, украла сама. Завели уголовное дело. Она не смогла оправдаться и в результате повесилась. Это сломало жизни ее детям...И так произошло не в одной семье. Поэтому история репрессий не могла не повлиять на культуру недоверия в нашей стране. (Женщина, 56 лет)

Люди по умолчанию настроены очень недоверчиво друг к другу. Может, связано с историей. На каком-то уровне национального сознания. (Женщина, 24 года)

Волна послевоенной урбанизации (городское население впервые превысило сельское) и индустриализации в 1950—1960-е годы постепенно преобразует личностное доверие в институциональное — радиус доверия расширяется, доверяют теперь не только людям, но и институтам (например, науке или производству). Возникает новый тип доверия — доверие техническим системам и инженерному знанию. Доверие другим в городском сообществе строится по типу ролевого (например, кассиру в магазине доверяют не как конкретному человеку, а только как исполнителю институциональной роли). Вот как описывает один наш респондент институциональное доверие в те годы:

Правительству СССР я безусловно доверяла. Вы знаете, что в Советское время была уверенность, что государство обеспечит всем бесплатное образование и медицинские услуги. Надеялись и на получение других социальных льгот. Например, недорого отдохнуть и даже получить квартиру. Хотя, справедливости ради нужно сказать, что ждать квартиру приходилось долго... (Женщина, 70 лет)

Итак, первый этап модернизации доверия завершился в СССР к 1960-м годам, однако российскому обществу предстояло преодолеть новые вызовы трансформации. В 1990-е годы распад СССР, шоковый переход к рынку способствовали быстрой растрате капитала доверия: «Мы прошли через 1990-е годы, когда каждый обманывал каждого. Это было страшное время. Тогда и сформировалась обстановка недоверия...» (Женщина, 59 лет).

В 2000-е годы в связи с надеждами на будущее генерализованное доверие стало немного увеличиваться, но скоро опять снизилось. Причины этого множественны, но есть два обязательных условия для развития доверия. Первое условие мы знаем из эмпирических исследований [Delhey, Newton, 2005: 311—327]: генерализованное доверие возрастает, когда люди считают общественное устройство (особенно механизмы распределения) справедливым. Однако неравенство во всех его видах (неравенство доходов, центра и периферии, этническое неравенство) в то время возрастало, что препятствовало укреплению доверия между людьми. Второе условие связано с «прозрачностью» и эффективностью работы общественных институтов. Этого тоже не произошло, в результате россияне стали доверять больше всего институтам, эффективность которых в повседневной жизни вряд ли определяется — это церковь и армия. «Повседневное практическое

недоверие, высказываемое по отношению к окружающим (малознакомым) людям, сопровождается, или компенсируется, высоким декларативным доверием к трем особо значимым символическим институтам: а) к главе государства; б) к церкви и в) к армии» [Гудков, 2012: 75—99]. Так же произошло и в других восточноевропейских странах, например Черногории [Шарович, Черанич, Кривокапич, 2022: 64—73]. Однако возможность изменения культуры доверия в России сегодня вполне реальна. Мы считаем, что такая возможность связана прежде всего с развитием «цифрового общества» и цифровой культуры доверия.

Заключение

Логика формирования доверия/недоверия в России начала XX века связана с общими закономерностями социальной и экономической модернизации. Вследствие процессов индустриализации и урбанизации традиционное доверие, основанное на доверии внутри сельских сообществ, трансформируется в современное, основанное на доверии генерализированном, институциональном и ролевом в рамках городской среды. Наши эмпирические исследования показали, что тяжкий груз «культуры недоверия», сформированной в 1930-е годы в советском обществе, до сих пор препятствует процессу накопления «капитала доверия». Падение уровня доверия в 1990-е, связанное с «шоковой терапией» и общей «травмой перемен», также не способствовало формированию генерализированного и институционального доверия. Начавшееся было укрепление доверия в 2000-е годы не удалось удержать в последующие годы, главным образом вследствие роста всех видов социального неравенства и из-за неэффективной работы общественных институтов (количество нормативных правил увеличивалось, а качество их оставалось крайне низким). Наши эмпирические исследования подтверждают, что уровень генерализированного доверия в России низкий. По нашим данным, в Санкт-Петербурге он составляет 25,7 %; что подтверждается также низким уровнем самооценки доверия среди россиян. На вопрос «По-вашему, насколько россияне доверяют друг другу?» 1,2 % респондентов отвечают «полностью доверяют», а «частично доверяют» — 40,4 %. Уровень партикуляризированного доверия достаточно высокий — 95,4 %; уровень институционального доверия (на примере доверия федеральному правительству, по сумме ответов «полностью доверяю» и «частично доверяю») составляет 46,4 %, что весьма далеко от Китая и Индии — лидеров в этом виде доверия (все данные 2020 и 2021 гг.).

Однако культура доверия не стоит на месте. Ее современное преобразование связано с начавшейся полномасштабной цифровой революцией. Мы видим, как растет доверие цифровым сервисам и цифровым экономическим институтам. Например, уровень охвата цифровыми банковскими приложениями очень высок — ими пользуются около 90 % населения Санкт-Петербурга. Уровень доверия к ним тоже значительный — 33,4 % респондентов им полностью доверяют и 33,9 % доверяют частично. Да и наша ненавистная всем государственная бюрократия, приняв цифровую форму, вдруг получает высокое доверие граждан. Мы спросили наших респондентов: «Насколько Вы доверяете цифровому portalу „Госуслуги“?» Полностью доверяют 37,5 % и частично доверяет 30,1 %. Постепенно формируются новые правила, нормы и ценности в цифровой среде, так создается цифровая культура

доверия. Она, конечно, испытывает болезни роста — распространившееся цифровое мошенничество, рост агрессии и «хейтерства» мешают становлению доверия в цифровой среде, тем не менее это все же временное явление.

Вряд ли цифровое доверие быстро изменит наше обычное доверие; об этом говорит, в частности, Э. Усланер²¹. Наше исследование подтверждает этот вывод: для молодых людей характерен самый высокий уровень доверия «в цифре», однако у них это не приводит к росту доверия к другим в реальной жизни: генерализованное доверие составляет 25,6% для группы 18—29 лет в сравнении с 30,9% для группы 50—59 лет. Однако в долгосрочной перспективе формирующаяся культура цифрового доверия обязательно повлияет на уровень генерализованного и институционального доверия в российском обществе.

Список литературы (References)

Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60—74. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60 (дата обращения: 19.02.2023).

Bourdieu P. (2002) Forms of Capital. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 3. No. 5. P. 60—74. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60 (accessed: 19.02.2023). (In Russ.)

Боровинских О. С. Доверие как фактор социально-экономического развития в крупных городах Российской Федерации // Молодой ученый. 2017. № 23. С. 236—240. URL: <https://moluch.ru/archive/157/> (дата обращения: 19.02.2023).

Borovinskikh O. S. (2017) Trust as a Factor of Socio-Economic Development in Large Cities of the Russian Federation. *Young Scientist*. No. 23. P. 236—240. URL: <https://moluch.ru/archive/157/> (accessed: 19.02.2023). (In Russ.)

Веселов Ю. В., Скворцов Н. Г. Доверие в эпоху цифровых трансформаций: опыт социологического исследования // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 57—68. <https://doi.org/10.31857/S013216250012556-4>.

Veselov Y. V., Skvortsov N. G. (2021) Trust in the Age of Digital Transformations: A Sociological Study. *Sociological Studies*. No. 6. P. 57—68. <https://doi.org/10.31857/S013216250012556-4>. (In Russ.)

Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011.

Giddens A. (2011) *The Consequences of Modernity*. Moscow: Praxis. (In Russ.)

Гудков Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. № 2. С. 8—47. URL: https://www.levada.ru/sites/default/files/vom2_2.pdf (дата обращения: 19.02.2023).

Gudkov L. (2012) “Trust” in Russia: Meaning, Functions, Structure. *The Russian Public Opinion Herald*. No. 2. P. 8—47. URL: https://www.levada.ru/sites/default/files/vom2_2.pdf (accessed: 19.02.2023). (In Russ.)

²¹ Uslaner E. Trust, Civic Engagement, and the Internet. Paper Prepared for the Joint Sessions of the European Consortium for Political Research, Workshop on Electronic Democracy: Mobilisation, Organisation, and Participation via New ICTs. 2000. URL: https://www.researchgate.net/publication/2405374_Uslaner_Trust_Civic_Engagement_and_the_Internet_1 (дата обращения: 17.02.2023).

Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 122—139

Coleman J. (2001) Social and Human Capital. *Social Sciences and Modernity*. No. 3. P. 122—139. (In Russ.)

Купрейченко А. Б., Мерсиянова И. В. Культура доверия и недоверия гражданского общества // *Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества* / науч. ред. М. С. Рождественская. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. С. 5—25.

Kupreichenko A. B., Mersiyanova I. V. (2013) Culture of Trust and Mistrust of Civil Society. In: Rozhdestvenskaya M. S. (ed.) *Trust and Mistrust in the Context of the Development of Civil Society* Moscow: HSE Publishing House. P. 5—25. (In Russ.)

Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2008.

Kupreychenko A. B. (2008) The Psychology of Trust and Distrust. Moscow: The Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Леонова И. Ю. Доверие: понятие, виды и функции // *Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*. 2015. Т. 25. № 2. С. 34—41. URL: <https://journals.udsu.ru/philosophy-psychology-pedagogy/article/view/2798> (дата обращения: 19.02.2023).

Leonova I. Yu. (2015) Trust: Definition, Types and Functions. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. Vol. 25. No. 2. P. 34—41. URL: <https://journals.udsu.ru/philosophy-psychology-pedagogy/article/view/2798> (accessed: 19.02.2023). (In Russ.)

Ромашкина Г. Ф., Давыденко В. А., Ушакова Ю. В. Обобщенное доверие: концептуализация и измерение // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2018. Т. 11. № 4. С. 464—486. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.406>.

Romashkina G. F., Davydenko V. A., Ushakova Yu. V. (2018) Generalized Trust: Conceptualization and Measurement. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. Vol. 11. No. 4. P. 464—486. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.406>. (In Russ.)

Рыжова С. В. Доверие и этническая толерантность в условиях социальных перемен // *Социологический журнал*. 2016. Т. 22. № 1. С. 72—94. <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3920>.

Ryzhova S. V. (2016) Trust and Ethnic Tolerance Under Conditions of Social Change. *Sociological Journal*. Vol. 22. No. 1. P. 72—94. <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3920>. (In Russ.)

Рыжова С. В. Доверие и этнические установки как элементы регионального социального капитала // *Социологическая наука и социальная практика*. 2019. Т. 7. № 2. С. 81—98. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6411>.

Ryzhova S. V. (2019) Trust and Ethnic Attitudes as Elements of Regional Social Capital. *Sociological Science and Social Practice*. Vol. 7. No. 2. P. 81—98. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6411>. (In Russ.)

Селигмен А. Проблема доверия. М.: Изд-во Идея-Пресс, 2002.

Seligman A. (2002) The Problem of Trust. Moscow: Idea-Press. (In Russ.)

Стоянов К. Доверие и отчуждение: аспекты социологической концепции Г. Зиммеля // Экономика и социология доверия / под ред. Ю. В. Веселова. СПб.: Социологическое об-во им. М. М. Ковалевского, 2004. С. 32—49.

Stoyanov K. (2004) Trust and Alienation: Aspects of G. Simmel's Sociological Concept. In: Veselov Yu. V. (ed.) *Economics and Sociology of Trust*. Saint Petersburg: Russian Sociological Society Named by M. M. Kovalevsky. P. 32—49. (In Russ.)

Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002.

Tönnies F. (2002) *Community and Society. Basic Concepts of Pure Sociology*. Saint Petersburg: Vladimir Dal. (In Russ.)

Тихомиров А. А. «Режим принудительного доверия» в Советской России, 1917—1941 годы // Неприкосновенный запас. 2013. № 6. С. 98—117. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovenny_zapas/92_nz_6_2013/article/10731/ (дата обращения: 19.02.2023).

Tikhomirov A. A. (2013) “Regime of Forced Trust” in Soviet Russia, 1917—1941. *Neprikosnovenny Zapas*. No. 6. P. 98—117. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovenny_zapas/92_nz_6_2013/article/10731/ (accessed: 19.02.2023). (In Russ.)

Шарович Р., Черанич Г., Кривокапич Н. Доверие к социальным институтам как индикатор общественно-политических изменений в Черногории (2008—2020 гг.) // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 64—73. <https://doi.org/10.31857/S013216250017773-3>.

Sarovic R., Ceranic G., Krivokapić N. (2022). Trust in Social Institutions as an Indicator of Socio-Political Changes in Montenegro (2008—2020). *Sociological Studies*. No. 3. P. 64—73. <https://doi.org/10.31857/S013216250017773-3>. (In Russ.)

Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005.

Sztompka P. (2005) *Sociology. Analysis of Modern Society*. Moscow: Logos. (In Russ.)

Штомпка П. Доверие — основа общества. М.: Логос, 2012.

Sztompka P. (2012) *Trust as the Basis of Society*. Moscow: Logos. (In Russ.)

Шрадер Х. Доверие, сети и социальный капитал // Экономика и социология доверия. / под ред. Ю. В. Веселова. СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2004. С. 49—61.

Schrader H. (2004) Trust, Networks and Social Capital. In: Veselov Yu.V. (ed.) *Economics and Sociology of Trust*. St. Petersburg: Russian Sociological Society named M. M. Kovalevsky. P. 49—61. (In Russ.)

Эльстер Ю. Объяснение социального поведения. М.: ИД ВШЭ, 2011.

Elster J. (2011) *Explaining Social Behavior: More Nuts and Bolts for the Social Sciences*. Moscow: HSE University. (In Russ.)

Bahry D., Kosolapov M., Kozyreva P., Wilson R. (2005) Ethnicity and Trust: Evidence from Russia. *American Political Science Review*. Vol. 99. No. 4. P. 521—532. <https://doi.org/10.1017/S0003055405051853>.

Coleman J. (1990) *Foundations of Social Theory*. Cambridge, MA: Belknap Press.

Delhey J., Newton K. (2005) Predicting Cross-National Levels of Social Trust: Global Pattern or Nordic Exceptionalism? *European Sociological Review*. Vol. 21. No. 4. P. 311—327. <https://doi.org/10.1093/esr/jci022>.

Delhey J., Newton K., Welzel C. (2011) How General is Trust in “Most People”? Solving the Radius of Trust Problem. *American Sociological Review*. Vol. 76. No. 5. P. 786—807. <https://doi.org/10.1177/0003122411420817>.

Fukuyama F. (1995) *Trust: The Social Virtues and The Creation of Prosperity*. London: Hamish Hamilton.

Fukuyama F. (2001) Social Capital, Civil Society and Development. *Third World Quarterly*. Vol. 22. No. 1. P. 7—20. <https://doi.org/10.1080/713701144>.

Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.

Hu A. (2017) Radius of Trust: Gradient-Based Conceptualization and Measurement. *Social Science Research*. Vol. 68. P. 147—162. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2017.08.004>.

Hosking G. (2006) Trust and Distrust: A Suitable Theme for Historians? *Transactions of the Royal Historical Society*. No. 16. P. 95—116. <https://doi.org/10.1017/S0080440106000429>.

Hosking G. (2013) Trust and Distrust in the USSR: An Overview. *Slavonic and East European Review*. Vol. 91. No. 1. P. 1—25. <https://doi.org/10.5699/slaveasteurorev2.91.1.0001>.

Lim C., Im D-K., Lee S. (2021) Revisiting the “Trust Radius” Question: Individualism, Collectivism, and Trust Radius in South Korea. *Social Indicators Research*. No. 153. P. 149—171. <https://doi.org/10.1007/s11205-020-02496-4>.

Luhmann N. (1996) Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives. In: Gambetta D. (ed.) *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. Oxford: Blackwell. P. 94—107.

Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R. Y. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Sztompka P. (1999) *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.

Uslaner E. (2002) *The Moral Foundations of Trust*. New York, NY: Cambridge University Press.

Van Hoorn A. (2014) Trust Radius Versus Trust Level: Radius of Trust as a Distinct Trust Construct. *American Sociological Review*. Vol. 79. No. 6. P. 1256—1259. <https://doi.org/10.1177/0003122414555398>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.1.2237](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2237)

Е. О. Смолева

СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРЕССА НАСЕЛЕНИЕМ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Смолева Е. О. Стратегии преодоления стресса населением Вологодской области: опыт социологического исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 180—203. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2237>.

For citation:

Smoleva E. O. (2023) Coping Strategies of the Vologda Oblast Population: Sociological Research Experience. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 180–203. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2237>. (In Russ.)

Получено: 11.05.2022. Принято к публикации: 25.11.2022.

СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРЕССА НАСЕЛЕНИЕМ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

СМОЛЕВА Елена Олеговна — старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия

E-MAIL: riolenas@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6452-1441>

Аннотация. В статье обсуждаются стратегии преодоления стресса населением конкретного региона, которые классифицируются по направленности, эффективности и сферам копинга. Информационную базу исследования составили данные социологического опроса населения Вологодской области (объем выборки 1500 респондентов; метод анкетирования). В качестве основных групп поведенческих реакций на стресс рассмотрены стратегии преодоления, избегания и обращения за социальной поддержкой. Автор обосновывает выбор для проведения опроса населения методики Д. Амирхана «Индикатор копинг-стратегий преодоления стресса» в адаптации В. М. Ялтонского. В ходе исследования предпринята попытка актуализации методики для опросов общественного мнения в регионе. На основании данных по частоте попадания в стрессовые ситуации различных групп населения в 2018 и 2021 гг. сделан вывод, что стрессогенность социальной ситуации усилилась. С помощью структурно-факторного анализа на эмпирических данных построена четырехфакторная модель копинг-стратегий, выдвинуты предложения по улучшению методики.

COPING STRATEGIES OF THE VOLOGDA OBLAST POPULATION: SOCIOLOGICAL RESEARCH EXPERIENCE

*Elena O. SMOLEVA¹ — Senior Researcher
E-MAIL: riolenas@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6452-1441>*

¹ Vologda Research Center RAS, Vologda, Russia

Abstract. The study discusses strategies for coping with stress by the population of a particular region. The coping strategies are classified according to their direction, effectiveness, and domains of coping. Empirically, the study bases on the data from a sociological survey of the Vologda Oblast population ($N = 1500$). Strategies for overcoming, avoiding, and seeking social support are considered as the main groups of behavioral reactions to stress. The author of the study justifies the choice of D. Amirkhan's Coping Strategy Indicator adapted by V. M. Yaltonsky and makes an attempt to update the methodology for public opinion polls in the region. Based on data on the frequency of getting into stressful situations for various groups of the population in 2018 and 2021, the author concludes that the stressfulness of the social situation in the region has increased. The study employs structural factor analysis to build a four-factor model of coping strategies on empirical data and proposes some methodological improvements.

The prevailing strategy for dealing with stress among the population of the Vologda Oblast is problem solving; then follows the strategy of seeking social sup-

Превалирующая стратегия борьбы со стрессом у населения Вологодской области — разрешение проблем; на втором месте находится стратегия поиска социальной поддержки. Реже жители региона указывают на применение стратегии избегания проблем. Выявлены различия в применении копинг-стратегий различными социально-демографическими группами, при этом они наиболее выражены в разрезе доходных групп. С помощью кластерного анализа среди населения области были выделены три различающиеся по использованию копинг-стратегий группы. Показано, что в ситуации стресса действия, относящиеся к стратегии избегания проблем, реализуют около трети респондентов.

Ключевые слова: социальный стресс, копинг-поведение, копинг-стратегии, социальная поддержка, социальные группы

Благодарность. Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0013 «Социальная реальность: национальное развитие и региональные тренды».

Введение

События последних лет (в том числе социально-экономические кризисы, напряженная геополитическая обстановка, пандемия COVID-19) заставляют ученых вновь обратиться к проблематике социального стресса и совладающего поведения. На декабрь 2021 г. база Web of Science содержала более 11 тыс. публикаций о психологическом стрессе, связанном с изоляцией от COVID-19 (из них только 21 статья на русском языке). Отечественная база РИНЦ включает 32 статьи социологической направленности по заявленной тематике. По характеру воздействия исследователи сравнивают пандемию с чрезвычайными ситуациями и боевым стрессом [Ениколопов и др., 2020: 108; Brooks et al., 2020; Zhuab et al., 2021]. Увеличилось количество обращений в психологическую службу по поводу пани-

port. Less often, the residents of the region indicate the use of a strategy of avoiding problems. The study reveals differences in the use of coping strategies by socio-demographic groups, with the most pronounced differentiation across income groups. Cluster analysis allows to determine three population groups differing in the use of coping strategies. The author concludes that in a stressful situation, actions related to the strategy of avoiding problems are implemented by about a third of the respondents.

Keywords: social stress, coping, coping strategies, social support, social groups

Acknowledgments. The article is prepared in accordance with the state assignment for the Federal State Budgetary Institution of the Russian Academy of Sciences on the topic of research no. FMGZ-2022-0013 «Social Reality: National Development and Regional Trends».

ческих атак, переживаний стресса [Герасимова, 2020]. Возросло употребление психоактивных веществ, особенно табака, алкоголя и отпускаемых по рецепту лекарств в качестве средства преодоления трудностей [Brooks et al., 2020]. Социальный характер стресса определяется его факторами, ведь изменения психологического самочувствия населения были вызваны действием режимов самоизоляции и социального дистанцирования, финансовыми проблемами, нарушениями распорядка дня [Brooks et al., 2020; Salari et al., 2020], наличием заболевших родственников [Пизова, Пизов, 2020: 84], потерей жизненно необходимых ресурсов [Sorokin et al., 2020; Gritsenko, 2021].

В связи с обширными негативными последствиями стресса для отдельно взятого человека, социальных групп и сообществ актуализируется проблема противодействия стрессу, которая в зарубежной литературе соотносится с понятием «копинг» (coping — «успешно справиться, преодолевать»). В трудах отечественных ученых «копинг» сопоставляется с комплексом способов и приемов преодоления стрессовых состояний и дезадаптации [Сирота, Ялтонский, 1994; Муздыбаев, 1998; Рассказова, Гордеева, Осин, 2013].

Мониторинг проявлений, причин и последствий стресса, и также определение применяемых стратегий преодоления стресса важен как на личностном уровне, так и на уровне государства. Анализ научной литературы показывает превалирование работ психологической или педагогической тематики, направленных на изучение копинг-стратегий узко очерченных групп: школьники, педагоги, полицейские, врачи (см., например, [Зинченко, Рудя, 2017; Костригин, Козлова, 2021]). Ряд работ посвящен проблеме копинга как ответу на стрессогенное воздействие ситуации пандемии COVID-19 [Силина, Крюкова, 2021; Опекина, Шипова, 2020]. Но в условиях повышенной стрессогенности современной жизни таких работ мало, и крайне редко объектом исследования становятся территориальные сообщества, например, население региона. Возможно, это связано с тем, что существующие методики изучения копинг-поведения требуют больших затрат ресурсов на проведение как со стороны исследователей, так и со стороны респондентов, ввиду содержания в них порядка 50—60 вопросов.

Прослеживается параллель изучения социологических аспектов стресса и копинга с исследованиями адаптационных процессов в российском обществе. Предметом последних чаще всего являются особенности поведения в ситуации социально-экономического кризиса, но в целом в социологии адаптаций поведенческие стратегии подразделяются на следующие крупные группы: «ничего не предпринимать» (избегание проблем), «предпринимать какие-либо действия традиционного или инновационного характера» (разрешение проблем), «опираться на внешнюю поддержку» (см., например, [Мареева, 2017; Каравай, 2019]). Так как объектом социологии адаптаций выступают, как правило, большие группы населения, то сравнимости результатов этих двух направлений исследований будет способствовать изучение копинг-стратегий на примере территориальных сообществ.

Все это обуславливает актуальность исследования, целью которого является изучение того, как население региона применяет основные стратегии совладания со стрессом, направленные на решение проблемы, избегание проблемы или поиск внешней поддержки.

В соответствии с целью были поставлены следующие задачи: проанализировать теоретико-методологические основания изучения копинг-стратегий населения, определить наиболее подходящую для опросов методику, по результатам социологического опроса проанализировать преимущества и недостатки методики и выявить наиболее востребованные населением Вологодской области копинг-стратегии.

В качестве площадки для исследования выбрана Вологодская область. Внимание к проблематике социального стресса, совладания с ним и негативными последствиями для здоровья жителей Вологодской области обусловлено сведениями об общественном психическом здоровье населения региона. По данным Росстата на 2018 г. Вологодская область опережает по относительным показателям:

— СЗФО по показателям заболеваемости и контингенту лиц с диагнозом алкоголизм и алкогольные психозы, а также по показателю численности людей, состоящих на профилактическом учете в связи с употреблением алкоголя/ наркотических веществ с вредными последствиями,

— Российскую Федерацию по показателям заболеваемости психическими расстройствами и расстройствами поведения и контингенту лиц с диагнозом алкоголизм и алкогольные психозы (на 100 тыс. населения; см. табл. 1).

Таблица 1. Показатели состояния психического здоровья населения Вологодской области, на 100 тыс. населения

Территории	Взято под наблюдение пациентов с впервые установленным диагнозом...		Численность пациентов, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях с диагнозом...		Состоит на профилактическом учете в связи с употреблением с вредными последствиями	
	Психические расстройства и расстройства поведения	Алкоголизм и алкогольные психозы	Психические расстройства и расстройства поведения	Алкоголизм и алкогольные психозы	Алкоголя	Наркотических веществ
Вологодская область	43,7	50,2	937,6	859,8	107,8	74,2
СЗФО	51,9	44,7	1016,5	671,2	78,9	42,9
РФ	40,3	51,6	989,3	823,4	108,1	93,4

Источник: Здравоохранение в России. 2019: Статистический сборник¹.

По итогам 2021 г. компания КРОС опубликовала рейтинг регионов России, основанный на данных «Национального индекса тревожностей», в котором Вологодская область входит в топ-10 встревоженных регионов². Кроме того, в рас-

¹ Здравоохранение в России. 2019: Статистический сборник. М.: Росстат, 2019. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdravooohran-2019.pdf> (дата обращения: 18.02.2023).

² Рейтинг регионов составлен на основе оценок аудитории выявленной фобии в СМИ и в соцмедиа по каждой фобии, которые попадали в топ-10 «Национального индекса тревожностей» в течение 2021 года. URL: <https://www.cros.ru/ru/exploration/research/2753/> (дата обращения: 18.02.2023).

поряжении исследователей имеются данные о социальной адаптации жителей области [Смолева, 2020b].

Обзор работ по теме исследования

Исследователи совладающего поведения отмечают в качестве методологических барьеров отсутствие единой дефиниции, разнообразие подходов к классификации факторов и видов поведения, дискуссионность его эффективности [Рокицкая, 2018]. Наша задача усложняется тем, что обширные психологические знания необходимо перевести в плоскость социологического исследования. В связи с этим из всех видов стресса мы будем изучать только социальный стресс, под которым понимаем «неспецифические реакции социальных агентов (индивидов и социальных групп) на ситуации, которые затрагивают сферу межличностных отношений, социальную среду и требуют адаптации на уровне диспозиций/габитусов, изменений социального поведения» [Смолева, 2020а: 72].

Феноменология копинг-поведения чаще соотносится с психологическим направлением исследований. В социологических работах параллель можно провести с исследованиями адаптации населения к трудным жизненным ситуациям (Л. В. Корель, Л. А. Беляева, Н. Е. Тихонова, А. В. Каравай, С. В. Мареева). Мы присоединимся к авторам, которые под копинг-поведением, или совладающим поведением, понимают комплекс адаптивных действий [Рокицкая, 2018], делая акцент именно на адаптивный характер. С другой стороны, мы принимаем во внимание, что копинг рассматривается как процесс [Frydenberg, 2014; Рассказова, Гордеева, Осин, 2013: 84], значит, не следует забывать о его динамике. Именно поэтому в ситуациях, обладающих высокой стрессогенностью для населения, актуализируется изучение копинг-стратегий.

Эрика Фрайденберг [Frydenberg, 2014] определяет в качестве одного из основных теоретических подходов к исследованию стресса и его преодоления теорию сохранения ресурсов (Conservation of resources theory), автором которой является крупнейший исследователь проблематики стресса является Стивен Хобфолл [Hobfoll, 1989]. Теория сохранения ресурсов соотносит стресс с ситуациями угрозы или потери ресурсов или неполучения адекватного вознаграждения за вложенные ресурсы (усилия). В рамках этого подхода, помимо личностных ресурсов, изучались ресурсы социальной среды [Муздыбаев, 1998], при этом утверждались бóльшая уязвимость к стрессу членов общества с ограниченными ресурсами [Hobfoll, 2011], зависимость выбора копинг-стратегии от объема ресурсов, предпочтение пассивных стратегий в условиях отсутствия или ограничения ресурсов [Иванова, 2013]. Одним из таких средовых ресурсов, значимых в отношениях между стрессорами и реакциями человека на них, является социальная интеграция и социальная поддержка [Barrera, 1986; Cohen, Underwood, Gottlieb, 2000; Лифинцева, 2012]. При определении ресурсов устойчивости индивида или группы к ситуации стресса социальная поддержка занимает второе по значимости место после социально-экономического статуса и расы [Schumm, Briggs-Phillips, Hobfoll, 2006]. Считается, что социальная поддержка в роли «буфера» снижает психологическое неблагополучие с помощью механизмов переоценки стресса, уменьшения значимости стрессора, расширения диапазона решений проблемы [Cohen,

Wills, 1985], предоставления доступа к информации; эмоциональной поддержки, повышение мотивации адаптивного поведения [Wortman, 1984]. Мы видим, что две концепции (транзакционная и COR) дополняют друг друга в вопросах взаимосвязи ресурсов и копинга, оценок эффективности совладающего поведения.

Совладающее поведение состоит из совокупности копинг-стратегий — «конкретных действий по совладанию на основе личностных и средовых копинг-ресурсов» [Рокицкая, 2018: 222]. Основными критериями для систематизации стратегий совладания чаще всего выступают «направленность действий человека, интенсивность совладания, адаптивность выбираемых копингов, а также сфера, с которой соотносятся стратегии» [Хачатурова, 2013: 161]. По направленности действий человека разделяют копинг-стратегии, ориентированные на саму ситуацию или на человека, испытывающего стресс [Lazarus, Folkman, 1984]. К первой группе относится копинг-поведение, направленное на изменение проблемной ситуации или уход от нее [Amirkhan, 1994], изменения оценки / способа видения проблемы [Moos, Schaefer 1986; Pearlin, Schooler, 1978]. Д. Амирхан, помимо стратегий разрешения или избегания ситуации стресса, выделял стратегию поиска социальной поддержки [Amirkhan, 1994]. Концепцию Д. Амирхана дополняют суждения Э. Фрайденберг об успешности совладающего поведения, которая рассматривается именно как успешность разрешения возникших проблем [Frydenberg, 2004].

Инструментарий исследования копинг-стратегий представлен более чем двумя десятками опросников и методик. Общими методологическими проблемами построения инструментария является разнообразие классификаций совладающего поведения, ретроспективность инструментария, учет влияния на выбор копинг-стратегий типа стрессора. Основные показатели используемых в современных российских исследованиях методик копинг-поведения представлены в таблице 2. Ряд методик мы исключаем для нашего исследования, так как они измеряют другие параметры: личностные стили реагирования и саморегуляцию поведения (опросник COPE), когнитивно-поведенческих действия (опросник С. Хобфолла), направления копинга по психологической сфере, с которой соотносится стратегия (методика Э. Хайма).

Таблица 2. Методики исследования копинг-стратегий

№ п/п	Наименование методики, авторы	Типы копинг-поведения	Кол-во вопросов/шкал
1	Опросник способов совладания («Ways of Coping Questionnaire») Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т. Л. Крюковой и Е. В. Куфтяк	Восемь типов: самоконтроль, разрешение проблем, позитивная переоценка, принятие ответственности, поиск социальной поддержки, уход, конфронтация	50/8
2	Опросник Н. Эндлера и Д. Паркера в адаптации Т. А. Крюковой	Три типа: копинг, ориентированный на задачу, на эмоции и на избегание	48/3
3	Методика «Опросник совладания со стрессом» («COPE-Inventory») Ч. Карвера и М. Шейера в адаптации Е. Н. Осина и др.	Два типа: характерологический и ситуационный	60/2

№ п/п	Наименование методики, авторы	Типы копинг-поведения	Кол-во вопросов/шкал
4	Методика Д. Амирхана «Индикатор копинг-стратегий преодоления стресса» в адаптации В. М. Ялтонского	Три типа: разрешение проблем, поиск социальной поддержки и избегание	33/3
5	Опросник С. Хобфолла «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» в адаптации Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой	Многотиповая модель по трем осям: активная — пассивная; просоциальная — асоциальная; прямая — непрямая	54/9
6	Методика Э. Хайма «Способы преодоления трудных ситуаций» в адаптации Л. И. Вассермана	3 типа по направлениям: когнитивный, эмоциональный и поведенческий; 3 типа по степени адаптивности: адаптивный, относительно адаптивный, неадаптивный	26/3

Источник: [Смолева, 2020а].

Для проведения опроса населения Вологодской области с целью изучения его копинг-стратегий была выбрана методика Д. Амирхана по следующим параметрам:

- она позволяет определить три вида стратегий, наиболее релевантных задачам социологического исследования: ориентированные на разрешение проблемы, на избегание проблемы и на поиск социальной поддержки;
- инструментарий наименее громоздкий для выполнения поставленной задачи;
- инструментарий прошел проверку многочисленными исследованиями в русскоговорящей аудитории, правда, на целевых выборках [Сирота, Ялтонский, 1994, 2002].

В качестве замечания необходимо отметить, что копинг носит динамичный характер, поэтому на эмпирических данных могут быть получены лучше согласованные модели с другим числом латентных переменных [Edwards, Baglioni, 1999; Битюцкая, 2014: 141]. Так, в исследовании, проведенном на русскоговорящей выборке, в методике Д. Амирхана было выделено четыре шкалы вместо трех шкал в оригинальном варианте: поиск социальной поддержки, планомерное решение проблем, избегание решения проблем, отвлечение [Львова, Митина, Шлягина, 2013].

Методы исследования

В регионе опрос проводился Вологодским научным центром РАН на репрезентативной выборке. Характеристики социологического опроса:

- модель многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени;
- объем выборочной совокупности составил 1500 респондентов в возрасте старше 18 лет;
- метод: анкетирование; процедура случайного систематического отбора. Районирование осуществлялось по избирательным округам. При выборе районов

учитывалось их географическое положение (представленность районов в разрезе север — юг, запад — восток, удаленность от областного центра), социально-экономическое положение (представленность районов с различным уровнем развития). Были выделены два города (Вологда и Череповец) и восемь районов (Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский, Шекснинский). Квоты задавались по соотношению городского и сельского населения, по полу и возрасту. Установлены следующие возрастные границы: до 30 лет; от 30 до 55 лет у женщин и 60 лет у мужчин; старше 55 лет у женщин и 60 лет у мужчин. Ошибка выборки не превышает 3 %.

Техническая обработка информации произведена в программах IBM SPSS Statistics 22 и Microsoft Excel 2010:

(1) Частота стрессовых ситуаций рассчитана как средние баллы по ответам на вопрос «За последний год как часто вы испытывали стрессовые ситуации?» по шестибальной шкале, где ответу «Не испытывал никогда» присуждался 1 балл, а ответу «Практически ежедневно» — 6 баллов.

(2) Для расчетов показателей использования определенных видов копинг-поведения по методике Д. Амирхана ответ «Полностью согласен» оценивался в 3 балла, ответ «Согласен» — в 2 балла, ответ «Не согласен» — в 1 балл. Чем меньше респондентов прибегает к отдельному виду поведения, тем ниже рассчитанный для него средний балл.

(3) Факторная структура (латентные переменные) копинг-поведения населения области получена с помощью факторного анализа методом главных компонент с варимакс-вращением в программе SPSS; учитывались факторные нагрузки не менее 0,4.

(4) С целью классификации жителей области по применяемым ими копинг-стратегиям в программе SPSS проведен кластерный анализ методом К-средних с использованием в качестве переменной данных, полученных в результате факторного анализа.

В 2018 г. проводился аналогичный социологический опрос населения, однако в него не входили вопросы по применяемым копинг-стратегиям. Данные из этого опроса приводятся для сравнения восприятия населением региона социальной ситуации с точки зрения стрессогенности и самооенок психологического самочувствия.

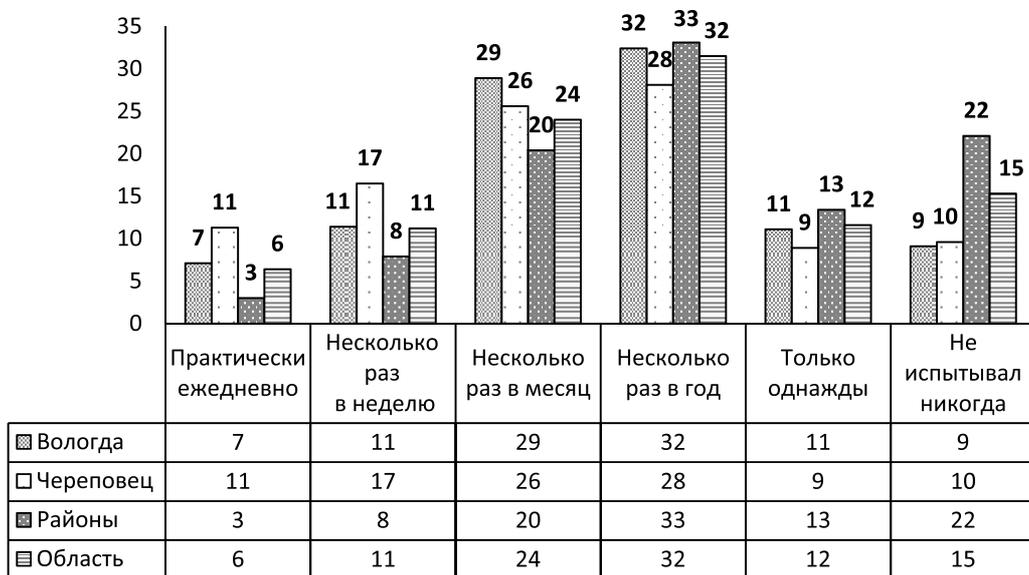
Результаты исследования

1. Восприятие населением региона социальной ситуации как стрессогенной

По субъективным оценкам, в 2018 г. испытывали регулярно стрессовые ситуации 30 % жителей области, из них 3 % — практически ежедневно, 9 % — несколько раз в неделю, 18 % — несколько раз в месяц. В 2021 г. уже 42 % респондентов регулярно находились в ситуации стресса, из них 6 % — практически ежедневно (см. рис. 1). Население крупных городов региона чаще воспринимает жизненные ситуации как стрессогенные. Так, ежедневно испытывает стресс каждый десятый житель г. Череповца (11 %) и только 3 % среди жителей районов. Регулярно в течение года находились в ситуации стресса 54 % респондентов в Череповце, 47 % респондентов в Вологде, т. е. практически каждый второй житель

крупного города, и каждый третий районный житель (31%). Также среди жителей районов в два раза выше удельный вес респондентов, которые, по их мнению, в 2021 г. не испытывали стресс: 22% против 9% населения Вологды и 10% населения Череповца.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос:
«За последний год как часто Вы испытывали стрессовые ситуации?»,
территориальный разрез (в % от числа ответивших на вопрос)

Источник: данные опроса общественного мнения ВолНЦ РАН, 2021 г.

Мы сравнили частоту попадания в стрессовые ситуации различных групп населения. Полученные в 2018 г. результаты (см. табл. 3) свидетельствовали об отсутствии гендерных различий и наличии возрастных: наиболее подвергалось стрессу население средней возрастной категории. В 2021 г., напротив, более выражены гендерные различия: женщины чаще сталкивались с ситуацией стресса (средний балл равен 3,30 против 3,15 у мужчин; различия статически значимы на уровне $p = 0,03$). Также можно заметить большее присутствие стресса в жизни населения региона в 2021 г., что отражено и в общих показателях по региону (3,23 балла в 2021 г. против 2,86 балла в 2018 г.; различия статически значимы на уровне $p = 0,008$), так и в показателях по демографическим группам. Значительные различия в восприятии стрессогенного характера жизни наблюдаются между горожанами и жителями сельских территорий, причем респондентов, которые считают, что за последний год сталкивались со стрессом, в первой группе в 1,35 раза больше (различия статически значимы на уровне $p = 0,000$).

В 2021 г. произошло ухудшение психологического самочувствия населения региона. По сравнению с 2018 г. с 73% до 59% снизилась доля людей, которые

находятся в прекрасном настроении или нормальном, уравновешенном состоянии, а доля респондентов, испытывающих напряжение, раздражение, страх, тоску, возросла с 21 % до 31 %.

**Таблица 3. Распределение ответов на вопрос:
«За последний год как часто Вы испытывали стрессовые ситуации?»
в демографических группах (средний балл)**

Наличие в жизни ситуации стресса	Область	Пол		Возраст			Территория	
		Муж.	Жен.	До 30 лет	От 30 до 55(60) лет	Старше 55(60) лет	Город	Сельская местность
2018	2,86	2,84	2,86	2,78	2,92	2,79	3,01	2,73
2021	3,23	3,15	3,30	3,18	3,25	3,23	3,49	2,58

Рассчитано автором: данные опросов общественного мнения ВолНЦ РАН, 2018 и 2021 гг.

2. Стратегии жителей области, используемые ими для преодоления стресса

Проверка структуры копинг-стратегий, полученных с помощью методики Амирхана на эмпирических данных, с использованием коэффициента альфа-Кронбаха подтвердила ее надежность и согласованность (альфа-Кронбаха составила от 0,849 до 0,904).

В качестве преобладающей стратегии борьбы со стрессом население Вологодской области выбирает «разрешение проблем» (65 % респондентов со средним и высоким уровнем применения стратегии). На втором месте находится стратегия поиска социальной поддержки (58 %). Достаточно редко жители региона заявляют о применении стратегии избегания проблем (13 %). Среди десяти наиболее распространенных действий по преодолению сложной ситуации респонденты выбирают следующие: «Стараюсь все сделать так, чтобы иметь возможность наилучшим образом решить проблему» (средний балл 2,14 по трехбалльной шкале³: см. табл. 4), «Очень тщательно взвешиваю возможности выбора» (2,11), «Пытаюсь решить проблему» (2,10), «Осуществляю поиск всех возможных решений, прежде чем что-то предпринять» (2,08), «Позволяю себе поделиться чувством с другом» (2,07), «Думаю о том, что нужно сделать, чтобы исправить положение» (2,06), «Пытаюсь различными способами решать проблему, пока не найду подходящий» (2,04), «Иду к другу, чтобы он помог мне лучше почувствовать проблему» (2,03), «Обдумываю про себя план действий» (2,02), «Ставлю для себя ряд целей, позволяющих постепенно справляться с ситуацией» (2,01). Стратегия избегания проблем представлена такими действиями как «Делаю все возможное, чтобы не дать окружающим увидеть, что мои дела плохи» (средний балл составляет 1,93) и «Пытаюсь отвлечься от проблемы» (1,90).

³ Рассчитано автором по данным за 2021 год. Описание расчета в разделе «Методы исследования».

Таблица 4. Наиболее распространенные среди населения Вологодской области стратегии преодоления стресса

№ п/п	Формулировка вопроса	Полностью согласен, в %	Согласен, в %	Не согласен, в %	Средний балл	Вид стратегии
1	Стараюсь все сделать так, чтобы иметь возможность наилучшим образом решить проблему	25	64	11	2,14	Разрешение проблем
2	Очень тщательно взвешиваю возможности выбора	26	59	15	2,11	Разрешение проблем
3	Пытаюсь решить проблему	25	60	15	2,10	Разрешение проблем
4	Осуществляю поиск всех возможных решений, прежде чем что-то предпринять	23	62	15	2,08	Разрешение проблем
5	Позволяю себе поделиться чувством с другом	27	53	20	2,07	Поиск социальной поддержки
6	Думаю о том, что нужно сделать, чтобы исправить положение	20	66	14	2,06	Разрешение проблем
7	Пытаюсь различными способами решать проблему, пока не найду подходящий	19	65	16	2,04	Разрешение проблем
8	Иду к другу, чтобы он помог мне лучше почувствовать проблему	15	43	42	2,03	Поиск социальной поддержки
9	Обдумываю про себя план действий	20	61	19	2,01	Разрешение проблем
10	Ставлю для себя ряд целей, позволяющих постепенно справляться с ситуацией	20	61	19	2,01	Разрешение проблем
11	Сосредотачиваюсь полностью на решении проблемы	19	62	19	1,91	Разрешение проблем
12	Пытаюсь тщательно планировать свои действия, а не действовать импульсивно под влиянием внешнего побуждения	17	62	20	1,97	Разрешение проблем
13	Делаю все возможное, чтобы не дать окружающим увидеть, что мои дела плохи	20	54	26	1,93	Избегания проблем
14	Стою твердо и борюсь за то, что мне нужно в этой ситуации	16	59	25	1,90	Разрешение проблем
15	Пытаюсь отвлечься от проблемы	20	50	30	1,90	Избегания проблем

Источник: рассчитано автором по методике Д. Амирхана, данные опроса общественного мнения ВолНЦ РАН за 2021 г.

Какие различия можно выделить в заявленных социальными группами стратегиях преодоления стресса⁴? Женщины более, чем мужчины, склонны прибегать к социальной поддержке в виде разговоров о своих страхах с друзьями или родственниками (средний балл 1,90 против 1,81 у мужчин; $z = -2,462$, $p = 0,014$), получения сочувствия от широкого круга людей (1,78 и 1,66 балла; $z = -3,415$, $p = 0,001$), обсуждений своих проблем с другими людьми (1,68 и 1,60 балла; $z = -2,140$, $p = 0,032$). Интересно, что и в области принятия решений женщины чаще, чем мужчины, декларируют выбор определенной поисковой активности и планирования поведения. А именно, женщины чаще заявляли о таких действиях, как поиск возможных решений, прежде чем что-то предпринять (средний балл 2,11 против 2,04 у мужчин; $z = -2,366$, $p = 0,018$), попыток различными способами решить проблему, пока не найдется подходящий (2,07 против 1,99 балла; $z = -2,433$, $p = 0,015$), постепенное целеполагание (2,04 против 1,96 балла; $z = -2,50$, $p = 0,012$). Возможно, мужчины в случае трудной ситуации предпочитают решительные и активные действия перебору различных вариантов поведения. И у мужчин, и у женщин девять из десяти наиболее часто применяемых действий в ситуации стресса относятся к стратегии разрешения проблемы и только один вид поведения («Позволяю себе поделиться чувством с другом») — к стратегии поиска социальной поддержки.

Различия в копинг-поведении, декларируемым выделенными возрастными группами, несущественны. Статистически значимые различия выявлены по шести типам поведения, относящимся к стратегиям поиска социальной поддержки и избегания проблем (см. табл. 5). К варианту «Позволяю себе поделиться чувством с другом» чаще прибегают молодые люди (средний балл 2,18 по сравнению с 2,08 баллами у лиц среднего возраста и 2,01 баллами у старших возрастных групп; табл. 4). Аналогичная закономерность проявляется и для таких видов поведения как «Доверяю свои страхи родственнику или другу», «Обсуждаю ситуацию с людьми, так как обсуждение помогает мне чувствовать себя лучше» (поиск социальной поддержки) и «Мечтаю, фантазирую о лучших временах» (избегание проблем). А вот избегание проблем в виде «Больше времени, чем обычно, провожу один» и «Смотрю телевизор дольше, чем обычно» более характерно для пожилых людей (соответственно средние баллы 1,73 и 1,68 по сравнению с 1,54 и 1,55 баллов у молодежи; см. табл. 4).

В целом из применяемых действий (помимо поведения разрешения проблем) к высокому рангу относится только «Позволяю себе поделиться чувством с другом», которое занимает второе место в рейтинге копинг-поведения у молодежи, четвертое место — у лиц среднего возраста и шестое — у пожилых людей.

Население крупных городов региона (Вологды и Череповца) чаще пользуется инструментами стратегии разрешения проблем: ищут возможные решения, ставят цели, позволяющие постепенно справляться с ситуацией (см. табл. 6). Жители Вологды обычно больше других стремятся использовать возможности социальной поддержки. Эта стратегия менее востребована жителями Череповца. Население крупных городов области более склонно к выбору в качестве стратегии избегания

⁴ Проводилась проверка с помощью непараметрических критериев для независимых выборок. Уровень статистической значимости выбран $p < 0,05$.

проблем уход в мир фантазий («Фантазирую о том, что все могло бы быть иначе»; $\chi^2 = 18,79$, $p = 0,000$) или конструктивные занятия («Переключаюсь на хобби или занимаюсь спортом, чтобы избежать проблем»; $\chi^2 = 30,25$, $p = 0,000$).

Таблица 5. Сравнение выбора действий для преодоления стресса в возрастных группах, средний балл

Формулировка вопроса	Возраст			Критерий Краскела — Уоллисса	Вид стратегии
	до 30 лет	от 30 до 55(60) лет	старше 55 (60) лет		
Позволяю себе поделиться чувством с другом	2,18	2,08	2,01	$\chi^2 = 10,00$, $p = 0,007$	Поиск социальной поддержки
Доверяю свои страхи родственнику или другу	2,00	1,86	1,81	$\chi^2 = 11,89$, $p = 0,003$	Поиск социальной поддержки
Обсуждаю ситуацию с людьми, так как обсуждение помогает мне чувствовать себя лучше	1,78	1,64	1,67	$\chi^2 = 7,33$, $p = 0,026$	Поиск социальной поддержки
Мечтаю, фантазирую о лучших временах	1,96	1,89	1,73	$\chi^2 = 24,31$, $p = 0,000$	Избегание проблем
Больше времени, чем обычно, провожу один	1,54	1,60	1,73	$\chi^2 = 17,51$, $p = 0,000$	Избегание проблем
Смотрю телевизор дольше, чем обычно	1,55	1,54	1,68	$\chi^2 = 14,90$, $p = 0,001$	Избегание проблем

Источник: рассчитано автором по методике Д. Амирхана, данные опроса общественного мнения ВолНЦ РАН за 2021 г.

Жители районов выделяются тем, что в рейтинге наиболее востребованных форм поведения на первое место ставят возможность поделиться чувством с другом. Также они в ситуации стресса дольше, чем обычно смотрят телевизор (средний балл 1,68 по сравнению с 1,52 баллами у жителей Вологды и 1,54 у жителей Череповца).

Таблица 6. Сравнение выбора действий для преодоления стресса в территориальном разрезе, средний балл

Формулировка вопроса	Вологда	Череповец	Районы	Критерий Краскела — Уоллисса	Вид стратегии
Осуществляю поиск всех возможных решений, прежде чем что-то предпринять	2,17	2,15	1,99	$\chi^2 = 27,72$, $p = 0,000$	Разрешение проблем
Пытаюсь различными способами решать проблему, пока не найду подходящий	2,11	2,08	1,96	$\chi^2 = 17,64$, $p = 0,000$	Разрешение проблем
Ставлю для себя ряд целей, позволяющих постепенно справиться с ситуацией	2,06	2,06	1,95	$\chi^2 = 12,12$, $p = 0,002$	Разрешение проблем

Формулировка вопроса	Вологда	Череповец	Районы	Критерий Краскела — Уоллисса	Вид стратегии
Иду к другу за советом, как исправить ситуацию	1,92	1,78	1,80	$\chi^2 = 13,49$, $p = 0,001$	Поиск социальной поддержки
Принимаю сочувствие, взаимопонимание друзей	1,82	1,59	1,84	$\chi^2 = 12,06$, $p = 0,002$	Поиск социальной поддержки
Иду к другу, чтобы он помог мне лучше почувствовать проблему	1,84	1,49	1,80	$\chi^2 = 74,42$, $p = 0,000$	Поиск социальной поддержки
Смотрю телевизор дольше, чем обычно	1,52	1,54	1,68	$\chi^2 = 20,24$, $p = 0,000$	Избегание проблем
Фантазирую о том, что все могло бы быть иначе	1,69	1,61	1,53	$\chi^2 = 18,79$, $p = 0,000$	Избегание проблем
Переключаюсь на хобби или занимаюсь спортом, чтобы избежать проблем	1,85	1,70	1,63	$\chi^2 = 30,25$, $p = 0,000$	Избегание проблем

Источник: рассчитано автором по методике Д. Амирхана, данные опроса общественного мнения ВолНЦ РАН за 2021 г.

Наиболее четко выделяются различия в копинг-поведении доходных групп. Для стратегии разрешения проблем самые высокие средние баллы, характеризующие выбор поведения, отмечаются для наиболее обеспеченных жителей области, следовательно, они прибегают к ним чаще представителей других групп (см. табл. 7). Напротив, минимальные средние баллы типичны для наименее обеспеченных жителей области. При этом разрывы в средних баллах по этим доходным группам существенны: 0,36 балла — для поведения «Осуществляю поиск всех возможных решений, прежде чем что-то предпринять», 0,35 балла — «Пытаюсь различными способами решать проблему, пока не найду подходящий», 0,33 балла — «Стараюсь все сделать так, чтобы иметь возможность наилучшим образом решить проблему». Аналогичная зависимость, хотя и менее выраженная, наблюдается для поведения поиска социальной поддержки: разрывы между доходными группами в 0,19 балла — «Ищу успокоения у тех, кто знает меня лучше». Напротив, поведение, относящиеся к стратегии избегания проблем, более характерно для наименее обеспеченных жителей области. Разрывы между средними баллами в группах небольшие (до 0,24 балла), но различия статистически значимы.

Также мы получаем косвенное подтверждение того, что действия «Делаю все возможное, чтобы не дать окружающим увидеть, что мои дела плохи» в общественном мнении не причисляется однозначно к стратегии избегания проблем, так как соотносится с закономерностью распределения по доходным группам, характерной для двух других стратегий (1,77 балла у наименее обеспеченных, 2,10 балла у наиболее обеспеченных).

В группах наиболее и среднеобеспеченных в ситуации стресса чаще всего прибегают к стратегии разрешения проблемы. Единственный вариант поведения, относящийся к поиску социальной поддержки, — «Позволяю себе поделиться чувством с другом» — находится соответственно на десятом и третьем местах в рейтинге копинг-поведения этих групп. Наименее обеспеченные жители Вологодской области часто прибегают к трем видам действий из области поиска со-

циальной поддержки: «Позволяю себе поделиться чувством с другом» (3-е место в рейтинге), «Принимаю помощь от друзей или родственников» и «Доверяю свои страхи родственнику или другу» (9 и 10 места соответственно).

Таблица 7. Сравнение выбора действий для преодоления стресса в доходных группах⁵, средний балл

Формулировка вопроса	20% наименее обеспеченные	60% среднеобеспеченные	20% наиболее обеспеченные	Критерий Краскела — Уолисса	Вид стратегии
Стараюсь все сделать так, чтобы иметь возможность наилучшим образом решить проблему	1,97	2,17	2,30	$\chi^2 = 46,40$, $p = 0,000$	Разрешение проблем
Очень тщательно взвешиваю возможности выбора	1,93	2,11	2,20	$\chi^2 = 26,04$, $p = 0,000$	Разрешение проблем
Осуществляю поиск всех возможных решений, прежде чем что-то предпринять	1,87	2,10	2,23	$\chi^2 = 50,61$, $p = 0,000$	Разрешение проблем
Пытаюсь различными способами решать проблему, пока не найду подходящий	1,85	2,02	2,20	$\chi^2 = 44,45$, $p = 0,000$	Разрешение проблем
Ставлю для себя ряд целей, позволяющих постепенно справляться с ситуацией	1,85	2,00	2,14	$\chi^2 = 29,16$, $p = 0,000$	Разрешение проблем
Пытаюсь тщательно планировать свои действия, а не действовать импульсивно под влиянием внешнего побуждения	1,82	1,97	2,10	$\chi^2 = 29,39$, $p = 0,000$	Разрешение проблем
Сосредотачиваюсь полностью на решении проблемы	1,82	2,00	2,13	$\chi^2 = 35,40$, $p = 0,000$	Разрешение проблем
Ищу успокоения у тех, кто знает меня лучше	1,76	1,82	1,95	$\chi^2 = 11,97$, $p = 0,003$	Поиск социальной поддержки
Делаю все возможное, чтобы не дать окружающим увидеть, что мои дела плохи	1,77	1,95	2,10	$\chi^2 = 26,04$, $p = 0,000$	Избегание проблем

⁵ Выделены три группы: 20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных по уровню заявленного среднемесячного фактического дохода на одного члена семьи.

Формулировка вопроса	20% наименее обеспеченные	60% среднеобеспеченные	20% наиболее обеспеченные	Критерий Краскела — Уоллисса	Вид стратегии
Хочу, чтобы люди оставили меня одного	1,65	1,60	1,51	$\chi^2 = 7,21$, $p = 0,027$	Избегание проблем
Сплю больше обычного	1,63	1,50	1,39	$\chi^2 = 21,15$, $p = 0,000$	Избегание проблем
Избегаю общения с людьми	1,63	1,49	1,45	$\chi^2 = 13,73$, $p = 0,001$	Избегание проблем

Среди населения области были выделены три группы, различающиеся по использованию копинг-стратегий с использованием кластеризации методом К-средних в программе SPSS. В таблице 8 приведены средние значения нормированных переменных для каждого кластера, определяющие конечные центры кластеров.

Таблица 8. Кластеры населения Вологодской области, различающиеся по копинг-стратегиям

Наименование фактора (латентной переменной)	Конечные центры кластеров		
	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3
Фактор 1 «Разрешение проблем»	-0,30	-0,07	0,46
Фактор 2 «Избегание проблем»	0,77	-0,63	-0,25
Фактор 3 «Поиск социальной поддержки»	0,39	0,50	-1,08
Фактор 4 «Поддержка эмоционального состояния»	-0,41	0,70	-0,27
Наполненность кластеров: — чел.	540	488	423
—%	37	34	29

Расчитано автором по данным опроса общественного мнения ВолНЦ РАН, 2021 г.

Население, входящее в первый кластер, прибегает к стратегии избегания проблем, добавляя варианты поискового поведения — поиск социальной поддержки. Объем кластера — 37 % респондентов. Ко второму кластеру относится население области, использующее социальную и эмоциональную поддержку для преодоления стресса, при этом они редко соглашаются на действия, которые характеризуются как избегание проблемы. В него входит 34 % респондентов. Третий кластер образуют жители области, которые в ситуации стресса нацелены на решение проблемы самостоятельно, без помощи других людей (29 % респондентов).

И если в разрезе социально-демографических групп стратегия избегания проблем проявлялась наименее ярко, то кластерный анализ помог увидеть факт, что для практически трети населения региона эта стратегия является востребованной.

У представителей первого кластера чаще создавалось впечатление, что они находятся в ситуации стресса. Среди них заявляли о практически постоянном наличии стресса 25 % по сравнению с 14 % респондентов, входящих во второй кластер, и 13 % — в третий (см. табл. 9). Средний балл частоты стресса для первого кластера составляет 3,40, второго — 3,13 и третьего — 3,14 (различия статистически значимы при $p < 0,01$).

Таблица 9. Восприятие стрессогенности жизненных ситуаций представителями кластеров, в % от опрошенных

Частота восприятия стресса	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Область
Практически ежедневно, несколько раз в неделю	25	14	13	17
Несколько раз в месяц	27	19	28	24
Несколько раз в год	21	42	33	32
Только однажды	12	10	12	12
Не испытывал никогда	15	15	15	15
Средний балл	3,40	3,13	3,14	3,23

Источник: данные опроса общественного мнения ВолНЦ РАН, 2021 г.

Можно предположить, что стратегия избегания проблем способствует восприятию трудных ситуаций как источника стресса, однако для подтверждения этого предположения необходимы дальнейшие исследования.

Обсуждение и выводы

Мы можем сделать вывод о том, что методика Д. Амирхана «Индикатор копинг-стратегий преодоления стресса» является рабочим инструментом и для исследования территориальных сообществ. Полученные с ее помощью результаты хорошо ложатся в теоретические рамки (теорию стресса и копинга Р. Лазаруса и С. Фолкмана, теорию ресурсов С. Хобфолла).

Как следствие пандемии COVID-19 мы наблюдаем усиление социального стресса, что подтверждается мнением населения Вологодской области, а именно: люди отмечают частоту стрессовых ситуаций в жизни и ухудшение психологического самочувствия. Для адаптации население региона чаще всего прибегает к стратегиям разрешения проблем и поиска социальной поддержки. Наиболее обеспеченные группы населения более склонны к поведению, направленному на решение проблемы. Наименее обеспеченные жители области, напротив, прибегают к внешней поддержке: как эмоциональной — в виде разделения чувств с близкими и друзьями, так и действенной — в виде поиска помощи.

Выделенные с помощью кластерного анализа три группы различаются по использованию копинг-стратегий. Часть населения области решает свои проблемы самостоятельно (29%), часть прибегает к внешней поддержке для адаптации (34%), и выделяется группа жителей (37%), которые сочетают стратегию избегания проблем с поиском социальной поддержки. Эта группа чаще других заявляет о наличии в своей жизни стресса, следовательно, подвергается более высокому риску дезадаптации.

Выводы относительно выделения кластера, представители которого прибегают к стратегии избегания проблем, необходимо дополнить рассуждениями об эффективности копинга. С этой точки зрения Э. Фрайденберг к эффективному копингу относит поведение, направленное на разрешение проблемы. В таком ракурсе социальная поддержка, обращение за помощью к другим не получает однозначной оценки, а стратегия избегания / ухода от проблемы трактуется как неэффектив-

ный копинг [Frydenberg, 2004]. Получены данные, что стратегии, направленные на решение проблем, в общем, более эффективны, чем стратегии, назначение которых — совладание с отношением индивида к проблеме, а также, что применение сразу нескольких способов совладания более эффективно, чем выбор только одного конкретного способа реагирования на ситуацию [Муздыбаев, 1998].

Классификация населения региона по используемым копинг-стратегиям звучна его типологии по адаптации [Смолева, 2020b]. Ранее полученные данные показывают, что более половины жителей области (54 %) для адаптации прибегают к социальному капиталу в виде поддержки близких людей и друзей. Доля населения, которое опирается на внутренние ресурсы и эффективно справляется с негативными ситуациями, составляет 25 %. И каждый пятый житель области демонстрирует дезадаптацию в ответ на жизненные трудности из-за отсутствия как внутренних, так и внешних адаптационных ресурсов.

Мы согласны с мнением исследователей о необходимости лонгитюдных данных, которые позволили бы сделать выводы об эффективности различных стратегий совладания с социальным стрессом, вызванным пандемией [Рассказова, Леонтьев, Лебедева, 2020: 102].

Поэтому логично продолжить исследовательскую работу в направлении изучения выбора населением копинг-стратегий в зависимости от социального статуса, социальных ролей и характера стрессора, а также изучения эффективности копинг-стратегий, в методической части — изменения содержания отдельных пунктов, выделения в шкале поиска социальной поддержки пунктов, описывающих направление запрашиваемой помощи на устранение стрессора, его переоценку или корректировку последствий.

Новизна работы заключается в приращении знания в отношении копинг-стратегий населения Вологодской области, построении актуальной структурной модели копинг-поведения, отвечающей возможностям ее теоретического обоснования.

Список литературы (References)

Битюцкая Е. В. Факторная структура русскоязычной версии методики «Опросник способов копинга» // Вопросы психологии. 2014. № 5. С. 138—150.

Bitiutskaya E. V. (2014) The Factor Structure of the Russian-Language Version of the Ways of Coping Questionnaire. *Voprosy Psichologii*. No. 5. P. 138—150. (In Russ.)

Герасимова А. А. Анализ обращаемости на телефон неотложной психологической помощи в период пандемии и до нее // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 109—119. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280206>.

Gerasimova A. A. (2020) Patterns of Mental Health Hotline Calls During and Before Pandemic. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. Vol. 28. No. 2. P. 109—119. (<https://doi.org/10.17759/cpp.2020280206>). (In Russ.)

Ениколопов С. Н., Бойко О. М., Медведева Т. И., Воронцова О. Ю., Казьмина О. Ю. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12. № 2. С. 108—126. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2020120207>.

Enikolopov S. N., Boyko O. M., Medvedeva T. I., Vorontsova O. U., Kazmina O. U. (2020) Dynamics of Psychological Reactions at the Start of the Pandemic of COVID-19. *Psychological-Educational Studies*. Vol. 12. No. 2. P. 108—126. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2020120207>. (In Russ.)

Зинченко Е. В., Рудя И. А. Стратегии копинг-поведения у молодых женщин, имеющих детей // Северо-Кавказский психологический вестник. 2017. Т. 15. № 1. С. 27—34. URL: <http://skpv.sfedu.ru/index.php/skpv/article/view/465> (дата обращения: 18.02.2023).

Zinchenko E. V., Rudya I. A. (2017) Strategies of Coping Behavior Among Young Women with Children. *North-Caucasian Psychological Bulletin*. Vol. 15. No. 1. P. 27—34. URL: <http://skpv.sfedu.ru/index.php/skpv/article/view/465> (accessed: 18.02.2023). (In Russ.)

Иванова Т. Ю. Теория сохранения ресурсов как объяснительная модель возникновения стресса // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 119—135. URL: <https://psy-journal.hse.ru/2013-10-3/91969299.html> (дата обращения: 18.02.2023).

Ivanova T. (2013) Conservation of Resources Theory as an Explanatory Model of Stress Development. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 10. No. 3. P. 119—135. URL: <https://psy-journal.hse.ru/2013-10-3/91969299.html> (accessed: 18.02.2023). (In Russ.)

Каравай А. В. Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // Terra Economicus. 2019. № 17. № 3. С. 128—145. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145>.

Karavay A. V. (2019). Basic Models of Socio-Economic Adaptation in Different Strata of Russian Society. *Terra Economicus*. Vol. 17. No. 3. P. 128—145. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145>. (In Russ.)

Костригин А. А., Козлова Л. В. Особенности переживания стресса, психологических защит и копинг-стратегий у молодежи, вызванных угрозой заболевания COVID-19 // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2021. № 3. С. 56—59. <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2021.03.07>.

Kostrigin A. A., Kozlova L. V. (2021) Features of Stress, Psychological Defense Mechanisms and Coping Strategies in Youth Caused by the Threat of COVID-19 Disease. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice*. No. 3. P. 56—59. <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2021.03.07>. (In Russ.)

Лифинцева А. А. Социальная поддержка как фактор преодоления негативных последствий стресса // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 5. С. 56—61. URL: <https://journals.kantiana.ru/eng/vestnik/1030/2933/> (дата обращения: 18.02.2023).

Lifintseva A. A. (2012) Social Support as a Factor in Overcoming the Negative Consequences of Stress. *Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant*. No. 5. P. 56—61. URL: <https://journals.kantiana.ru/eng/vestnik/1030/2933/> (accessed: 18.02.2023). (In Russ.)

Львова Е. Н., Митина О. В., Шлягина Е. И. Медиаторы совладающего поведения // Психология стресса и совладающего поведения: материалы III Международной научно-практической конференции Кострома, 26—28 сентября 2013 г./ отв. ред.: Т. Л. Крюкова. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. Т. 2. С. 287—289. Lvova E. N., Mitina O. V., Shlyagina E. I. (2013) Mediators of Coping Behavior. In: T. L. Kryukova (Ed.) *Psychology of Stress and Coping Behavior: Materials of the III Intern. International Scientific and Practical Conference*. Kostroma, September 26—28 2013. Vol. 2. Kostroma: Nekrasov Kostroma State University. P. 287—289. (In Russ.)

Мареева С. В. Адаптация россиян к последствиям экономического кризиса // Социологические исследования, 2017. № 11. С. 65—75. <https://doi.org/10.7868/S0132162517110083>.

Mareeva S. V. (2017) Adaptation of Russians to the Consequences of the Economic Crisis. *Sociological Studies*. No. 11. P. 65—75. <https://doi.org/10.7868/S0132162517110083>. (In Russ.)

Муздыбаев К. Стратегия совладания с жизненными трудностями // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 2. С. 3—14. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/8musdyb.html> (дата обращения: 18.02.2023).

Muzdybaev K. (1998) The Coping Strategy with Life's Difficulties. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 1. No. 2. P. 3—14. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/8musdyb.html> (accessed: 18.02.2023). (In Russ.)

Опекина Т. П., Шипова Н. С. Семья в период самоизоляции: стрессы, риски и возможности совладания // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. № 3. С. 121—128. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-3-121-128>.

Opekina T. P., Shipova N. S. (2020) Family in Lockdown: Stress, Risks and Coping Opportunities. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. Vol. 26. No. 3. P. 121—128. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-3-121-128>. (In Russ.)

Пизова Н. В., Пизов А. В. Депрессия и посттравматическое стрессовое расстройство при новой коронавирусной инфекции // Лечебное дело. 2020. № 1. С. 82—88. <https://doi.org/10.24411/2071-5315-2020-12197>.

Pizova N. V., Pizov A. V. (2020) Depression and Post-Traumatic Stress Disorder in Patients with COVID-19. *Lechebnoe delo*. Vol. 1. P. 82—88. <https://doi.org/10.24411/2071-5315-2020-12197>. (In Russ.)

Рассказова Е. И., Гордеева Т. О., Осин Е. Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 82—118. URL: <https://psy-journal.hse.ru/2013-10-1/78932127.html> (дата обращения: 18.02.2023).

Rasskazova E., Gordeeva T., Osin E. (2013) Coping Strategies in the Structure of Activity and Self-Regulation: Psychometric Properties and Applications of the COPE Inventory. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 10. No. 1. P. 82—118. URL: <https://psy-journal.hse.ru/2013-10-1/78932127.html> (accessed: 18.02.2023). (In Russ.)

Рассказова Е. И., Леонтьев Д. А., Лебедева А. А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 90—108. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280205>.
Rasskazova E. I., Leontiev D. A., Lebedeva A. A. Pandemic as a Challenge to Subjective Well-Being: Anxiety and Coping. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. Vol. 28. No. 2. P. 90—108. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280205>. (In Russ.)

Рокицкая Ю. А. Факторная структура копинг-поведения подростков // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2018. № 3. С. 220—233.
Rokitskaya Y. A. (2018) Factor Structure of Adolescents' Coping Behavior. *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*. No. 3. P. 220—233. (In Russ.)

Силина Е. А., Крюкова Т. Л. Семья в ситуации стресса самоизоляции: взаимосвязь гендерных установок и копинг-стратегий // Вестник Омского университета. Серия Психология. 2021. № 1. С. 18—24. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2021.1.18-24>.
Silina E. A., Kryukova T. L. (2021) Family in Situation of Self-Isolation Stress: Relationship of Gender Settings and Coping Strategies. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*. No. 1. P. 18—24. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2021.1.18-24>. (In Russ.)

Сирота Н. А., Ялтонский В. М. Копинг-поведение и психопрофилактика психосоциальных расстройств у подростков // Обзорение психиатрии и медицинской психологии. 1994. № 1. С. 63—75.

Sirota N. A., Yaltonsky V. M. (1994) Coping Behavior and Psychoprophylaxis of Psychosocial Disorders in Adolescents. *Review of Psychiatry and Medical Psychology*. No. 1. P. 63—75. (In Russ.)

Смолева Е. О. Измерение стресса: анализ методик и опыта исследований // Социально-гуманитарные технологии. 2020а. № 3. С. 70—79.

Smoleva E. O. (2020a) The Measuring of Social Stress: Analysis of Research Methods and Experience. (In Russ.)

Смолева Е. О. Социальная адаптация, социальный капитал и здоровье населения Вологодской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020b. № 4. С. 136—161. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.983>.

Smoleva E. O. (2020b) Social Adaptation, Social Capital and Population Health in the Vologda Region. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 136—161. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.983>. (In Russ.)

Хачатурова М. Р. Совладающий репертуар личности: обзор зарубежных исследований // Психология. Журнал ВШЭ. 2013. Т. 10. № 3. С. 160—163. URL: <https://psy-journal.hse.ru/2013-10-3/91972114.html> (дата обращения: 20.02.2023).

Khachaturova M. (2013) Coping Repertoire of Personality: A Review. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 10. No. 3. P. 160—169. URL: <https://psy-journal.hse.ru/2013-10-3/91972114.html> (accessed: 20.02.2023). (In Russ.)

Amirkhan J. H. (1994) Seeking Person-Related Predictors of Coping: Exploratory Analyses. *European Journal of Personality*. Vol. 8 No. 1. P. 13—30. <https://doi.org/10.1002/per.2410080103>.

Barrera M. (1986) Distinctions Between Social Support Concepts, Measures and Models. *American Journal of Community Psychology*. Vol. 14. No. 4. P. 413—445. <https://doi.org/10.1007/bf00922627>.

Brooks S. K., Webster R. K., Smith L. E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G. J. (2020) The Psychological Impact of Quarantine and How to Reduce It: Rapid Review of the Evidence. *Lancet*. Vol. 395. P. 912—920. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30460-8).

Cohen S., Underwood L. G., Gottlieb B. H. (2000) *Social Support Measurement and Intervention: A Guide for Health and Social Scientists*. New York, NY: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/med:psych/9780195126709.001.0001>.

Cohen S., Wills T. A. (1985) Stress, Social Support, and the Buffering Hypothesis. *Psychological Bulletin*. Vol. 98. No. 2. P. 310—357. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.98.2.310>.

Edwards J. R., Baglioni A. J. (1999) Empirical Versus Theoretical Approaches to the Measurement of Coping: A Comparison Using the Ways of Coping Questionnaire and the Cybernetic Coping Scale. In: Dewe P., Cox T., Leiter M. (eds). *Coping and Health in Organizations*. London: CRC Press. P. 51—72. <https://doi.org/10.1201/9781482268034-10>.

Frydenberg E. (2004) Coping Competencies: What to Teach and When. *Theory Into Practice*. Vol. 43. No. 1. P. 14—22. https://doi.org/10.1207/s15430421tip4301_3.

Frydenberg E. (2014) Coping Research: Historical Background, Links With Emotion, and New Research Directions on Adaptive Processes. *Australian Journal of Psychology*. Vol. 66. No. 2. P. 82—92. <https://doi.org/10.1111/ajpy.12051>.

Gritsenko V., Skugarevsky O., Konstantinov V., Khamenka N., Marinova T., Alexander Reznik A., Isralowitz R. (2021) COVID 19 Fear, Stress, Anxiety, and Substance Use Among Russian and Belarusian University Students. *International Journal of Mental Health and Addiction*. No. 19. P. 2362—2368. <https://doi.org/10.1007/s11469-020-00330-z>.

Hobfoll S. E. (2011) Conservation of Resource Caravans and Engaged Settings. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. Vol. 84. No. 1. P. 116—122. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8325.2010.02016.x>.

Hobfoll S. E. (1989) Conservation of Resources. A New Attempt at Conceptualizing Stress. *American Psychologist*. Vol. 44. No. 3. P. 513—524. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.44.3.513>.

Lazarus R. S., Folkman S. (1984) *Stress, Appraisal and Coping*. New York, NY: Springer.

Moos R. H., Schaefer J. A. (1986) Life Transitions and Crises. In: Moos R. H. (eds) *Coping with Life Crises*. The Springer Series on Stress and Coping. Boston, MA: Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4684-7021-5_1.

Pearlin L. I., Schooler C. (1978) The Structure of Coping. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 19. No. 1. P. 2—21. <https://doi.org/10.2307/2136319>.

Salari N., Hosseinian-Far A., Jalali R., Vaisi-Raygani A., Mohammadi M., Khaledi-Paveh B. (2020) Prevalence of Stress, Anxiety, Depression Among the General Population During the COVID-19 Pandemic: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Global. Health.* Vol. 16. P. 1—11. <https://doi.org/10.1186/s12992-020-00589-w>.

Schumm J., Briggs-Phillips M., Hobfoll S. (2006) Cumulative Interpersonal Traumas and Social Support as Risk and Resiliency Factors in Predicting PTSD and Depression Among Inner-City Women. *Journal of Traumatic Stress.* Vol. 19. No. 6. P. 825—836. <https://doi.org/10.1002/jts.20159>.

Sorokin M. Y., Kasyanov E. D., Rukavishnikov G. V., Makarevich O. V., Neznanov N. G., Lutova N. B., Mazo G. E. (2020) Structure of Anxiety Associated With the COVID-19 Pandemic in the Russian-Speaking Sample: Results from On-Line Survey. *Bulletin of Russian State Medical University.* No. 3. P. 70—76. <https://doi.org/10.24075/brsmu.2020.030>.

Wortman C. B. (1984) Social Support and the Cancer Patient: Conceptual and Methodological Issues. *Supplement to Cancer.* Vol. 53. P. 2339—2360. <https://doi.org/10.1002/cncr.1984.53.s10.2339>.

Zhuab Y., Zhouab L. X., Liab C., Yangab D. (2021) The Impact of Social Distancing During COVID-19: A Conditional Process Model of Negative Emotions, Alienation, Affective Disorders, and Post-traumatic Stress Disorder. *Journal of Affective Disorders.* Vol. 281. P. 131—137. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.12.004>.

DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2297

Р. Н. Абрамов, О. Р. Михайлова

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ РЕЦЕПЦИИ ИКТ ПРОФЕССИЯМИ ИНДУСТРИИ ВЛИЯНИЯ В 1990—2000-е ГОДЫ: НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ СФЕРЫ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Правильная ссылка на статью:

Абрамов Р. Н., Михайлова О. Р. Социальные контексты рецепции ИКТ профессиями индустрии влияния в 1990—2000-е годы: на примере истории сферы связей с общественностью // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 204—227. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2297>.

For citation:

Abramov R. N., Mikhaylova O. R. (2023) Social Contexts of ICT Reception in 1990—2000s: The Case of Russian PR Industry. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 204—227. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2297>. (In Russ.)

Получено: 14.08.2022. Принято к публикации: 07.12.2022.

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ РЕЦЕПЦИИ ИКТ ПРОФЕССИЯМИ ИНДУСТРИИ ВЛИЯНИЯ В 1990—2000-Е ГОДЫ: НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ СФЕРЫ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

АБРАМОВ Роман Николаевич — доктор социологических наук, профессор департамента социологии факультета социальных наук, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; ведущий научный сотрудник отдела теории и истории социологии, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия
E-MAIL: rabramov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4967-1169>

МИХАЙЛОВА Оксана Рудольфовна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры анализа социальных институтов департамента социологии факультета социальных наук, младший научный сотрудник Центра исследований современного детства Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: oxanamikhailova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0236-6992>

Аннотация. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) сильно меняют ландшафт труда современных профессионалов, оказывая воздействие на трудовой процесс, требуемые компетенции и общественный образ занятия. Сегодня появляется много исследований того, как цифровизация и ИКТ отражаются на профессионализме мно-

SOCIAL CONTEXTS OF ICT RECEPTION IN 1990—2000S: THE CASE OF RUSSIAN PR INDUSTRY

Roman N. ABRAMOV^{1,2} — Dr. Sci. (Soc.), Professor at the School of Sociology of the Faculty of Social Sciences; Leading Research Fellow at the International Laboratory for Social Integration Research; Leading Research Fellow at the Department of Theory and History of Sociology
E-MAIL: rabramov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4967-1169>

Oxana R. MIKHAYLOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Lecturer at the Department for Social Institutions Analysis of the School of Sociology; Junior Research Fellow at the Centre for Modern Childhood Research of the Institute of Education
E-MAIL: oxanamikhailova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0236-6992>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. Information and communication technologies significantly influence the habitat of contemporary professionals: labor process, competencies, and public image. To date, plenty of studies describe how digitalization and ICT affect professional practices. However, there needs to be more research that features the beginning of these technologi-

гих занятий, однако первые этапы этих трансформаций почти не изучены. Отечественные социологические исследования 1990-х годов почти не описывают повседневность труда российских новых социально-профессиональных групп, подобных предпринимателям и специалистам индустрии влияния, в особенности в контексте распространения технологических новаций (пейджеров, компьютеров, интернета, электронной почты и других средств коммуникации). Данная статья предлагает историко-социологическое описание роли технологий в профессионализации индустрии влияния в России в постсоветский период. В ходе реконструкции используются материалы интервью с влиятельными профессионалами в этой области и научные дескрипции проникновения технологий в сферы профессиональной и личной жизни россиян. Анализ показывает, что в течение 1990-х годов российская индустрия влияния опережающими темпами осваивала продвинутое ИКТ, быстро приспособившая новые технологии под решение профессиональных задач и переходя на более современные по мере необходимости. В заключении делаются выводы о том, что технологические новшества в обиходе профессионалов индустрии влияния помогли укреплению престижа профессии среди клиентов и обывателей внутри страны, увеличивали скорость коммуникации и способствовали формированию устойчивых сетей сотрудничества с зарубежными партнерами и заказчиками.

Ключевые слова: ИКТ, технологии, связи с общественностью, социология профессий, трудовой процесс

cal transformations. Russian-languaged sociological studies of the 1990s almost do not address the everyday routines of the new Russian socio-professional groups like entrepreneurs or PR industry professionals, especially in the context of technological innovations (pagers, computers, Internet, e-mail, and other means of communication). This article suggests the historical and sociological description of the technologies' role in the professionalization of the PR industry in Russia during the first years of the post-Soviet period. For this purpose, interview materials with influential professionals in this field and the scientific descriptions of the technologies' invasion of Russians' professional and non-professional life are used. Findings demonstrate that during the 1990s Russian PR industry was rapidly absorbing new ICT technologies and fastly adapted these tools for their professional tasks. We conclude that technological innovations in the professionals' day-to-day life helped to increase the professional prestige among clients and ordinary people in the country, fastened communication speed, and facilitated the formation of social relationships with foreign partners and clients.

Keywords: ICT, technologies, PR industry, sociology of professions, labor process

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the Fundamental Research Program of HSE University.

Общим местом современных исследований трансформаций труда и профессиональной занятости стали сюжеты, связанные с повсеместным и глубоким проникновением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) организации работы в трудовой процесс представителей самых разных занятий: от курьеров до преподавателей университетов [Шевчук, 2020]. Между тем изменения труда под влиянием новых технологий начались далеко не сегодня и даже не вчера. Они охватывают значительную часть истории развития современной промышленности, интеллектуального, офисного и управленческого труда [Latour, 1991]. Телеграф, телефонная связь, телетайпы и факсы, а также копировальная электронно-вычислительная техника — все это многое меняло в работе российского менеджера, профессионала, клерка. Настоящей революцией стало появление и массовое распространение в 1980-х годах персональных компьютеров — сначала среди профессионалов, а потом, десятилетием позже, и среди «обычных» граждан в быту¹. Затем в 1990—2000-х годах возникли проводной и беспроводной интернет, бурный рост использования которого в обычной жизни фиксируется ближе к 2010 г.² Кроме того, к началу 2000-х годов произошло удешевление и повсеместное использование сотовой связи [Соколов, Мухин, 2015], которая долгое время была доступна разве что ученым и бизнесу. Перечисленные выше технологические инновации изменили повседневность и сферы досуга, повлияли на экономику и сферы занятости, заставив аналитиков задуматься о переходе обществ в новое состояние, вызванное «четвертой промышленной революцией», трансформацией технологического уклада, цифровизацией экономики и труда и, как следствие, рождением и быстрым ростом «капитализма платформ» [Срничек, 2020] или «надзорного капитализма» [Зубофф, 2022]. В то же время дальновидные теоретики, такие как Мануэль Кастельс, уже на дальних подступах к современному состоянию распознавали многие из грядущих изменений в профессиональной деятельности различных групп [Castells, 1996].

В США и других западных странах в 1980-х годах вместе с тэтчеризмом и рейганомикой на смену лохматым неухоженным хиппи и новым левым пришла мода на амбициозных, молодых, спортивных, подтянутых бизнесменов и финансовых аналитиков — «яппи», — обозначивших своим появлением неолиберальный и консервативный поворот в политике и экономике [Hammond, 1986]. Одержимость предпринимательством, личным преуспеванием и материализмом, с одной стороны, подпитывала потребительский гедонизм «новых профессионалов», а с другой — превращала их в правых консерваторов-либертарианцев [Osgerby, 2001].

¹ Интернет, компьютеры, сотовые телефоны в России // Левада-Центр. 2011. 13 марта. URL: <https://www.levada.ru/2011/03/13/internet-kompyutery-sotovyte-telefony-v-rossii> (дата обращения: 13.02.2023) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранный агент»).

² Там же.

«Оруэлловский» 1984 г., согласно публикациям на страницах *The New York Times* (25 марта 1984 г.) и *Newsweek* (31 декабря 1984 г.), стал «годом яппи», поскольку именно в это время амбициозные дети «бэби-бумеров» заявили о своем стиле жизни. В части организации труда и демонстративного потребления яппи-культура была тесно связана с активным использованием различного рода гаджетов — от персональных компьютеров до пейджеров и первых сотовых телефонов. Образ яппи стал витриной экономического роста 1980-х годов и был с энтузиазмом воспринят в позднеперестроечное время как неотъемлемая часть привлекательного имиджа рыночной экономики, хотя российская деловая культура надолго оказалась в шизофренической ловушке раздвоения личности — между яппи и «силовым предпринимательством» [Волков, 2020].

На этом фоне интересным представляется, как происходило распространение ИКТ в повседневности труда отдельных профессий, и как рост ИКТ повлиял на статус, субкультуру, продуктивность профессий и занятий. Случай постсоветского мира профессионального труда особый: вместе с экономическими и политическими реформами поздней перестройки возник запрос на новые занятия, ориентированные на потребности зарождавшихся рыночных отношений. Одновременно персональные компьютеры и новые виды оргтехники (факсы, копировальные машины и т. д.) стали доступны не только «богатым» государственным ведомствам или организациям, но и активно проникали в жизнь молодого советского бизнеса. Более того, на начальном этапе развития российского предпринимательства торговля импортными компьютерами и оргтехникой стала первым опытом собственного дела для многих бизнесменов — выходцев из НИИ и комсомольских работников, ставших участниками центров научно-технического творчества молодежи (НТТМ). Первые советские деловые издания были заполнены рекламой компьютеров и периферии, ассоциировавшихся с имиджем нового человека — молодого амбициозного яппи в строгом деловом костюме, который, как предполагалось, умел пользоваться «персоналками».

Появление в России начала 1990-х годов новых профессий, ориентированных на оказание интеллектуальных услуг, было связано с активной рецепцией западной яппи-ориентированной деловой культуры и широким применением новых коммуникационных и компьютерных технологий. Кроме того, эти профессии одновременно были агентами молодой экономики. Именно благодаря переходу на рыночные рельсы данные профессии обрели ниши для своей деятельности и стали активно участвовать в развитии соответствующих институтов — финансового анализа, деловой журналистики, управленческого консалтинга, связей с общественностью и т. п., включая выход на рынки политической конкуренции через политический консалтинг.

Постсоветский генезис этих профессий еще по-настоящему не осмыслен в социологическом ключе, и данная статья — вклад в понимание того, как технологическая революция повлияла на профессионализацию индустрии влияния и в первую очередь связей с общественностью (PR) в России в постсоветский период. Под индустрией влияния понимается «комплекс технологий, методов, практик и форм деятельности, которые в современных массовых обществах образуют профессиональную среду коммуникаций в интересах отдельных социальных групп, общест-

венных и политических движений, бизнеса и некоммерческого сектора, государства и общества в целом» [Абрамов, 2020: 98]. Индустрия влияния включает в себя сферы коммерческой рекламы, пропаганды, связей с общественностью, популярной социальной психологии, лоббирования и др. Целью данной статьи является анализ практик применения технических новаций (от пейджеров и персональных компьютеров до блогов и социальных сетей) в труде специалистов в области связей с общественностью для выявления роли этих новаций в профессионализации изучаемой сферы деятельности.

Профессии индустрии влияния в контексте отечественных исследований занятий и профессий 1990-х годов

Отечественные социологические исследования 1990-х годов почти не описывают повседневность труда новых для России социально-профессиональных групп, таких как предприниматели и специалисты индустрии влияния. Были работы, посвященные рождению новой бизнес-этики [Kharkhordin, Gerber, 1994], социально-экономическому статусу нового предпринимательского класса [Radaev, 1997], стилю жизни и организации досуга бизнесменов [Рощина, 1995], секретарской деятельности на постсоветском пространстве [Cohen, 2013] и т.п. *Однако практически невозможно обнаружить публикации, в которых бы рефлексировалось то, как в повседневные практики труда нарождавшегося слоя новых профессионалов рыночной экономики, предпринимателей и класса менеджеров, вписывались ИКТ.* Исследователи того периода, во-первых, стремились дать мгновенный снимок социального портрета наиболее крупных и видимых новых социально-профессиональных групп, используя уже имеющуюся аналитическую оптику, применявшуюся в изучении позднесоветского периода с осторожными рецепциями конструктивизма школы Пьера Бурдьё. Примером таких работ можно назвать исследования Яны Рощиной, посвященных стилю жизни московского предпринимательского класса (см., например, [Рощина, 1995]). Во-вторых, к тому времени и в международном контексте, и тем более в российской социологии еще не произошёл знаменитый «поворот к вещам», когда материальные объекты перестали быть для социологов «неосвязаемыми» сущностями или простыми посредниками социальных отношений, но явились актантами, включенными в саму ткань социального [Латур, 2006]. Методологически предлагаемая статья не предполагает реализацию акторно-сетевого анализа и полноценного применения всего арсенала STS-подхода, поскольку характер собранных данных ограничивает такие возможности.

Данная работа решает другие задачи: мы ретроспективно обращаемся к прикладным аспектам отношений с технологиями в профессиональной сфере индустрии влияния и реконструируем практики использования и символического значения владения «престижными гаджетами», подобными пейджеру, лэптопу и мобильному телефону, среди представителей PR-профессий в 1990-е годы. Сложность изучения практик использования различных ИКТ в сфере профессионального труда обусловлена также быстрым моральным устареванием многих из них — эфемерностью их инновативности (когда, например, в течение нескольких лет пейджинг сначала взлетает на вершину популярности, а потом стремительно пре-

вращается в технологический анахронизм для большинства пользователей). Известный теоретик и историк технологий Джонатан Крэри отмечает в этой связи, что, например «книги и эссе, опубликованные о „новых медиа“ всего пять лет назад, уже устарели, а все, написанное с той же целью сегодня, состарится гораздо быстрее» [Крэри, 2022]. С этой точки зрения социологическая характеристика опыта появления и распространения этих технологий выглядит сложной, но важной задачей.

Связи с общественностью в бизнесе и политике — это часть профессионального поля индустрии влияния, возникшая в России как самостоятельная сфера практической деятельности и профессия на рубеже 1980—1990-х годов³.

Знаковым событием в процессе профессионализации этих занятий стало создание в 1991 г. по инициативе профессора МГИМО Александра Борисова «Российской ассоциации по связям с общественностью» (РАСО). В первое десятилетие своей работы эта организация много сделала для институционализации профессионального поля PR в России. РАСО проводила тренинги и встречи с ведущими зарубежными практиками и теоретиками по PR, подобными Сэму Блеку; тесно взаимодействовала с зарубежными и международными ассоциациями по связям с общественностью; развивала нормативную систему поведения профессионала в области связей с общественностью через создание и продвижение кодексов профессиональной этики⁴; активно стимулировала коммуникацию внутри профессии через поддержку профильных медиа (журнал «Советник») и организацию конференций («Дни PR в Москве»). РАСО участвовала в развитии системы специального образования в области PR в российских вузах и в создании государственного стандарта по PR. В последние пятнадцать лет роль РАСО снизилась, однако эта организация по-прежнему является важным элементом институциональной инфраструктуры профессии «пиарщика» в России [Yang, Taylor, 2014].

Другим драйвером профессионализации PR в России стали *появление и рост спроса на услуги специалистов в области индустрии влияния*, возникшие в ответ на запросы местных предпринимателей и растущее влияние глобальных компаний в России. С одной стороны, в отсутствие системы специального образования работа политических консультантов и PR-специалистов базировалась на эмпирическом опыте и фрагментарных знаниях из психологии и социальных наук. С другой — выходявшие на российский рынок глобальные бренды и компании создавали собственную инфраструктуру изучения потребительского поведения стейкхолдеров и влияния на них, для чего стали нанимать и обучать местный персонал, а также заключать договоры с местными компаниями, специализировавшимися на маркетинге, рекламе и PR. Данная инфраструктура включала в себя профессиональные и этические стандарты ведения бизнеса, методики и технологии, которые стали воспринимать российские партнеры транснациональных компаний. Это движение можно интерпретировать как форму институционально-

³ Некоторые периодизации истории российского PR содержатся здесь: [van Ruler, Verčič, 2004; Моисеева, 1997].

⁴ РАСО в 1994 г. приняла «Декларацию профессиональных и этических принципов в области связей с общественностью», а в 1999 г. по инициативе РАСО при поддержке Центральной избирательной комиссии и Администрации Президента РФ была разработана хартия «Политконсультанты за честные выборы», которую подписали основные игроки данной отрасли.

го изоморфизма [Димаджио, Пауэлл, 2010], когда подражание и заимствование организационных форм и способов работы у более успешных или доминирующих институтов приводит к схожести организационных структур, профессионального языка и практик труда. Институциональный изоморфизм касался не только профессионального языка и методов, но также затрагивал техническое оснащение труда представителей индустрии влияния — от копировальной техники и ламинирования до электронной почты и создания интернет-сайтов.

Эмпирическая база. Методология сбора и анализа данных

Статья основана на материалах исследования, посвященного профессионализации сферы связей с общественностью в постсоветской России, начиная с 1991 г. и по настоящее время [Абрамов, 2020]. Исследование началось в 2018 г. и включает в себя интервью с владельцами, топ-менеджерами, а также ведущими специалистами индустрии влияния (в первую очередь, сферы связей с общественностью), начавшими свою деятельность в 1990-е годы. На текущий момент собрано 30 интервью⁵. Все беседы были записаны на диктофон и затем расшифрованы. Гайд интервью включал в себя темы: вхождение в профессию и PR-бизнес, состояние индустрии влияния в 1990—2000-е годы, типологизация профессионалов индустрии влияния, технологические изменения в индустрии влияния, профессиональная этика, современное состояние профессии. Помимо интервью также был проведен контент-анализ доступных материалов профессиональных медиа (журналы «Советник» и «Со-общение») и книг, изданных по теме PR на первом этапе профессионализации этой сферы.

Интервью расшифровывались и проводился текстовый анализ их содержания, включавший тематическое кодирование транскриптов [Braun, Clarke, 2012]. При тематическом кодировании выявлялись фрагменты текстов интервью, в которых информанты говорили об истории появления и значении ИКТ в их профессиональной деятельности. По итогам кодировки были выявлены два типа технологий, которые использовали PR-профессионалы: компьютеры и мобильные цифровые коммуникации. Далее мы излагаем результаты анализа в дискуссионной манере, в ядре которого лежит историческое описание, сформулированное по результатам анализа литературы. Это описание иллюстрируется цитатами из интервью. В заключении работы итоги анализа интервью обобщаются и соотносятся с ландшафтом социологии профессий как дисциплины.

Рецепция ИКТ в российской индустрии влияния в 1990—2000-е годы

Компьютеры

Электронно-вычислительные машины появились в офисных пространствах еще в 1950-х годах, но настоящей революцией в их прикладном использовании для целей бизнеса и производства стало поступившее в продажу в 1964 г. семейство компьютеров IBM System/360 (S/360). В СССР на основе архитектуры этих компьютеров создавалась собственная линейка вычислительных машин — ЕС ЭВМ (Единая

⁵ Среди информантов: В. Расницын, Г. Павловский, А. Гнатюк, А. Чумиков, Ф. Ильясов, М. Виноградов, И. Минтусов, И. Писарский, В. Федоров, К. Иванов, В. Моисеева, О. Матвейчев, В. Данилин, А. Куртов, Р. Ромашкина, С. Наумов, М. Маслов, Г. Кузнецов и др.

система электронных вычислительных машин) [Abramov, Abramova, 2020]. И все же до изобретения и начала массового производства на рубеже 1970—1980-х годов персональных компьютеров вычислительные машины не были индивидуальным инструментом работы для менеджеров и офисных служащих, так как были громоздкими, занимая порой отдельные помещения, и требовали профессиональной поддержки программистов. «Персоналки» произвели масштабные «трансформации социального порядка» [Woolgar, Grint, 1991] и заставили пересмотреть «межличностные, межгрупповые и институциональные социальные отношения» [Kling, 1991] в организациях, изменив трудовые процессы, создав новые формы менеджериального контроля и преобразовав обращение профессионалов с информацией, документами, бюрократическими процессами, да и просто преобразив офисную архитектуру и техническую инфраструктуру [Atkinson, 2005]. Не удивительно, что персональные компьютеры и прикладная информатика сначала стали овеществленным фетишем, окончательной материальной формой [Pinch, Bijker, 1984] программы социально-экономического ускорения, предложенной в 1985 г. Михаилом Горбачевым. Затем возможность импорта и продажи компьютеров стала основой благосостояния для ряда крупных бизнесменов — Артема Тарасова, Юрия Мильнера, Аркадия Воложа, Альберта Мухаметшина, Михаила Ходорковского*⁶ и др. При этом где-то данная оргтехника служила частью декора, призванного поражать посетителей, а где-то, как в индустрии влияния, стала востребованным рабочим инструментом. Что касается частоты пользования компьютерами в «непрофессиональном» мире, то здесь наблюдалось относительно более неспешное их проникновение в быт обычного человека. В 2001 г. 84 % опрошенных участников всероссийского опроса, проведенного левадовским ВЦИОМ, утверждали, что никогда не пользовались компьютером⁷. Для сравнения, в 2011 г. уже 36 % отмечали, что пользуются компьютером ежедневно или несколько раз в неделю⁸.

Результаты нашего исследования показывают, что PR-профессия в России изначально была сферой с высоким уровнем компьютеризации, хотя и сохранявшей в некоторых аспектах труда крафтовые технологии, где бумага, клей и ножницы позволяли создавать информационные и аналитические бриколажи — например, в формате пресс-клиппингов⁹.

Мы пресс-клиппинги вырезали ножницами, наклеивали на бумагу и «ксерили». Но даже в Штатах, когда я там в 1993 г. был, клиппинговое агентство присылало бумажные вырезки из газет, и, собственно говоря, в России было то же самое. (Владелец PR-агентства, стаж в индустрии 27 лет)

Только один информант сказал, что овладел компьютерной грамотностью намного позже, чем пришел в профессию, так как сразу занял управленческую по-

⁶ Здесь и далее * означает физическое лицо, признанное в РФ выполняющим функции «иностранного агента».

⁷ Интернет, компьютеры, сотовые телефоны в России // Левада-Центр. 2011. 13 марта. URL: <https://www.levada.ru/2011/03/13/internet-kompyutery-sotovytelefony-v-rossii> (дата обращения: 13.02.2023) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранного агента»).

⁸ Там же.

⁹ Подборки газетных вырезок по определенной теме, сделанные согласно техническому заданию заказчика.

зицию с личным секретарем в подчинении, переводившим надиктованные идеи и материалы в компьютерный формат. Тем не менее и этому собеседнику пришлось стать самостоятельным пользователем компьютера, поскольку без него жизнь в современном мире онлайн-коммуникаций просто невозможна.

В целом же первые московские PR-агентства преимущественно создавались людьми, имевшими достаточный интеллектуальный и финансовый ресурс для оснащения своих рабочих мест компьютерами и даже локальными сетями. Многие пионеры PR были выходцами из благополучных семей советских чиновников или ученых, учились в престижных вузах. Нередко им удавалось пройти стажировку в США в сфере PR, а также получить представление о практическом применении компьютеров, что тоже стимулировало к ускоренной компьютеризации.

Без компьютеров я себе работу не представлял, потому что компьютер у меня дома уже был в 1989 г., и я все свои курсовые и дипломные работы печатал на компьютере. Плюс, когда я работал в Школе международного бизнеса в МГИМО, у всех были компьютеры. Более того, я сам верстал в компьютерной издательской программе. Была замечательная программа Ventura Services¹⁰, которая стояла на компьютерах еще с Norton Commander, и я в этой программе верстал. (Владелец PR-агентства, стаж в индустрии 27 лет)

Компьютеры для «пиарщиков» были и частью престижного образа современной бизнес-профессии, превращаясь в своего рода техносциальный аффорданс [Hutchby, 2001], и орудием, повышающим конкурентоспособность. Последнее становилось особенно важным при работе на политических выборах в регионах, где оперативность и умение действовать на опережение были необходимы. К тому же проникновение современной оргтехники и компьютеров было неравномерным: во многих малых городах и на удаленных территориях отсутствовала современная техническая база для работы мобильных отрядов, состоявших из приезжих политических консультантов и аналитиков, чаще всего рекрутированных крупными московскими PR-агентствами и отправленных в регионы для проведения избирательной кампании в интересах того или иного кандидата или партии. Этим «летучим отрядам» политического консультирования приходилось везти с собой компьютеры и другую оргтехнику. Именно они активно использовали первые — еще чрезвычайно дорогостоящие — ноутбуки и мобильные многофункциональные устройства для того, чтобы сканировать, печатать и размножать предвыборные материалы.

Техническое оснащение внутренних команд, связанных с выборами, всегда было на шаг впереди того, чем пользовались на территориях. Это было всегда мобильно, чтобы можно было перевезти. Технологическое превосходство всегда давало плюс: чем быстрее ты набираешь и делаешь листовку, чем быстрее можешь сделать аудиозапись и ее сверстать, тем ты более эффективен. Потом приезжаешь в какой-то большой райцентр, а там вообще нет цифровой типографии. Техническое оснащение и продвинутость всегда были отличительной особенностью нашей профессии. (Политтехнолог, стаж в индустрии 28 лет)

¹⁰ Один из первых издательских пакетов для настольных IBM PC-совместимых компьютеров, исходная версия которой вышла в 1986 г. Эволюция программы продолжалась до 2002 г.

Компьютеризация профессий индустрии влияния была частью демонстративного потребления престижной технологии [Бодрийяр, 2006], которая в руках обладателя становилась предметом, обозначавшим владение скрытым «магическим» знанием [Бергер, Лукман, 1995] и властью, основанной на этом знании. Все это превращалось в аргумент при найме к другим властным субъектам — «новым русским», мечтавшим о политических карьерах, и менеджменту первых коммерческих предприятий, заинтересованному в «позитивном имидже». Функциональность также была немаловажным фактором ускоренной компьютеризации профессии — вооруженный компьютером «пиарщик», владевший навыками применения программных продуктов (в интервью упоминалось активное использование прототипов текстовых и графических редакторов — например, «Лексикон»¹¹ и CorelDRAW¹²), становился хорошо оснащенным «универсальным солдатом» индустрии влияния, которому в работе также помогали первые средства оперативной электронной связи — пейджеры, сотовые телефоны и электронная почта.

Мобильные цифровые коммуникации: пейджеры и сотовая связь

Сектор связей с общественностью включает профессиональные специализации политического консультирования и коммерческого PR. И там и там мобильные ИКТ в форме пейджеров, сотовой связи и электронной почты стали быстро интегрироваться в процесс труда, хотя в этом движении политический консалтинг несколько опережал коммерческий. Работа политического консультанта («политтехнолога») в 1990—2000-е годы [Матвейчев, 2018] и до настоящего времени связана, во-первых, с частыми и длительными командировками, нередко в отдаленные регионы страны; во-вторых, с уже отмеченной мобилизацией усилий, подобной участию в войне, — конкуренции с «пиарщиками» из команды оппонентов; в-третьих, с необходимостью сбора, обработки, хранения и распространения информации, управленческих решений и аналитики в оперативном режиме, находясь в контакте с руководством из Москвы и многими контрагентами. Команды «пиарщиков», выезжавшие из столиц в регионы для организации избирательных кампаний, ходили на спецназ, где передовое техническое оснащение и навыки его грамотного использования нередко становились заметным фактором победы. Поэтому политические консультанты, начавшие свои карьеры в ранних 1990-х годах, в беседах подчеркивали, что они первыми обзаводились пейджерами, мобильными телефонами или их аналогами («транковая связь»), а также ноутбуками.

Мы вкладывали в технологии деньги. Как только появились пейджеры, мы сразу создали систему опережающего реагирования, когда сидели группы людей на информационных агентствах, делали короткую выжимку и рассылали по ограниченному списку. Telegram-канал фактически, только на пейджерах. (Политтехнолог, стаж в индустрии 31 год)

¹¹ Текстовый редактор, разработанный в 1980-х годах в Вычислительном центре Академии наук СССР и широко использовавшийся в России до появления и распространения пиратских версий русифицированного Microsoft Word в середине 1990-х годов.

¹² Популярный редактор векторной графики.

Пейджинговая связь. Практически отсутствуют исследования, посвященные социальным аспектам применения пейджеров в бизнесе, и роли данного вида связи в повседневной жизни, за исключением немногочисленных журналистских обзоров¹³. Это может быть связано с тем, что коммуникационная революция в стране происходила быстрыми темпами и «интервал между выходом на российский рынок пейджера и мобильного телефона был слишком мал для того, чтобы пейджинговая связь успела укрепить свои конкурентные позиции и набрать большое количество абонентов» [Казанцев, 2003]. Между тем пейджинг имеет длительную историю, демонстрирующую то, как технологии могут быть подручными средствами профессионалов, частью системы управления и элементом субкультур. Пейджинговая технология основана на принципах персонального радиовызова, предполагающего одностороннее получение текстовых сообщений. Прототипы пейджеров появились в США еще в 1930—1940-х годах и использовались полицией, пожарными, такси, медицинскими службами [Freundlich, Freundlich, Drolet, 2018]. Относительно массовое распространение пейджеров в США и других странах началось в начале 1980-х годов вместе с совершенствованием и удешевлением этого типа связи. В середине 1980-х годов в США было 2.5 млн пейджеров, а к 1997 г. охват пейджинговой связи составлял не менее 18% населения страны [Bast, 1999]. Помимо бизнесменов, медицинских работников и сотрудников полиции пейджеры стали использовать подростки для обмена короткими сообщениями и драгдилеры в своих интересах. Пейджинговая связь была заметно дешевле сотовой и поэтому долгое время сохраняла конкурентоспособность, к тому же став одним из каналов получения текстовых новостей по подписке [Leung, Wei, 1999].

Если не говорить о немногочисленных упоминаниях использования пейджинговой связи, представленной компанией Multitone Electronics во время Олимпиады 1980 г., то по-настоящему пейджеры появились в нашей стране даже чуть позже мобильной связи — в 1993 г. Первыми российскими компаниями, занятыми развитием пейджинга, стали «ВессоЛинк», «Информ-Экском» и «РадиоПейдж»¹⁴. В середине 1990-х годов пейджеры были доступны немногим, так как стоимость гаджета составляла от 170 долларов США, а ежемесячная абонентская плата — 40—60 долларов США¹⁵. На первом этапе пейджерами активно пользовался «корпоративный сектор», поскольку этот тип связи позволял избежать расходов на звонки и осуществлять массовые рассылки сотрудникам [Казанцев, 2003]. В ходе нашего исследования PR-профессионалы упоминали о рутинном использовании пейджеров в своей работе, в том числе и в регионах, где сервисное покрытие данным видом коммуникации было слабее, нежели в крупных городах.

¹³ См. например: Хрусталева В. Короткая жизнь первых российских мессенджеров: как появились и почему исчезли пейджеры — самые модные гаджеты 1990-х // Нож. 2021. 18 июня. URL: <https://knife.media/pagers-from-90s/> (дата обращения: 13.02.2023).

¹⁴ Трофимова А. Обзор рынка пейджинговой связи // itWeek. 1998. 24 марта. URL: <https://www.itweek.ru/infrastructure/article/detail.php?ID=46272> (дата обращения: 13.02.2023).

¹⁵ Хрусталева В. Короткая жизнь первых российских мессенджеров: как появились и почему исчезли пейджеры — самые модные гаджеты 1990-х // Нож. 2021. 18 июня. URL: <https://knife.media/pagers-from-90s/> (дата обращения: 13.02.2023).

Когда появились пейджеры? Это были 1995—1996 гг., ими же всего лет 5—7 пользовались. Пейджеры сначала многостраничные были, потом мы приезжали в какой-нибудь Курган, у нас были пейджеры с роумингом. В Москве писали сообщения. Это вообще фантастика. И мы этими пейджерами своих сотрудников оснащали. Все, что касается коммуникаций, компьютерных коммуникаций, связи и прочее,— это часть нашего оснащения, на которое всегда обращалось большое внимание. (Политтехнолог, стаж в индустрии 28 лет)

Даже в Москве и Петербурге пейджеры до конца 1990-х годов могли себе позволить далеко не все [Злобин, 2011], а в областных и районных центрах человек с пейджером выглядел обладателем престижного гаджета, дающего ему связь с влиятельным и большим миром власти и денег. Помимо демонстративной функции пейджеры позволяли быстро принимать решения в условиях плотной темпоральности предвыборной кампании.

Сотовая связь. В этой статье мы пропустим историю освоения мобильной связи и сотовых телефонов. Во-первых, потому что это необъятная тема, которая требует отдельного исследования; во-вторых, потому что сотовая связь вошла в более или менее массовый обиход лишь на рубеже 1999—2000 гг., а до этого ее, в отличие от пейджинга, могли позволить себе очень немногие [Lonkila, Gladarev, 2008].

Сотовые телефоны стали частью повседневности вместе с интернетом и домашней компьютеризацией, что стимулировало всеобщий переход к цифровизованному обществу быстрыми темпами — буквально в течение нескольких лет первого десятилетия нового века. Согласно имеющимся опросам, в 2001 г. телефоны были у 2 % населения, преимущественно у предпринимателей, но уже к 2011 г. ими стали обладать 86 % участников всероссийских опросов¹⁶. В отдельных интервью говорилось об опыте использования первых мобильных телефонов, которые в значительно большей степени, чем пейджеры, были элементом демонстративного потребления — сначала среди российских менеджеров и предпринимателей, а потом и среди населения. В частности, в исследовании Бориса Гладарева, проведенном в 2004—2006 гг. и посвященном повседневным практикам обращения с мобильной телефонией, делается вывод о том, что нарративы мужчин, описывавших свои ощущения от обладания сотовым аппаратом в 1990-е годы, «пронизаны риторикой эффективности и престижа», а их «дискурсивную модель можно было бы назвать „я успешен“» [Гладарев, 2006]. Об этом говорят и другие исследователи первых лет мобильной революции в России: «первые мобильные „новых русских“ по своему дизайну напоминали армейские полевые радиостанции, где сам факт обладания такой, пусть и внешне несурзадной, вещью становился элементом игры в престижное потребление» [Vershinskaya, 2002]. Именно в таком ракурсе демонстрации статусного превосходства и престижного потребления и отзываются о первых мобильных телефонах в своем владении или использовании представители PR-сообщества.

¹⁶ Интернет, компьютеры, сотовые телефоны в России // Левада-Центр. 2011. 13 марта. URL: <https://www.levada.ru/2011/03/13/internet-kompyutery-sotovoye-telefoniy-v-rossii> (дата обращения: 13.02.2023) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранным агентом»).

Тогда появились так называемые «транковые телефоны» [один из видов мобильных коммуникаций. — Прим. авт.], мобильные тоже уже появлялись в городе, но это было дорого. Если у тебя есть мобильный телефон, а у остальных его нет — толку от него никакого. У меня он появился уже в 1996 или в 1997 г. Я ходил им козырял. (Специалист в области политического консалтинга, опыт работы 28 лет)

Иными словами, по сравнению с пейджером и другими современными на тот момент гаджетами и электронными средствами, мобильный телефон в меньшей степени был функциональной вещью, а в большей — знаком принадлежности к элите.

Электронная почта и интернет. Исходно интернет являлся невидимым, неосознаваемым атрибутом коммуникации, который в позднем СССР был почти экспериментальной забавой сотрудников научно-исследовательских институтов. Согласно официальной истории интернета в России, одним из первых пользователей всемирной сети в виде обмена e-mail для академических целей стал советский биотехнолог Анатолий Клесов¹⁷, который по просьбе влиятельного научного администратора Джармена Гвишиани организовал в декабре 1983 г. участие советской делегации в Первой всемирной компьютерной конференции. По его воспоминаниям, конференция проходила в формате обмена e-mail, и советская сторона для участия в ней использовала аппаратную базу Всесоюзного научно-исследовательского института прикладных автоматизированных систем (ВНИИ-ПАС), где имелись компьютеры IBM и модем 360 бод [Конрадова, 2022; Клесов, 1985].

На рубеже 1980—1990-х годов электронная почта стала постепенно проникать в деловое общение там, где отечественному бизнесу требовался контакт с зарубежными партнерами. И все же до конца 1990-х годов многие бизнесы продолжали обходиться без нее, предпочитая обмен информацией по телексу и факсу. Авторский анализ коммерческой рекламы, опубликованной в деловых изданиях поздней перестройки и первых лет после распада СССР, показал, что там указываются номера телефонов, телексов и факсов, но практически нет отсылок к электронной почте. Также один из авторов статьи, начиная с 1999—2000-х г., собирал визитные карточки сотрудников и менеджеров московских частных компаний (в коллекции имеется не менее 250 визиток), анализ контента которых показал, что практика включения электронной почты в контактные данные на визитках стала повсеместной не ранее 2003—2005 гг. До этого указывались адрес и телефон офиса, значительно реже — номер мобильного телефона.

Вообще опросы общественного мнения начала 2000-х годов показывают, что даже к 2005 г. 87 % жителей России не пользовались электронной почтой вовсе, а в 2011 г. только 22 % заявляли, что пользуются электронной почтой ежедневно или несколько раз в неделю¹⁸. К тому же распространение интернета в различ-

¹⁷ Анатолий Клесов — первый юзер интернета в СССР // Переформат.ру. 2013. 9 декабря. URL: <http://pereformat.ru/2013/12/klyosov-internet> (дата обращения: 13.02.2023).

¹⁸ Интернет, компьютеры, сотовые телефоны в России // Левада-Центр. 2011. 13 марта. URL: <https://www.levada.ru/2011/03/13/internet-kompyutery-sotovyye-telefony-v-rossii> (дата обращения: 13.02.2023) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранным агентом»).

ных регионах страны шло неравномерно, что тормозило широкое использование электронной почты [Morris, 2012]. Жители Москвы и Центрального федерального округа на протяжении всего периода 2000—2010 г. в три-четыре раза чаще пользовались интернетом, чем жители других регионов России¹⁹.

Судя по материалам интервью, можно выделить периоды, когда подключение к всемирной сети было лишь необходимым условием использования электронной почты для нужд бизнесов и когда интернет стал действительно важной информационно-коммуникационной средой для компаний из индустрии влияния. Информанты говорят о том, что начать пользоваться электронной почтой их стимулировало либо желание зарубежных клиентов поддерживать коммуникации подобным образом, то есть своеобразный институциональный изоморфизм, либо наличие исходного IT-бэкграунда у них самих и стремление не пропускать тенденции современных технологий. В частности, один из информантов описывает это так:

Летом 1995 г. у нас появился американский международный первый крупный клиент, который сказал: «Ребята, нужна электронная почта». Мы сказали: «Блин, это же геморрой какой, наверное». Нам сказали: «Как хочешь, но нужна электронная почта». И тогда один из нас поехал в офис «Россия онлайн» и завел электронную почту, один ящик на всех, за который платили психические деньги [имеется в виду очень высокая стоимость абонентской платы. — Прим. авт.], как я помню. Все было платно, все это было на «dial up» с модемом, и связь была, конечно, своеобразная, но тем не менее первая почта появилась в конце лета 1995 г. (Владелец PR-агентства, стаж в индустрии 27 лет)

Вторая половина 1990-х и самое начало 2000-х годов для российской индустрии влияния стали временем, когда PR-компании начали переходить к более широкому применению электронной почты и постепенно включаться в пользование интернетом как отдельной инфокоммуникационной средой. Как уже отмечалось, критически важной для профессиональной работы политических консультантов была возможность быстро обмениваться информацией и быть на связи, поэтому в своих интервью они упоминали об активном освоении электронной почты и интернета.

В 1997 г. у нас уже была система взаимодействия через электронные адреса, мы уже умели друг с другом общаться... Это было точно сразу же после ельцинской выборной кампании [президентские выборы 1996 г.]. У нас уже были компьютеры и был очень слабый Интернет. Через год у нас была система, позволявшая очень быстро обмениваться [информацией], работать. Это не был просто необязательный фантик — во время избирательной кампании невозможно играть в фантики. Там настолько все спрессовано, что либо ты этим пользуешься, это работает, либо нет. (Политтехнолог, стаж в индустрии 28 лет)

Именно политтехнологическое сообщество одним из первых оценило возможности интернета как глобального канала влияния. Известный политтехнолог Ефим

¹⁹ Опросы «Интернет в России / Россия в Интернете». Вып. 22. Зима 2007/08 // База данных ФОМ. 2008. 20 марта. URL: https://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_int/int08011 (дата обращения: 13.02.2023).

Островский вместе с Петром Щедровицким (сыном и продолжателем дела Георгия Щедровицкого, позднесоветского гуру движения «методологов») во второй половине 1990-х годов выдвинули концепцию «Русского мира» — «сетевой структуры больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке» [Конрадова, 2022], которая должна была стать инструментом коммуникационной soft power России, проигравшей идеологическую конкуренцию с Западом. Другой лидер политических технологий, Глеб Павловский, тоже увидел в интернете большой потенциал влияния и с 1997 г. сам активно участвовал в сетевой жизни. Кроме того, подчиненная ему структура Фонд эффективной политики основала и поддерживала целое семейство новостных и информационных порталов и сайтов (среди них СМИ.ру, Лента.ру, Вести.ру, Kremlin.org, Страна.ру) [там же], призванных не только отражать общественное мнение, но и влиять на него.

В ходе нашего исследования один из информантов, работавший в ведущем московском PR-агентстве в 1990-е годы, рассказал о первом опыте проведения интернет-конференции в России, организованной для мэра Москвы Юрия Лужкова летом 1998 г. в рамках продвижения Всемирных юношеских игр, проходивших тогда в столице. Наш собеседник был в тот момент PR-менеджером, ответственным за организацию онлайн-конференции московского мэра.

Задавали вопросы пользователи из Интернета. Был специальный сайт, куда приходили вопросы. Хачатур Арушанов сидел в одной комнате, зачитывал их, передавал пресс-секретарю, как-то их фильтровали: на что отвечать, на что не отвечать. Я помню, что это было здание мэрии на Тверской. По-моему, там на втором этаже кабинет мэра. Мэр сидел у себя в кабинете, туда пригласили настоящие камеры, настоящих журналистов, а вся техническая служба сидела в соседней комнате. (Специалист по PR, опыт работы в индустрии 28 лет)

Но все же настоящим прорывом в использовании интернета для профессиональной работы PR-специалистов в России стало время после 2000 г., когда интернет вырос в самостоятельную среду инфокоммуникаций.

Я не могу сказать точно, когда мы начали пользоваться интернетом как интернетом и какими-то возможностями интернета как коммуникационной среды. Просто внезапно стало и все. До этого интернет был поляной для «своих». У нас в 1990-е годы это не играло никакой роли, кроме как электронной почтой пользовались. Поиска Google еще не было, и поисковиков по большому счету тоже. Наверное, с начала 2000-х годов — может быть, 2001 г., может быть, 1999 г. даже — уже начали появляться какие-то первые новостные сайты. Я не помню в каком году появился РБК, появился «ЖЖ», появились еще какие-то штуки, которыми стало можно пользоваться. (Владелец PR-агентства, стаж в индустрии 27 лет)

Для того, чтобы это произошло, помимо электронной почты, требовалось достижение критической массы пользователей Рунета, развитие средств поиска, подобных Yahoo, Rambler и Yandex, новостных порталов (например, «Газета.ru», «Вести.ru», «Лента.ru», созданные в 1999 г.), накопление достаточного объема

контента и появление электронных площадок для размещения контента пользователями — от простых бесплатных хостингов (например, популярный сайт-конструктор и хостинг «Народ.ru», созданный «Яндексом» в 2000 г.) и блогов (легендарный LiveJournal) до библиотек (пожалуй, самый известный пример — «Библиотека Машкова») и т. п.

Все это было качественным переходом в области профессионального труда, стимулировавшим не только новые формы рабочей коммуникации, но и новые способы организации труда и занятости — проектные технологии и дистанционную занятость. Например, один из авторов этой статьи на регулярной основе в качестве аналитика сотрудничал с одним из московских PR-агентств в 2000—2008 гг. При этом не работал в офисе, но приезжал туда на два-три часа один или два раза в неделю, чтобы получить задание и обсудить рабочие вопросы. Все остальное время работа проходила в дистанционном формате с использованием электронной почты и телефона для коммуникации, а интернета — для поиска материалов для подготовки PR-концепций и аналитики. В этом отношении данный тип труда укладывался в исследования, посвященные росту влияния ИКТ на трудовую сферу. Например, сотрудники, занятые в близких к ИКТ сферах, в 2000 г. тратили 20 % своего рабочего времени на работу на компьютере, а в интернете — 1 %. В 2009 г. работа на компьютере занимала уже 90—95 %, в том числе в интернете — 70—75 % рабочего времени [Жеребин, Ермакова, 2010]. По сути, это была форма цифровизированного интеллектуального труда с дистанционной составляющей — то, что стало активно обсуждаться исследователями платформенного труда и фриланса в России спустя многие годы [Shevchuk, Strebkov, 2015].

Заключение

В данной статье мы, опираясь на интервью с влиятельными профессионалами в области, информацию из профессиональных журналов и научные описания проникновения технологий в сферы профессиональной и личной жизни россиян, представили историко-социологический анализ использования технологий (от пейджеров и персональных компьютеров до блогов и социальных сетей) в деятельности российских специалистов в области связей с общественностью в 1990—2000-х годах. Было показано, что использование технологических новшеств выполняло сразу несколько важных задач для российского профессионала индустрии влияния. Прежде всего это демонстративное потребление, служившее усилению престижа профессии в глазах клиентов и обывателей-соотечественников. Такая функция была более всего характерна для компьютеров и поначалу для мобильной телефонии. Кроме того, технологии помогали ускорению обмена информацией между специалистами, в частности, более быстрой коммуникацию делали пейджеры, интернет, электронная почта, а к концу 2010-х годов — еще и мобильная связь. Последнее, что имеет смысл подчеркнуть, — внедрявшиеся в профессиональный быт технологии способствовали сотрудничеству российских и зарубежных специалистов: технологическая оснащенность, вне зависимости от средства связи, делала отечественных профессионалов более видимыми для зарубежных партнеров и заказчиков.

Наше исследование является новаторским для российской социологии профессий по нескольким причинам. Прежде всего, социальная история постсовет-

ского профессионализма имеет большие лакуны, поскольку в 1990-е годы ее фокус внимания был сдвинут в сторону трудовых отношений на приватизированных заводах и предприятиях [Ильин, 1996], либо, значительно реже, объектом изучения социальных исследователей становились профессии социальной сферы (медицинские работники, школьные учителя и т. п.) [Мансуров, Юрченко, 2004], которых называли тогда «бюджетниками», их статус и престиж были сильно подорваны массовым обеднением, нерегулярными выплатами зарплат и ухудшившимися условиями труда. В тот период практически отсутствовали исследования новых профессий постепенно развивающейся рыночной экономики — рекламистов, риэлторов, специалистов по PR, сетевых администраторов и др. По сути, начальный этап становления постсоветского российского профессионализма социологически можно реконструировать только постфактум, опираясь на доступные документальные и устные свидетельства, имеющие ограничения из-за работы памяти их носителей — участников эпохи. В этом отношении данная статья закрывает пробел социологического осмысления профессионализации индустрии влияния в России.

Вторая тема, связанная с предыдущей, — это история освоения российскими профессионалами новых компьютерных и коммуникационных технологий на этапе их бурного развития и активного проникновения в 1990—2000-х годах. Нужно сказать, что и за рубежом не так много антропологических и социологических исследований, посвященных тому, какую роль играли пейджеры и первые мобильные телефоны в работе профессионалов индустрии влияния. В России же такие исследования отсутствуют, хотя интерес к социальной истории российского сегмента интернета проявлялся в проектах Полины Колозариди и Леонида Юлдашева [Юлдашев, Колозариди, 2021], а также в популяризаторских инициативах документалиста Андрея Лошака*, исследовательницы медиа Натальи Конрадовой и некоторых тематических подкастах. Однако никто не изучал то, каким образом компьютеризация, освоение пейджеров, мобильной телефонии, электронной почты и интернета трансформировали трудовой процесс и профессиональные коммуникации «новых профессионалов» 1990-х годов. В то время подобных исследований не проводилось, а теперь доступ к практикам возможен только опосредованно — через воспоминания участников событий.

Представленное исследование имеет важные содержательные и методологические ограничения. На наш взгляд, социологическое изучение практического освоения и использования техники и технологий наилучшим образом может быть реализовано, когда опросные методы сочетаются с антропологическим и этнометодологическим включением в исследование в формате «здесь и сейчас», как это реализуется во многих проектах в жанре *Science and Technology Studies (STS)* [Латур, Вулгар, 2012]. В данном случае речь шла о ретроспективной оценке использования ИКТ, вышедших из активного пользования или ставших рутинными, что снижает эвристический потенциал собранного эмпирического материала, хотя и позволяет зафиксировать социальный контекст влияния этих технических новаций на профессиональный труд российских специалистов по PR.

Итак, проведенное исследование позволяет зафиксировать следующее. Прежде всего новые профессионализированные занятия в области индустрии влияния,

активно развивавшиеся на постсоветском пространстве, практически сразу оказались погружены в среду инновационных ИКТ. С одной стороны, благодаря этому занятия приобретали дополнительный ореол статусной престижности, а с другой — для входа в профессию требовались базовые знания или как минимум отсутствие страха перед освоением компьютерной техники. Последнее встречалось у более молодых специалистов — особенно тех, кто уже имел базовую профессиональную подготовку в области IT или прошел стажировку за рубежом, где соответствующие технологии уже использовались. Таким образом, наличие релевантного образовательного капитала ускоряло вхождение в профессию в рассматриваемый период.

Практические потребности специалистов индустрии влияния в специфических сегментах профессионального труда также сказывались на скорости проникновения ИКТ в работу и на то, как именно ИКТ использовались. В частности, исследование показало, что сфера политического консультирования находилась в авангарде применения мобильных ИКТ, поскольку политтехнологи часто работали на удаленных территориях с плохой технологической инфраструктурой, что требовало обладания продвинутым арсеналом передовых технических средств для участия в электоральных битвах. К тому же именно здесь можно говорить о технических аффордансах [Hutchby, 2001], когда, с одной стороны, ИКТ имели объективные структурные ограничения для использования, а с другой — их пользователи творчески переосмысливали прагматику использования этих технологий, как это нередко делали представители политтехнологического сегмента индустрии влияния. Например, само по себе обладание пейджером, ноутбуком и сотовым телефоном служило способом демонстрации престижного социального статуса и помогало влиять на заказчиков.

В целом данная статья позволила восстановить проблемы в понимании отношения ИКТ и формировавшихся в 1990—2000-е годы новых профессионализированных занятий, подобных индустрии влияния.

Список литературы (References)

Абрамов Р. Н. Связи с общественностью: профессиональные объединения и их влияние на PR-сферу // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 96—106. <https://doi.org/10.31857/S013216250012552-0>.

Abramov R. N. (2020) Public Relations: Professional Associations and Their Influence on the PR-Sphere. *Sociological Studies*. No. 11. P. 96—106. <https://doi.org/10.31857/S013216250012552-0>. (In Russ.)

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Berger P., Luckmann T. (1995) *Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. (In Russ.)

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, 2006.

Baudrillard J. (2006) *La Société de Consommation. Ses Mythes, Ses Structures*. Moscow: Kulturnaya Revolutsiya. (In Russ.)

Волков В. В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020.

Volkov V. V. (2020) *Violent Entrepreneurship, XXI Century: Economic and Sociological Analysis*. Saint Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

Гладарев Б. С. Женщина, мужчина и мобильный телефон // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 68—76. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/1-6-2006/gladarev.pdf> (дата обращения: 20.02.2023).

Gladarev B. S. (2006) A Woman, a Man, and a Mobile Phone. *Sociological Studies*. No. 4. P. 68—76. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/1-6-2006/gladarev.pdf> (accessed: 20.02.2023). (In Russ.)

Димаджио П. Дж., Пауэлл У. В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 34—56. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2010-1-34-56>.

DiMaggio P., Powell W. W. (2010) The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 11. No. 1. 34—56. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2010-1-34-56>. (In Russ.)

Жеребин В. М., Ермакова Н. А. Информатизация изменяет образ жизни населения // Народонаселение. 2010. Т. 50. № 4. С. 92—109.

Zherebin V. M., Yermakova N. A. (2010) Informatisation is Changing the Lifestyles of Population. *Population*. Vol. 50. No. 4. P. 92—109. (In Russ.)

Злобин Е. В. Источниковедческие особенности новейших информационных и коммуникационных технологий // Технотронные документы — информационная база источниковедения и архивоведения / под ред. Г. Н. Дюковой. М.: РГГУ, 2011. С. 236—246.

Zlobin E. V. (2011) Source Study Features of the Latest Information and Communication Technologies. In: Dyukova G. N. (ed.) *Technotronic Documents — Information Base of Source and Archive Studies*. Moscow: Russian State University for the Humanities. P. 236—246. (In Russ.)

Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Ф. Васильева; под ред. Я. Охонько и А. Смирнова. М.: Издательство Института Гайдара, 2022.

Zuboff Sh. (2022) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.)

Ильин В. И. «Белые воротнички» в современной России: новые средние слои или конторский пролетариат? // Рубеж (альманах социальных исследований). 1996. № 8—9. С. 98—121.

Ilyin V. I. (1996) “White Collars” in Modern Russia: The New Middle Strata or Clerical Proletariat? *Rubezh (Almanac of Social Research)*. No. 8—9. P. 98—122. (In Russ.)

Казанцев С. Ю. Основные изменения на российском рынке связи в 2000—2002 гг. // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2003.

- T. 1. С. 266—278. URL: <https://ecfor.ru/publication/osnovnye-izmeneniya-na-rossijskom-rynke-svyazi/> (дата обращения: 20.02.2023).
Kazantsev S. Yu. (2003) Major Changes in Russian Communications Market in 2000—2002. *Scientific Articles — Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences*. Vol. 1. P. 266—278. URL: <https://ecfor.ru/publication/osnovnye-izmeneniya-na-rossijskom-rynke-svyazi/> (accessed: 20.02.2023). (In Russ.)
- Клесов А. В моду входят телеконференции // Наука в СССР. 1985. № 6. С. 84—89.
Klesov A. (1985) Teleconferencing is in Vogue. *Science in the USSR*. No. 6. P. 84—89. (In Russ.)
- Конрадова Н. Археология русского интернета. Телепатия, телемосты и другие техноутопии холодной войны. М.: АСТ: Corpus, 2022.
Konradova N. (2022) Archeology of Russian Internet. Telepathy, Teleconferences and Other Techno-Utopias of the Cold War. Moscow: AST; Corpus. (In Russ.)
- Крэри Дж. 24/7. Поздний капитализм и цели сна / пер. с англ. под науч. ред. А. Смирнова. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2370-4>.
Crary J. (2022) 24/7. Late Capitalism and the Ends of Sleep. Moscow: HSE University Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2370-4>. (In Russ.)
- Латур Б. Об интеробъективности // Социология вещей / под ред. В. С. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 169—198.
Latour B. (2006) On Interobjectivity. In: Vakhshstayn V. S. (ed.) *The Sociology of Things*. Moscow: Territoriya budushchego. P. 169—198. (In Russ.)
- Латур Б., Вулгар С. Лабораторная жизнь. Конструирование научных фактов. Глава 2. Антрополог посещает лабораторию // Социология власти. 2012. № 6—7. С. 178—234.
Latour B., Vulgar S. (2012) Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts. Ch. 2. An Anthropologist Visits the Laboratory. *Sociology of Power*. No. 6—7. P. 178—234 (In Russ.)
- Мансуров В. А., Юрченко О. В. Перспективы профессионализации российских врачей в реформирующемся обществе // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2004 / под отв. ред. Л. М. Дробижевой. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 61—79.
Mansurov V. A., Yurchenko O. V. (2004) The Perspectives of Professionalization of the Russian Doctors in the Reforming Society. In: Drobizheva L. M. (ed.) *Reforming Russia: A Yearbook 2004*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. P. 61—79. (In Russ.)
- Матвейчев О. А. Этапы становления и развития рынка политических технологий в России и его перспективы // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 82—99. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.07>.
Matveychev O. A. (2018) Russian Market of Political Technologies: Stages of Formation and Prospects of Development. *Polis. Political Studies*. 2018. No. 2. P. 82—99. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.07>. (In Russ.)

Моисеева В. В. Развитие российского рынка связей с общественностью // Маркетинг и маркетинговые исследования в России. 1997. № 5. С. 2—7.

Moiseeva V. V. (1997) Development of the Russian Public Relations Market. *Marketing i marketingovye issledovaniya v Rossii*. No. 5. P. 2—7. (In Russ.)

Рощина Я. М. Досуг московских бизнесменов // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 174—189. URL: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/197> (дата обращения: 20.02.2023).

Roshchina Ya. M. (1995) Leisure of Moscow Businessmen. *Sociological Journal*. Vol. 3. P. 174—189. URL: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/197> (accessed: 20.02.2023). (In Russ.)

Соколов А. К., Мухин М. Ю. Модернизация повседневности: мобильная сотовая связь в СССР и России // Труды Института российской истории Российской академии наук. 2015. Вып. 13. М.: Институт российской истории РАН. С. 354—388. URL: <https://iriran.ru/publications/2642> (дата обращения: 20.02.2023).

Sokolov A. K., Mukhin M. Y. (2015) Modernization of the Everyday Life: Mobile Cellular Communications in the USSR and Russia. In: *Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 13. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. P. 354—388. URL: <https://iriran.ru/publications/2642> (accessed: 20.02.2023). (In Russ.)

Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. под науч. ред. М. Добряковой. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1786-4>.

Srniczek N. (2020) Platform Capitalism. Moscow: HSE University Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1786-4>. (In Russ.)

Шевчук А. В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. 2020. Т. 32. № 1. С. 30—54. URL: <https://socofpower.ranepa.ru/home/archive/2020/425885/#425863> (дата обращения: 20.02.2023).

Shevchuk A. V. (2020) From Factory to Platform: Autonomy and Control in the Digital Economy. *Sociology of Power*. Vol. 32. No. 1. P. 30—54. URL: <https://socofpower.ranepa.ru/home/archive/2020/425885/#425863> (accessed: 20.02.2023). (In Russ.)

Юлдашев Л. О., Колозариди П. В. Что такое интернет? Опыт разведывательного исследования в области Internet Studies // Новое время, новое поле: меняющийся мир качественных исследований и новые технологии / под ред. О. И. Звонаревой, А. Ю. Контаревой, Е. В. Поповой. СПб.: Алетея, 2021.

Yuldashev L. O., Kolozaridi P. V. (2021) What is the Internet? The Experience of Intelligence Research in the Field of Internet Studies. In: Zvonareva O. I., Kontareva A. Yu., Popova E. V. (eds.) *New Time, New Field: The Changing World of Qualitative Research and New Technologies*. Saint Petersburg: Aletheia.

Abramov R., Abramova N. (2020) From the Experimentation to the Unification: How the Transition to Unified Computer System Influenced the Professional Culture of the Soviet Computer Industry. In: *2020 Fifth International Conference "History of Comput-*

ing in the Russia, Former Soviet Union and Council for Mutual Economic Assistance Countries” (SoRuCom). Piscataway, NJ: IEEE. P. 12—15. <https://doi.org/10.1109/SORUCOM51654.2020.9464946>.

Atkinson P. (2005) Man in a Briefcase: The Social Construction of the Laptop Computer and the Emergence of a Type Form. *Journal of Design History*. 2005. Vol. 18. No. 2. P. 191—205. <https://doi.org/10.1093/jdh/epi024>.

Bast C. M. (1999) Pagers: Has Technology Eroded Privacy? *Journal of Legal Studies in Business*. Vol. 6. No. 2. P. 27—50.

Braun V., Clarke V. (2012) Thematic Analysis. In: Cooper H., Camic P. M., Long D. L., Panter A. T., Rindskopf D., Sher K. J. (eds.) *APA Handbook of Research Methods in Psychology. Vol 2. Research Designs: Quantitative, Qualitative, Neuropsychological, and Biological*. Washington, DC: American Psychological Association. P. 57—71. <https://doi.org/10.1037/13620-004>.

Castells M. (1996) *The Rise of the Network Society*. Malden, MA: Blackwell.

Cohen S. (2013) Image of a Secretary: A Metapragmatic Morality for Post-Soviet Capitalism. *Anthropological Quarterly*. Vol. 86. No. 3. P. 725—758. <https://doi.org/10.1353/anq.2013.0036>.

Freundlich R. E., Freundlich K. L., Drolet B. C. (2018) Pagers, Smartphones, and HIPAA: Finding the Best Solution for Electronic Communication of Protected Health Information. *Journal of Medical Systems*. Vol. 42. No. 1. <https://doi.org/10.1007/s10916-017-0870-9>.

Hammond J. L. (1986) Yuppies. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 50. No. 4. P. 487—501. <https://doi.org/10.1086/268999>.

Hutchby I. (2001) Technologies, Texts and Affordances. *Sociology*. Vol. 35. No. 2. P. 441—456. <https://doi.org/10.1017/S0038038501000219>.

Kharkhordin O., Gerber T. P. (1994) Russian Directors' Business Ethic: A Study of Industrial Enterprises in St. Petersburg, 1993. *Europe-Asia Studies*. Vol. 46. No. 7. P. 1075—1107. <https://doi.org/10.1080/09668139408412220>.

Kling R. (1991) Computerization and Social Transformations. *Science, Technology, & Human Values*. Vol. 16. No. 3. P. 342—367. <https://doi.org/10.1177/016224399101600304>.

Latour B. (1991) Technology is Society Made Durable. In: Law J. (ed.) *A Sociology of Monsters: Essays on Power, Technology and Domination*. London: Routledge. P. 103—131.

Leung L., Wei R. (1999) Seeking News via the Pager: An Expectancy-Value Study. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. Vol. 43. No. 3. P. 299—315. <https://doi.org/10.1080/08838159909364493>.

Lonkila M., Gladarev B. (2008) Social Networks and Cellphone Use in Russia: Local Consequences of Global Communication Technology. *New Media & Society*. Vol. 10. No. 2. P. 273—293. <https://doi.org/10.1177/1461444807086473>.

Morris J. (2012) Learning How to Shoot Fish on the Internet: New Media in the Russian Margins as Facilitating Immediate and Parochial Social Needs. *Europe-Asia Studies*. Vol. 64. No. 8. P. 1546—1564. <https://doi.org/10.1080/09668136.2012.712275>.

Osgerby B. (2001) Playboys in Paradise. Masculinity, Youth and Leisure-Style in Modern America. London: Bloomsbury Academic.

Pinch T. J., Bijker W. E. (1984) The Social Construction of Facts and Artefacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology Might Benefit Each Other. *Social Studies of Science*. Vol. 14. No. 3. P. 399—441. <https://doi.org/10.1177/030631284014003004>.

Radaev V. (1997) Practicing and Potential Entrepreneurs in Russia. *International Journal of Sociology*. Vol. 27. No. 3. P. 15—50. <https://doi.org/10.1080/15579336.1997.11770164>.

Shevchuk A., Strebkov D. (2015) The Rise of Freelance Contracting on the Russian-Language Internet. *Small Enterprise Research*. Vol. 22. No. 2—3. P. 146—158. <https://doi.org/10.1080/13215906.2015.1052341>.

van Ruler B., Verčič D. (2004) Public Relations and Communication Management in Europe: A Nation-by-nation Introduction to Public Relations Theory and Practice. Berlin; New York, NY: De Gruyter Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110197198>.

Vershinskaya O. (2002) Mobile Communication. Use of Mobile Phones as a Social Phenomenon — The Russian Experience. *Revista de Estudios de Juventud*. Vol. 57. P. 139—149.

Woolgar S., Grint K. (1991) Computers and the Transformation of Social Analysis. *Science, Technology, & Human Values*. Vol. 16. No. 3. P. 368—378. <https://doi.org/10.1177/016224399101600305>.

Yang A., Taylor M. (2014) A Global Perspective on Public Relations Professionalism: Mapping the Structure of Public Relations Associations' International Networks. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. Vol. 91. No. 3. P. 508—529. <https://doi.org/10.1177/1077699014538831>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.1.2323](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2323)

Е. В. Красова

ФИЗИЧЕСКИЙ И УМСТВЕННЫЙ ТРУД: ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИЛИ ЕДИНСТВО?

Правильная ссылка на статью:

Красова Е. В. Физический и умственный труд: противостояние или единство? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 228—250. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2323>.

For citation:

Krasova E. V. (2023) Physical and Intellectual Labor: Confrontation or Unity? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 228–250. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2323>. (In Russ.)

Получено: 12.10.2022. Принято к публикации: 13.01.2023.

ФИЗИЧЕСКИЙ И УМСТВЕННЫЙ ТРУД: ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИЛИ ЕДИНСТВО?

PHYSICAL AND INTELLECTUAL LABOR: CONFRONTATION OR UNITY?

КРАСОВА Елена Викторовна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления, Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия
E-MAIL: elena_krasova@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7847-0385>

Elena V. KRASOVA¹ — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of Department of Economics and Management
E-MAIL: elena_krasova@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7847-0385>

Аннотация. В статье рассматривается проблема снижения значимости физического труда в современной научной литературе. Физический и умственный труд часто предстают в ней в качестве социально противоположных ресурсов-субститутов, первый из которых замещается вторым как неактуальный тип хозяйственной деятельности, регрессирующий на фоне развития информационно-коммуникационных технологий. Такой подход формирует в общественном сознании упрощенный взгляд на происходящие качественные изменения в содержании труда. Автор рассматривает физический и умственный труд как неотъемлемые части любого социально-исторического типа производственных отношений. Цель работы — обосновать комплементарность физического и умственного труда в контексте развития информационного общества и интеллектуализации экономики. Исследование опирается на методологический аппарат экономики и социологии труда. Статья содержит обзор научной литературы, подтверждающий неоднозначное отношение ученых к физическому труду. Обозначены предпосылки дискредитации физического труда как мировоззренческой и методологической проблемы общественных наук.

Abstract. The article deals with the problem of the depreciation of physical labor in contemporary scientific literature. Physical and intellectual types of labor are often considered as socially opposite resource substitutes, the first of which is replaced by the second as an irrelevant and regressive type of economic activity under scientific and technological development. Such an approach distorts public opinion spreading a simplified view on qualitative change of labor content. The author considers physical and intellectual labor integral to any socio-historical production relations. The research aims to substantiate the physical and intellectual labor complementarity in the context of information society creation and the labor intellectualization processes. The article is methodologically based on labor sociology and labor economics. The article contains a review of scientific literature, confirming the ambiguous attitude of scientists toward physical labor. Prerequisites for such ideological and methodological problems of the social sciences as discrediting physical labor are outlined. Labor is considered a universal synthetic category in which physical, intellectual (just cognitive), communication, and non-cognitive (moral, cultural) components are distinguished. The components are realized in the uni-

¹ Vladivostok State University, Vladivostok, Russia

Труд в условиях информационного общества представлен как универсальная синтетическая категория, в которой выделяются физическая, умственная (когнитивная), коммуникационная и некогнитивная (личностная, культурная) компоненты, реализующиеся в едином трудовом процессе. В статье обозначены ключевые макро-социальные факторы развития физического труда в информационном обществе, а именно: сохранение материальной природы организации общества, экономическая и социальная ограниченность распространения новых технологий, многоукладность современной экономики, высокая значимость физического труда как элемента культуры и развития личности. Сделаны выводы о прогрессивном развитии и производительном характере физического труда в информационном обществе посредством его сближения с умственным трудом и другими содержательными компонентами труда.

Ключевые слова: физический труд, умственный труд, содержание труда, разделение труда, компоненты труда, информационное общество, комплементарность физического и умственного труда, сближение физического и умственного труда

Physical labor process. Macrosocial factors of physical labor development in the information society are studied: the material nature of a social organization and needs satisfaction remains; new technologies have economic and social limits; physical labor is an essential element of culture and personal development. In the article, there is a conclusion about the dynamic, progressive development, and productive nature of physical labor in the information society thanks to a convergence of physical and intellectual labor.

Keywords: physical labor, intellectual labor, labor content, division of labor, labor components, information society, complementarity of physical and intellectual labor, convergence of physical and mental labor

Введение

Труд — важная научная категория междисциплинарного дискурса, а его содержание — основной аспект ее изучения. Несмотря на то, что сегодня понятие труда подвергается переосмыслению вследствие развития производительных сил, большинство принятых и популяризированных наукой трактовок труда предполагают всеобъемлемость его содержания. Труд — это «вечное естественное условие человеческой жизни... одинаково общее всем ее общественным формам» [Маркс, Энгельс, 1960: 195], «всякое умственное и физическое усилие, предпринимаемое с целью достижения какого-то результата» [Marshall, 1983: 104], «единство объективных условий и субъективных факторов», наблюдаемых в процессе пре-

образования материи [Тощенко, Цветкова, 2021: 45]. Данное единство исходит из целостности человеческой сущности, неразрывности физических, интеллектуальных, духовных и иных усилий человека.

Вместе с тем основополагающей тенденцией развития труда как вида человеческой деятельности остается его разделение. Феномен разделения труда подарил человечеству эффективное общественное производство, многообразие профессий, но в то же время он несет в себе груз теоретико-методологических, мировоззренческих и этических проблем. Разделение труда на физический и умственный, то есть отделение чисто мускульных операций и операций мыслительного характера как неких противоположностей, считается в науке базовым, социально и исторически обусловленным типом разделения труда. Особый акцент на этом разделении был сделан во второй половине XX века в результате научно-технического развития и роста потребности экономики в умственном труде. Такая, на первый взгляд, логичная схема трансформации содержания труда всегда несколько абсолютизировалась наукой, а информационная революция с ее курсом на интеллектуализацию экономики и вовсе придала ей аксиоматический характер. Экспликация траектории общественного прогресса сегодня увязывается именно с замещением физического труда умственным, а не с поступательным развитием обоих видов труда. В качестве источника личностного и социального процветания многие указывают образование, стремление к познанию, коммуникации, причастность к духовным ценностям и другие проявления ментальной активности, отодвигая на задний план физический труд как детерминанту развития. Зачастую физическому труду, учитывая формы его воплощения на практике, придается негативный оттенок: он признается менее привлекательным, содержательным, ценным, а также менее квалифицированным, престижным, оплачиваемым. Общая риторика исследований в русле постиндустриальных идей отражает своеобразную дискредитацию физического труда и ведет к выводу о падении его значимости как для отдельного человека, так и для общества в целом.

Наука и практика в состоянии оспорить такой вывод. Во-первых, развитие человека как личности начинается с тех или иных форм физического труда в раннем детстве и продолжается до глубокой старости. Во-вторых, несмотря на технический прогресс, физический труд продолжает занимать важное место в экономике. В структуре мировой занятости долю рабочих, занятых только в формальном секторе обрабатывающей промышленности, можно оценить в 13 %, сельского хозяйства — в 25 %¹. В России доля занятых трудом, включающим существенные элементы физического труда (рабочие, операторы, работники сферы обслуживания, торговли и т. п.), составляет порядка 49 % всех занятых в экономике². В число самых востребованных профессий на российском рынке труда входят продавец, водитель, рабочий, швея, медсестра, сварщик, плот-

¹ Рассчитано на основе: Statistics on Employment // ILOSTAT. URL: <https://ilostat.ilo.org/topics/employment/> (дата обращения: 02.02.2023).

² Труд и занятость в России. 2021. М.: Росстат, 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 09.01.2023).

ник, монтажник и т.д.³. В странах Европы особое место среди профессий, связанных с физическим трудом, занимает ремесленничество: от 12 до 25 % всех рабочих мест несельскохозяйственного сектора приходится на ремесленные предприятия, занимающиеся различными видами деятельности в строительстве, пищевой, легкой, лесной промышленности, туризме и сфере услуг⁴. Такие страны, как Германия, Франция, Италия, считают развитие ремесленнического производства важным условием формирования эффективной структуры экономики, а сами ремесленные профессии в последние годы набирают популярность у населения^{4,5}.

Назрела необходимость переосмыслить место физического труда в экономике, реанимировать его социальную значимость и раскрыть его созидательную роль. Цель настоящего исследования — обосновать комплементарность физического и умственного труда в контексте развития информационного общества и интеллектуализации экономики. Конкретные научные задачи, на решение которых направлено исследование: раскрытие механизма взаимосвязи различных компонент труда и выявление закономерностей социально-экономической эволюции труда под влиянием развития каждой из его компонент.

Физический труд в научной литературе

Труд (работа, деятельность и т. п.) и связанные с ним социально-экономические процессы всегда привлекали внимание ученых и мыслителей. Даже наскальные рисунки древних людей изображали охоту, собирательство, быт и особенности отношений людей в процессе труда. Разделение физического и умственного труда с древности служило главным критерием классового деления общества. Физический труд выделялся как необходимая, но наиболее тяжелая, изнуряющая, наказующая деятельность, как фактор принижения человека, принадлежность к низшим слоям общества. Аристотель считал, что физический труд, включающий земледелие и ремесло, это удел рабов, и рабство так же естественно для государства, как муж и жена для семьи. Фома Аквинский указывал на социальное неравенство как на богоугодную «иерархию форм в вещах» на основе отделения умственного труда от физического, который воспринимал как «черный труд», рабское занятие. Августин же считал необходимым сочетание физического труда с духовной деятельностью, хотя и признавал нормальным неравенство в обществе [Канке, 2022: 40—52, 81—83, 90—93].

История знает немного примеров нейтральной или положительной концептуализации физического труда как социально-экономического феномена. Достаточно прогрессивными для своего времени были взгляды Мартина Лютера, относившегося к труду как к божественному призванию: вид труда значения не имеет,

³ Самые востребованные предложения работодателей по рабочим местам (выбрано по крупным городам и субъектам РФ) // Работа России. URL: <https://trudvsem.ru/analytics/portal-stats/popular-vacancies> (дата обращения: 02.02.2023).

⁴ Гаврилов Д. Е. Проблемы развития малых производственных предприятий: опыт Германии и России // e-FORUM. 2018. № 4 (5). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36958239> (дата обращения: 02.02.2023).

⁵ Гёбель Й. Десять фактов о ремесленных профессиях // Ваше окно в Германию. 2021. 30 сентября. URL: <https://www.deutschland.de/ru/topic/ekonomika/remeslo-v-germanii-professii-polzuyuschiesya-naibolshim-sposom-i-naibolee-vazhnye> (дата обращения: 09.01.2023).

ведь «все профессии равноценны в глазах Господа». «Труды монахов и священников ни на йоту не отличаются от трудов крестьянина в поле или женщины, работающей по хозяйству», — писал Лютер и приводил многочисленные примеры из Библии о служении богу посредством труда⁶. Утопия Томаса Мора подчеркивает значимость физического труда ремесленников и земледельцев, при этом умственный труд не играет главной роли, поэтому не противостоит, а сочетается с физическим трудом. По мнению современников, такой переход от труда-наказания к труду-призванию не был случаен: на фоне хозяйственной деградации, в которой пребывала Европа, самая многочисленная часть населения — земледельцы — существовала на грани выживания, и одна из причин этого — отрицательное отношение к труду, сложившееся в раннем Средневековье⁷. Предложенное протестантизмом понятие «профессиональное призвание» как узко ограниченный вид деятельности впоследствии заняло центральное место в концепции «духа капитализма» Макса Вебера, закреплявшей классовость и асимметрию социальных интересов: для работников труд определялся как самоцель, залог «вечного спасения», «высшая нравственная задача» в условиях экономической эксплуатации и низких заработных плат [Вебер, 1990: 203—204].

Первые экономические школы (физиократы, классическая школа) рассматривали физический труд не просто как необходимость, а как основу роста богатства наций. Франсуа Кенэ признавал труд в сельском хозяйстве единственным производительным трудом, а самих рабочих и фермеров — производительным классом [Кенэ, 2007]. Адам Смит считал производительным весь труд, занятый в сфере материального производства, расценивал увеличение «ловкости и искусства рабочего» как один из источников повышения производительности труда и простота создаваемого продукта [Смит, 2016].

Карл Маркс, исследуя процесс общественного разделения труда, выделил «враждебную противоположность» [Маркс, Энгельс, 1960: 516] между умственным и физическим трудом как проблему, возникшую в результате появления частной собственности. Причиной такой противоположности является относительная неразвитость производительных сил, а фактором ее укрепления с момента Первой промышленной революции XVIII в. вплоть до XIX века — господство капиталистических отношений со свойственной им антагонистической классовой структурой [Маркс, Энгельс, 1974]. Проблема противоположности физического и умственного труда имеет чисто социальный (вынужденный, навязанный производственными отношениями) характер и не связана с естественно-историческими (физиологически обусловленными, неантагонистичными) различиями физической и умственной деятельности.

Данная проблема достаточно скрупулезно изучалась советскими учеными. Сторонники концепции перемены труда предполагали постепенную ликвидацию разделения физического и умственного труда, органичное соединение последних на основе превращения науки в главную производительную силу, объективную замену узко специализированного труда трудом работников с гармонично

⁶ Сирота А. Как труд стал призванием // Исторический онлайн-проект Маранат. 2006. URL: https://www.maranat.de/sir_02_07.html (дата обращения: 08.10.2022).

⁷ Там же.

развитыми интеллектуальными и физическими способностями. «Соединение умственного и физического труда — более действенное средство повышения производительности труда, нежели система старого разделения труда. Всесторонне развитый человек будет самым могущественным в истории производителем ценностей» [Ельмеев, Полозов, Ряченко, 1965: 106; 108]. Другие школы также связывали решение данной проблемы с развитием механизации и автоматизации производства, повышением профессионально-квалификационного уровня работников [Маневич, 1961; Курылев, 1971; Ивашкевич, 1983]. Особенностью взглядов советских ученых было использование методологической платформы социализма, предусматривавшей ликвидацию частной собственности и достижение социально однородного общества. XX век показал, что изменение содержания труда в пользу умственного возможно и в капиталистической экономике, с той лишь разницей, что социализм предполагал «подтягивание» культурно-технического уровня рабочих до уровня интеллигенции и сокращение на этом фоне социальных различий, а капитализм продемонстрировал низведение умственного труда с уровня эксплуатирующего до эксплуатируемого класса в виде «пролетаризации интеллигенции» и усугубление социальной дифференциации. Вместе с тем опора на рабочий класс обусловила формирование в СССР трудодцентристской идеологии труда, гипертрофировавшей ценность труда в видимых, физических его воплощениях, что обусловило неоднозначное, «зигзагообразное» отношение советской власти к интеллигенции как особой социально-трудовой группе [Магун, 1998; Веремчук, 2014]. В частности, судебный процесс 1964 г. над Иосифом Бродским⁸, обвиненном в тунеядстве и пытавшемся доказать, что «он не тунеядец, а поэт», отражает не менее искаженное, чем при капитализме, восприятие естественных различий физического и умственного труда: здесь, по сути, антагонизм между ними сохраняется, только угнетаемой стороной выступает умственный труд.

Для российской мысли в целом не характерно восприятие физического труда как наказания или объекта презрения. Из-за суровых природных условий, общинного уклада «трудолюбие, добросовестность, стремление выполнять работу как можно лучше всегда были главными ценностями русского народа»; многие отечественные мыслители считали, что именно в тяжелом труде русский человек находил моменты творчества и нравственного развития [Мокшин, Шипелик, 2019: 38].

В XX веке научно-техническое развитие и активное накопление капитала в западных странах закономерно вели к модернизации подходов к труду и рабочей силе. Теория рациональной бюрократии (1910—1920-е годы), теория человеческого капитала (с 1960-х годов), концепции постиндустриального общества и экономики знаний (вторая половина XX — первая половина XXI века) стали ответами на запросы технологизированной капиталистической экономики. В XXI веке идеализация информационно-цифровой экономики как некой прогрессивной модели общества, которую поддерживают и многие российские

⁸ «Я работал, я писал стихи»: почему суд над Бродским нельзя забывать // Forbs. 2021. 15 апреля. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/426389-ya-rabotal-ya-pisal-stihi-pochemu-sud-nad-brodskim-nelzya-zabyvat> (дата обращения: 10.10.2022).

ученые, способствовала апологетизации умственного (интеллектуального, творческого и т. п.) труда, сопровождающейся не только падением престижа физического труда, но и сценариями его упразднения, прекаризации, маргинализации. «Креативный и информационный факторы» рассматриваются как решающее условие сегодняшней организации труда в противоположность «физическому и энергетическому факторам, как это было на более низких ступенях технического развития» [Лебедев, 2014: 112], предсказывается «возможная замена трудовой деятельности новым типом активности со значительными элементами творчества» [Михнева, 2002: 45]. «На смену физическому труду и промышленной деятельности приходит мысленный и творческий труд и инновационная деятельность» [Скрыль, 2015: 2]. Концепция «нематериального труда» определяет труд как «абстрактную деятельность, включающую в себя производство субъективности и существующую в форме сетей и потоков» [Lazzarato, 1996: 134, 136]. В силу большого числа публикаций представим обобщенно основные аспекты современного мейнстрима в указанном ключе.

— Деконструкция физического труда как цельного вида человеческой деятельности, вытеснение из него ценного и продуктивного начал [Киршин, Титов, 2012], низведение его до качественно однообразного [Лебединцева, 2012: 110], лишение его творческой и духовной компонент, приписываемых лишь интеллектуальному труду.

— Декларирование превосходства профессий, связанных с интеллектуальным трудом, в ущерб традиционным рабочим специальностям; противопоставление труда и творчества как отдельных видов деятельности с разным социальным статусом [Иноземцев, 1998; Бузгалин, Колганов, 2019]. В качестве профессионалов рассматривают представителей нефизического труда, отвлекаясь от «обыденной трактовки, когда профессионалом называют представителей любых профессий, достигших уровня мастерства» [Каравай, 2021: 126].

— Заикливание на информационных (цифровых) технологиях как главной цели развития так называемого общества знаний [Ширинкина, 2017], принятие сопряженных с ним гуманистических проблем: сокращения рабочих мест, роста социальной незащищенности работников, социального расслоения и т. д. [Petruk, Shashlo, 2020; Wadley, 2021].

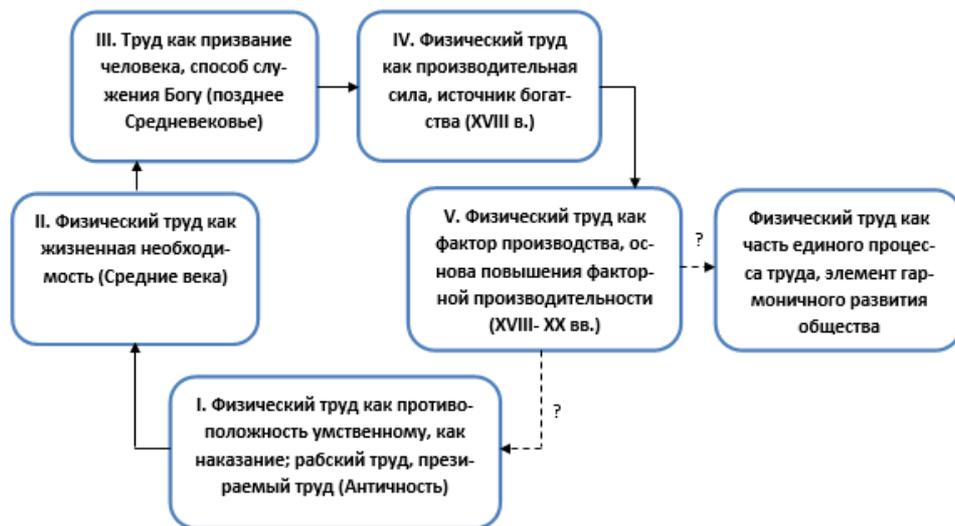
— Оправдание социального неравенства и социального насилия необходимостью «обеспечить общественное развитие» [Griffen, 2020: 33—34], отрицание многовариантности общества будущего, в котором могут быть удовлетворены интересы всех профессиональных групп населения.

— Развитие идей «общества без труда», «конца труда», «исчезновения рабочего класса», «нации независимых работников» и т. п. [Beck, 2000; Rifkin, 2004].

Таким образом, физический и умственный труд продолжают во многих случаях расцениваться как социально противостоящие виды труда (см. рис. 1).

Усугубление такого антагонизма способно отбросить науку о труде на тысячелетия назад, к античной версии трудовой этики. Альтернативой этому некоторые ученые считают создание гуманистической экономики, в которой труд рассматривается и как средство, и как цель социально-экономического развития, что обуславливает равенство различных видов труда [Федоренко, 2006].

Рис. 1. Развитие представлений о физическом труде в истории

Предпосылки дискредитации физического труда

Абстрагируясь от исторической памяти, выделим две основные причины различного восприятия физического и умственного труда в современной литературе.

1. *Использование социально-исторического критерия разделения труда на физический и умственный.* Социально-исторический (классовый) подход — весьма дискуссионный, хотя и распространенный аспект современной теории разделения труда. Его дискуссионность заключается в отсутствии четкой связи между содержанием труда и принадлежностью работника к определенному классу (группе) общества. Уже в эпоху промышленного капитализма значительная часть работников умственного труда подвергалась эксплуатации, а в информационном обществе содержание труда работников стало еще более неоднородным. С позиции экономики и социологии, разделение труда — это «разделение функций, задач и сфер деятельности» [Тощенко, Цветкова, 2021: 369], «дифференциация, специализация трудовой деятельности». «Разграничение видов деятельности в экономике страны осуществляется по группам отраслей: промышленность, сельское хозяйство и т. д. Дальнейшая дифференциация происходит по отдельным отраслям, подотраслям» [Экономика и социология труда, 2019: 148]. Ни функциональное, ни технологическое, ни предметное разделение труда не в состоянии вычленил чисто умственный или чисто физический труд. В силу этого закрепление разделения труда на умственный и физический с видимой их антагонизацией видится скорее как способ упростить стратификацию общества, разъединить его на четкие группы путем сближения и размывания профессиональной и социальной идентичности людей. Также это можно назвать попыткой редуцировать многогранные социально-экономические отношения до одной «удобной» для объяснения общественного развития теории.

2. *Изучение процессов труда на методологической основе концепции постиндустриального общества*, рассматривающей знания и информацию в качестве главных факторов экономического роста. Поскольку главными факторами общественного производства остаются труд и капитал, а знания — лишь источник повышения конкурентоспособности производства, постиндустриальная картина мира мешает сквозь «знаниевую эйфорию» разглядеть труд как целостную развивающуюся систему, включающую знания, умения и навыки в качестве фундамента формирования любых профессиональных компетенций. Методологическое несовершенство постиндустриализма ограничило исследование трудового фактора интеллектуализацией и социальными коммуникациями, фактически отбросив физический труд как устаревшее и не соответствующее духу времени явление. Нематериальный труд, сетевой труд, компьютерный труд и т. п. — вполне современные и актуальные концепты труда. Однако их излишняя популяризация и претензия на монополизм сужают исследуемое пространство до целевых установок информационно-цифровой экономики и не принимают во внимание многоукладность общества, дифференциацию технологической восприимчивости отраслей, изменчивую конъюнктуру рынка труда, свободу личности и т. п.

Указанные причины фиксируют своего рода отклонения от прогрессивно-поступательного развития науки о труде под влиянием рыночной идеологии и научного конформизма, поэтому целесообразно переосмыслить декларируемый субституальный характер отношений между физическим и умственным трудом. Для этого рассмотрим взаимосвязь различных компонент труда, обоснуем значимость физического труда в условиях информационного общества.

Труд как универсальная синтетическая категория

С точки зрения физиологии человека любой труд представляет собой совокупность психофизических нагрузок, включающую в себя затраты физической, умственной, психической и духовной энергий. Они формируют многокомпонентность содержания труда, при которой сложно выделить какую-либо одну компоненту, поскольку отсутствие одной из них делает невозможной реализацию других. На неразрывность компонент труда, условность и относительность их разделения указывали многие ученые. Еще в середине XX века академик СССР С. Г. Струмилин смотрел на труд как на единый, энергетический, нервно-мышечный процесс, поясняя, что любая мышечная работа невозможна без деятельности нервной и мозговой систем [Струмилин, 1964]. Выполнение физической работы обязательно сопровождается умственной деятельностью, и наоборот [Егоров, Загрядский, 1973]. Исследования [Казантинова, 2013; Новожилова, Герегей, Меркулова, 2022] обосновывают сходство физической и умственной работы в части электрической активности головного мозга, реакций нервной системы, вегетативных и эмоциональных реакций, механизма развития утомления и т. д.

Физиология указывает на тесную связь биологической и социальной сущностей человека: присущие человеку качества в процессе труда преобразуются в четкие компоненты труда, в единстве и взаимосвязи которых возникает способность создавать орудия труда, а с их помощью — блага для удовлетворения потребностей. При этом содержание труда в условиях современных технологий

представлено не только физической и умственной компонентами. Так, Д. Белл, Э. Тоффлер, М. Кастельс и их последователи говорят о революционной роли коммуникаций как следствия развития информационных технологий, сетевых взаимодействий: по их мнению, труд — это прежде всего взаимодействие между людьми [Castells, 2001]. М. Лаззарато отождествляет процессы создания стоимости и непрерывного воспроизводства социальной коммуникации: «сегодня работа требует сотрудничества и коллективной координации, и поэтому субъекты производственного процесса... обязаны быть активными участниками рабочей группы» [Lazzarato, 1996: 134]. Информационные сети высвободили огромный потенциал коммуникаций как средства повышения продуктивности деятельности, однако проблема состоит не в признании значимой роли коммуникаций (она очевидна), а в ее абсолютизации.

С. Сэйерс выделяет эмоциональный труд, создающий чувства благополучия и удовлетворения и направленный на воспроизводство социальных отношений [Sayers, 2007]. Дж. Хекман подчеркивает важность некогнитивных компонент, считая их определяющими факторами жизненного успеха [Heskman, 2000]. Ученые Высшей школы экономики анализируют «большую пятерку» некогнитивных компонент (открытость новому, добросовестность, экстраверсию, доброжелательность и эмоциональную (не)стабильность), имеющих производительный потенциал и дополняющих профессиональные навыки [Гимпельсон, Зудина, Капельников, 2020].

Все выделяемые здесь содержательные компоненты труда — физическая, умственная (интеллектуальная, когнитивная), коммуникационная, некогнитивная (личностная, духовная, культурная) — это совокупность взаимодополняющих и взаимообуславливающих друг друга составляющих процесса труда, сочетающая простые и сложные, рутинные и творческие, исполнительские и организующие операции.

Приведем несколько примеров. Врач-хирург делает операцию на сердце. Где провести грань между его интеллектуальным трудом, выраженным в знаниях анатомии человека, патологии сердца и методов лечения, и физическим трудом, отражающим отточенные опытом навыки операционного воздействия? Как при этом разделить шаблонный труд согласно требованиям медицинской практики и готовность к нестандартным ситуациям, если во время операции что-то пойдет не так?

Учитель в школе ведет урок. Где граница между накопленными им знаниями и их передачей учащимся, осуществляемой голосом, подкрепляемой жестами, мимикой, движениями, эмоциями?

Нянечка в детском саду берет на руки ребенка, чтобы его успокоить. Как можно четко идентифицировать ее труд: как физический? умственный? эмоциональный?

Рассмотрим пример водителя, строителя или дизайнера: независимо от профессии содержание труда многокомпонентно, все компоненты реализуются одновременно и в единстве. Каким бы компетентным ни был хирург, он может помочь пациенту, лишь осуществляя конкретные физические действия. Каким бы грамотным ни был педагог, без коммуникационной составляющей его знания останутся бесполезными. Каким бы сильным и ловким ни был рабочий, без знания технологии дом ему не построить. «Никогда биологическая энергия не уступит своего

места какой-то механической энергии в процессах управленческой, умственной, творческой деятельности человека» [Ельмеев, 2007: 66]. «Если ученого еще можно представить без применения физических усилий, то крестьянина или плотника, не прибегающих к активной умственной деятельности, найти весьма проблематично» [Чинкин, 2009: 96].

Общепризнанные классификации видов деятельности и занятий не отражают возможность отнесения существующих профессий к какой-либо конкретной компоненте труда. Международная стандартная отраслевая классификация всех видов экономической деятельности ООН⁹, а также Международная стандартная классификация профессий Международной организации труда¹⁰ отражают профессионально-квалификационный подход к разделению труда, дифференцируя труд по сферам хозяйствования, видам специализации и уровням квалификации, а не по его содержанию. Методические рекомендации российской Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека разделяют работающее население по уровню физической активности в профессиональной деятельности¹¹. С. Г. Струмилин вместо упрощенного деления труда на физический и умственный предложил схему классификации профессий по уровню автоматизации труда, а также развил производственно-технический подход к труду на основе характера использования техники [Струмилин, 1964]. И физическая активность, и уровень автоматизации, и характер использования техники, могущие выступать в качестве критериев классификации труда, отражают условную величину энергозатрат человека при выполнении конкретной работы и не указывают при этом на количество или качество трудовых операций, их творческую сложность или насыщенность. Иными словами, каких-либо аргументов, обосновывающих качественную или творческую ограниченность физического труда, не существует. Каждый вид деятельности, каждая профессия могут лишь преимущественно, частично, но не исключительно, быть представлены физической, умственной или какой-либо другой содержательной компонентой труда.

Учитывая вышеизложенное, рассуждения о полной замене физического труда умственным, превосходстве второго над первым ведут в научный тупик. Декомпозиция человека на отдельные «эффективные» и «неэффективные» для экономики характеристики (мышечную силу, органы чувств, реакцию, речь, мышление и т. п.) способствует упрощенному пониманию труда как совокупности однотипных действий (операций), с тем чтобы «неэффективные» вывести из рассмотрения, а «эффективные» признать приоритетными к развитию. Такой подход не может найти подтверждения на практике (поскольку и человек, и его труд являются неделимыми), а лишь ведет к особому виду неравенства — неравенству внутри самого человека, к дисгармонизации его личности.

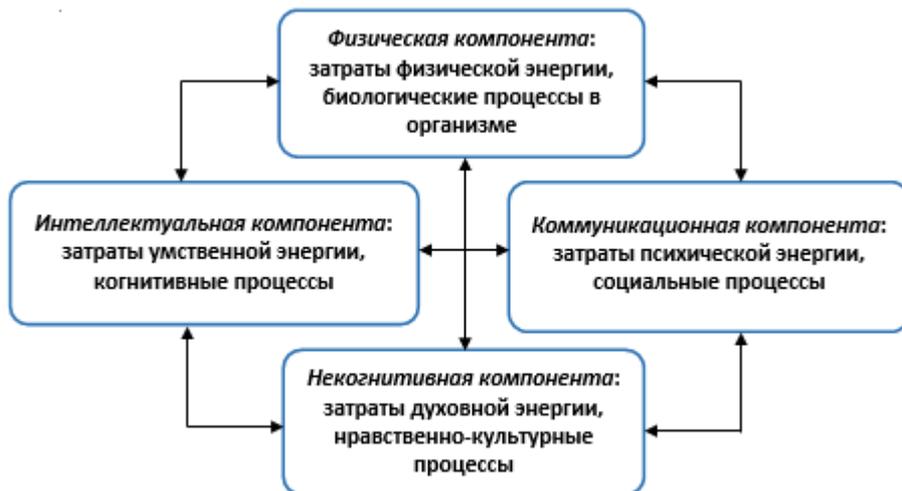
⁹ Международная стандартная отраслевая классификация всех видов экономической деятельности. Четвертый пересмотренный вариант. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 2022. URL: <https://unstats.un.org/unsd/classifications/Econ/isc> (дата обращения: 10.10.2022) (на русском языке).

¹⁰ Structure of the International Standard Classification of Occupations (ISCO-08). Geneva: International Labour Organization, 2022. URL: <https://www.ilo.org/public/english/bureau/stat/isco/isco08/> (дата обращения: 10.10.2022).

¹¹ Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации. Роспотребнадзор. URL: https://rospotrebнадzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=4583 (дата обращения: 10.10.2022).

Более того, в информационном обществе, в котором современные технологии делают труд более разнообразным по выполняемым операциям, дифференцированным по функциям и емким по достигаемым результатам, связь между различными компонентами труда становится еще более тесной и наглядной (см. рис. 2).

Рис. 2. Многокомпонентность процесса труда в информационном обществе

Классические определения труда как совокупности различного рода человеческих усилий, материализации физических, интеллектуальных и моральных энергий человека в социально-значимые условия вещного мира [Шигапова, Марцева, 2017: 95] сегодня наиболее актуальны, ведь здесь фиксируется универсальность содержания труда вне зависимости от форм его воплощения. Многокомпонентность процесса труда предполагает наличие такого его свойства, как эмерджентность: труд всегда нечто большее, чем просто сумма всех его компонент, и труд не может существовать вне взаимодействия всех своих компонент, обуславливая их комплементарность. Такой подход не сводит живой труд только лишь к обеспечению производственного процесса, а самого человека — к рабочей силе: он выступает основой человеко-ориентированной (в отличие от «человеко-капитализированной») экономики, в которой «золотые руки будут помножены на разум науки и скреплены чистой совестью» [Ветошкин, 2014: 222].

Физический труд в информационном обществе

Многокомпонентность труда органично увязывает дальнейшее развитие физического труда с процессами интеллектуализации экономики в информационном обществе, чему способствуют следующие макросоциальные факторы.

1) *Сохранение материальной природы организации общества и удовлетворения потребностей.* Материальная основа любого, даже самого высокоинтеллектуального труда ставит под сомнение заявления об исчезновении физического

труда. «Выдвижение идеи приоритетности развития креатосферы в отрыве от <материального> производства неубедительно... Человечеству даже в эпоху доминирования креатосферы все так же требуются необходимые материальные блага» [Рязанов, 2018: 141]. Нельзя отрицать материальных результатов «новых видов труда» только за то, что они не всегда осязаемы и не принимают форму вещей. Материальным результатом труда выступает «сам человек, творящий себя и свое бытие» [Sayers, 2007: 451].

Исторический сдвиг в сторону роста удовлетворения вторичных (интеллектуальных, социальных, духовных) потребностей стал возможен лишь на основе удовлетворения первичных потребностей. Однако, когда говорят об интеллектуальном развитии или творчестве, часто забывают, что даже самый творческий человек должен есть, пить, одеваться, где-то жить и т. д. Для современного социально неоднородного общества фетишизация предметов потребления играет не меньшую роль, чем само творчество. Чем более развито общество, тем большие требования оно предъявляет к количеству и качеству благ, удовлетворяющих первичные потребности, и тем в большей степени первичные потребности сращиваются со вторичными. Соответственно, тем более диверсифицированным и профессиональным должен быть физический труд, который строит, шьет, готовит, обслуживает и т. д. Логично зайти и с другой стороны: жизнеобеспечение человека базируется на домашнем физическом труде, и, хотя он не рассматривается как часть общественного производства, значительная часть производимых в мире товаров и услуг ориентирована именно на него — на приготовление пищи, обустройство и уборку жилища, ремонт, быт и т. д. Домашний труд становится менее тяжелым и обременительным, однако он никуда не делся и в условиях развития гибких, в том числе удаленных, форм занятости все теснее интегрируется в деятельностное пространство человека.

Таким образом, новые технологии не приводят к отмиранию или отказу от физического труда, они лишь оптимизируют соотношение компонент труда за счет качественного совершенствования каждой из них. Еще в 1950-х годах советские ученые, исследовавшие сближение физического и умственного труда на основе «интеллектуализации физического труда», обосновывали, что от работника требуется уже не столько мускульная сила, ловкость и т. д., сколько специальные знания и профессиональный опыт. Рабочий, крестьянин или ремесленник не перестали работать руками и ногами, однако содержание и качество их труда становились принципиально иными, равно как и его смысл, преодолевший уровень «выжить и прокормиться» в пользу «развития личности» [Бочоришвили, 1984: 13]. «Нам надо менять свое представление о феномене ремесленничества, рассматривая его не как изолированную от общих процессов группу, некий доставшийся от прошлого реликт человека с руками, а как человека с умной головой, как изменяющийся вместе с обществом слой тружеников» [Смирнов, 2006: 19]. В наши дни сближение физического и умственного труда означает усиление их интеграции, которое проявляется:

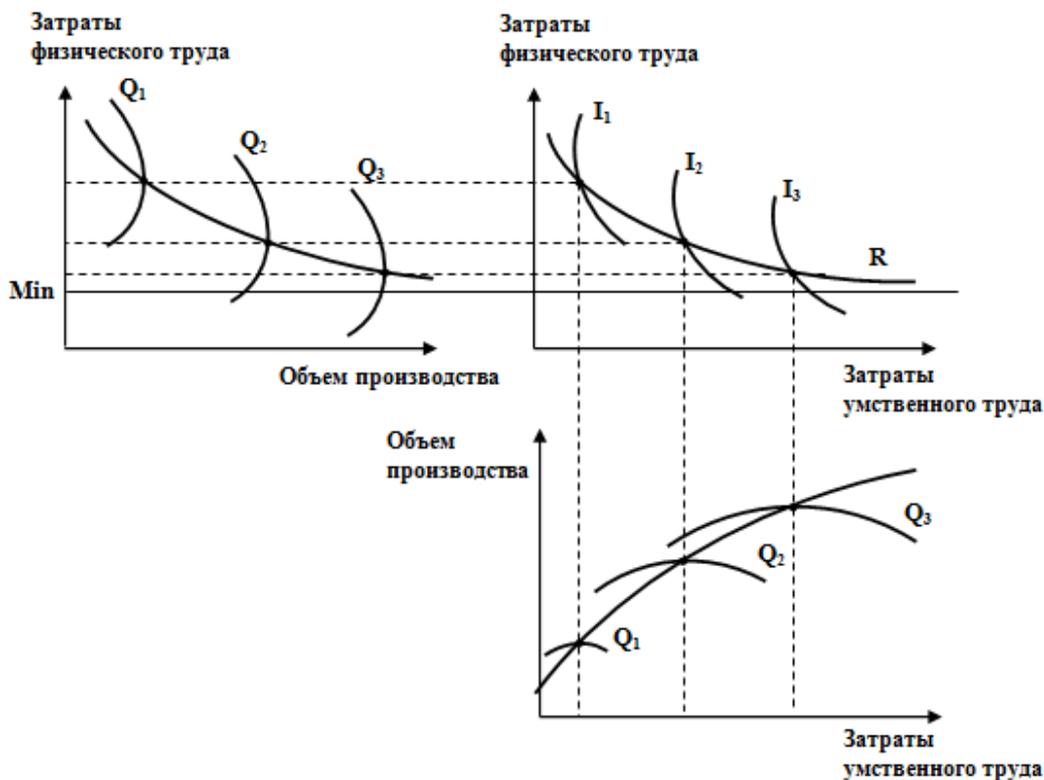
- в совершенствовании оснащенности и росте фондовооруженности труда;
- снижении временных затрат за счет эффективных коммуникаций со всеми участниками производственного процесса;

— развитию знаний, умений и навыков, в том числе за счет онлайн-образования;
— улучшении деловой, корпоративной, технологической культуры работников и предприятий.

Физический труд развивается одновременно с технологиями и соответствующими им интеллектуальной, коммуникационной и некогнитивной компонентами труда и вносит свой вклад в создание стоимости. Сегодня назрела необходимость вернуть в научное дискуссионное пространство производительный аспект физического труда, а также восстановить репутацию индустриального сектора, являющегося главным реципиентом новых технологий. На фоне оппозиции материального и информационного секторов первый объективно должен доминировать над вторым: «Информацией людей не накормишь!» [Прытков, Лебедев, 2014: 14].

Изменение соотношения физической и умственной компонент в результате развития технологий можно схематично представить в виде сдвига изоквант I, отражающего динамику объема мирового производства Q. Линия R соединяет точки производственного равновесия на разных этапах технологического развития общества и показывает соответствующее им соотношение затрат физического и умственного труда (см. рис. 3).

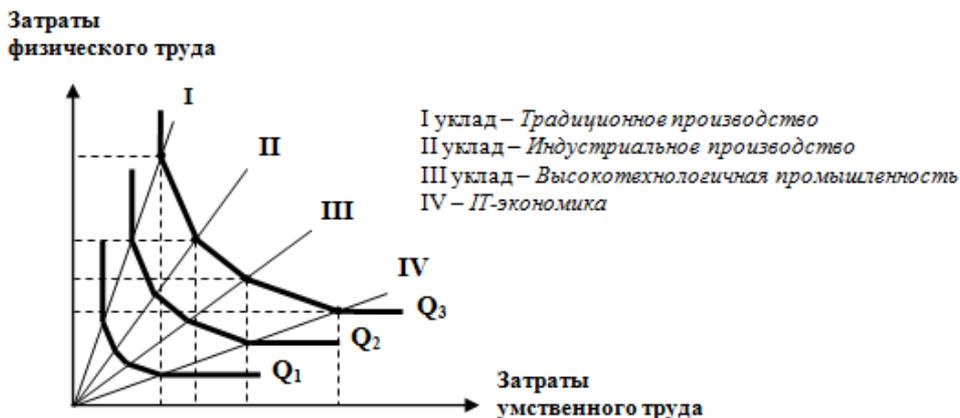
Рис. 3. Изменение соотношения физического и умственного труда на разных этапах технологического развития общества

На современном этапе эластичность выпуска по затратам умственного труда становится больше, но это не означает низкой чувствительности производства к затратам физического труда: это показатель того, что общество на любом уровне развития не может обойтись без определенного количества физического труда (Min) как некоего экономического фундамента.

2) *Экономическая и социальная ограниченность распространения новых технологий.* Результаты эмпирических наблюдений, известных как закон Мура, закон Баттерса и закон Крайдера, на основе которых ученые делают вывод об экспоненциальном развитии технологий, отражают лишь технологический, но отнюдь не социально-экономический потенциал развития общества. Флуктуации мирового спроса и предложения вследствие циклических и нециклических шоков мировой экономики, постоянная борьба за ресурсы и возрастающая геополитическая напряженность ограничивают повсеместное внедрение информационных технологий. Усиление неравенства, уменьшение доступности продуктов технологического прогресса для большинства населения планеты снижают социальную значимость технологий и способны затормозить темпы интеллектуализации труда в долгосрочной перспективе. Все это укрепляет многоукладность общества с явными дивергентными тенденциями, сочетающую в себе различные способы производства, каждый из которых будет стремиться к эффективности на своем технологическом уровне в своей территориально-отраслевой нише. Ситуацию многоукладности можно представить с помощью ломаных изоквант, демонстрирующих возможности непрерывного, но не абсолютного замещения физического и умственного труда в определенных границах, за пределами которых их взаимное замещение становится технологически невозможным или нецелесообразным (см. рис. 4).

Рис. 4. Схематичное представление многоукладной экономики с помощью ломаных изоквант

Рассматриваемые для каждого из укладов (I—IV) в контексте неравномерности общественного развития, физический и умственный труд — это абсолютно комплементарные друг другу ресурсы. Их соотношение оптимально для того уровня

технологического и экономического развития, который сложился в рамках соответствующего уклада. В контексте нестабильности, т. е. в условиях гипотетического упадка II—IV укладов, физический труд как вид ресурса способен выступить социально-экономическим буфером, предотвращающим общество от разрушительной стагнации, безработицы и обнищания. Говорить об исчезновении физического труда имело бы смысл лишь при абсолютном равенстве и равномерности технологического и экономического развития. Однако, учитывая многоукладность общества, различные прогнозы о тотальной интеллектуализации (равно как о будущем без труда), основанные лишь на технологических возможностях или достижениях отдельных стран и отраслей, можно рассматривать как социальную утопию.

3) *Значимость физического труда как элемента культуры, инструмента развития личности.* Изучение категории труда как культурного феномена — целый пласт человеческой мысли, направление междисциплинарных исследований, которое, безусловно, выходит за рамки данного исследования. Но, затрагивая здесь культурно-личностный аспект физического труда, подчеркнем, что формируемая веками культура в меньшей степени зависит от технологий, чем уровень производительных сил и соотношение компонентов труда. Способность совершать целенаправленные физические действия (самообслуживание, работа по хозяйству, изготовление каких-либо предметов и т. п.) всегда измеряла дееспособность человека, уровень его физического и психического здоровья, возможности его социальной адаптации. Неслучайно занятия с маленькими детьми направлены в первую очередь на развитие мелкой и крупной моторики. Исследования доказывают связь физических упражнений, стимулирующих кору головного мозга, с развитием когнитивных способностей, речи, памяти, внимания, эмоционального интеллекта, познавательной активности, самооценки и уверенности в общении. Осознанная физическая активность задействует оба полушария мозга, что приводит к гармоничному развитию личности и достижению жизненного успеха [Егоров, Загрядский, 1973; Казантинова, 2013]. Если человек, нуждаясь в умиротворении или саморазвитии, не играет в компьютерные игры, не общается в социальных сетях, а шьет, вяжет, готовит, строит, ремонтирует дом или выращивает цветы — это говорит о его полноценности, а не о том, что он «безнадежно отстал от жизни».

Ситуация принципиально не меняется, если человек делает какой-либо физический труд делом своей жизни и достигает в этом мастерства. Понятие профессионализма отражает в первую очередь социально-культурный вектор развития человека, поскольку привязывается не к содержанию труда или виду занятий, а к свойствам личности, непрерывно повышающей качество своего труда даже в самых сложных условиях [Тощенко, Цветкова, 2021: 347, 363]. При многоукладной экономике недопустимо, на наш взгляд, сбрасывать со счетов оттачиваемое годами мастерство представителей рабочих специальностей — строителей, токарей, сварщиков, слесарей, каменщиков, швей, медсестер и т. д., ограничиваясь лишь профессионализмом интеллектуалов и управленцев. Обеспечение социального равенства профессий — актуальная научно-практическая задача, органично связанная с такими аспектами, как развитие человеческого капитала, повышение качества и производительности труда, рост доходов населения, достижение социального благополучия и т. д.

Интегрированность физического труда в нравственно-культурное развитие интуитивно может быть понятна многим. Однако все чаще в научной литературе встречаются мысли о том, что «не человек вообще, а человек, обладающий профессиональными компетенциями в области новых технологий», становится основным активом государства, которое создает «умное общество» на базе «единого коллективного интеллекта» и «снижения ручного труда» [Григорьев, Лукин, Лукин, 2018: 16]. Желание подчеркнуть таким образом значимость интеллектуальной компоненты может провоцировать общественность на дальнейшее обесценивание физического труда. В то же время лишь гармоничные личности, задействующие все компоненты живого труда, могут стать опорой устойчивого развития общества.

Заключение

Под влиянием информационно-коммуникационных технологий современная научная литература делает значительный акцент на интеллектуализацию экономики и связанный с ней приоритет умственного труда. Соотношение между физическим и умственным трудом трактуется в большей степени как субституциональное, обосновывается неизбежная замена физического труда умственным, поскольку капитал все больше предъявляет спрос на интеллектуальный ресурс человека.

Следствием такой установки стала дискредитация физического труда как некоего устаревшего, изживающего себя, примитивного типа деятельности. Для науки такая дискредитация является своего рода теоретико-методологическим вызовом, для общества — мировоззренческой проблемой, которая за технологической эйфорией скрывает совершенно иные, естественные для любого этапа социально-экономического развития качественные изменения содержания труда.

В настоящем исследовании труд представлен как универсальная синтетическая категория, в которой объективно выделяются физическая, умственная (когнитивная), коммуникационная и некогнитивная (личностная, культурная) компоненты, реализующиеся и взаимодополняющие друг друга в едином трудовом процессе. Единство и неделимость труда как процесса взаимодействия природы и человека подтверждаются целым рядом исследований в области физиологии, социологии и экономики труда. Раздельное изучение различных компонент труда имеет смысл только в случае их последующего синтеза, поскольку они нуждаются не в противопоставлении, а в изучении их взаимосвязи и взаимовлияния.

Физический труд поступательно развивается даже в условиях интеллектуально емкого информационного общества. Фундаментальными факторами этого развития являются:

- сохранение материальной природы организации общества;
- экономическая и социальная ограниченность распространения новых технологий;
- сохранение многоукладности экономики;
- высокая значимость физического труда как элемента культуры и формирования личности.

Производительный характер физического труда на современном этапе проявляется в его сближении с другими содержательными компонентами труда, резуль-

татом чего становится его качественное совершенствование, рост фондовооруженности и оснащенности, экономия ресурсов, повышение профессионального и культурного уровня работников.

Список литературы (References)

Бочоришвили М. М. Условия сближения умственного и физического труда (на примере Грузинской ССР): дисс. ... канд. фил. наук. Тбилиси: Тбилисский государственный университет, 1984.

Bochorishvili M. M. (1984) Conditions for Convergence of Mental and Physical Labor (On Example of Georgian SSR). Extended Abstract of the PhD Dissertation in Philosophy. Tbilisi: Tbilisi State University. (In Russ.)

Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. Т. 2. М.: Ленанд, 2019.

Buzgalin A. V., Kolganov A. I. (2019) Global Capital. Vol. 2. Moscow: Lenand. (In Russ.)

Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

Weber M. (1990) Selected Works. Moscow: Progress. (In Russ.)

Веремчук А. С. Интеллигенция и советская власть // Вестник МГУКИ. 2014. № 5. С. 34—38.

Veremchuk A. S. (2014) Intelligentsia and the Soviet Rule. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. No. 5. P. 34—38. (In Russ.)

Ветошкин А. П. Труд как спасение и служение // Вестник Омского университета. 2014. № 1. С. 219—222.

Vetoshkin A. P. (2014) Work as Rescue and Service. *Herald of Omsk University*. No. 1. P. 219—222. (In Russ.)

Гимпельсон В. Е., Зудина А. А., Капелюшников Р. И. Некогнитивные компоненты человеческого капитала: что говорят российские данные // Вопросы экономики. 2020. № 11. С. 5—31. <https://www.doi.org/10.32609/0042-8736-2020-11-5-31>.

Gimpelson V. E., Zudina A. A., Kapelyushnikov R. I. (2020) Non-cognitive Components of Human Capital: Evidence from Russian Data. *Voprosy Ekonomiki*. No. 11. P. 5—31. <https://www.doi.org/10.32609/0042-8736-2020-11-5-31>. (In Russ.)

Григорьев С. Г., Лукин В. В., Лукин Д. В. Развитие человеческого капитала в условиях цифровизации // E-Management. 2018. Т. 1. № 2. С. 13—19. <https://www.doi.org/10.26425/2658-3445-2018-2-13-19>.

Grigoryev S. G., Lukin V. V., Lukin D. V. (2018) Human Capital in the Conditions of Digitalization. *E-Management*. Vol. 1. No. 2. P. 13—19. <https://www.doi.org/10.26425/2658-3445-2018-2-13-19>. (In Russ.)

Егоров А. С., Загрядский В. П. Психофизиология умственного труда. Л.: Наука, 1973. Egorov A. S., Zagryadsky V. P. (1973) Psychophysiology of Mental Labor. Leningrad: Nauka. (In Russ.)

Ельмеев В. Я. Социальная экономия труда: общие основы политической экономики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.

Elmееv V. Ya. (2007) *Social Economy of Labor: Fundamental of Political Economy*. St. Petersburg: St. Petersburg State University. (In Russ.)

Ельмеев В. Я., Полозов В. Р., Рященко Б. Р. Коммунизм и преодоление разделения между умственным и физическим трудом. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1965.

Elmееv V. Ya., Polozov V. R., Ryashchenko B. R. (1965) *Communism and Overcoming the Division between Intellectual and Physical Labor*. Leningrad: Leningrad State University. (In Russ.)

Ивашкевич И. М. Углубление противоположности между умственным и физическим трудом в условиях научно-технической революции при капитализме: дисс. ... канд. фил. наук. Киев: Киевский ордена Ленина государственный университет имени Т. Г. Шевченко, 1983.

Ivashkevich I. M. (1983) *Deepening the Opposition between Mental and Physical Labor under Capitalism's Scientific and Technological Revolution*. Extended Abstract of the PhD Dissertation in Philosophy. Kyiv: Kyiv awarded by Lenin Order State University honored to T. G. Shevchenko. (In Russ.)

Иноземцев В. Л. За десять лет. К концепции постэкономического общества. М.: Academia, 1998.

Inozemtsev V. L. (1998) *For Ten Years. To Concept of Post-Economic Society*. Moscow: Academia. (In Russ.)

Казантинова Г. М. Психопсихология умственного труда. Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2013.

Kazantinova G. M. (2013) *Psychophysiology of Mental Work*. Volgograd: Volgograd State Agrarian University. (In Russ.)

Канке В. А. История философии. М.: Инфра-М, 2022.

Kanke V. A. (2022) *History of Philosophy*. Moscow: Infra-M. (In Russ.)

Каравай А. В. Состояние человеческого капитала российских профессионалов // *Terra Economicus*. 2021. Т. 19. № 1. С. 124—137. <https://www.doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-1-124-137>.

Karavay A. V. (2021) *State of Human Capital of the Russian Professionals*. *Terra Economicus*. Vol. 19. No. 1. P. 124—137. <https://www.doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-1-124-137>. (In Russ.)

Кенэ Ф. Избранные экономические сочинения. М.: Директ-Медиа, 2007.

Quesnay F. (2007) *Selected Economic Works*. Moscow: Direct-Media. (In Russ.)

Киршин И. А., Титов А. В. Генезис интеллектуализации экономики: теоретическое обобщение // *Ученые записки Казанского университета*. 2012. Т. 154. № 6. С. 7—18.

Kirshin I. A., Titov A. V. (2012) *Genesis of Economy Intellectualization: Theoretical Generalization*. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta*. Vol. 154. No. 6. P. 7—18. (In Russ.)

Курылев А. К. Преодоление социально-классовых различий в СССР в процессе строительства коммунизма. М.: Изд-во МГУ, 1971.

Kurylev A. K. (1971) Overcoming Social Class Differences in the USSR in the Process of Building Communism. Moscow: Moscow State University. (In Russ.)

Лебедев С. Н. Концептуальные проблемы экономики интеллектуального труда // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 3. С. 108—120.

Lebedev S. N. (2014) Conceptual Problems of the Intellectual Labor Economics. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 3. P. 108—120. (In Russ.)

Лебединцева Л. А. Понятие и сущность интеллектуального труда в современных экономико-социологических исследованиях // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 1. С. 108—111.

Lebedintseva L. A. (2012) Concept and Essence of Intellectual Labor in Modern Economic and Sociological Research. *Society. Environment. Development*. No. 1. P. 108—111. (In Russ.)

Магун В. С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. Социология. Этнология. 1998. № 4. С. 113—144.

Magun V. (1998) Russian Job Values in the Ideology and Mass Consciousness. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. No. 4. P. 113—144. (In Russ.)

Маневич Е. Л. Труд умственный и труд физический в период развернутого строительства коммунизма. М.: Знание, 1961.

Manevich E. L. (1961) Mental Labor and Physical Labor in the Period of Extensive Communism Construction. Moscow: Znaniye. (In Russ.)

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Политиздат, 1960.

Marx K., Engels F. (1960) Works. Vol. 23. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. М.: Политиздат, 1974.

Marx K., Engels F. (1974) Works. Vol. 42. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Михнева С. Г. Информационная экономика и новая парадигма политической экономики труда // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2002. № 1. С. 44—55.

Mikhneva S. G. (2002) Information Economics and the New Paradigm of the Political Economy of Labour. *RUDN Journal of Economics*. No. 1. P. 44—55. (In Russ.)

Мокшин В. К., Шипелик О. В. Труд в истории общества: от примитивного к сетевому. Архангельск: КИРА, 2019.

Mokshin V. K., Shipelik O. V. (2019) Labor in the History of Society: From Primitive to Network. Arkhangelsk: KIRA. (In Russ.)

Новожилова А. А., Гергей А. М., Меркулова А. Г. Особенности исследования профессионального утомления в физиологии труда // Медицина труда и промышленная экология. 2022. Т. 62. № 4. С. 238—246. <https://www.doi.org/.31089/1026-9428-2022-62-4-238-246>.

Novozhilova A. A., Geregei A. M., Merkulova A. G. (2022) Features of Studying Occupational Fatigue in Labor Physiology (Literature Review). *Russian Journal of Occupational Health and Industrial Ecology*. Vol. 62. No. 4. P. 238—246. <https://www.doi.org/10.31089/1026-9428-2022-62-4-238-246>. (In Russ.)

Прытков В. П., Лебедев А. С. Социальные и культурные противоречия информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2014. № 13. С. 12—19.

Prytkov V. P., Lebedev A. S. (2014) Social and Cultural Contradictions of the Information Society. *Theory and Practice of Social Development*. No. 13. P. 12—19. (In Russ.)

Рязанов В. Т. Креативный труд и собственность каждого на все: возможность и проблемы // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 138—143. <https://www.doi.org/10.7868/S0132162518030169>.

Ryazanov V. T. (2018) Creative Labor and Ownership of Everyone for Everything: Opportunity and Problems. *Sociological Studies*. No. 3. P. 138—143. <https://www.doi.org/10.7868/S0132162518030169>. (In Russ.)

Скрыль Т. В. Новая модель организации социально-трудовых отношений в современных условиях // ЦИТИСЭ. 2015. № 1. С. 1—11.

Skryl T. V. (2015) A New Model for Organization of Social and Labor Relations in Modern Conditions. *CITISE*. No. 1. P. 1—11. (In Russ.)

Смирнов И. П. Современные ремесленники — прообраз технологов будущего // Профессиональное образование. 2006. № 12. С. 19—20.

Smirnov I. P. (2006) Modern Workers are Technologists of Future. *Professional Education*. No. 12. P. 19—20. (In Russ.)

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО.

Smith A. (2016) Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Moscow: EKSMO.

Струмилин С. Г. Избранные произведения. Т. 3. М.: Наука, 1964.

Strumilin S. G. (1964) Selected Works. Vol. 3. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Тощенко Ж. Т., Цветкова Г. А. Социология труда. М.: Юрайт, 2021.

Toshchenko Zh. T., Tsvetkova G. A. (2021) Sociology of Labor. Moscow: Uright. (In Russ.)

Федоренко Н. П. Гуманистическая экономика. М.: Экономика, 2006.

Fedorenko N. P. (2006) Humanistic Economics. Moscow: Ekonomika. (In Russ.)

Чинкин И. Р. Об использовании категории «труд» в советский и постсоветский периоды // Труд и социальные отношения. 2009. Т. 20. № 11. С. 93—97.

Chinkin I. R. (2009) About the Use of the Category of “Work” on Soviet and Post-soviet Epoch. *Labour and Social Relations Journal*. Vol. 20. No. 11. P. 93—97. (In Russ.)

Шигапова М. Ю., Марцева Л. М. Сущность и содержание определения понятия труда // Инновационная экономика и общество. 2017. № 1. С. 94—100.

Shigapova M. Yu., Martseva L. M. (2017) Essence and Contents of Labour. *Innovative Economy and Society*. No. 1. P. 94—100. (In Russ.)

Ширинкина Е. В. Формирование человеческого капитала в постиндустриальной экономике. Барнаул: ИП Колмогоров И. А., 2017.

Shirinkina E. V. (2017) Formation of Human Capital in Post-Industrial Economy. Barnaul: Kolmogorov. (In Russ.)

- Экономика и социология труда / под ред. О. В. Кучмаевой. М.: Юрайт, 2019.
Kuchmaeva O. V. (ed.) (2019) *Economics and Sociology of Labor*. Moscow: Uright. (In Russ.)
- Beck U. (2000) *The Brave New World of Work*. Oxford: Polity Press.
- Castells M. (2001) *The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business and Society*. Oxford: Oxford University Press.
- Griffen L. (2020) Division of Labor and Social Processes. *Sciences of Europe*. Vol. 52-4. No. 52. P. 29—37.
- Heckman J.J. (2000) Policies to Foster Human Capital. *Research in Economics*. Vol. 54. No. 1. P. 3—56. <https://doi.org/10.1006/reec.1999.0225>.
- Lazzarato M. (1996) Immaterial Labour. In: Hardt M., Virno P. (eds.) *Radical Thought in Italy: A Potential Politics*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press. P. 133—147.
- Marshall A. (1983) *Principles of Economics*. New York, NY: Macmillan Press.
- Petruk G. V., Shashlo N. V. (2020) Formation of Personnel Intellectual Activity Development Mechanism in the Context of Society Digitalization. *PalArch's Journal of Archaeology of Egypt*. Vol. 17. No. 6. P. 708—718.
- Rifkin J. (2004) *The End of Work. The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era*. New York, NY: Tarcher Updated edition.
- Sayers S. (2007) The Concept of Labor: Marx and His Critics. *Science and Society*. Vol. 71. No. 4. P. 431—454.
- Wadley D. (2021) Technology, Capital Substitution and Labor Dynamics: Global Workforce Disruption in the 21st Century? *Futures*. Vol. 132. Article 102802. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2021.102802>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.1.2307](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2307)

Н. Н. Егорова, Н. М. Лавренюк-Исаева, М. В. Франц

СОЦИАЛЬНАЯ ЗРЕЛОСТЬ ЛИЧНОСТИ СРЕДИ ДЕТЕРМИНАНТ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Егорова Н. Н., Лавренюк-Исаева Н. М., Франц М. В. Социальная зрелость личности среди детерминант здоровьесберегающего поведения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 251—278. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2307>.

For citation:

Egorova N. N., Lavrenyuk-Isaeva N. M., Frants M. V. (2023) Personal Social Maturity among Determinants of Health-Saving Behavior. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 251–278. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2307>. (In Russ.)

Получено: 30.08.2022. Принято к публикации: 08.12.2022.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗРЕЛОСТЬ ЛИЧНОСТИ СРЕДИ ДЕТЕРМИНАНТ ЗДОРОВЬЕСБЕ- РЕГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

*ЕГОРОВА Наталия Николаевна — док-
тор медицинских наук, ученый секре-
тарь, Академия наук Республики Баш-
кортостан, Уфа, Россия*
E-MAIL: profanrb@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3663-9132>

*ЛАВРЕНЮК-ИСАЕВА Наталья Михай-
ловна — кандидат социологических
наук, доцент, Уфимский университет на-
уки и технологий, Уфа, Россия*
E-MAIL: nmlavr@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4843-4161>

*ФРАНЦ Марина Валерьевна — канди-
дат технических наук, доцент, Уфим-
ский университет науки и технологий,
Уфа, Россия*
E-MAIL: tan-marina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5324-2463>

Аннотация. Работа посвящена изуче-
нию факторов, влияющих на склон-
ность индивидов к здоровьесбере-
жению. Исследование базируется
на данных репрезентативного социоло-
гического исследования, прове-
денного в Республике Башкортостан
в 2015 г., объем выборки — 6264 ре-
спондента. Для измерения двух ла-
тентных переменных — локус-контроля
и склонности к здоровьесбережению —
применялась двухпараметрическая ло-
гит-модель (2PL), обоснованная в рам-
ках IRT-теории. Влияние разных групп
факторов на склонность к здоровье-
сбережению изучалось с применени-
ем регрессионного анализа.

Работа базируется на активно-деятель-
ностном подходе, который рассматри-

PERSONAL SOCIAL MATURITY AMONG DETERMINANTS OF HEALTH-SAVING BEHAVIOR

*Natalia N. EGOROVA¹ — Dr.Sci. (Med.),
Scientific Secretary*
E-MAIL: profanrb@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3663-9132>

*Natalya M. LAVRENYUK-ISAIEVA² — Cand.
Sci. (Soc.), Assistant Professor*
E-MAIL: nmlavr@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4843-4161>

*Marina V. FRANTS² — Cand. Sci. (Tech.),
Assistant Professor*
E-MAIL: tan-marina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5324-2463>

¹ Academy of Sciences of Bashkortostan, Ufa, Russia

² Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia

Abstract. The study deals with factors
influencing the propensity of individual
health preserving behavior. Empirically, it
bases on data from a representative soci-
ological survey conducted in the Repub-
lic of Bashkortostan in 2015 ($N = 6264$).
To measure two latent variables — prop-
ensity to preserve health and locus of
control, the authors use a two-parameter
logit model (2PL) developed within the
framework of the IRT theory. The influ-
ence of different groups of factors on the
propensity to preserve health is studied
using regression analysis.

The study employs an activity approach.
It considers health-saving behavior as
a process (1) taking place under cer-
tain conditions and requiring a certain
set of resources (knowledge, time, mon-

вает здоровьесберегающее поведение как процесс, во-первых, протекающий в определенных условиях и требующий для своей реализации определенного набора ресурсов (знаний, времени, денег и т. п.); во-вторых, протекающий осознанно, возможный только при наличии побудительных мотивов и их относительно высокой субъективной актуальности; в-третьих, как организованный и системный, требующий приложения индивидуальных усилий к своему планированию и осуществлению. В связи с этим в анализ были включены шесть групп факторов: демографические, семейные, культурно-образовательные, социально-экономические, побудительно-мотивационные, социальной зрелости. Установлено, что наибольший вклад в объяснение разного уровня склонности индивидов к здоровьесберегающему поведению вносят демографические факторы, при этом особенно велика роль пола. Из факторов социальной зрелости субъекта значимое отрицательное влияние на склонность к здоровьесбережению оказывает неуверенность в завтрашнем дне, значимо положительное — наличие относительно длинного горизонта планирования и интернальный локус-контроль. Результаты теоретического и эмпирического анализа могут быть интересны и полезны специалистам в области управления и экономики в сфере здравоохранения, профильным некоммерческим организациям.

Ключевые слова: здоровьесберегающее поведение, социальная зрелость, локус-контроль, латентные переменные, многофакторный регрессионный анализ

ey, etc.) for its implementation, (2) proceeding consciously, possible only in the presence of incentive motives and their relatively high subjective relevance and (3) being organized and systemic and therefore requiring the application of individual efforts to its planning and implementation. Thereby, the authors include six groups of factors in the analysis, namely: demographic, family, cultural and educational, socioeconomic, motivational, and social maturity indicators. The study shows that demographic factors make the greatest contribution to explaining the different levels of inclination of individuals to health-saving behavior, and the role of gender is especially prominent. In the group of factors characterizing social maturity, statistically significant effects on the propensity to save health are observed for uncertainty about the future (negative impact), the presence of a relatively long planning horizon and internal locus of control (positive impact). The results of the study might be useful for improving the state policy in the field of health saving.

Keywords: health-promoting behavior, personal maturity, locus of control, latent variables, multifactor regression

Введение

Несмотря на многочисленные инициативы, предпринимаемые руководством страны с целью улучшения ситуации, высокий уровень заболеваемости и смертности, а также низкая продолжительность здоровой жизни остаются одними из «болевых точек» современного российского общества. Болезни сердечно-сосудистой системы, онкологические, хронические респираторные заболевания и диабет становятся причинами смерти более чем в 75 % случаев [Бойцов, Деев, Шальнова, 2017]. Общеизвестно, что эти заболевания возникают в связи с поведенческими факторами, то есть образом жизни людей, включая физическую активность, питание, контроль за состоянием здоровья, пристрастие к курению и алкоголю и т. п. [Ладик, Шипилов, Воронин, 2019]. Это наводит на мысль, что проблема улучшения состояния здоровья населения выходит далеко за рамки медицины и здравоохранения и не может быть решена без работы над повышением склонности населения к здоровьесберегающему поведению.

Жизнь и здоровье — ключевые общепризнанные ценности. По данным ВЦИОМ¹, собственное здоровье и здоровье членов семьи важно для подавляющего большинства россиян (78—95 % в разные годы в период с 2005 по 2020 г.). Однако между заявлением ценности и реальными здоровьесберегающими практиками наблюдается разрыв. Согласно опросам ВЦИОМ, проводившимся с 2006 по 2017 г., только 30—40 % респондентов отказались от курения и употребления алкоголя ради сохранения здоровья, лишь 25—34 % в случае болезни сразу обращаются к врачам и выполняют все их требования, 12—24 % занимаются физической культурой и спортом, 11—27 % регулярно проверяют свое здоровье и проходят диспансеризацию, 16—28 % правильно питаются².

Важность увеличения склонности населения к здоровьесберегающему поведению осознана довольно давно и закреплена в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ, а также поддержана вполне определенными организационными механизмами в рамках системы здравоохранения. Особая роль отводится специализированным центрам здоровья, функционирующим в России с 2009 г. На них возлагаются большие надежды по развитию у населения приверженности к сохранению здоровья, соблюдению рекомендаций врачей для повышения качества жизни, сохранения и восстановления трудоспособности и активного долголетия, повышению уровня знаний и приобретение практических навыков по ведению здорового образа жизни [Погосова и др., 2014].

Повысить склонность населения к здоровьесберегающему поведению невозможно без понимания факторов и механизмов, способствующих и препятствующих его формированию. В связи с этим цель нашего исследования — провести теоретический и эмпирический анализ детерминант здоровьесберегающего поведения. В практической плоскости результаты такого анализа будут прежде всего полезны центрам общественного здоровья и медицинской профилактики, явля-

¹ Здоровье, семья и безопасность // ВЦИОМ. 2020. 8 июня. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10318> (дата обращения 14.06.2022).

² Данные исследования о физической активности россиян и соблюдении определенного режима питания // ВЦИОМ. 2017. 18 мая. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1223> (дата обращения: 14.06.2022).

ющимся главными форпостами в сфере профилактики неинфекционных заболеваний [Железова, Мингазова, 2021], в задачи которых входит взаимодействие с различными социальными институтами в целях формирования среди населения приверженности здоровому образу жизни.

Помимо традиционно используемых факторов, в нашей работе в анализ включены индикаторы социальной зрелости личности, что формирует основную научную новизну исследования. Эмпирическая часть базируется на материалах социологического опроса, проведенного в Республике Башкортостан в 2015 г. В работе использовались методы описательной статистики и визуализации, подходы IRT-теории для оценки латентных свойств, а также многофакторный регрессионный анализ.

Статья построена следующим образом: в первом разделе обсуждаются подходы к изучению здоровьесберегающего поведения. Во второй части дается обзор эмпирических исследований по схожей тематике. В третьем разделе формулируются гипотезы исследования. Четвертый раздел посвящен описанию информационной базы и методики. В пятом приводятся и обсуждаются результаты эмпирического анализа, формулируются выводы и рекомендации прикладного характера. В заключении акцентируется внимание на универсальности и специфичности исследованных факторов.

1. Теоретический бэкграунд исследования

Здоровьесберегающее поведение находится в фокусе внимания нескольких научных дисциплин, ключевые среди которых — медицина, экономика и социология.

Медико-демографическое направление сфокусировано на диагностике здоровья населения, предупреждении развития заболеваний и роли образа жизни пациентов в этом процессе, а также оценке изменений в уровне и структуре рождаемости, заболеваемости, смертности, продолжительности жизни [Ладик, Шипилов, Воронин, 2019].

В экономической науке активно развивается относительно новое направление — экономика здоровья [Morris et al., 2012; Цехла, Плугарь, 2017]. В его рамках здоровье рассматривается как значимое для большинства благо и как компонент человеческого капитала. Любые действия, предпринимаемые для сохранения и улучшения здоровья, считаются инвестициями в человеческий капитал, определяющими темпы экономического роста и общественного развития.

Социологи изучают здоровьесберегающее поведение, отталкиваясь от представления о человеке как о биосоциокультурной единице. Согласно классике отечественной социологии В. А. Ядову, «Личность — устойчивая целостность социально-типических и индивидуальных свойств, потенций и способностей к активному действию, ее самосознание, реализуемые в практической деятельности» [Ядов, 2007: 46—50]. По этому определению, личность, с одной стороны, является продуктом того социума, в котором она формируется и существует, а с другой — организует свою деятельность в соответствии с индивидуальностью и субъектной позицией в восприятии окружающей действительности. Этот дуализм проявляется в существовании двух взаимодополняющих подходов к изучению здоровьесберегающего поведения — институционального и активно-деятельностного. Институциональный подход сфокусирован на роли социальных институтов в формировании ценност-

ных и поведенческих установок на здоровьесберегающее поведение индивидов. Активно-деятельностный подход рассматривает такое поведение как процесс, во-первых, протекающий в определенных условиях и требующий для своей реализации конкретного набора ресурсов (знаний, времени, денег и других); во-вторых, протекающий осознанно, возможный только при наличии побудительных мотивов и их относительно высокой субъективной актуальности; в-третьих, как организованный и системный, требующий приложения индивидуальных усилий к своему планированию и осуществлению, а следовательно, социальной зрелости личности, предполагающей развитость личностных компетенций этой направленности.

С позиции институционального подхода наиболее изучена роль следующих социальных институтов: семья, образование, здравоохранение, религия [Бредихина, 2009; Лисина, 2015; Тюмасева и др., 2018; Гладкова, Ваганова, Кутепова, 2019]. Система образования оказывает значительное влияние на формирование здоровьесберегающего поведения как напрямую, то есть через изучение определенных предметов, так и опосредованно — через воспроизводство и развитие материальной и духовной культуры. Система здравоохранения выполняет функции социального института, регулирующего на научной основе здоровьесберегающее поведение и обеспечивающего социальное взаимодействие по поводу поддержания и восстановления здоровья. Огромное значение имеет научная и просветительская функции, связанные с изучением поведенческих практик — как способствующих, так и угрожающих поддержанию здоровья, распространению знаний о них среди населения. Влияние института религии на склонность к здоровьесбережению проявляется в следовании ограничительным практикам поведения и упорядочении ритма жизни верующих в соответствии с правилами конфессий.

В работе Н. В. Бредихиной обсуждаются многочисленные функции родительской семьи, имеющие значение для формирования здорового образа жизни: приобщение индивида к социуму и культуре, ценностям и нормам поведения [Бредихина, 2009]. Роль родительской семьи особенно важна потому, что ее воздействие начинается раньше всего остального и продолжается наиболее интенсивно на ранних стадиях формирования личности. Значительное влияние на здоровьесберегающее поведение оказывает и собственная семья индивида, в которой проявляется забота о ее членах, оказываются хозяйственно-бытовые услуги, удовлетворяются в социально одобряемых формах сексуальные нужды, гигиенические запросы, оказываются социально-психологическая защита и эмоциональная стабилизация, реализуются потребности в любви и счастье. Представляется, что в плане здоровьесбережения имеют значение материальное и эмоциональное благополучие в семье. Определенное материальное благополучие необходимо как источник ресурсов для реализации здоровьесберегающих практик. Эмоциональное благополучие может служить побудительным стимулом к здоровьесбережению.

С позиции активно-деятельностного подхода исследуется роль типа поселения в здоровьесберегающем поведении в качестве среды, формирующей условия для реализации запроса субъекта в плане сохранения здоровья. Роль инфраструктуры здоровьесбережения анализируется, например, в работах Е. Г. Брындына, В. И. Бояринцева и др. [Брындин, Брындына, 2018; Бояринцев, Рожкова, Чесноков, 2014]. Разные типы поселения формируют разную доступность для занятий

спортом и физической культурой, получения медицинских услуг, а также другие параметры комфорта жизненной среды. Развитая инфраструктура и активное использование спортивных тренажеров, мода на сбережение или разрушение здоровья, плотность общественных спортивных и физкультурных событий создают особую мотивацию и механизмы вовлечения.

В данном исследовании особое внимание уделяется изучению *социальной зрелости личности* как фактора здоровьесберегающего поведения в связи с тем, что этому аспекту до сих пор не уделялось значительного внимания. В социологии предложено много характеристик феномена зрелости личности, раскрываемых с позиций личностных детерминант (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Г. Асмолов) [Карпова, 2011], «современной личности» (А. Инкелес) [Inkeles, Smith, 1974], инновационной личности (Э. Хаген) [Hagen, 1964], так как зрелой может быть личность только в контексте динамики системы норм и ценностей конкретного общества. На наш взгляд, наиболее удачно определение В. Сатира: «Это такое состояние, в котором данное человеческое существо в полной мере отвечает за самого себя. Зрелым можно считать человека, который способен осуществлять выбор и принимать решения на основании точного восприятия самого себя, окружающих и ситуации, в которой он находится, кто берет на себя ответственность за эти выборы и эти решения, за любое их последствие» [Сатир, 2000: 153]. Поведение социально зрелого субъекта основано на следующих личностных компетенциях: «рефлексия, активность, ответственность, самостоятельность, умение конструктивно взаимодействовать с окружающей средой» [Жесткова, 2013: 129], а также на факторах личностной детерминации: саморегуляции эмоциональных состояний, произвольной мотивации, истории жизни и опыта значимых отношений т. д. [Карпова, 2011].

Социальный инфантилизм как антипод социальной зрелости раскрывается в теории выученной беспомощности М. Селигмана [Seligman, 1978] и описывает негативное влияние на поведение и здоровье человека тех сложных ситуаций, в которых индивид не может установить связь между своими действиями и изменением окружающей обстановки. Выученную беспомощность ряд специалистов даже относят к поведенческому типу, который может способствовать развитию онкологических заболеваний [Фролова, 2003; Шустов, 2005]. Соответственно, социальный инфантилизм может способствовать здоровьеразрушающему поведению.

Концепция социальной зрелости/инфантилизма во многом созвучна теории субъективной локализации Дж. Роттера [Rotter, 1954]. Автор выделяет две разновидности локуса контроля — экстернальный и интернальный. При экстернальном типе локуса контроля индивид полагает, что его успехи и неудачи в основном определяются внешними обстоятельствами, а при интернальном, напротив, возлагает ответственность за свою жизнь на самого себя. В соответствии с определением В. Сатира, зрелой личности должен быть присущ интернальный локус-контроль, инфантильной — экстернальный.

Ряд исследований указывают на то, что социальная зрелость и инфантилизм могут быть обусловлены особенностями родительского воспитания. Например, в работе А. М. Федоровой [Федорова, 2019] установлено, что родительское воспитание может оказывать инфантилизирующее воздействие на детей и подростков, занимающихся музыкой, по причине гиперопеки.

Таким образом, здоровьесбережение представляет собой междисциплинарный объект исследования, имеющий экономическую, медицинскую, социологическую проекции. Склонность индивида к здоровьесбережению формируется в результате действия множества факторов, включая институциональные, средовые и личностно-психологические. Проявление этих факторов зависит от социальной зрелости или социального инфантилизма личности.

2. Обзор эмпирических работ, посвященных изучению детерминант здоровьесберегающего поведения

Исследования, посвященные анализу факторов, оказывающих влияние на склонность индивида к здоровьесбережению, активно ведутся по всему миру уже довольно давно. В большинстве статей [Paulik et al., 2010; Хоркина и др., 2022; Бобрецова, Плаксин, 2010] в фокусе внимания оказывается определенная социальная группа (сельское население, молодежь, профессиональные сообщества, беременные женщины, школьники и др.). Реже встречаются работы, использующие общенациональные или региональные данные [Qi, Phillips, Norman, 2006; Reeves, Rafferty, 2005]. Не претендуя на полноту, в настоящем обзоре мы более детально рассмотрим несколько работ, схожих с настоящим исследованием в плане используемых данных и методов и поэтому пригодных для сопоставления результатов.

Работа М. Ривза и А. Раферти [Reeves, Rafferty, 2005] выполнена на данных общенационального опроса, проводимого в США. Использовалась волна 2000 г., выборочная совокупность составила 164 940 респондентов. В качестве меры склонности индивида к здоровьесбережению использовался индекс, представляющий собой количество здоровьесберегающих практик, реализуемых респондентом. Оказалось, что только 3% американцев реализуют все аспекты здоровьесберегающего поведения. Чуть выше этот процент среди людей с высоким уровнем дохода и образования, среди женщин, людей старше 55 лет и младше 24 лет, а также тех, кто оценивает свое здоровье как отличное.

В исследовании ученых из Королевского университета в Кингстоне, Канада, детерминанты здорового образа жизни изучались на базе опроса, проведенного в Канаде в 1998—1999 гг., объем наблюдений — 13 756 [Qi, Phillips, Norman, 2006]. В качестве факторов использовались: пол, возраст, семейный статус, уровень дохода, уровень образования, индекс массы тела, тип местности проживания, доступность медицинского обслуживания. Индикаторы здоровьесберегающего поведения — курение, избыточное употребление алкоголя, физическая активность, контроль кровяного давления. Влияние факторов на каждый из индикаторов здоровьесберегающего поведения рассматривалось отдельно. Установлено, что женский пол, одинокий семейный статус, проживание в городе, более низкий индекс массы тела и высокий уровень дохода значимо положительно влияют на физическую активность. В отношении риска курения значимыми оказались такие факторы, как низкий уровень образования, молодой возраст, одинокий семейный статус, более низкий индекс массы тела, мужской пол.

Анализу факторов здоровьесберегающего поведения сельского населения Венгрии посвящена работа Э. Паулик соавторов [Paulik et al., 2010]. В исследовании

используются данные опроса, проведенного в 2006 г., объем выборки — 3 380 респондентов. В качестве меры склонности респондента к здоровьесберегающему поведению использовался индекс, представляющий собой число практик, реализуемых респондентом. В качестве детерминант применялись: пол, возрастная группа, уровень образования, семейный статус, материальное благополучие, самооценка здоровья, а также несколько аспектов, характеризующих населенный пункт проживания респондента. Авторы установили, что женщины, индивиды с высокой оценкой своего здоровья, с более высоким цензом образования, лучшим материальным положением, проживающие в экономически более развитых населенных пунктах более склонны вести здоровый образ жизни.

В статье С. В. Бобрецовой, В. А. Плаксина [Бобрецова, Плаксин, 2010] анализируется отношение к здоровью у сестринского персонала. Авторы отметили, что, несмотря на понимание значимости здорового образа жизни, анкетлируемые на деле далеко не всегда соблюдают его принципы. Довольно широко среди медсестер распространены табакокурение (34,9%) и несоблюдение режима питания (66%).

М. Д. Петраш, О. Ю. Стрижицкая, И. Р. Муртазина [Петраш, Стрижицкая, Муртазина, 2018] рассматривали связь склонности к здоровьесбережению и отношения к болезни. В исследовании приняли участие 413 жителей Санкт-Петербурга. Авторы установили, что отдельные аспекты здоровьесбережения по-разному выражены в зависимости от возрастной группы и пола респондента. Женщины более склонны связывать здоровый образ жизни с культурой питания, мужчины — с физической активностью. Молодежь чаще не соблюдает режим сна, а люди среднего и старшего возраста чаще курят. Кроме того, авторы указали, что эргопатический тип отношения к болезни имеет позитивный эффект на формирование здорового образа жизни.

Особенностям здоровьесберегающего поведения российской молодежи посвящена работа Н. А. Хоркиной и др. [Хоркина и др., 2022], в которой использовались данные РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS HSE), объем наблюдений — 9 914 человек. Целью исследования было изучение связи между физической активностью индивида и такими вредными привычками, как курение и употребление алкоголя. Установлено, что для молодых респондентов обоих полов до достижения определенного возраста растет вероятность потребления алкоголя и курения, после чего значение данных показателей начинает уменьшаться; более высокий уровень образования отрицательно коррелирует с вероятностью потребления алкоголя и табака, а наличие работы повышает вероятность курения и потребления алкоголя как для мужчин, так и для женщин; вероятность потребления спиртных напитков для респондентов обоих полов положительно связана с уровнем дохода, в то время как связь вероятности курения с доходом не установлена.

Как следует из обзора, чаще всего при изучении детерминант здоровьесберегающего поведения применяются базовые характеристики, такие как пол, возраст, образование, тип местности проживания, семейный статус. Также довольно часто принимается во внимание самооценка здоровья. Включение в анализ личностных качеств встречается весьма редко. Только в работе М. Д. Петраш, О. Ю. Стрижицкой, И. Р. Муртазиной [Петраш, Стрижицкая, Муртазина, 2018] имело место изучение отношения индивида к болезни как фактора формирования

здоровьесберегающего поведения. Работ с анализом факторов социальной зрелости нам найти не удалось.

3. Формулировка гипотез исследования

Проведенный теоретический и эмпирический анализ по тематике здоровьесберегающего поведения и его детерминант позволяет сделать следующие выводы.

1) Здоровьесберегающее поведение формируется в результате влияния большого числа институциональных и активно-деятельностных факторов.

2) Типовыми факторами в качестве детерминант здоровьесберегающего поведения в эмпирических исследованиях являются: пол, возраст, уровень дохода, образования, семейный статус, статус занятости, самооценка здоровья, характеристики местности проживания. При этом в разных социальных общностях эти факторы могут играть разные роли.

3) Работы российских специалистов посвящены изучению отдельных социальных групп, поэтому выводы носят ограниченный характер. Нам не удалось найти работу по схожей тематике, выполненную на общероссийских или региональных данных.

В связи с этим формулируется первая гипотеза исследования: *в российских реалиях роль и вес типовых факторов здоровьесберегающего поведения могут отличаться от тех, что были определены на базе эмпирического материала других стран.*

4) Роль личностных качеств (убеждения, ценности, психологические особенности, мировоззренческие установки и т.п.) в здоровьесбережении обсуждается на теоретическом уровне, но практически никогда не принимается во внимание в эмпирических исследованиях.

В силу того, что здоровьесберегающее поведение требует, во-первых, осознанного подхода, во-вторых, приложения значительных усилий к планированию и реализации, можно выдвинуть вторую рабочую гипотезу: *более социально зрелая личность — как личность, в большей мере возлагающая ответственность за свою жизнь на саму себя, — должна демонстрировать большую склонность к здоровьесбережению и, соответственно, большую вариативность практик здоровьесберегающего поведения. И наоборот, чем более социально инфантильной является личность, тем ниже склонность к здоровьесбережению и менее вариативны здоровьесберегающие практики.*

4. Информационная база и методика исследования

Работа базируется на данных репрезентативного опроса «Разработка Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан», проведенного Институтом стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан. Объект исследования — население РБ в возрасте от 18 до 75 лет. Выборка районированная по социально-экономическим зонам РБ, стратифицированная, с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по полу и возрасту. Объем выборки — 6 264. Метод исследования — анкетирование. Сроки проведения полевых работ: июль — октябрь 2015 г.

На базе изучения теоретических основ и обзора эмпирических работ по проблематике здоровьесбережения в рамках анализа характеристик условий и ресурсов авторами включены следующие факторы:

- демографические (пол и возрастная группа);
- социально-экономические (материальное положение, тип поселения для проживания);
- культурно-образовательные (уровень образования, религиозный статус, национальность);
- семейные (семейное положение, количество детей у индивида, количество детей в родительской семье).

В качестве индикаторов наличия побудительных мотивов к здоровьесбережению и их субъективной актуальности были использованы следующие характеристики:

- самооценка уровня здоровья как специфический побудительный мотив;
- самооценка уровня счастья как неспецифический побудительный мотив в связи с комплексным представлением об уровне счастья как индикаторе социального развития, которое невозможно без формирования социальной зрелости личности [Шматова, Морев, 2015].
- приоритетность улучшения здоровья по сравнению с другими целями.

В качестве важных в плане здоровьесберегающего поведения индикаторов социальной зрелости субъекта использовались:

- локус-контроль как склонность человека считать себя ответственным за свое здоровье или перекладывать ответственность на других;
- уровень доверия как индикатор способности выстраивать отношения с агентами поддержки здоровья (врачами, тренерами, экспертами, фармацевтами, блогерами);
- горизонт планирования будущего как индикатор способности к реализации такого длительного, системного, ресурсозатратного процесса, как сохранение здоровья в течение всей жизни;
- уверенность в будущем как индикатор наличия сил и возможностей к долгой и здоровой жизни.

Большинство факторных переменных были получены из ответов респондентов на вопросы анкеты обычными статистическими приемами (перекодировка, группировка), описательная статистика приведена в Приложении.

Две переменные: склонность к здоровьесбережению и локус-контроль субъекта — в силу своей многоаспектной природы были получены на базе ответов респондентов на несколько частных вопросов с помощью двухпараметрической логит-модели (2PL), обоснованной в рамках IRT-подхода. В фокусе внимания IRT-подхода находится задача построения математической модели, связывающей выраженность некоторого латентного качества личности, не поддающегося прямому измерению, с набором наблюдаемых переменных. 2PL-модель, используемая в работе, предполагает, что наблюдаемые переменные являются бинарными, в то время как выраженность латентного качества — непрерывная величина. Вероятность того, что i -я наблюдаемая переменная примет значение, равное 1, зависит от трех величин: выраженности латентного качества у p -го индивида (θ_p), чувствительности i -й наблюдаемой переменной к латентному качеству (a_i) и «сложности» i -й наблюдаемой переменной (b_i). Математическое соотношение, связывающее перечисленные величины, имеет вид (1). В формуле (1) $\sigma(\cdot)$ — логи-

стическая функция, описываемая формулой (2). В результате эконометрических расчетов по модели (1) можно оценить все перечисленные параметры — θ_p , b_i , a_i . Наибольший интерес представляет собой θ_p как количественная оценка выраженности латентного качества, в то время как параметры b_i , a_i отражают ценность i -й наблюдаемой переменной. Чем больше b_i , тем выше требуется уровень скрытого латентного свойства для того, чтобы наблюдать значение 1 в i -й наблюдаемой переменной. Чем выше a_i , тем лучше i -я наблюдаемая переменная «реагирует» на изменения в латентном свойстве.

$$p(Y_{p,i}) = 1 | \theta_p, a_i, b_i = \sigma(a_i \theta_p - b_i) \quad (1)$$

$$\sigma(x) = \frac{e^x}{(1 + e^x)} \quad (2)$$

В отношении склонности к здоровьесбережению в качестве наблюдаемых переменных использовались ответы респондентов на ряд вопросов, отражающих отдельные его аспекты, описательная статистика по которым приведена в таблице 1.

Таблица 1. **Описательная статистика распространенности здоровьесберегающих практик**

Аспект здоровьесбережения	Кодировка	Абсолютная частота	Относительная частота
1. Курение	1 — совсем не курит	4522	73,31
	0 — иначе	1647	26,69
2. Алкоголь	1 — не употреблял ни пиво, ни вино, ни крепкий алкоголь в течение последних 30 дней	2253	36,78
	0 — иначе	3872	62,22
3. Соблюдение диеты	1 — соблюдал диету, воздерживался от вредных продуктов более — менее регулярно в течение последних 12 месяцев	1301	20,77
	0 — иначе	4963	79,23
4. Физическая активность	1 — Занимался спортом или физическими упражнениями более — менее регулярно в течение последних 12 месяцев	1219	19,46
	0 — иначе	5045	80,54
5. Соблюдение режима	1 — Соблюдал правильный режим сна и отдыха более — менее регулярно в течение последних 12 месяцев	1227	19,59
	0 — иначе	5037	80,41
6. Медикаментозная поддержка	1 — Принимал медицинские препараты, витамины, БАДы и т. п. в профилактических целях более — менее регулярно в течение последних 12 месяцев	1564	24,97
	0 — иначе	4700	75,03

Аспект здоровьесбережения	Кодировка	Абсолютная частота	Относительная частота
7. Народная медицина	1 — Пользовался рецептами народной медицины более — менее регулярно в течение последних 12 месяцев	862	13,76
	0 — иначе	5402	86,24
8. Профилактическая активность	1 — Посещал врача или проходил обследования с профилактической целью более — менее регулярно в течение последних 12 месяцев	1241	19,81
	0 — иначе	5027	80,19

Источник: рассчитано авторами.

Как видно из таблицы 1, распространенность здоровьесберегающих практик среди населения невысока и в целом соответствует данным ВЦИОМ.

Описательная статистика по четырем частным вопросам для оценки локус-контроля приведена в таблице 2. В каждом из вопросов респонденту предлагалась пара суждений, ему требовалось выбрать то, с которым он согласен в большей степени.

Таблица 2. **Описательная статистика по частным вопросам — индикаторам локус-контроля**

№	Пара суждений	Кодировка	Абсолютная частота	Относительная частота
1	Я смогу сам обеспечить себя и свою семью и не нуждаюсь в поддержке государства	1	2297	38,64
	Без поддержки со стороны государства мне и моей семье выжить сложно	0	3648	61,36
2	Мне нравятся перемены, жить в меняющемся обществе	1	3329	57,40
	Все перемены к худшему, я хотел бы, чтобы мир оставался таким же	0	2471	42,60
3	Человек сам кузнец своего счастья, успех и неудача в его руках	1	4011	67,03
	Жизнь человека в большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его усилиями	0	1973	32,97
4	Главное — инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе, жизни	1	3217	55,35
	Главное — это уважение сложившихся обычаев, традиций	0	2595	44,65

Источник: рассчитано авторами.

Как следует из таблицы 2, высокая оценка соответствует интеральному локус-контролю, низкая — экстеральному.

Влияние факторов на результативный показатель изучалось с применением линейного регрессионного анализа. Базовые категории факторов приведены в Приложении. В целях проверки устойчивости результатов были оценены три модели. Мо-

дель 1 включала только факторы, относящиеся к группе условий и ресурсов, включая демографические, семейные, социально-экономические, культурно-образовательные характеристики, в модель 2 дополнительно входили факторы, отражающие побудительные мотивы к здоровьесберегающему поведению и их субъективную приоритетность. В модели 3 были добавлены факторы социальной зрелости.

Относительная важность факторов оценивалась с применением метода факторной декомпозиции *Img*, описанного в работе Grömping U. [Grömping, 2006]. Метод позволяет получить вклад каждого из факторов в коэффициент детерминации. Преимущество данного подхода заключается в том, что сумма вкладов всех факторов получается в точности равной коэффициенту детерминации регрессионной модели, включающей все факторы.

5. Результаты и их обсуждение

5.1. Результаты оценивания латентных переменных на базе IRT-моделей

Оценки чувствительности и сложности частных вопросов, использующихся для измерения латентных переменных, приведены в таблицах 3 и 4 соответственно.

Таблица 3. *Результаты оценки 2PL-модели для измерения склонности индивида к здоровьесбережению*

Частные вопросы (для здоровьесбережения)	Чувствительность (a_j)	Сложность (b_j)
1. Курение	1,0399	-1,1769
2. Алкоголь	0,5678	1,0262
3. Соблюдение диеты	1,2328	1,3867
4. Физическая активность	0,4579	3,2375
5. Соблюдение режима	0,7500	2,0939
6. Медикаментозная поддержка	1,7334	0,9533
7. Народная медицина	1,3219	1,7924
8. Профилактическая активность	1,3970	1,3412

Источник: рассчитано авторами.

Как следует из таблицы 3, из всех компонент здоровьесберегающего поведения физическая активность и соблюдение режима имеют максимальную сложность, медикаментозная поддержка и профилактическая активность — максимальную чувствительность.

Таблица 4. *Результаты оценки 2PL-модели для измерения локус-контроля*

Частные вопросы (для локус-контроля)	Чувствительность (a_j)	Сложность (b_j)
1 пара суждений	0,7191	0,7145
2 пара суждений	1,5522	-0,2788
3 пара суждений	1,1928	-0,7589
4 пара суждений	1,4505	-0,2075

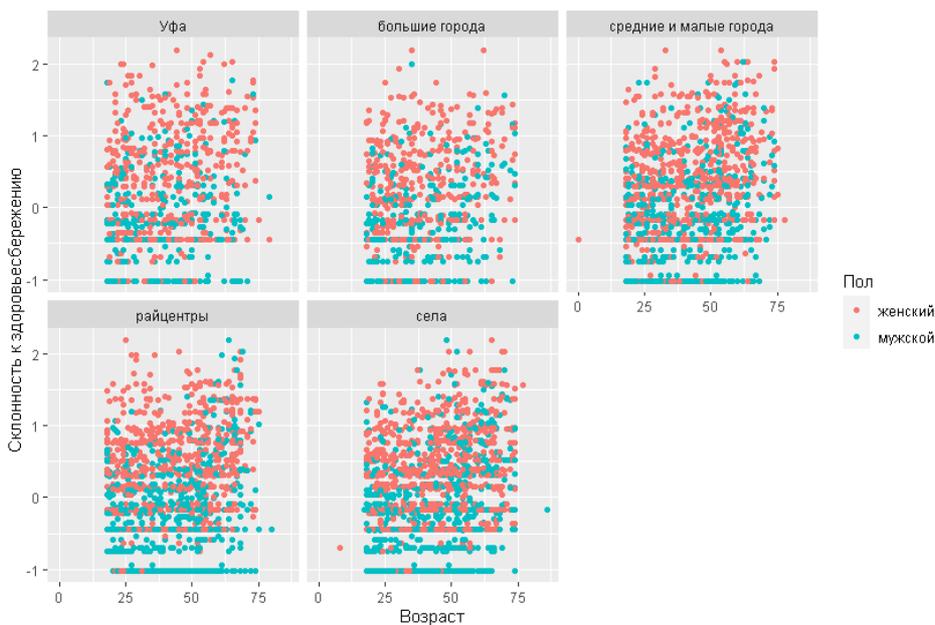
Источник: рассчитано авторами.

Таблица 4 показывает, что из всех пар суждений, используемых для определения локус-контроля, наибольшая сложность у первой пары суждений, а наибольшая чувствительность — у второй и четвертой. Непрерывная переменная, оценивающая локус-контроль индивида, перед включением в уравнение регрессии дискретизировалась на три уровня:

- интернальный, если значение непрерывной переменной попадало в верхний квартиль распределения;
- экстернальный, если значение непрерывной переменной попадало в нижний квартиль распределения;
- смешанный, использовавшийся в качестве базовой категории в регрессионном анализе.

Взаимосвязь склонности к здоровьесбережению с базовыми характеристиками индивида (пол, возраст, место проживания) приведена на рисунке 1.

Рис. 1. Связь склонности к здоровьесбережению с базовыми характеристиками³

Как видно из рисунка 1, из рассматриваемых базовых характеристик наибольшее значение имеет пол: женщины в значительно большей степени склонны к здоровьесберегающему поведению по сравнению с мужчинами.

5.2. Результаты регрессионного анализа и оценки вклада различных факторов

Результаты оценки регрессионных моделей приведены в таблице 6. Базовые категории предикторов указаны в Приложении.

³ Источник: сделано авторами.

Таблица 5. Результаты регрессионного анализа

Группа факторов	Фактор	Категория	Модель 1	Модель 2	Модель 3
			Оценки коэффициентов		
	Константа		0,399***	0,199***	0,117
Демографические	Пол	Мужской	-0,503***	-0,478***	-0,491***
		Женский	0,112***	0,105***	0,105***
	Возрастная группа	18—24	-0,185***	-0,105**	-0,121**
		25—34	-0,218***	-0,152***	-0,152***
		35—44	-0,169***	-0,140***	-0,123***
		55—64	0,170***	0,143***	0,162***
65 и более	0,326***	0,264***	0,283***		
Семейные	Количество детей в родительской семье	1	-0,036	-0,033	-0,031
		3	-0,011	-0,013	-0,011
		4	-0,009	-0,013	-0,007
		5	-0,063	-0,069*	-0,070*
		6	-0,043	-0,057	-0,032
		7 и более	0,019	0,003	0,017
	Количество детей у респондента	0	0,022	0,029	0,007
		1	0,039	0,045	0,035
		3	-0,032	-0,028	-0,030
		4 и более	-0,069	-0,068	-0,086
	Семейное положение респондента	в браке никогда не состоял	0,038	0,046	0,055
		живем вместе без регистрации	0,010	0,030	0,028
		нахожусь в разводе	-0,119***	-0,101**	-0,109**
		вдовец, вдова	0,022	0,047	0,062
Социально-экономические	Материальное положение респондента	самые бедные	-0,020	-0,027	-0,001
		выше среднего	0,025	0,025	0,013
		самые богатые	0,049	0,048	0,036
	Тип населенного пункта— места проживания	большие города	-0,104**	-0,124**	-0,125**
		средние и малые города	-0,071*	-0,089**	-0,095**
		Райцентры	-0,085*	-0,115***	-0,129***
Села	-0,112***	-0,145***	-0,145***		
Культурно-образовательные	Образование	ниже среднего	-0,102*	-0,114*	-0,096
		Высшее	0,143***	0,144***	0,119***
	Национальность	Русский	-0,040	-0,035	-0,026
		Татарин	-0,013	-0,018	-0,011
		Другое	-0,031	-0,040	-0,030
	Религиозный статус	Неверующий	-0,060*	-0,042	-0,035
глубоко верующий		0,218***	0,210***	0,196***	

Группа факторов	Фактор	Категория	Модель 1	Модель 2	Модель 3
			Оценки коэффициентов		
Побудительные мотивы и субъективная активность	Самооценка здоровья	Хорошее		0,042	0,039
		Удовлетворительное		0,091**	0,096**
		плохое или очень плохое		0,305***	0,332***
	Самооценка счастья	определенно счастлив		0,078***	0,080***
		затрудняюсь ответить		-0,086**	-0,040
		скорее нет, определенно нет		-0,044	0,006
	Приоритетность здоровья	Высокая		0,154***	0,168***
Социальной зрелости	Уверенность в завтрашнем дне	вполне уверен			0,005
		скорее не уверен, чем уверен			-0,015
		совершенно не уверен			-0,134**
		затрудняюсь ответить			-0,088***
	Планирование жизни	планирую на несколько месяцев			0,117***
		планирую примерно на год			0,090**
		планирую свою жизнь надолго			0,152***
	Локус— контроль	Экстернальный			0,021
		Интернальный			0,093***
	Уровень доверия	Высокий			0,018
	N		5346	5226	4910
	R ²		0,217	0,241	0,257

Примечание: Использовались робастные стандартные ошибки.

Уровни значимости: *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Источник: вычисления авторов.

Как следует из таблицы 6, мужчины при прочих равных условиях менее склонны к здоровьесберегающему поведению по сравнению с женщинами. Такая закономерность прослеживается и в других эмпирических работах [Reeves, Rafferty, 2005; Paulik et al., 2010]. Возраст также оказывает значимое влияние: респонденты более младших, чем базовая категория (45—54 лет), возрастных групп меньше, а более старших — больше занимаются здоровьесбережением. Ни одна из градаций единственного принятого во внимание фактора родительской семьи — числа детей — не показала значимого отличия в плане влияния на склонность к здоровьесберегающему поведению по сравнению с базовой, равно как и количество детей у самого индивида. Нахождение в разводе значимо отрицательно сказывается на склонности к здоровьесбережению по сравнению с жизнью в зарегистрированном браке. Интересно, что роль семейного положения в исследовании [Qi, Phillips, Norman 2006] получилась несколько другой: согласно результатам

этой работы, одинокий семейный статус, напротив, способствовал здоровьесберегающему поведению. Возможно, это связано с несовпадением категорий семейного статуса в инструментарии, так как рассматриваются две категории: наличие партнера и его отсутствие. В нашей работе пять категорий, из которых три можно трактовать как отсутствие партнера («холост / не замужем, в браке никогда не состоял»; «нахожусь в разводе, в браке не состою»; «вдовец, вдова»). Из них только одна — «нахожусь в разводе, в браке не состою» — значимо отрицательно сказывается на склонности к здоровьесбережению по сравнению с базовой категорией. Более детальный учет семейного статуса в нашей работе, возможно, позволил выделить категорию одиноких, менее склонных к здоровьесберегающему поведению.

Согласно нашим расчетам, материальное положение индивида не влияет значимо на его склонность к здоровьесбережению. Этот вывод не совпадает с результатами эмпирических работ других авторов. В некоторых исследованиях [Reeves, Rafferty, 2005; Qi, Phillips, Norman, 2006; Paulik et al., 2010] установлено, что более высокий уровень благосостояния способствует здоровьесберегающему поведению. Считаем, что этот момент требует дополнительного изучения на других массивах данных. На склонность к здоровьесберегающему поведению значимое влияние оказывает тип населенного пункта — места проживания. По сравнению с жителями мегаполиса проживающие в населенных пунктах другого типа менее склонны к здоровьесбережению, особенно жители сел. Этот вывод коррелирует с результатами других исследователей: проживание в городе отмечается как фактор, повышающий склонность к изучаемому поведению, в работе [Qi, Phillips, Norman, 2006], а проживание в экономически более развитых населенных пунктах — в статье Э. Паулик и соавторов [Paulik et al., 2010]. Индивиды с высшим образованием более склонны к здоровьесбережению по сравнению с людьми со средним образованием. Эта закономерность подтверждается и другими исследованиями [Reeves, Rafferty, 2005; Paulik et al., 2010].

Национальность индивида не влияет на склонность к здоровьесбережению. При этом религиозный статус, напротив, имеет значение: глубоко верующие, соблюдающие религиозные обряды люди более склонны к здоровьесберегающему поведению чем те, кто считает себя верующим, но не соблюдает религиозные обряды. Также наши результаты говорят о том, что низкий уровень самооценки здоровья увеличивает склонность к его сбережению. Интересно, что в работе М. Ривза и А. Раферти [Reeves, Rafferty, 2005] связь между самооценкой здоровья и склонностью к здоровьесбережению получилась иной: авторы отмечают, что люди, оценившие свое здоровье как отличное, более склонны к его сбережению. Индивиды, считающие себя счастливыми, при прочих равных условиях демонстрируют более выраженное здоровьесберегающее поведение, чем те, кто счастливым себя не чувствует. Также анализ показал, что высокая приоритетность здоровья значимо положительно сказывается на склонности к здоровьесбережению.

Полученные результаты в целом подтверждают первую гипотезу исследования о том, что в российских реалиях роль и вес типовых факторов здоровьесберегающего поведения могут отличаться от тех, что были определены на базе эмпирического материала других стран.

Из факторов социальной зрелости субъекта значимое отрицательное влияние на склонность к здоровьесбережению оказывает неуверенность в завтрашнем дне, значимо положительное — наличие относительно длинного горизонта планирования и высокий уровень индивидуальной активности. Проведенный анализ не выявил значимого влияния уровня доверия на склонность индивида к здоровьесбережению. Полученные результаты в целом подтверждают вторую гипотезу исследования о том, что более высокий уровень социальной зрелости личности положительно влияет на склонность к здоровьесбережению и разнообразие здоровьесберегающих практик.

Оценка относительной важности включенных в анализ факторов приведена в таблице 6.

Таблица 6. Относительная важность факторов здоровьесберегающего поведения

Группа факторов	Фактор	LMG-метрика	Относительная важность фактора, %
Демографические	Пол	0,1177	45,74
	Возрастная группа	0,0321	12,49
ИТОГО		0,1498	58,23
Семейные	Количество детей в родительской семье	0,0029	1,12
	Количество детей у индивида	0,0026	1,02
	Семейное положение	0,0103	4,00
ИТОГО		0,0158	6,14
Социально-экономические	Материальное положение	0,0012	0,48
	Тип населенного пункта	0,0054	2,11
ИТОГО		0,0066	2,59
Культурно-образовательные	Уровень образования	0,0129	5,02
	Национальность	0,0005	0,19
	Религиозный статус	0,0137	5,33
ИТОГО		0,0271	10,54
Побудительные мотивы и субъективная актуальность	Самооценка здоровья	0,0196	7,60
	Самооценка счастья	0,0040	1,57
	Приоритетность здоровья	0,0220	8,56
ИТОГО		0,0456	17,73
Социальная зрелость	Планирование жизни	0,0052	2,02
	Локус-контроль	0,0036	1,40
	Уверенность в завтрашнем дне	0,0030	1,18
	Уровень доверия	0,0005	0,18
ИТОГО		0,0123	4,78

Источник: рассчитано авторами.

Как видно из таблицы 6, наибольший вклад в объяснение разного уровня склонности индивидов к здоровьесберегающему поведению вносят демографические факторы, при этом особенно велика значимость пола. На втором месте факторы, отражающие наличие побудительных мотивов и субъективной актуальности. Культурно-образовательные факторы расположились на третьем, семейные — на четвертом, факторы социальной зрелости — на пятом месте, из них большее значение по сравнению с остальными имеют планирование жизни и локус-контроль. Социально-экономические факторы неожиданно оказались на последнем месте.

4.5. Научно-практическое значение результатов

Полученные результаты указывают на огромное значение пола как фактора здоровьесберегающего поведения. Возможно, это связано, во-первых, с заметной ролью мужского полового гормона тестостерона на большую жизненную неустойчивость и более высокую чувствительность мужского организма к определенным факторам риска, что обуславливает стремление к постоянной борьбе, признанию своей силы, исключительности возможностей, толкает на опасные действия в отношении жизни и здоровья [Ефремов и др., 2017]. Во-вторых, доминирующий в российском обществе социальный стереотип, что основной задачей мужчины является материальное обеспечение семьи и карьерный рост, часто приводит к потребительскому отношению мужчины к своему здоровью [Гордеева, 2010]. Низкая склонность к здоровьесбережению у мужчин, по-видимому, становится одной из главных причин их меньшей продолжительности жизни в РФ по сравнению с женщинами [Бойцов, Деев, Шальнова, 2017]. Установленная высокая значимость пола делает актуальной задачу углубленного исследования гендерного аспекта, включая детальный анализ роли этого фактора в осуществлении отдельных видов здоровьесберегающих практик. В практической плоскости в краткосрочной перспективе необходимо разрабатывать инициативы, ориентированные именно на мужскую аудиторию, в частности по целенаправленному привлечению мужчин к прохождению диспансеризации, посещению центров здоровья. В долгосрочной перспективе требуется приложить усилия для изменения социального стереотипа потребительского отношения мужчин к своему здоровью. Это возможно реализовать через совместные усилия институтов семьи, образования, здравоохранения, труда, средств массовой коммуникации.

Сниженная склонность к здоровьесбережению в молодом возрасте и повышенная при низкой самооценке здоровья говорят о том, что в обществе отсутствует культура именно сохранения здоровья, пока оно есть, восстановления затраченных организмом сил. Это означает необходимость расширения работы с молодежью, включая комплектацию штатов и целевую ориентацию специалистов, запуск проектов по развитию активного здорового досуга.

Уменьшение склонности к здоровьесбережению в других населенных пунктах по сравнению с мегаполисом указывает на выраженное пространственное неравенство в доступе граждан к ресурсам здоровьесберегающей направленности. Это актуализирует необходимость разработки специализированных программ по расширению доступности здоровьесбережения в сельской местности и малых городах, а также приоритизацию в проектах по благоустройству среды

(НП «Жилье и комфортная среда») обустройства зон и площадок, разработки разнообразных сценариев их использования⁴.

Неожиданно для нас относительно низким оказалось значение семейных характеристик: в этой группе только один момент — нахождение в разводе — показал значимое влияние на склонность к здоровьесбережению. Вероятно, такой результат связан с тем, что принятые во внимание семейные факторы, а именно количество детей в родительской и собственной семье индивида, слабо отражают уровень семейного капитала. К сожалению, в используемом массиве данных не было таких часто используемых индикаторов семейного капитала, как образование родителей, их материальный и социальный статус, количество книг в доме и т. п. Если бы эти данные были в наличии и включены в анализ, возможно, вывод о значимости семейных характеристик был бы иным.

Включение в анализ социальной зрелости личности составляет основную научную новизну работы. Установленное значимое влияние трех индикаторов социальной зрелости из четырех включенных в анализ указывает на перспективность изучения роли личностно-психологических факторов в формировании здоровьесберегающего или здоровьеразрушающего поведения. Отметим, что выбор индикаторов социальной зрелости (локус-контроль, планирование будущего, уровень доверия и уверенность в будущем) осуществлялся исходя из возможностей базы данных. Поэтому допускаем, что используемый нами набор неполный и фрагментарный. Теоретическая проработка структурной модели социальной зрелости и методической базы ее измерения представляются перспективными направлениями дальнейших исследований, так как они могут способствовать более обоснованному и качественному изучению роли социальной зрелости личности в реализации как здоровьесберегающих практик, так и других направлений деятельности.

Установленная роль факторов социальной зрелости в формировании здоровьесберегающего поведения указывает на вызов профильным социальным институтам семьи и образования. За формирование зрелой социальной личности в первую очередь ответственно воспитание в родительской семье. Полезны будут такие приемы, как закрепление за каждым с детства зоны ответственности (растение, животное, работа по дому) [Кови, Меррилл, 2012] и развитие самоконтроля на примере родительского поведения, в котором нет разрыва между словами и поступками. Кроме того, социальная зрелость может формироваться путем вовлечения детей и взрослых в общую командную работу (проекты, конкурсы). Определенное внимание этому направлению уделяется в различных конкурсах, организуемых Федеральным агентством по делам молодежи (Росмолодежь), АНО «Россия — страна возможностей»⁵.

⁴ См., например: Победители VI Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды. URL: https://files.pdminstroy.ru/upload/gorodsreda/realiz_project_2022.pdf (дата обращения: 18.10.2022).

⁵ См., например: Победители VI Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды. URL: https://files.pdminstroy.ru/upload/gorodsreda/realiz_project_2022.pdf (дата обращения: 18.10.2022); Определены победители конкурса Росмолодежь. Гранты среди некоммерческих организаций. 2023. 10 февраля. URL: <https://fadm.gov.ru/news/opredeleny-pobediteli-konkursa-rosmolodyezh-granty-sredi-nekommercheskich-organizatsiy>?sphrase_id=2387 (дата обращения: 10.02.2023); Выбери возможность для личностного и профессионального роста. URL: <https://rsv.ru> (дата обращения: 18.10.2022).

Заключение

В работе сделана попытка изучения детерминант здоровьесберегающего поведения. В анализ было включено большое количество факторов: демографические, социально-экономические, культурно-образовательные, побудительно-мотивационные и социальной зрелости. Сравнительный анализ наших расчетов с результатами других авторов позволил установить, что ряд факторов носят универсальный характер, их влияние одинаково практически во всех популяциях. К таким факторам относятся: пол, тип населенного пункта — места проживания индивида, уровень образования и религиозный статус. Роль других факторов различается в разных общностях, это семейный статус, материальное положение и самооценка здоровья. Также в работе доказана роль ряда аспектов социальной зрелости личности в формировании здоровьесберегающего поведения, таких как уверенность в завтрашнем дне, планирование жизни и локус-контроль.

Список литературы (References)

Бобрецова С. В., Плаксин В. А. Здоровый образ жизни: теория и практика // Медицинская сестра. 2010. № 7. С. 31—33.

Bobretsova S. V., Plaksin V. A. (2010) Healthy Lifestyle: Theory and Practice. *A Medical Nurse*. No. 7. P. 31—33. (In Russ.)

Бойцов С. А., Деев А. Д., Шальнова С. А. Смертность и факторы риска неинфекционных заболеваний в России: особенности, динамика, прогноз // Терапевтический архив. 2017. Т. 89. № 1. С. 5—13. <https://www.doi.org/10.17116/terarkh20178915-13>.

Voicov S. A., Deev A. D., Shalnova S. A. (2017) Mortality and Risk Factors of Non-communicable Diseases in Russia: Features, Dynamics, Prognosis. *Therapeutic Archive*. Vol. 89. No. 1. P. 5—13. <https://www.doi.org/10.17116/terarkh20178915-13>. (In Russ.)

Бояринцев Б. И., Рожкова Е. В., Чесноков Ю. В. Инновационное развитие инфраструктуры здоровья населения евразийского пространства // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2014. № 1. С. 99—107.

Boyarintsev B. I., Rozhkova E. V., Chesnokov Yu. V. (2014) Innovative Development of the Health Infrastructure of the Population of the Eurasian Space. *Philosophy of Economy. Almanac of the Center for Social Sciences and the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University*. No. 1. P. 99—107. (In Russ.)

Бредихина Н. В. Роль институтов семьи, образования и здравоохранения в формировании здорового образа жизни населения // Вестник ЮУрГУ. 2009. № 32. С. 84—87.

Bredikhina N. V. (2009) The Role of Family, Education and Health Institutions in the Formation of a Healthy Lifestyle of the Population. *The Bulletin of South Ural State University*. No. 32. P. 84—87. (In Russ.)

Брындин Е. Г., Брындина И. Е. (2018) Инфраструктура перехода населения на здоровый образ жизни. Россия: тенденции и перспективы // IX Международная на-

учно-практическая конференция «Регионы России: стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития». Курск, 05—06 июня 2018 года. С. 648—653.

Bryndin E. G., Bryndina I. E. (2018) Infrastructure of Population Transition to a Healthy Lifestyle. Russia: Trends and Prospects. *IX International Scientific and Practical Conference "Regions of Russia: Strategies and Mechanisms of Modernization, Innovation and Technological Development"*. Kursk, 05—06 June 2018. P. 648—653. (In Russ.)

Гладкова М. Н., Ваганова О. И., Кутепова Л. И. Исследование и развитие здоровьесберегающих технологий в системе высшего образования // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 1. С. 206—208.

Gladkova M. N., Vaganova O. I., Kutepova L. I. 2019. Research and Development of Health-Saving Technologies in the Higher Education System. *Baltic Humanitarian Journal*. Vol. 8. No. 1. P. 206—208. (In Russ.)

Гордеева С. С. Гендерные различия в отношении к здоровью: социологический аспект // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2010. Вып. 2 (2). С. 113—120.

Gordeeva S. S. (2010) Gender Differences in Attitude to Health: A Sociological Aspect. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. Issue 2 (2). P. 113—120. (In Russ.)

Ефремов Е. А., Шеховцов С. Ю., Бутов А. О., Хизриев Х. З., Кастрикин Ю. В., Толстов И. С. Современный взгляд на физиологические эффекты тестостерона у мужчин // Экспериментальная и клиническая урология. 2017. № 3. С. 64—69.

Efremov E. A., Shekhovtsov S. Yu., Butov A. O., Khizriev Kh. Z., Kastrikin Yu. V., Tolstov I. S. (2017) A Modern View on the Physiological Effects of Testosterone in Men. *Experimental and Clinical Urology*. No. 3. P. 64—69. (In Russ.)

Железова П. В., Мингазова Э. Н. Центры общественного здоровья и медицинской профилактики в современных условиях неинфекционных и инфекционных рисков // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № S1. С. 582—587. <https://www.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-s1-582-587>.

Zhelezova P. V., Mingazova E. N. (2021) Centers of Public Health and Medical Prevention in Modern Conditions of Non-infectious and Infectious Risks. *Problems of Social Hygiene, Healthcare and the History of Medicine*. Vol. 29. No. S1. P. 582—587. <https://www.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-s1-582-587>. (In Russ.)

Жесткова Н. А. Методологические подходы к исследованию социальной зрелости и социального инфантилизма личности // Вестник Пермского университета: Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 2 (14). С. 128—136.

Zhestkova N. A. (2013) Methodological Approaches to the Study of Social Maturity and Social Infantilism of Personality. *Bulletin of Perm University: Philosophy. Psychology. Sociology*. Issue 2 (14). P. 128—136. (In Russ.)

Карпова Ю. А. Интеллектуальный ресурс человека в контексте инновационного развития // Инновации. 2011. № 1. С. 19—22.

Karpova Yu.A. (2011) Human Intellectual Resource in the Context of Innovative Development. *Innovation*. No. 1. P. 19—22. (In Russ.)

Кови-мл. С., Меррилл Р. Скорость доверия: то, что меняет всё. М.: Альпина Паб-лишер, 2012.

Covey Jr. S., Merrill R. (2012) *The Speed of Trust: What Changes Everything*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)

Ладик Е. А., Шипилов И. В., Воронин В. Н. Хронические неинфекционные заболе-вания и факторы их развития // Вопросы диетологии. 2019. Т. 9. № 4. С. 24—36. <https://www.doi.org/10.20953/2224-5448-2019-4-24-36>.

Ladik E. A., Shipilov I. V., Voronin V. N. (2019) Chronic Non-communicable Diseases and Factors of Their Development. *Questions of Dietetics*. Vol. 9. No. 4. P. 24—36. <https://www.doi.org/10.20953/2224-5448-2019-4-24-36>. (In Russ.)

Лисина О. В. Социокультурные детерминанты здоровьесберегающего поведения православной Российской студенческой молодежи // Научный результат. Се-рия: Социология и управление. 2015. Т. 1. № 3. С. 36—42. <https://www.doi.org/10.18413/2408-9338-2015-1-3-36-42>.

Lisina O. V. (2015) Sociocultural Determinants of Health-Preserving Behavior of Or-thodox Russian Student Youth. *Scientific Result. Series: Sociology and Management*. Vol. 1. No. 3. P. 36—42. <https://www.doi.org/10.18413/2408-9338-2015-1-3-36-42>. (In Russ.)

Петраш М. Д., Стрижицкая О. Ю., Муртазина И. Р. Валидизация опросника «Профиль здорового образа жизни» на российской выборке // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 3. С. 164—190. <https://www.doi.org/10.17759/cpp.2018260309>.

Petrash M. D., Strizhitskaya O. Yu., Murtazina I. R. (2018) Validation of the Question-naire “Healthy Lifestyle Profile” on the Russian Sample. *Consultative Psychology and Psychotherapy*. Vol. 26. No. 3. P. 164—190. <https://www.doi.org/10.17759/cpp.2018260309>. (In Russ.)

Погосова Н. В., Вергазова Э. К., Аушева А. К., Суворов С. В., Исакова С. С., Бой-цов С. А. Центры здоровья: достигнутые результаты и перспективы // Профилакти-ческая медицина. 2014. Т. 17. № 4. С. 16—24.

Pogosova N. V., Vergazova E. K., Ausheva A. K., Suvorov S. V., Isakova S. S., Boytsov S. A. (2014) Health centers: achieved results and prospects. *Preventive Medicine*. Vol. 17. No. 4. P. 16—24. (In Russ.)

Сатир В. Психотерапия семьи. СПб.: Речь, 2000.

Satyr V. (2000) *Family Psychotherapy*. St. Petersburg: Speech. (In Russ.)

Тюмасева З. И., Орехова И. Л., Валеева Г. В., Саламатов А. А., Калугина Е. В. Фено-мен тьюторства в здоровьесбережении: факторы риска и устойчивости // образо-вание и наука. 2018. Т. 20. № 9. С. 139—157. <https://www.doi.org/10.17853/1994-5639-2018-9-139-157>.

Tyumaseva Z. I., Orekhova I. L., Valeeva G. V., Salamatov A. A., Kalugina E. V. (2018) The Phenomenon of Tutoring in Health Care: Risk Factors and Sustainability. *Educa-*

tion and Science. Vol. 20. No. 9. P. 139—157. <https://www.doi.org/10.17853/1994-5639-2018-9-139-157>. (In Russ.)

Федорова А. М. Стили родительского воспитания и их влияние на личностные качества и успешность сценической исполнительской деятельности будущего музыканта // Музыкальное искусство и образование. 2019. Т. 7. № 4. С. 31—43. <https://www.doi.org/10.31862/2309-1428-2019-7-4-31-43>.

Fedorova A. M. (2019) Styles of Parental Education and Their Influence on Personal Qualities and Success of the Stage Performance Activity of the Future Musician. *Musical Art and Education*. Vol. 7. No. 4. P. 31—43. <https://www.doi.org/10.31862/2309-1428-2019-7-4-31-43>. (In Russ.)

Фролова Ю. Г. Психосоматика и психология здоровья. Минск: ЕГУ, 2003.

Frolova Yu. G. (2003) Psychosomatics and Psychology of Health. Minsk: EGU. (In Russ.)

Цехла С. Ю., Плугарь Е. В. Здоровье населения и развитие экономики здоровья // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2017. Т. 3. № 1. С. 104—110.

Tsekhlа S. Yu., Plugar E. V. (2017) Population Health and the Development of the Health Economy. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and management*. Vol. 3. № 1. P. 104—110. (In Russ.)

Хоркина Н. А., Гритчина В. М., Садыкова Э. А., Лопатина М. В. Способствует ли физическая активность молодежи отказу от вредных привычек? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 282—306. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1933>.

Khorkina N. A., Gritchina V. M., Sadykova E. A., Lopatina M. V. (2022) Does Physical Activity in Youth Contribute to Quitting Bad Habits? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 282—306. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1933>. (In Russ.)

Шматова Ю. Е., Морев В. М. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3. С. 141—162. <https://doi.org/10.15838/esc/2015.3.39.11>.

Shmatova Yu. E., Morev V. M. (2015) Measuring the Level of Happiness: A Literary Review of Russian and Foreign Studies. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. No. 3. P. 141—162. <https://doi.org/10.15838/esc/2015.3.39.11>. (In Russ.)

Шустов Д. И. Аутоагрессия, суицид и алкоголизм. М.: Когито-Центр. 2005.

Shustov D. I. (2005) Autoaggression, Suicide and Alcoholism. Moscow: Kogito-Center. (In Russ.)

Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Омега-Л, 2007.

Yadov V. A. (2007) Strategy of Sociological Research. Description, Explanation, Understanding of Social Reality. Moscow: Omega-L. (In Russ.)

Groemping, U. (2006) Relative Importance for Linear Regression in R: The Package relaimpo. *Journal of Statistical Software*. Vol. 17. No. 1. P. 1—27. <https://doi.org/10.18637/jss.v017.i01>.

Hagen E. (1964) *On the Theory of Social Change; How Economic Growth Begins*. London: Tavistock Publications.

Inkeles A., Smith D. H. (1974) *Becoming Modern: Individual Changes in Six Developing Countries*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.

Morris S., Devlin N., Parkin D., Spencer A. (2012) *Economic Analysis in Healthcare*. Chichester: Wiley.

Paulik E., Bóka F., Kertész A., Balogh S., & Nagymajtényi L. (2010) Determinants of Health-Promoting Lifestyle Behaviour in the Rural Areas of Hungary. *Health Promotion International*. Vol. 25. No. 3. P. 277—288. <https://doi.org/10.1093/heapro/daq025>.

Reeves M. J., Rafferty A. P. (2005) Healthy Lifestyle Characteristics Among Adults in the United States, 2000. *Arch Intern Med*. Vol. 165. No. 8. P. 854—857. <https://doi.org/10.1001/archinte.165.8.854>.

Rotter J. B. (1954) *Social Learning and Clinical Psychology*. New York, N. Y.: Prentice-Hall.

Seligman M. E.P. (1978) Comment and Integration. *Journal of Abnormal Psychology*. Vol. 87. No. 1. P. 165—179.

Qi V., Phillips S. P., Hopman W. M. (2006) Determinants of a Healthy Lifestyle and Use of Preventive Screening in Canada. *BMC Public Health*. Vol. 6. Article. 275. <https://doi.org/10.1186/1471-2458-6-275>.

Приложение. Распределение ответов респондентов

Группа факторов	Фактор	Категории	Абсолютная частота	Относительная частота
Демографические	Пол	Мужской	2855	45,65
		Женский (Б)	3399	54,35
	Возрастная группа	18—24	954	15,33
		25—34	1263	20,28
		35—44	1188	19,09
		45—54 (Б)	1377	22,12
		55—64	909	14,60
65 и более	534	8,58		
Культурно-образовательные	Образование	Ниже среднего	243	3,96
		Среднее (Б)	3734	60,86
		Высшее	2158	35,18
	Национальность	башкир (Б)	1618	26,06
		русский	1748	28,16
		татарин	2368	38,14
		другое	476	7,64
	Религиозный статус	нет, я неверующий	955	15,41
		верующий, но не соблюдаю религиозные обряды (Б)	4691	75,70
глубоко верующий		551	8,89	
Социально-экономические	Материальное положение семьи	самые бедные	1833	29,87
		ниже среднего (Б)	2506	40,84
		выше среднего	1053	17,16
		самые богатые	744	12,13
	Тип местности проживания	Уфа (Б)	808	12,90
		Большие города	722	11,53
		Средние и малые города	1331	21,25
		Райцентры	1487	23,74
		Села	1916	30,59
Семейные	Количество детей в родительской семье	1	522	8,66
		2 (Б)	1812	30,03
		3	1529	25,36
		4	731	12,13
		5	650	10,78
		6	330	5,47
		7 и более	454	7,53
	Количество детей	0	1410	24,31
		1	1227	20,86
		2 (Б)	2134	36,27
		3	812	13,80
		4 и более	280	4,76

Группа факторов	Фактор	Категории	Абсолютная частота	Относительная частота
Семейные	Семейное положение	в браке никогда не состоял	1242	20,04
		состою в офиц. зарег. браке (Б)	3663	59,09
		живем вместе без регистрации	361	5,82
		нахожусь в разводе	487	7,86
		вдовец, вдова	446	7,19
Побудительные мотивы и их субъективная актуальность	Самооценка здоровья	отличное (Б)	586	9,57
		хорошее	2017	32,94
		удовлетворительное	3093	50,51
		плохое и совсем плохое	428	6,99
	Самооценка счастья	определенно да	2150	34,49
		скорее да (Б)	2954	47,39
		затрудняюсь ответить	695	11,15
		скорее нет, определенно нет	435	6,98
	Оценка важности здоровья	высокая	3636	58,05
		невысокая (Б)	2628	41,95
Социальная зрелость	Уверенность в будущем	вполне уверен	1084	17,40
		скорее уверен (Б)	2552	40,97
		скорее не уверен	977	15,61
		совершенно не уверен	431	6,92
		затрудняюсь ответить	1185	19,02
	Планирование будущего	не планирую свою жизнь надолго (Б)	3075	49,78
		планирую на несколько месяцев	1637	26,50
		планирую примерно на год	879	14,23
		планирую свою жизнь надолго	586	9,49
	Доверие	в целом доверяю	2035	34,54
		не доверяю (Б)	3856	65,46

Примечание: (Б) — базовая категория.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.1.2344](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2344)

В. И. Дудина, В. О. Сайфулина

«ПОЧИТАЛА, ЕЩЕ МЕНЬШЕ ВАКЦИНИРОВАТЬСЯ ЗАХОТЕЛОСЬ»: ОНЛАЙН-ДИСКУРС ВАКЦИННОЙ НЕРЕШИТЕЛЬНОСТИ

Правильная ссылка на статью:

Дудина В. И., Сайфулина В. О. «Почитала, еще меньше вакцинироваться захотелось»: онлайн-дискурс вакцинной нерешительности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 279—298. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2344>.

For citation:

Dudina V. I., Saifulina V. O. (2023) «I Read It, I Wanted To Get Vaccinated Even Less»: An Online Discourse Of Vaccine Hesitancy. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 279–298. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2344>. (In Russ.)

Получено: 25.11.2022. Принято к публикации: 23.01.2023.

«ПОЧИТАЛА, ЕЩЕ МЕНЬШЕ ВАКЦИНИРОВАТЬСЯ ЗАХОТЕЛОСЬ»: ОНЛАЙН-ДИСКУРС ВАКЦИННОЙ НЕРЕШИТЕЛЬНОСТИ

ДУДИНА Виктория Ивановна — доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой прикладной и отраслевой социологии факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: viktoria_dudina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2099-2345>

САЙФУЛИНА Виктория Олеговна — аналитик медиаданных, ООО «Агентство 2», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: vosayfulina@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3936-1888>

Аннотация. Вакцинная нерешительность рассматривается Всемирной организацией здравоохранения как одна из глобальных угроз здоровью человечества. Тема вакцинной нерешительности в современном мире тесно связана с проблематикой онлайн-коммуникации. Множество комментариев в социальных сетях посвящены свойствам вакцины от COVID-19, обсуждению сомнений в безопасности вакцинации и ее необходимости, что является одним из проявлений феномена вакцинной нерешительности. Понимание современного дискурса вакцинной нерешительности невозможно без изучения структуры и особенностей обсуждений темы вакцинации в социальных сетях. Цель исследования состояла в анализе и описании тематической структуры дискурса вакцинной нерешительности по поводу вакцинации от COVID-19 в русскоязычном сегменте сети интернет. Теоретиче-

«I READ IT, I WANTED TO GET VACCINATED EVEN LESS»: AN ONLINE DISCOURSE OF VACCINE HESITANCY

Victoria I. DUDINA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology
E-MAIL: viktoria_dudina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2099-2345>

Viktoria O. SAIFULINA² — Media Data Analyst
E-MAIL: vosayfulina@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3936-1888>

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

² LLC «Agency 2», Saint Petersburg, Russia

Abstract. Vaccine hesitancy is considered by the World Health Organization as one of the global threats to human health. The vaccine hesitancy is closely connected to the problems of online communication. A lot of comments on social networks are devoted to the properties of the COVID-19 vaccine, discussions of doubts about the safety of vaccination and its necessity, which is one of the manifestations of the phenomenon of vaccine indecision. Understanding the current discourse of vaccine hesitancy requires studying the structure and characteristics of discussions of vaccination in social networks. This study aims to analyze and describe the thematic structure of the discourse of vaccine hesitancy about vaccination against COVID-19 in the Russian-language segment of the Internet. Theoretically, the research bases on the concept of vaccine hesitancy and the social representations theory.

скую основу исследования составили концепция вакцинной нерешительности и теория социальных представлений. Данные были собраны в русскоязычной социальной сети «ВКонтакте». Был проведен тематический анализ комментариев к постам в четырех новостных сообществах этой социальной сети. В результате исследования были выделены основные темы, составляющие содержание онлайн-дискурса вакцинной нерешительности. Дискурс вакцинной нерешительности, представленный в проанализированных комментариях, составляют четыре темы: рискованность вакцинации; неэффективность вакцинации; ненужность вакцинации; несправедливость вакцинации. В ходе исследования были идентифицированы понятия и категории, составляющие ядро и периферию социальных представлений, формирующих онлайн-дискурс вакцинной нерешительности.

Ключевые слова: вакцинная нерешительность, социальные представления, дискурс, тематический анализ, онлайн-коммуникация, COVID-19

Благодарность. Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 22-18-00261.

Введение

Тема вакцинации и отношения к ней приобрела особую актуальность в контексте пандемии коронавируса. В многочисленных материалах средств массовой информации, посвященных отношению к вакцинации, принятие решений относительно ее необходимости, как правило, рассматривается в координатах «за» или «против»¹. Но обычно принимаемые решения лежат посередине этих крайних значений. Большинство людей, не являясь убежденными сторонниками или

The empirical data was collected in the Russian-language social network VKontakte. The authors carried out the thematic analysis of comments in four news communities of the selected social network and identified the main categories and topics of the online discourse of vaccine hesitancy. This discourse consists of four themes: the riskiness of vaccination, ineffectiveness of vaccination, unnecessary vaccination, and unfair vaccination. Based on this data, the authors identified the concepts and categories that make up the core and periphery of social representations of the vaccine hesitancy online discourse.

Keywords: vaccine hesitancy, social representations, discourse, thematic analysis, online communication, COVID-19

Acknowledgments. The research was supported by RSF (project No 22-18-00261).

¹ Меньшова П., Чалобова Г. «Я не прививаюсь от ковида, потому что...» Разбираем популярные причины // ТАСС. 2021. 28 июня. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11751617> (дата обращения: 15.02.2023); Панчин А. Топ-20 аргументов против вакцинации от ковида // Реальное время. 2021. 7 ноября. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/231153-top-20-argumentov-protiv-vakcinacii-ot-kovida> (дата обращения: 15.02.2023).

противниками вакцинации, испытывают определенные сомнения относительно необходимости и возможности этого действия для себя лично, несмотря на доступность вакцины. Такие сомнения в целесообразности и безопасности вакцинации при доступности вакцины получили название «вакцинной нерешительности» (vaccine hesitancy). В 2012 г. по инициативе Всемирной Организации Здравоохранения в рамках стратегической консультативной группы экспертов по иммунизации (SAGE) была создана рабочая группа для изучения вакцинной нерешительности. Проанализировав имеющиеся данные и исследования, рабочая группа SAGE определила вакцинную нерешительность как откладывание принятия решения о согласии или об отказе от вакцины, несмотря на доступность услуг вакцинации [MacDonald et al., 2015]. В последние годы это явление привлекает все больше внимания исследователей в разных странах, и пандемия коронавируса способствовала актуализации изучения этого вопроса.

Проблема вакцинной нерешительности актуальна и для России. Согласно исследованию² ВЦИОМ, проведенному в октябре 2021 г., 31 % россиян были не готовы вакцинироваться от коронавирусной инфекции или затруднились ответить на вопрос о своей готовности. В качестве объяснения неготовности были названы недостаточная изученность вакцины, ее недоказанная эффективность, неизвестные последствия вакцинации, негативные отзывы и ряд личных причин, связанных со здоровьем.

На принятие решений относительно здоровья, лечения и профилактики в современном мире значительное влияние оказывает информация из интернета и обсуждения в социальных сетях. Исследования показывают, что обсуждения в соцсетях способны влиять на отношение к вакцинации [Samal, 2021]. Так, родители, которые решают не вакцинировать своих детей, склонны формировать свое мнение после ознакомления с онлайн-информацией по этой теме, при этом большинство людей не интересуется степенью достоверности источника и полученных сведений [Opel et al., 2011]. Те, кто отказывается от вакцинации, чаще используют интернет для поиска информации о прививках и в меньшей степени доверяют информации специалистов и медицинских учреждений. В работах К. Бетч и К. Нан с соавторами [Betsch et al., 2010; Nan, Madden, 2012] продемонстрировано, что посещение веб-сайтов и блогов, посвященных вакцинам, негативно влияет на намерение вакцинироваться. Сравнивая восприятие рисков вакцин среди тех, кто посещал контрольные веб-сайты (содержащие нейтральные факты без негативных оценок и мнений), и веб-сайты, посвященные критике вакцин, исследователи обнаружили, что даже кратковременный просмотр информации на «критических» веб-сайтах увеличивает общее впечатление о риске вакцинации. В другом исследовании был сделан вывод о том, что использование Twitter и Facebook³ в качестве источников медицинской информации и знаний о гриппе имеет значимую обратную связь с использованием вакцин против гриппа [Ahmed et al., 2018].

² Зайтова Т. Сегментация россиян по отношению к вакцинации // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/presentation/prezentacii/segmentacija-rossijan-po-otnosheniju-k-vakcinacii?fbclid=IwAR3c70cBI3w_wue3wwj2KssdKfIheGxEZe5riMkzrQcDeXkUyOsbjRnXd2M (дата обращения: 15.02.2023).

³ Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ.

По данным Левада-Центра⁴, 47 % опрошенных использовали Интернет для поиска информации о вакцинации в течение 2021 г. и 41 % опрошенных воспринимали интернет как полезный инструмент для перепроверки рекомендаций врачей⁵. Во время пандемии коронавируса, когда ограничения социального взаимодействия, контроль за санитарными мерами и самоизоляция стали частью повседневности для всего мира, роль интернет-коммуникации значительно возросла. Социальные сети стали площадкой для освещения новостей по теме распространения коронавируса и для обсуждения мер, принимаемых для сдерживания пандемии, в частности, вакцинации. Подобные обсуждения, с одной стороны, отражают основные общественные настроения, а с другой, оказывают формирующее воздействие на мнение участников интернет-коммуникации. Таким образом, тема вакцинной нерешительности в современном мире тесно связана с проблематикой онлайн-коммуникации. Понимание современного дискурса вакцинной нерешительности невозможно без изучения структуры и особенностей обсуждений темы вакцинации в социальных сетях.

Цель исследования состояла в анализе и описании тематической структуры дискурса вакцинной нерешительности в русскоязычном сегменте сети интернет. Мы попытались дать ответы на следующие исследовательские вопросы:

- Какие темы составляют содержание онлайн-дискурса вакцинной нерешительности?
- Какие представления о вакцинации, способствующие вакцинной нерешительности, формируются в онлайн-дискуссиях?
- Какие понятия составляют ядро и периферию онлайн-дискурса вакцинной нерешительности?

В данной статье мы рассмотрим подходы к исследованию вакцинной нерешительности и опишем основные темы, составляющие онлайн-дискурс вакцинной нерешительности, выявленные в ходе анализа комментариев пользователей социальной сети «ВКонтакте».

Подходы к исследованию вакцинной нерешительности

Исследования онлайн-коммуникации вокруг вопросов вакцинации можно разделить на несколько направлений. Первое направление представляет собой мэппинг дискуссий в социальных сетях с целью определения паттернов распространения информации, ключевых акторов и их аудитории [Martin et al., 2020]. Другое направление сосредоточено на сентимент-анализе постов и сообщений, размещаемых в социальных сетях [Piedrahita-Valdés et al., 2021]. Исследователи из Университета Торонто изучали темы, которые возникали в постах пользователей в социальной сети Twitter в период вакцинации населения от COVID-19 вакцинами Pfizer и AstraZeneca [Griffith, Marani, Monkman, 2021]. В результате контент-анализа постов пользователей, было выяснено, что вакцинная нерешительность выражается в следующих темах: опасения по поводу безопасности; подозрения

⁴ Российское юридическое лицо, признанное выполняющим функции «иностранный агент».

⁵ Левада-Центр. Ольга Караева. Роль интернета в вопросах здоровья // Левада-центр. 2022. 24 марта. URL: <https://www.levada.ru/2022/03/24/rol-interneta-v-voprosah-zdorovya/> (дата обращения: 15.02.2023) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранный агент»).

в отношении политических и экономических сил, «движущих» пандемией COVID-19 или разработкой вакцины; отсутствие знаний о вакцине; антивакцинные или противоречивые сообщения официальных лиц; отсутствие возможной юридической ответственности для производителей вакцин.

Австралийский исследователь Т. Эктнер провел контент-анализ онлайн-сообщества «Australian Vaccination-risks Network», которое имеет репутацию антивакцинного [Aechtner, 2021]. Контент-анализ проводился с опорой на модель вероятности сознательной обработки информации (Elaboration Likelihood Model). Исследование показало, что основными методами, которыми пользуются подобные антивакцинные сообщества при коммуникации с аудиторией, являются ссылка на опасность вакцины и риторика о воздействии фармацевтических компаний на рынок. В постах и комментариях таких сообществ также можно наблюдать темы получения материальной выгоды от вакцинации.

Исследователи в области социальных наук рассматривают коммуникацию по поводу здоровья в социальных сетях как инструмент формирования отношения к вакцинации. Упомянутые работы идентифицируют темы, которые фигурируют в таких обсуждениях: они касаются не только опасений по поводу здоровья, но и в не меньшей степени, политики, идеологических убеждений, теорий заговора. На данный момент вакцинная нерешительность в онлайн-пространстве практически не изучена в русскоязычном сегменте сети интернет. Более распространены исследования, сосредоточенные на изучении антивакцинного движения (см., например, [Батанина и др., 2022; Левин, Левина, 2022; Чарыкова, 2022; Горошко, Емельянова, Кацала, 2021]).

Стоит отметить, что вакцинная нерешительность — это более широкий концепт, чем антивакцинаторство. Вакцинную нерешительность демонстрируют как люди, которые просто забывают о вакцинации, откладывают ее, так и те, кто активно выступает против вакцинации. Нерешительность в отношении вакцинации сложна и зависит от контекста. Основные детерминанты возникновения вакцинной нерешительности могут быть определены как самоуспокоенность в отношении собственного здоровья (complacency), неудобство (inconvenience) и недоверие (lack of confidence) [MacDonald et al., 2015].

Самоуспокоенность в отношении собственного здоровья предполагает, что если воспринимаемый индивидом риск заболевания, предупреждаемого с помощью вакцины, низок, то вакцинация не считается необходимой профилактической мерой. Воздействие данной детерминанты может усилиться, если другие жизненные приоритеты кажутся более важными, чем здоровье, или если болезнь не является угрозой в представлении индивида. Самооценка и реальная способность человека предпринять действия по вакцинации также могут влиять на этот фактор.

Неудобство как детерминанта вакцинной нерешительности предполагает следующие проявления: физическую невозможность получить доступ к вакцине, материальную недоступность вакцины или неготовность платить, географическую недоступность, низкое качество услуги вакцинации. Даже при наличии позитивного намерения сделать прививку структурные препятствия, такие как затрудненный доступ, могут оттолкнуть человека от решения вакцинироваться.

Детерминанта недоверия более сложна. Она включает в себя следующие характеристики: неуверенность в эффективности и безопасности вакцин; недоверие системе, которая обеспечивает процедуру вакцинации (включая неуверенность в надежности и компетентности медицинских служб и специалистов здравоохранения); неубедительные доводы и риторику политиков, принимающих решение о потребности в вакцинах. Недостаток доверия также может привести к нежеланию вакцинироваться.

Рабочая группа SAGE по изучению вакцинной нерешительности разложила вышеперечисленные детерминанты на 3 фактора, определяющие вакцинную нерешительность:

— контекстуальное влияние: факторы, обусловленные историческим, социокультурным, экологическим контекстом, институциональными особенностями системы здравоохранения, политики и экономики;

— индивидуальное и групповое влияние: факторы, обусловленные личным восприятием вакцины или влиянием социального окружения;

— факторы, напрямую связанные с характеристиками вакцины или с самим процессом вакцинации [MacDonald et al., 2015].

Исследования показывают, что вакцинная нерешительность в контексте пандемии коронавируса стала острой проблемой, которая больше связана с контекстуальными факторами, чем с психологическими особенностями. Исследователи из Австрии определили несколько важных факторов нерешительности в отношении вакцин, начиная от демографических характеристик и заканчивая более сложными факторами, такими как электоральное поведение и доверие к правительству [Schernhammer et al., 2022]. Среди тех, кто сомневается в эффективности и необходимости вакцины от COVID-19, проголосовавших за оппозиционные партии или вообще не участвовавших голосовании было в 2,3 раза больше, чем проголосовавших за правящие партии. Только 46,2% доверяли австрийскому правительству в предоставлении безопасных вакцин, а 80,7% запрашивали независимые научные оценки безопасности вакцин, чтобы принять решения о вакцинации. Вопреки ожиданиям, психосоциальные аспекты лишь слабо коррелировали с вакцинной нерешительностью. Однако, согласно результатам исследования, сильная корреляция между недоверием к вакцине и недоверием к властям предполагает общую причину несогласия с продвижением вакцинации в обществе.

Вышеперечисленные факторы обуславливают склонность к вакцинной нерешительности. Нерешительность в отношении вакцинации — неустойчивая позиция. Консультации с врачами, поиск информации в интернете, обсуждения в социальных сетях влияют на мнение индивида и способны склонить его в сторону еще большей нерешительности или, напротив, принятия вакцины. Именно поэтому для лучшего понимания причин неуверенности в вакцинации и построения эффективной коммуникативной стратегии информирования важно выяснить, какие темы фигурируют в онлайн-обсуждениях, какие представления о вакцинации они формируют, какие из представлений являются наиболее устойчивыми, а какие потенциально более подвержены изменениям.

Для исследования дискурса вакцинной нерешительности мы адаптировали подход, разработанный в теории социальных представлений [Moscovici, 1973;

Московичи, 1992]. Ценность этого подхода в исследованиях поведения, связанного со здоровьем, в том числе в области вакцинации, состоит в том, что он трактует повседневные, непрофессиональные представления не как разрозненные и не связанные между собой предрассудки, каждый из которых может быть относительно легко заменен на «более правильные» представления, но принимает во внимание собственную логику представлений и их целостность, обусловленную специфическим социальным контекстом. Онлайн-дискурс, сложившийся вокруг пандемии и вакцинации, включает в себя набор понятий, образов и тем, которые систематически возникают в онлайн-коммуникации и формируют совокупность социальных представлений о вакцинации [Nerlich, Jaspal, 2021]. В нашем исследовании мы рассматриваем дискурс вакцинной нерешительности не только как манифестацию уже существующих представлений, но также как среду формирования, изменения и поддержания социальных представлений о вакцинации.

Серж Московичи, один из основоположников теории социальных представлений, описал социальные представления как систему ценностей, идей и практик с двойной функцией: установить порядок, который позволит людям ориентироваться в материальном и социальном мире, управлять им, а также обеспечить коммуникацию между членами сообщества, предоставив им коды для социального обмена, обозначения и однозначной классификации различных аспектов их мира [Moscovici, 1973]. Социальные представления организуют реальность, способствуют ее познанию и упорядочиванию [Московичи, 1992]. Пандемия коронавируса является «точкой напряжения», то есть событием, в котором формируются новые социальные представления. Источником социальных представлений являются циркулирующие в дискурсе уже известные знания и понятия, раскрывающиеся в коммуникации, форма которых меняется в зависимости от индивидуальных переживаний, интересов и убеждений [Potter, Edwards, 1999].

Структура социальных представлений состоит из центральных и периферийных тем и понятий. Центральные понятия составляют неизменную основу дискурса, а периферийные являются подвижными элементами, склонными к изменению [Abric, 1993]. Следовательно, ожидается, что центральные понятия, формирующие дискурс вакцинной нерешительности, будут более или менее сходными во всех выделенных темах, а периферийные будут различаться. Периферийные схемы действуют как решетки расшифровки ситуации и как индикаторы «нормальности» происходящего. Элементы периферийных схем обладают меньшей степенью абстрактности, чем элементы центрального ядра. В случае «ненормальной» ситуации, когда определенные явления противоречат базовым представлениям, включается защитная роль периферийных схем, сохраняя ядро от трансформации. Трансформация центрального ядра происходит, когда накапливается достаточное количество противоречащей информации, которая превышает диапазон гибкости периферийных элементов. Изучая цифровой дискурс вакцинной нерешительности, нам важно проследить, какие понятия составляют ядро представлений о вакцинации, а какие могут быть отнесены к периферийным элементам.

На основании предварительного анализа литературы по вакцинной нерешительности и рассмотрения концепции социальных представлений, мы сформулировали гипотетическое описание структуры дискурса вакцинной нерешитель-

ности, которое составило основу эмпирического исследования. Ядро дискурса может быть образовано одним или несколькими элементами, это наиболее стабильный, сопротивляющийся изменениям элемент, который влияет на значение других элементов дискурса и определяется характер связей между ними. Периферийные элементы выполняют функцию защиты центрального ядра, обладают большей гибкостью для изменений и меньшей значимостью для стабильности социальных представлений. Дискурс, сформированный вокруг одной проблемы, в нашем случае, проблемы вакцинации, должен содержать схемы классификации, описания, объяснения и действия. Дискурс вакцинной нерешительности должен содержать совокупность представлений, позволяющих классифицировать события и явления, связанные с вакцинацией, описывать их свойства, и предлагать типичные объяснения; кроме того, дискурс должен содержать серию примеров, формул, клише, иллюстрирующих базовые утверждения, ценности, и соответствующие им модели действий.

Методы исследования

В ходе проведения эмпирического исследования были отобраны комментарии пользователей крупных новостных сообществ «ВКонтакте». Сообщества выбирались по следующим критериям: число участников сообщества должно превышать 350 тыс. пользователей; посты сообщества должны быть открытыми для комментирования; сообщества должны быть разной тематической направленности. Последняя оценивалась исходя из описания сообщества, размещенного его администраторами в соцсети «ВКонтакте». В качестве источников эмпирического материала были выбраны следующие сообщества: Mash, Коммерсантъ, РБК и TJ⁶. Данные сообщества на момент сбора данных являлись самыми крупными новостными группами «ВКонтакте», соответствующими вышеперечисленным критериям.

Был проведен многоступенчатый отбор для выбора релевантных комментариев. Комментарии отбирались с помощью API «ВКонтакте». На первом этапе были получены все посты на стене сообщества за период с 18 января 2021 г. по 15 февраля 2022 г. Выбор начальной даты обусловлен тем, что о начале массовой вакцинации в РФ было объявлено 18 января 2021 г. Затем из полученной совокупности были отобраны посты, содержащие упоминание вакцинации или прививки от коронавируса. Такая фильтрация производилась через поиск однокоренных слов к словам «прививка» и «вакцинация». Далее были скачаны все комментарии к таким постам. Таким образом были получены 10056 комментариев (суммарно из четырех сообществ), в которых содержалось упоминание вакцинации от коронавируса, определявшееся по однокоренным словам, как и в случае с отбором постов. Затем из общего количества комментариев для каждого сообщества с помощью запроса случайных строк в программе DBrowser было отобрано по 1500 комментариев. В результате из общего массива была сформирована итоговая выборка в 6000 комментариев (по 1500 из четырех сообществ), содержащая текст комментария, дату публикации, информацию об источнике (ID сообщества).

⁶ Заблокировано Роскомнадзором в марте 2022 г.

Кодирование проводилось в соответствии с методикой шестиступенчатого тематического анализа [Clarke, Braun, Hayfield, 2015]. На первых этапах при кодировании эмпирического материала было выделено 36 дедуктивных и индуктивных кодов, которые были сгруппированы в 21 категорию. Затем из полученных категорий были сформированы основные темы, составляющие ядро онлайн-дискурса вакцинной нерешительности. Чтобы определить, какие понятия являются центральными, а какие — периферическими, с помощью пакета Wordcloud в программе RStudio был произведен подсчет частоты упоминания понятий. Анализ понятий, входящих в каждую тему, позволил определить состав центрального ядра и периферийной системы каждой тематической группы.

Результаты исследования

Количество опубликованных комментариев о вакцинации от коронавируса тесно связано с волнами пандемии. На рисунке 1 представлено распределение комментариев по датам публикации. Рост количества комментариев о вакцинации начинается в январе 2021 г., когда было объявлено о начале массовой вакцинации в России. Наибольшее число комментариев было оставлено в июле 2021 г. Этому временному промежутку соответствует введение обязательного предъявления QR-кодов для посещения общественных мест. Данный законопроект стал широко обсуждаемым в социальных сетях.

Рис. 1. Статистика комментариев о вакцинации в отобранных сообществах

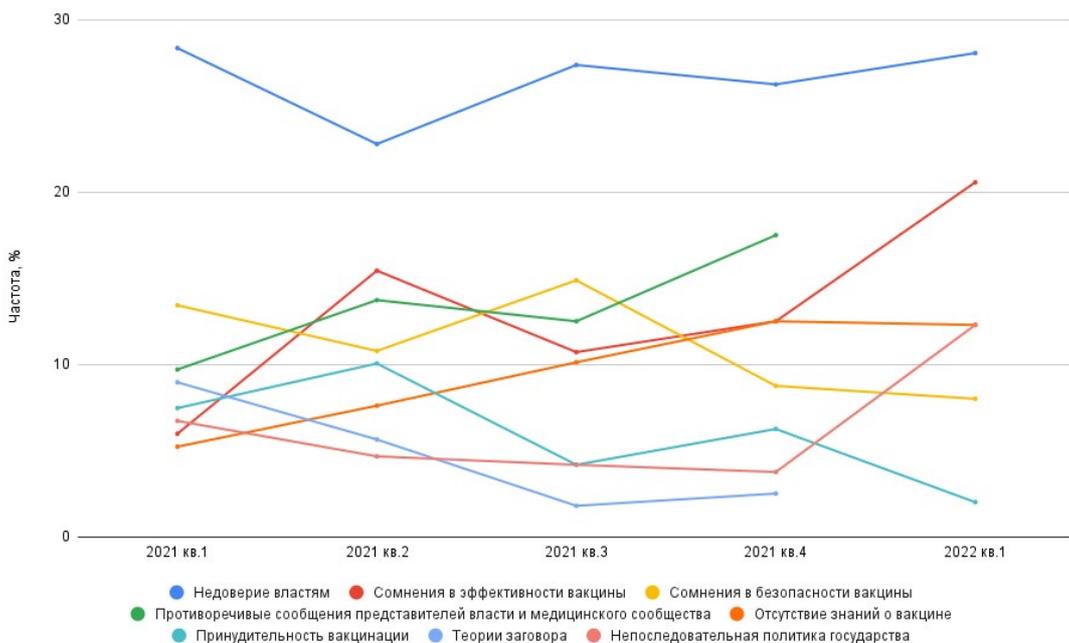
Темы, сформулированные в результате кодирования и анализа отобранных комментариев, были разбиты на две большие подгруппы: содержащие конкретные аргументы относительно сомнений в вакцинации (78,5% сообщений) и общие рассуждения относительно сомнительности вакцинации (21,5% сообщений). Выделенные темы представлены в таблице 1.

Таблица 1. Распределение категорий, сформированных на основе кодов

№ п/п	Категория	Доля комментариев, %
<i>Аргументированные сомнения в вакцинации (78,5%)</i>		
1	Недоверие властям	20,41
2	Сомнения в эффективности вакцины	9,79
3	Сомнения в безопасности вакцины	9,17
4	Противоречивые сообщения представителей власти и медицинского сообщества	7,82
5	Отсутствие знаний и информации о вакцине	7,01
6	Принудительность вакцинации	5,85
7	Непоследовательная политика государства	3,87
8	Теории заговора	3,78
9	Неквалифицированность лиц и учреждений, ответственных за вакцинацию	3,78
10	Плохие условия проведения вакцинации	3,24
11	Противоречивая информация, распространяемая в СМИ	1,98
12	Отсутствие возможной юридической ответственности за последствия вакцинации	1,26
13	Отсутствие признания вакцины со стороны ВОЗ	0,45
14	Вакцинация противоречит религиозным убеждениям	0,09
<i>Общие рассуждения относительно вакцинации (21,5%)</i>		
15	Оскорбление и высмеивание антипрививочников	5,16
16	Юмор о вакцинации	4,07
17	Эмоциональные призывы вакцинироваться	3,35
18	Оскорбление и высмеивание привившихся	3,17
19	Декларативный, без аргументации, отказ прививаться	2,87
2	Вакцинация в других странах как образец	0,99
21	Приоритет более острых социальных проблем, чем коронавирус	0,9
22	Вопрос о вакцинации к аудитории сообщества	0,45
23	Политика СССР как образец для вакцинации	0,45
24	Разочарование в принятом ранее решении о вакцинации	0,09

Оценка частоты упоминания выделенных категорий показала, что она менялась с течением времени, как и количество комментариев в целом (см. рис. 2). Этот факт связан, вероятно, как с изменениями в динамике распространения коронавируса, так и с принимаемыми государством мерами по сдерживанию эпидемии и проведению вакцинации. Наиболее устойчивую динамику на протяжении анализируемого периода продемонстрировали темы недоверия власти и противоречивости сообщений представителей власти и медицинского сообщества. Принудительность вакцинации чаще, чем в другие периоды, упоминалась во втором квартале 2021 г., что, по всей видимости, было связано с введением обязательного предъявления QR-кодов при посещении общественных мест. Данная мера спровоцировала активные обсуждения в социальных сетях.

Рис. 2. Частота упоминания тем в комментариях в зависимости от периода публикации

Онлайн-обсуждения вакцинации от коронавируса сильно политизированы — большая часть выявленных категорий так или иначе связана с политикой. Наиболее часто обсуждаемой категорией в контексте неготовности вакцинироваться стало недоверие властям — такие обсуждения составили 20,41 % всех комментариев. По данным исследования Edelman Trust Barometer, в 2020 г. Россия была признана страной с наиболее низким суммарным показателем доверия к государственным институтам, СМИ и бизнесу среди рассмотренных стран⁷. Недоверие властям выразалось в комментариях по-разному, от простого декларирования

⁷ Edelman Trust Barometer 2020. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2020-01/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report_LIVE.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

недоверия до выражения подозрений в том, что власть пытается извлечь выгоду из пандемии и вакцинации населения, и в интерпретации вакцинации как результата сговора государства с фармацевтическими компаниями. Вот пример подобного комментария: «*Есть уверенность, что они ничего для людей делать не будут, только что бы лишний раз навариться и напилить бабла, то на вакцинах, то на ма-сках...*» Будучи комплексным понятием, доверие состоит как из аффективных, связанных с эмоциями и личным отношением, так и из рациональных составляющих. Один из компонентов доверия — соответствие ожидаемых действий реальным.

Другой аспект вакцинной нерешительности связан с категориями, фиксирующими сомнения в безопасности и эффективности вакцины (18,97 %) и отсутствие информации и знаний о вакцине (7,01 %). Сомнения выражаются в высказываниях об отсутствии смысла в прививке, так как «*вирус мутирует*». Недостаток информации у авторов комментариев компенсируется личными стихийными экспериментами и повседневными наблюдениями, когда пользователи для подкрепления своей точки зрения апеллируют к собственной «статистике»: «*Личные наблюдения по смертям в моем окружении: ковид — 1 с 2019 года, после вакцинации — 11 за последние 7 месяцев*».

Нужно отметить, что абстрактные сомнения относительно вакцинации в проанализированных комментариях превалируют над опасениями, связанными, например, с плохими условиями проведения вакцинации, которые упоминаются лишь в 3,24 % комментариев. Под плохими условиями понимается как недостаточная техническая оснащенность медицинских учреждений, так и невозможность выбора вакцины. Низкая квалификация лиц и учреждений, ответственных за вакцинацию, отмечается в 3,78 % комментариев. Также иногда упоминается отсутствие юридической ответственности за последствия вакцинации (1,26 %).

Сомнения относительно условий вакцинации, квалификации медицинского персонала и его ответственности носят более конкретный характер, чем высказывания по поводу невозможности доверять существующей власти или медицине в целом. В то же время в анализируемых текстах комментариев превалировали абстрактные опасения, не подкрепленные фактами или наблюдениями. Таким образом, тема вакцинации, как она представлена в проанализированных комментариях, оказывается привязанной к сложным вопросам организации политической власти, интересов элит и фармацевтических компаний, а также проблемам доверия медицинскому знанию и информации об испытаниях вакцин. Здесь проявляется такое свойство организации социальных представлений, как схематизация, когда одним признакам уделяется повышенное внимание, они акцентируются, а другие выпадают из поля зрения, затушевываются. Рассуждения о свойствах вакцины и о конкретных проблемах ее применения в социальных сетях заменяются обсуждением общих социальных и политических проблем, опосредованно связанных с вакцинацией.

Представления о вакцинации персонифицируются в фигуре президента РФ, главы Института им. Гамалеи, а также заместителя председателя правительства РФ по вопросам социальной политики. Частое упоминание конкретных политических деятелей в контексте обсуждений вакцинации свидетельствует о том, что действия и высказывания публичных лиц занимают важное место в процессе

формирования представлений относительно вакцинации. Например, президент России упоминается в 76 % комментариев, связанных с темой доверия властям. По мнению комментаторов, отсутствие личного примера со стороны людей во власти, которые сделали бы прививку публично, снижает уровень доверия к вакцинации. Некоторые комментарии, выражавшие сомнения в вакцинации, апеллировали к отсутствию соответствующего примера использования отечественной вакцины со стороны президента и государственных чиновников («Путин не стал колоться, так что нафиг эту вакцину», «Пусть сами вакцинируются»).

В теме теорий заговора процесс вакцинации в мире в целом персонифицируется через фигуру Клауса Шваба, главы Всемирного Экономического Форума (он упоминается в 53 % комментариев, отнесенных к данной теме), а также Билла Гейтса (15 % комментариев). Сам ВЭФ часто упоминается комментаторами как сговор, направленный на установление нового мирового порядка. Как правило, обращение к конспирологии проявляется, когда социальная группа или индивид вместо доверия социальным институтам выбирают веру в так называемое «стигматизированное знание» (например, теории заговора, альтернативная медицина и т. д.) [Кирзюк, 2021]. Исследования показывают, что такое мышление позволяет индивидам, находящимся в субъективной ситуации беспомощности, обрести ощущение контроля над собственной жизнью.

Коронавирус сравнивается в комментариях с другими заболеваниями, чаще всего с гриппом и корью. Такое сравнение, как правило, делается в контексте обоснования отсутствия необходимости вакцинации. С точки зрения теории социальных представлений, подобные сравнения могут рассматриваться как формирование представлений о новой болезни через «закрепление» (anchoring) ее характеристик в свойствах уже известных болезней. Комментаторы проводят параллели относительно эффективности вакцин против этих болезней и тяжести побочных эффектов: *«Все болеют по второму кругу, кто болел, а от прививки-то тогда какой толк? Еще меньше все будут болеть, как и от обычного гриппа ежегодно»*. В историческом разрезе подобное закрепление также осуществляется в комментариях посредством исторических параллелей — сравнения современной прививочной компании с прививочными компаниями во времена Советского Союза.

Эмоционально насыщенные высказывания также составляют существенную часть дискурса вакцинации. Как правило, такие сообщения не содержат непосредственного указания на причины готовности или неготовности вакцинироваться, но характеризуют эмоциональный контекст, в котором происходит коммуникация (*«Надоели со своими вакцинами!»*). К категориям, описывающим эмоциональную сторону дискурса, были отнесены комментарии, содержащие юмористические сообщения о вакцинации, а также эмоциональное осуждение как антипрививочников, так и людей, уже сделавших прививку (*«Ахаха... Заставили прививаться неизвестно чем, а теперь будут сдавать тесты за денежку»*) или упорно не желающих прививаться (*«Сколько же шизов в комментах, которые кричат, что это опасно. Вы еще и в 5G и чипирование верите?»*).

Анализ смыслового содержания выявленных категорий, частоты их встречаемости и содержащихся в них понятий позволил выделить четыре основные темы онлайн-дискурса вакцинной нерешительности: сомнения в безопасности вакци-

нации; сомнения в эффективности вакцинации; сомнения в необходимости вакцинации; сомнения в справедливости вакцинации. Эти темы обосновываются через совокупность периферических понятий, которые служат подкреплением высказанных аргументов и при этом выходят за пределы непосредственного обсуждения свойств, особенностей и возможных эффектов вакцинации. Опишем выделенные темы более подробно.

Тема «сомнения в безопасности вакцинации». Представления о вакцинации как о небезопасном действии, которое влечет за собой неизвестные последствия, вписаны в более широкий дискурс риска. Сомнения в вакцинации связываются в первую очередь с осознанием возможного риска для здоровья. Основной лейтмотив данной тематики строится вокруг обсуждения вакцинации как меры, которая способна повлечь за собой больше негативных, чем позитивных последствий для здоровья. Сомнения в безопасности вакцины для здоровья и обсуждение возможных рисков составляют ядро данной темы.

Периферию составляет обсуждение отсутствия надежных знаний о вакцине, отсутствия юридической ответственности за последствия вакцинации, противоречивой риторики официальных лиц, плохих условий вакцинации, сомнений в квалификации медицинских работников и в соблюдении условий производства вакцины.

Тема «сомнения в эффективности вакцинации» строится вокруг таких понятий, как «последствия», «эффект», «результат». Лейтмотивом обсуждений сомнительной эффективности вакцины является сопоставление возможных последствий от вакцинации с ролью вакцины в предотвращении заболевания. В рамках подобных обсуждений пользователи активно приводят примеры людей, которые «вакцинировались, но заболели» или «не вакцинировались и не болели».

В качестве периферических подтем выступают обсуждения противоречивости сообщений СМИ, политиков и медицинских экспертов об эффективности вакцинации; обсуждение отсутствия признания вакцины со стороны ВОЗ. Эти сомнения апеллируют к общему пониманию воздействия вакцинации, к рассуждениям о недостаточной изученности и проверке эффективности вакцины от коронавируса и к слишком быстрому ее изготовлению, к конкретным условиям производства вакцины от коронавируса. В контексте этой темы также обсуждается квалификация лиц и учреждений, ответственных за вакцинацию.

Тема «сомнения в необходимости вакцинации» формируется вокруг представлений о вакцинации как о ненужной мере, поскольку под вопрос ставится значимость самой болезни. Вакцинация в этих обсуждениях трактуется как излишняя мера, а коронавирус как заболевание, которое не представляет большой опасности или так быстро мутирует, что вакцина не может ему противостоять. В рамках этой темы в качестве личных примеров приводятся случаи людей, которые сталкивались с зараженными и не заболели, часто пользователи апеллируют к личному опыту. Важную роль в обсуждениях в рамках этой темы играют такие понятия, как «смысл», «иммунитет» и «мутация».

Периферические аспекты данной темы включают обсуждение противоречивой информации, распространяемой СМИ относительно опасности и тяжести заболевания; приведение личных примеров встречи с вирусом без серьезных последствий для здоровья; подозрение в том, что власть и элиты в своих интересах

преувеличивают опасность заболевания. Также в рамках данной темы затрагивается такой аспект, как приоритет более острых социальных и экономических проблем, чем коронавирусу

Тема «сомнения в справедливости вакцинации» представляет вакцинацию как продукт заговора политических элит или «всемирного заговора», нацеленного на получение материальной выгоды, установление цифрового контроля и сокращение численности населения. Базовые понятия, наиболее часто встречающиеся в обсуждении этой темы: «прибыль», «управление», «сговор», «принуждение», «права». Эта группа представлений формируется из подтем, в которых обсуждается недоверие властям, непоследовательность политики государства, противоречивые сообщения официальных лиц, принудительность вакцинации. Лейтмотив данной темы состоит в том, что вакцинация в той форме, в которой она осуществляется, рассматривается не просто как риск для индивидуального здоровья, но как вред для населения в целом, поскольку за компаниями вакцинации лежат в первую очередь политические и экономические интересы. Вакцинация рассматривается как сомнительная, поскольку в ее основе лежат корыстные мотивы производителей вакцины, а производство вакцины и ее распространение направляются интересами получения прибыли, мало связанными с заботой о здоровье людей. Представление о вакцинации как части несправедливой политики государства, которая внедряется властью с целью ограничения гражданских прав и свобод населения, также присутствует в обсуждениях, отнесенных к этой тематической группе.

Периферийные понятия, подкрепляющие основные сомнения, касаются опасений, что политические и экономические интересы, замешанные в производстве вакцины, могут негативно сказаться на ее качестве, а также повлиять на преувеличение ее эффективности и необходимости. Можно отметить, что данная тема перекликается с базовыми представлениями антивакцинного дискурса, который часто апеллирует к теориям заговора.

В структуре всех выделенных тем четко прослеживается связь трех базовых категорий — доверие, знание и власть. Данные категории составляют основу каждой темы, формируя общий смысл с определенными нюансами. Эти ключевые категории позволяют сделать вывод о том, что в основе дискурса вакцинной нерешительности лежат более широкие социальные проблемы, которые находятся в тесной связи друг с другом, такие как недостаток доверия к социальным институтам, скептицизм по отношению к государственным мерам, недостаток надежных знаний о свойствах и побочных эффектах вакцины и недоверие медицинскому знанию в целом.

Необходимо признать, что наше исследование не лишено определенных ограничений и допущений, связанных как со спецификой используемых методов, так и с выбранной теоретической рамкой. Изучение вакцинной нерешительности сквозь призму онлайн-дискурса накладывает определенные ограничения на исследование. Во-первых, нет возможности привязать ту или иную тематику к конкретной социальной группе, поскольку в доступных данных социальной сети отсутствует надежная социально-демографическая информация. Во-вторых, наше исследование посвящено дискурсу, сформированному вокруг новостей о вакцинации, а данные были получены из новостных сообществ, что также могло повлиять

на особенности комментариев, которые были отобраны для анализа. В-третьих, метод тематического анализа предполагает высокую вовлеченность исследователя в процесс обработки и анализа данных, а выделенные темы и их интерпретация в определенной мере подвержены субъективной оценке. Справедливости ради отметим, что на данный момент практически все методы анализа тематической структуры текстов не лишены этого недостатка.

Заключение

Тематическая структура онлайн-дискурса вакцинной нерешительности, как он рассматривался в данном исследовании, в целом вписывается в описанную выше модель, которая была разработана исследовательской группой SAGE. Однако в проанализированных текстах присутствуют и темы, специфические для русскоязычных пользователей, такие как непризнание вакцины Спутник V со стороны ВОЗ; ссылки на успешные кампании по вакцинации в бывшем СССР; определенные исторические параллели; приоритет других социальных и экономических проблем в жизни общества.

Исследования зарубежных авторов, также как и наши результаты, в качестве лидирующих тем при обсуждениях вакцинации в социальных сетях указывают на скептицизм по поводу действий власти и опасения относительно безопасности вакцины. Канадские исследователи также предположили, что сомнения в безопасности вакцины вызваны неправильной интерпретацией научных фактов [Rotolo et al., 2022]. В исследовании [Hwang et al., 2022] отмечается, что наиболее заметными темами в онлайн-обсуждениях вакцины против COVID-19, стали сравнение с другими инфекционными заболеваниями, проблемы безопасности вакцины и теории заговора. В то время как позитивный дискурс о вакцинации включает широкий круг тем, в который входят «разработка вакцины», «эффективность вакцины» и «испытания вакцины», негативный дискурс сосредоточен на таких темах, как «теории заговора» и «вопросы безопасности». Позитивный дискурс с большей вероятностью опирается на данные авторитетных источников (ученые/врачи, медицинские СМИ/журналисты), тогда как негативный, как правило, ссылается на политиков и влиятельных лиц в интернете. В нашем исследовании была выявлена похожая закономерность. Среди источников, к которым апеллировали пользователи в своих обсуждениях, очень заметны были также ссылки на личные примеры из повседневной жизни. Активная апелляция во всех выделенных темах при обсуждении вакцинации к личному опыту, к опыту друзей, родственников и знакомых является ярким примером такого явления, как «повседневная эпидемиология» [Nutti, Armstrong, 2021]. Повседневная эпидемиология приспосабливает официальные сообщения, касающиеся поведенческих рисков, к «внеучным» и немедицинским понятиям, что одновременно представляет собой как способ освоения новой информации, так и потенциальный барьер для восприятия экспертной информации от медицинского сообщества. Повседневная эпидемиология как важная составляющая часть процесса формирования вакцинной нерешительности оказывает существенное влияние на публичную убедительность посылов современной системы здравоохранения и требует активного исследования с применением социологических методов.

Изучение дискурса вакцинной нерешительности сквозь призму теории социальных представлений имеет важное значение для понимания возможностей изменения установок и поведения людей в сфере здоровья. Функции социальных представлений, составляющих онлайн-дискурс вакцинной нерешительности, состоят в описании, классификации и объяснении вакцинации, пандемии и связанных с ней действий; в адаптации новых фактов и явлений к ранее существовавшим взглядам, мнениям и оценкам посредством так называемых «моделей закрепления», превращающих необычное в понятное; в регуляции поведения в соответствии с усвоенной системой представлений. Трактовка совокупности мнений и установок как элементов целостной внутренне упорядоченной системы представлений, формирующих специфический дискурс, демонстрирует сложность воздействия на отдельные составляющие этой совокупности с целью пропаганды «правильного» поведения в сфере здоровья. В силу многоступенчатой защиты центрального ядра, социальные представления являются достаточно стабильными и стойкими к изменениям. Поэтому процесс формирования новых представлений относительно здоровья и профилактического поведения, включая вакцинацию, достаточно длительный, не может быть осуществлен через кратковременные медийные компании и требует детального исследования закономерностей, лежащих в основе таких явлений, как вакцинная нерешительность.

Список литературы (References)

- Батанина И. А., Бродовская Е. В., Лукушин В. А., Давыдова М. А. Информационные потоки противников вакцинации: особенности масштаба, репертуара и структуры движения «антиваксеров» в российском сегменте социальных медиа // *Известия Тульского государственного университета. Науки о земле*. 2022. № 3. С. 24—39.
- Batanina I. A., Brodovskaya E. V., Lukushin V. A., Davydova M. A. (2022) Information Flows of Vaccination Opponents: Specifics of the Scale, Repertoire and Content of the “Anti-vax” Movement in the Russian Segment of Social Media. *News of the Tula State University. Sciences of Earth*. No. 3. P. 24—39. (In Russ.)
- Горошко Н. В., Емельянова Е. К., Пацала С. В. Проблема ковид-антивакцинаторства: Россия на мировом фоне // *Социальные аспекты здоровья населения*. 2021. Т. 67. № 4. С. 3. URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/1282/30/lang_ru/ (дата обращения: 16.02.2023).
- Goroshko N. V., Emelyanova E. K., Patsala S. V. (2021) The Problem of the COVID-19 Antivaccine Movement: Russia Against the Global Background. *Social Aspects of Public Health*. Vol. 67. No. 4. P. 3. URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/1282/30/lang_ru/ (accessed: 16.02.2023). (In Russ.)
- Кирзюк А. А. «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 2. С. 484—509. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1776>.
- Kirzyuk A. A. (2021) “I Have No Fear”: COVID-Dissidents in Search of Agency and Truth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 484—509. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1776>. (In Russ.)

Левин А. И., Левина Л. В. Риторика антиваксеров в социальных сетях в период второй и третьей волн новой коронавирусной инфекции в России // Теория и практика общественного развития. 2022. № 7. С. 29—38. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.7.3>.

Levin A. I., Levina L. V. (2022) The Antivaxers Oratory in Social Networks During the Second and Third Waves of a New Coronavirus Infection in Russia. *Theory and Practice of Social Development*. No. 7. P. 29—38. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.7.3>. (In Russ.).

Московичи С. От коллективных представлений к социальным // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2. С. 82—96.

Moscovici S. (1992) From Collective Representations to the Social Ones. *Questions of Sociology*. Vol. 1. No. 2. P. 82—96. (In Russ.)

Чарыкова И. А. Коммуникативные стратегии и тактики, используемые антипрививочниками для дискредитации вакцины от COVID-19 // Политическая лингвистика. 2022. № 1. С. 90—96. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2022_01_09.

Charykova I. A. (2022) Communication Strategies and Tactics Used by Anti-Vaccinationists to Discredit the COVID-19 Vaccine. *Political Linguistics*. No. 1. P. 90—96. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2022_01_09. (In Russ.)

Abric J.-C. (1993) Central System, Peripheral System: Their Functions and Roles in the Dynamics of Social Representations. *Papers on Social Representations*. Vol. 2. P. 75—78. URL: <https://psr.iscte-iul.pt/index.php/PSR/article/view/126> (accessed: 17.02.2023).

Aechtner T. (2021) Distrust, Danger, and Confidence: A Content Analysis of the Australian Vaccination-Risks Network Blog. *Public Understanding of Science*. Vol. 30. No. 1. P. 16—35. <https://doi.org/10.1177/0963662520963258>.

Ahmed N., Quinn S. C., Hancock G. R., Freimuth V. S., Jamison A. (2018) Social Media Use and Influenza Vaccine Uptake Among White and African American Adults. *Vaccine*. Vol. 36. No. 49. P. 7556—7561. <https://doi.org/10.1016/j.vaccine.2018.10.049>.

Betsch C., Renkewitz F., Betsch T., Ulshöfer C. (2010) The Influence of Vaccine-Critical Websites on Perceiving Vaccination Risks. *Journal of Health Psychology*. Vol. 15. No. 3. P. 446—455. <https://doi.org/10.1177/1359105309353647>.

Clarke V., Braun V., Hayfield N. (2015) Thematic Analysis. In: Smith J. A. (ed.) *Qualitative Psychology: A Practical Guide to Research Methods*. London: Sage. P. 222—248.

Griffith J., Marani H., Monkman H. (2021) COVID-19 Vaccine Hesitancy in Canada: Content Analysis of Tweets Using the Theoretical Domains Framework. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 23. No. 4. e26874. <https://doi.org/10.2196/26874>.

Hwang J., Su M.-H., Jiang X., Lian R., Tveleneva A., Shah D. (2022) Vaccine Discourse During the Onset of the COVID-19 Pandemic: Topical Structure and Source Patterns Informing Efforts to Combat Vaccine Hesitancy. *PLoS ONE*. Vol. 17. No. 7. e0271394. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0271394>.

MacDonald N.E., the SAGE Working Group on Vaccine Hesitancy. (2015) Vaccine Hesitancy: Definition, Scope and Determinants. *Vaccine*. Vol. 33. No. 34. P. 4161—4164. <https://doi.org/10.1016/j.vaccine.2015.04.036>.

Martin S., Kilich E., Dada S., Kummervold P.E., Denny Ch., Paterson P., Larson H. J. (2020) “Vaccines for Pregnant Women...?! Absurd”—Mapping Maternal Vaccination Discourse and Stance on Social Media Over Six Months. *Vaccine*. Vol. 38. No. 42. P. 6627—6637. <https://doi.org/10.1016/j.vaccine.2020.07.072>.

Moscovici S. (1973). Foreword. In: C. Herzlich (ed.) *Health and Illness: A Social Analysis*. London: Academic Press. P. IX—XIV. URL: [https://www.scirp.org/\(S\(lz5mqp453edsnp55rrgjt55\)\)/reference/ReferencesPapers.aspx?ReferenceID=79901](https://www.scirp.org/(S(lz5mqp453edsnp55rrgjt55))/reference/ReferencesPapers.aspx?ReferenceID=79901) (accessed: 16.02.2023).

Nan X., Madden K. (2012) HPV Vaccine Information in the Blogosphere: How Positive and Negative Blogs Influence Vaccine-Related Risk Perceptions, Attitudes, and Behavioral Intentions. *Health Communication*. Vol. 27. No. 8. P. 829—836. <https://doi.org/10.1080/10410236.2012.661348>.

Nerlich B., Jaspal R. (2021) Social Representations of ‘Social Distancing’ in Response to COVID-19 in the UK Media. *Current Sociology*. Vol. 69. No. 4. P. 566—583. <https://doi.org/10.1177/0011392121990030>.

Nuti S. V., Armstrong K. (2021) Lay Epidemiology and Vaccine Acceptance. *JAMA*. Vol. 326. No. 4. P. 301—302. <https://doi.org/10.1001/jama.2021.11130>.

Opel D. J., Taylor J. A., Mangione-Smith R., Solomon C., Zhao Ch., Catz Sh., Martin D. (2011) Validity and Reliability of a Survey to Identify Vaccine-Hesitant Parents. *Vaccine*. Vol. 29. No. 38. P. 6598—6605. <https://doi.org/10.1016/j.vaccine.2011.06.115>.

Piedrahita-Valdés H., Piedrahita-Castillo D., Bermejo-Higuera J., Guillem-Saiz P., Bermejo-Higuera J.R., Guillem-Saiz J., Sicilia-Montalvo J.A., Machío-Regidor F. (2021) Vaccine Hesitancy on Social Media: Sentiment Analysis From June 2011 to April 2019. *Vaccines*. Vol. 9. No. 1. <https://doi.org/10.3390/vaccines9010028>.

Potter J., Edwards D. (1999) Social Representations and Discursive Psychology: From Cognition to Action. *Culture & Psychology*. Vol. 5. No. 4. P. 447—458. <https://doi.org/10.1177/1354067x9954004>.

Rotolo B., Dubé E., Vivion M., MacDonald S.E., Meyer S. B. (2022) Hesitancy Towards COVID-19 Vaccines on Social Media in Canada. *Vaccine*. Vol. 40. No. 4. P. 2790—2796. <https://doi.org/10.1016/j.vaccine.2022.03.024>.

Samal J. (2021) Impact of COVID-19 Infodemic on Psychological Wellbeing and Vaccine Hesitancy. *Egyptian Journal of Bronchology*. Vol. 15. No. 1. <https://doi.org/10.1186/s43168-021-00061-2>.

Schernhammer E., Weitzer J., Laubichler M., Birmann B., Bertau M. (2022) Correlates of COVID-19 Vaccine Hesitancy in Austria: Trust and the Government. *Journal of Public Health*. Vol. 44. No. 1. P. e106-e116. <https://doi.org/10.1093/pubmed/fdab122>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.1.2339](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2339)

С. Г. Ушкин

**СИЛЬНЫ ЛИ СЛАБЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ?
РЕЦ. НА КН.: ЧЕНТОЛА Д. ЗАКОНЫ СОЦИАЛЬНОГО ЗАРАЖЕНИЯ:
7 СТРАТЕГИЙ ИЗМЕНЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
И ПОВЕДЕНИЯ. М.: ЭКСМО, 2022**

Правильная ссылка на статью:

Ушкин С. Г. Сильны ли слабые социальные связи? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 299—309. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2339>. Рец. на кн.: Чентола Д. Законы социального заражения: 7 стратегий изменения общественного мнения и поведения. М.: ЭКСМО, 2022.

For citation:

Ushkin S. G. (2023) Are weak social ties solid? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 299–309. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2339>. Book Review: Centola D. (2022) *How Behavior Spreads: The Science of Complex Contagions*. Moscow: EKSMO. (In Russ.)

Получено: 15.11.2022. Принято к публикации: 18.01.2023.

СИЛЬНЫ ЛИ СЛАБЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ? РЕЦ. НА КН.: ЧЕНТОЛА Д. ЗАКОНЫ СОЦИАЛЬНОГО ЗАРАЖЕНИЯ: 7 СТРАТЕГИЙ ИЗМЕНЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ. М.: ЭКСМО, 2022

УШКИН Сергей Геннадьевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов, Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия; исследовательский менеджер, Всероссийский центр изучения общественного мнения, Москва, Россия
E-MAIL: ushkinsergey@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-4317-6615

Аннотация. Автор рецензирует книгу американского социолога Деймона Чентола, который, исходя из принципа доказательности, предлагает переосмыслить доминирующие подходы к рассмотрению сильных и слабых социальных связей. Чентола указывает, что предложенное Марком Грановеттером объяснение соответствует логике простых заражений и ориентировано исключительно на выполнение функций быстрого информирования и реагирования. Для того чтобы идея или социальная новация прижилась, требуется комплексное заражение, которое опирается на сильные социальные связи, где участники тесно связаны друг с другом, чем создают избыточность при коммуникации. В межгрупповом взаимодействии важность приобретает не географический охват сети, а количество мостов между представителями различных сообществ. Подчеркивается, что идеи о сильных связях становятся краеугольным камнем не только сетевой социологии, но и социологии управ-

ARE WEAK SOCIAL TIES SOLID? BOOK REVIEW: CENTOLA D. (2022) HOW BEHAVIOR SPREADS: THE SCIENCE OF COMPLEX CONTAGIONS. MOSCOW: EKSMO. (IN RUSS.)

Sergey G. USHKIN^{1,2} — Sci. (Soc.), Leading Researcher at the Social Processes Monitoring Department; Research Manager
E-MAIL: ushkinsergey@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-4317-6615

¹ Scientific Centre for Social and Economic Monitoring, Saransk, Russia

² Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Moscow, Russia

Abstract. The author reviews the book of the American sociologist Damon Centola, who proceeds from the principle of evidence and proposes to rethink the dominant approaches to considering solid and weak social ties. Centola points out that the explanation proposed by Mark Granovetter follows the logic of simple contagion and is focused solely on performing the functions of rapid information and response. For an idea or social innovation to take root, complex contagion is required, which relies on strong social ties, where participants are closely connected and thus create redundancy in communication. In intergroup interaction, it is not the geographical coverage of the network that becomes important but the number of bridges between representatives of different communities. Centola emphasizes that solid connections are becoming a cornerstone of network sociology and management sociology since productivity increases significantly in close-knit groups with developed contacts.

ления, поскольку в сплоченных группах с развитыми внутри них контактами существенно повышается продуктивность.

Ключевые слова: Деймон Чентола, Марк Грановеттер, Стэнли Милгрэм, сильные связи, слабые связи, социальные сети

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-78-00082).

Keywords: Damon Centola, Mark Granovetter, Stanley Milgram, solid ties, weak ties, social networks

Acknowledgments. The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 22-78-00082).

В 1973 г. увидела свет небольшая статья американского социолога Марка Грановеттера «Сила слабых связей», перевернувшая доминирующие представления о межличностной коммуникации [Грановеттер, 2009]. Поначалу профессиональное сообщество восприняло ее в штыки, а один из рецензентов даже указал, что она не может быть опубликована по «бесконечному ряду причин». Позже ее неоднократно признавали одной из самых влиятельных работ в области экономической социологии [Barabasi, 2003: 42]; самого автора в 2014 г. выдвинули на Нобелевскую премию по экономке, которую впоследствии получил французский экономист Жан Тироль.

Предложенная Грановеттером теория, как и положено любой действительно стоящей научной идее, обрела как своих сторонников, которые видели ее воплощение и эмпирическое подтверждение буквально во всех проявлениях социальных отношений, так и ярых оппонентов, чья известность, впрочем, нередко ограничивалась исключительно критичными замечаниями. Примирить тех и других, разобравшись в природе сильных и слабых связей, попытался в своей работе «Законы социального заражения: 7 стратегий изменения общественного мнения и поведения» американский социолог Деймон Чентола [Чентола, 2022].

Чентола — личность практически неизвестная отечественным исследователям, но на Западе он в свои годы — признанная величина, едва ли не олицетворение «поколения иксов» в современной мировой социологии. Его блестящая научная карьера развивалась вместе со становлением сетевой парадигмы современного общества, в первую очередь — повсеместного распространения интернета. Он предложил социологической науке и одним из первых апробировал принципиально новый инструмент, суть которого заключается в целенаправленном создании виртуальных сетевых сообществ для выявления динамики социальных изменений. Его можно назвать последовательным сторонником «доказательной социологии», то есть социологической теории, основанной строго на объективных научных данных. Он с завидной регулярностью публикуется во вселяющих страх и трепет в души каждого ученого изданиях Science и Nature, а среди мест его работы — Корнельский, Стэнфордский, Гарвардский, Массачусетский и Пенсильванский универси-

теты. Его работы широко освещались журналистами New York Times, Washington Post, CNN, Wall Street Journal, а за консультациями к нему обращались представители Amazon, Microsoft, Apple, НБА и армии США. Примечательный штрих к портрету, в котором особо впечатлительные могут усмотреть изрядную долю мистицизма: он родился в год публикации грановеттеровской «Силы слабых связей».

Работа Чентолы «Законы социального заражения: 7 стратегий изменения общественного мнения и поведения» подводит промежуточный итог его многолетней деятельности, и в ней исследователь выстраивает последовательную концепцию социальных изменений, происходящих под влиянием наших слабых и сильных социальных связей. Ее тепло встретили за рубежом, она удостоилась высоких рейтингов пользователей крупнейших книжных магазинов. Показательно, что на английском языке она вышла в 2021 г., а в начале 2022 г. был издан ее русскоязычный перевод. Далеко не каждый мэтр социологии может похвастаться подобной скоростью: та же «Сила слабых связей» добралась до русскоговорящей аудитории лишь спустя 36 лет после публикации.

К Грановеттеру Чентола относится с большим пиететом, и в целом восхищается полученными им результатами и их предложенной концептуализацией. Кроме того, он не устает обращаться к классикам сетевой теории, в первую очередь — авторам теории «шести рукопожатий» Джефффри Трэверсу и Стэнли Милгрэму [Travers, Milgram, 1969] и ученым из области сложных сетей Дункану Уоттсу и Стивену Строгацу [Watts, Strogatz, 1998]. С позиций «доказательной социологии» он переосмысливает выдвинутую Малькольмом Гладуэллом идею о «переломном моменте» [Гладуэлл, 2019], и ему удастся вычислить примерные пороговые значения для ускоренного проникновения инноваций. Если же говорить о содержании книги, то его можно наполовину в шутку, наполовину всерьез выразить следующим образом: слабые социальные связи работают, но кроме тех случаев, когда они не работают.

Работа Чентолы разбита на четыре взаимосвязанные части, а также включает предисловие, введение, благодарности и дополнительную литературу.

В предисловии автор задается вопросом: что общего между пандемией коронавирусной инфекции и появлением новых поведенческих форм? Еще более столетия назад Гюстав Лебон высказал идею, что человек способен «инфицироваться» идеями в толпе. По его меткому, но циничному определению, заражение представляет собой способность, которой «люди вообще одарены в той же степени, как и человекообразные обезьяны» [Лебон, 2008: 96]. Такого мнения придерживаются и некоторые современные ученые, считая, что поведенческие модели распространяются в точности так же, как и инфекции. Но проблема в том, что это не так. Как минимум потому, что пандемии относятся к классу относительно предсказуемых явлений, в то время как картина социальных изменений существенно сложнее.

Во введении Чентола умело развешивает несколько «ружей» в виде небольших историй, к которым будет возвращаться на протяжении всей книги. Поначалу кажется, что все они не связаны между собой, но такое представление ошибочно. Первая начинается в далеком 1929 г. и посвящена непростой судьбе будущего лауреата Нобелевской премии по медицине и физиологии за 1956 г. Вернера

Форсмана. Вторая охватывает период с 1986 г. по наше время и описывает трансформацию отношения общества к запрету на курение марихуаны в США. В третьей говорится о попытках Google в 2011 г. запустить собственную социальную сеть, которые оказались безуспешны, несмотря на имеющиеся у компании ресурсы. Четвертая рассказывает о первом появлении в 2012 г. хештега #BlackLivesMatter и его последующей культурной реинкарнации.

Что объединяет эти сюжеты? То, что радикально новые идеи, покоровшие весь мир, основе зародились и выросли из социальных сетей [Чентола, 2022: 16]. Исследователь выделяет два принципиально различных процесса: быстрое заражение и сложное заражение. При быстром заражении ставка делается на простое распространение информации, которого недостаточно для изменения убеждений и поведения. В нем правят бал броские идеи и мемы, а также фейки, которые быстро подхватываются, но ровно с такой же скоростью забываются. Более глубокие трансформации вызывает сложное заражение, влияющее в первую очередь на проникновение инновационных идей и новых поведенческих практик. Простой передачи информации от контакта к контакту недостаточно, а следование идее становится выбором каждого, и чем более она инновационна, тем более эмоционально окрашенным становится решение.

Социальные сети Чентола уподобляет призмам, от которых напрямую зависит наше восприятие определенных действий или истолкование тех или иных идей. При этом не важно, идет ли речь об офлайн- или онлайн-пространстве, и там и там действуют схожие механизмы по формированию мнений. Препятствием для смены парадигм мышления становится априорная предвзятость наших социальных связей, представляющая собой один из видов когнитивных искажений. На нас действуют видимые и невидимые силы, которые оказывают тонкое социальное, экологическое и психологическое давление: на работе — друзья, дома — семья, СМИ и даже незнакомые люди [Реймонд, 2020: 16]. Одним из первых об этом заговорил еще в 1962 г. американский социолог и автор теории диффузии инноваций Э. Роджерс, который проанализировал трансформацию представлений фермеров о гибридной кукурузе, урожайность которой была существенно выше обычной [Rogers, 2003]. Поначалу все попытки продвинуть идею сажать такую кукурузу пресекались, поскольку получаемые початки не соответствовали фермерским стандартам ни визуально, ни по духу, а за гибридные семена необходимо было платить сельскохозяйственным компаниям. Но все изменилось, когда после неурожайного года нашлась небольшая группа людей, решивших апробировать новую технологию. Они смогли привлечь внимание других, информация об успехе распространялась от человека к человеку, но то был не просто обмен сиюминутными впечатлениями, а передача реального пользовательского опыта. На сегодняшний день на территории США больше всего выращивается именно гибридной кукурузы.

В первой части «Устойчивые мифы, которые мешают изменениям», Чентола примеряет на себя образ разрушителя легенд.

Первый миф касается образа лидера мнений, инфлюенсера. Исследователь на нескольких примерах, начиная от жеста Aerosmith и заканчивая волнениями на площади Тахрир, убедительно доказывает, что решающее влияние отдельных

людей на ход истории, пусть даже обладающих большим числом социальных контактов, сильно преувеличено. Инфлюенсеры, безусловно, обладают высоким публичным капиталом [Ефанов, 2021], но они практически не оказывают помощи при проникновении социальных инноваций; более того, их привлечение может в отдельных случаях быть губительным.

Принципиальное условие для трансформаций — «не знаменитость или социальная звезда, а скорее локация внутри наших социальных сетей», отмечает Чентола. И далее продолжает: «то есть это не человек, а место, в котором слияние социальных взаимодействий между различными социальными группами укрепляет родственные связи между семьями, партнерские отношения между организациями и солидарность внутри наций» [Чентола, 2022: 58]. Впрочем, практически сразу он оговаривается, что героями «Арабской весны» стали не социальные сети, а созданные внутри них модели пользовательских сообществ, которые приобрели эффективные инструменты для координации своих действий. Подобные сообщества создавались и в России, на платформах различных онлайн-социальных сетей, где отсутствовали явные лидеры, но координировались протестные действия и воспроизводилось чувство коллективной идентичности участников, например, «белоленточного» движения [Ушкин, 2018: 45—46].

Следующим Чентола развеивает миф о вирусном распространении. Здесь он детально описывает идеи Грановеттера и Милгрэма, которые в свое время иначе как революционными называть было нельзя. Проведя собственные научные изыскания, используя в первую очередь цифровые следы пользователей, исследователь приходит к выводу, что сила слабых связей сильно преувеличена, на главенствующие позиции вновь выходят сильные связи, а главным триггером социальных изменений становится избыточность. Он пишет: «Избыточность не поможет заражению кори. Вы не можете заразиться дважды — достаточно одного контакта. Но когда речь идет о новой идее, ее принятие со стороны двух, трех или четырех человек, именно в вашей сети сильных связей идея превращается в норму» [Чентола, 2022: 82]. По всей видимости, так и произошло в описанном выше случае с американскими фермерами и гибридной кукурузой.

В подтверждение своих слов Чентола приводит примеры роста аудиторий соцсетей Twitter и Facebook¹. Реконструируя прирост их аудитории и мысленно перенося зоны охвата социальных сетей на местность, он приходит к выводу, что природа заражения ими принципиальным образом отличается от природы вирусных инфекций. На первый взгляд, они двигались спонтанно, то закрепляясь в крупных городах и пригородах, то перепрыгивая через всю страну без какой-либо логики. Но логика была, и исследователь нашел ее. Если коротко, то мы не вступаем в отношения дружбы с незнакомыми или малознакомыми людьми, мы подчеркиваем дружбу с уже имеющимися сильными контактами, приобретенными в школе, вузе, на военной службе и т. д. Эти процессы хорошо иллюстрируют российские социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники», которые первоначально создавались для поддержания связей между бывшими сокурсниками и одноклассниками соответственно.

¹ Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ.

Третий миф, не ускользнувший от внимания Чентолы, относится к прилипчивости. Здесь он, по сути, полемизирует с Гладуэллом, который указывает на то, что для продвижения идеи она должна запоминаться и побуждать к действию [Гладуэлл, 2019: 166]. Проблема заключается в том, что даже хорошая инновация может столкнуться со значительным сопротивлением социальных групп, поскольку будет противоречить сложившимся социальным нормам. Исследователь поясняет, что «успех на рынке часто связан не столько с лучшими продуктами компании, сколько с ее лучшими возможностями использования социальных связей» [Чентола, 2022: 91].

Чентола приводит несколько ярких примеров в поддержку своего тезиса, среди которых следует выделить два. Первый касается QWERTY-клавиатуры, на которой создано подавляющее большинство современных печатных текстов. Она была придумана в конце XIX века Кристофером Шоулзом в первую очередь не для удобства пользователей, а для решения конструктивной проблемы: при использовании алфавитной раскладки рычаги часто цеплялись друг за друга, а напечатанный текст можно было увидеть, только перевернув барабан. Новая раскладка существенно ускорила набор букв, особенно после того, как Франк Маккгуин разработал метод слепой печати. В 1936 г. американский психолог Август Дворак бросил вызов QWERTY-клавиатуре и на основании множества научных исследований создал собственную раскладку, носящую его имя. По всем параметрам она превосходит свою предшественницу, учитывает большинство соображений эргономики, но потребители настолько привыкли к проверенному временем решению, что нежелание переобучаться повлекло к отторжению более качественного продукта.

Второй пример — разработка очков дополненной реальности Google Glass. Компания к уже много лет доминировала на рынке и готовилась совершить переворот среди пользователей. Продукт был создан, протестирован на группе культурно-авангардных и технически подкованных молодых людей и сопровождался достаточно агрессивной рекламой. Казалось бы, что могло пойти не так? Цимес заключался в том, что, создавая ауру прилипчивости, маркетологи просчитались. Вместо посылы о том, что пользоваться устройством «стильно, модно, молодежно», они породили лишь скрытую форму социальной дифференциации. Покупателями очков стали обеспеченные технолоики, на которых обычные люди смотрели с нескрываемой завистью и озлобленностью. Пострадала репутация Google, и это сказалось на внедрении компанией других технических новаций.

Вторая часть книги — «План игры для создателя перемен: создаем инфраструктуру, способную вызвать цепную реакцию распространения информации», — затрагивает теоретические и практические вопросы сложного заражения.

Чентола детально рассматривает геометрию социальных сетей и показывает, как она влияет на принятие инноваций. Слабые связи по своей структуре похожи на множество фейерверков, тянущихся от одной точки, где каждый контакт соединяется с другим, но весьма отдаленно. Информация здесь распространяется мгновенно и затрагивает большое количество людей, однако количество последователей той или иной идеи остается незначительным. Сильные связи он уподобляет рыболовной сети, в которой контакты тесно сопряжены между собой. Передача

данных в них происходит медленно, но при этом нововведения приживаются легче, в первую очередь за счет подкрепления со стороны других.

Для усиления своих доводов Чентола использует результаты перекрестных исследований, посвященных распространению мемов и хештегов, которые он рассматривает как виды сложного заражения. Главным выводом становится то, что «люди, принимающие подкрепляющие сигналы от одних и тех же пользователей, на самом деле оказались менее склонны к принятию мема, чем люди, получившие лишь один сигнал» [Чентола, 2022: 151]. Эффективность подобного подхода доказывают китайские блогеры, которым платят по пятьдесят центов за каждую проправительственную публикацию (отчего их называют еще и «партией пятидесяти центов»). Другой пример — избыточные сигналы от создаваемых ботов, которые ускоряют темпы внедрения тех или иных идей. Это очень мощный ресурс, который, как показывает практика, может влиять на итоги политических выборов в отдельных странах.

Далее Чентола рассматривает, как идеи передаются между социальными группами. И в противовес доминирующим представлениям о сетевых мостах, заложенным еще Грановеттером, делает упор не на том, насколько далеко они простираются, а сколько связей они содержат. Если у моста одна-единственная связь, то он называется узким, передача информации через него существенно замедляется. Ключевую роль в распространении социальных инноваций играют широкие мосты, поскольку отражают реальное сотрудничество. Как отмечает исследователь, они «не про охват, а про избыточность» [там же: 155].

Наконец, Чентола указывает на то, что при распространении любого типа идей значительную роль играет не только как, но и кто их продвигает. Речь здесь идет не о знаменитостях или социальных звездах, а о тех людях, на которых мы ориентируемся в повседневной жизни. Это суждение наглядным образом иллюстрирует известный парадокс: в спортивных залах и фитнес-центрах всегда больше подтянутых людей, не имеющих серьезных проблем со здоровьем. Мы тянемся к себе подобным, и это проявляется во всем — от общих ценностей до внешнего вида. Поэтому лучшей мотивацией для многих становится личный пример, причем не эксперта, а такого же человека. Например, «советы врачей о вакцинации часто оказываются более убедительными, когда они делятся историями о вакцинации собственных детей» [там же: 203].

В третьей части — «Переломный момент в 25 %» — Чентола показывает, как являются социальные нормы и какой процент населения необходим для того, чтобы они прижились.

Здесь он рассматривает множество понятий, начиная от координационных дилемм и заканчивая предложенной Томасом Куном сменой научных парадигм [Кун, 2020]. Впрочем, последний термин он расширяет до парадигм социальных, что задолго до него предложил сделать американский футуролог Джоэл Баркер [Баркер, 2022]. Исследователь подчеркивает: «чтобы социальные перемены увенчались успехом, революционное движение должно переправить людей через неопределенность к новому набору ожиданий и новому чувству компетентности» [Чентола, 2022: 246]. А для этого требуется развитая сеть социальной поддержки.

Но сколько людей должно поддержать идею, прежде чем она закрепится в статусе социальной нормы? Чентола сходу опровергает мифы о простом большин-

стве, но при этом опирается, по всей видимости, еще на положения французского социолога Жана Габриэля Тарда, который в 1890 г. впервые обратил внимание на то, что скорость принятия новой идеи обычно соответствует S-образной кривой с учетом времени [Тард, 2011: 101]. Далее ученый сконцентрировался на поиске исследовательских инструментов для поиска точки переломного момента, когда происходят радикальные изменения в поведении людей. Для этого он привлекает сетевую теорию и, по сути, проводит социальный эксперимент в специально сконструированной для этого онлайн-социальной сети. И приходит к выводу, что после преодоления порога в 25 % последователей идея принимается группой, становится легитимной. При этом, если критическая масса меньше лишь на пару-тройку процентов, то заражения не происходит.

Далее Чентола вновь обращается к сетевой архитектуре и на конкретных примерах доказывает, что лучшим проводником социальных инноваций становится сетевая архитектура, когда мнения нескольких соседствующих акторов усиливают свое собственное, и это помогает преодолеть переломный момент. Он отмечает: «Скромное социальное подкрепление переросло в нечто большее. А большее подкрепление способно значительно ускорить процесс» [Чентола, 2022: 317]. Когда традиционные рекламные кампании не работают, а силы убеждения отдельных лидеров мнений недостаточно, именно следование принципу избыточности в социальных коммуникациях помогает процессам сложных заражений.

Четвертую часть книги, «Несогласие, разрушение и открытие», необходимо рассматривать как подведение итогов всей книги в целом, хотя Чентола и вводит некоторые принципиально новые экспериментальные данные.

Здесь исследователь обращает внимание на то, что при коммуникации членов группы по типу «рыболовной сети», с множеством сильных связей, существенно повышается продуктивность совместной работы над проектами. Информация в них передается не так быстро, как в сетях, организованных по принципу «фейерверка», но это становится не минусом, а плюсом, поскольку участники не приходят к мгновенному консенсусу, а синхронно работают над задачей и обсуждают несколько ее решений, зачастую — нестандартных и весьма оригинальных. Более того, он пошел дальше и выяснил, что сегодня искусственный интеллект лучше работает над проблемами, но ровно до тех пор, пока не встретится с командами, где коммуникация основана на сильных связях.

Кроме того, Чентола указывает, что использование широких мостов между различными кластерами существенно улучшает интеллект межгруппового взаимодействия. Впрочем, для этого необходимо хотя бы частично освободиться от предвзятости в отношении членов другой группы. Он пишет: «Широкие мосты и эффекты рамок — две важные составляющие головоломки, помогающие понять, как предвзятость действует в социальных сетях» [там же: 376]. Особенно сложно освободиться от предвзятости в сообществах консервативного толка, которые предпочитают стоять на своих позициях, нежели внедрять что-то новое. К ним исследователь относит медиков, и он не одинок в подобных умозаключениях; как пишет канадско-американский психолог Филип Тетлок, «чтобы преодолеть предрассудки, нужны весомые доказательства и куда более смелые эксперименты, нежели „пусти-те кровь пациенту и ждите, не станет ли ему лучше“» [Тетлок, Гарднер, 2018: 40].

Наконец, Чентола выводит семь фундаментальных стратегий, которые помогут внедрить собственные идеи перемен. Хотя их скорее можно называть практическими рекомендациями, дополняющими друг друга и сформированными по результатам многолетней работы исследователя. По его мнению, необходимо:

- 1) перестать полагаться на «заразность»;
- 2) защищать новаторов;
- 3) использовать периферию нетворкинга;
- 5) создавать релевантность;
- 6) использовать кластеризацию агентов изменений;
- 7) формировать сильные социальные связи в командах, чтобы повысить их продуктивность.

В разделе «Благодарности» автор традиционно упоминает всех, без кого эта книга не состоялась бы.

Вызывает интерес раздел «Заметки и дополнительная литература», поскольку в нем Чентола приводит отправные работы в области социологии социальных сетей и сопровождает их своими комментариями.

Рецензируемая работа представляет собой результаты добротного исследования, направленного как на расширение теоретических горизонтов современного социологического знания, так и на практическое применение при управлении организационным развитием. Построения Чентолы не всегда отличаются стройностью, некоторые мысли повторяются, тем не менее предложенную концепцию следует признать достаточно оригинальной, соответствующей принципам доказательности.

Список литературы (References)

Баркер Дж. Опережающее мышление. Как увидеть новый тренд раньше других. М.: Альпина Паблишер, 2022.

Barker J. A. (2022) *Paradigms. The Business of Discovering the Future*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)

Гладуэлл М. Переломный момент. Как незначительные изменения приводят к глобальным переменам. М.: Альпина Паблишер, 2019.

Gladwell M. (2019) *The Tipping Point: How Little Things Can Make a Big Difference*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)

Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31—50.

Granovetter M. S. (2009) *The Strength of Weak Ties*. *Economic Sociology*. Vol. 10. No. 4. P. 31—50. (In Russ.)

Ефанов А. А. Деконструкция образа инфлюенсера в современном медиaprостранстве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 32—46. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1958>.

Yefanov A. A. (2021) *Deconstruction of an Influencer Image in the Modern Media Space*. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 32—46. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1958>. (In Russ.)

- Кун Т. Структура научных парадигм. М.: АСТ, 2020.
Kuhn T. (2020) *The Structure of Scientific Revolutions*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Лебон Г. Психология народов и масс. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2008.
Le Bon G. (2008) *The Crowd: A Study of the Popular Mind*. Moscow: TERRA — Book Club. (In Russ.)
- Реймонд М. Исследование трендов: практическое руководство. М.: МИФ, 2020.
Reymond M. (2020) *The Trend Forecaster's Handbook*. Moscow: MIF. (In Russ.)
- Тард Ж. Г. Законы подражания. М.: Академический проект, 2011.
Tarde G. (2011) *The Laws of Imitation*. Moscow: Academic Project. (In Russ.)
- Тетлок Ф., Гарднер Д. Думай медленно — предсказывай точно. М.: АСТ, 2018.
Tetlock P. E., Gardner D. (2018) *Superforecasting. The Art and Science of Prediction*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Ушкин С. Г. «Народ против»: протесты и протестующие в виртуальных социальных сетях. М.: Инфра-М, 2018.
Ushkin S. G. (2018) «People Against»: Protests and Protesters in Virtual Social Networks. Moscow: Infra-M. (In Russ.)
- Чентола Д. Законы социального заражения: 7 стратегий изменения общественного мнения и поведения. М.: ЭКСМО, 2022.
Centola D. (2022) *Change: How to Make Big Things Happen*. Moscow: EKSMO. (In Russ.)
- Barabasi A. (2003) *Linked — How Everything Is Connected to Everything Else and What It Means for Business, Science, and Everyday Life*. New York, NY: Plume Books.
- Rogers E. M. (2003) *Diffusion of Innovations*. New York, NY: Free Press.
- Travers J., Milgram S. (1969) An Experimental Study of the Small World Problem. *Sociometry*. Vol. 32. No. 4. P. 425—443. <https://doi.org/10.2307/2786545>.
- Watts D. J., Strogatz S. H. (1998) Collective Dynamics of 'Small-World' Networks. *Nature*. Vol. 393. No. 6684. P. 440—442. <https://doi.org/10.1038/30918>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.1.2260](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2260)

И. А. Исакова, И. Э. Петрова, И. В. Ситникова

ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ VS МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ: ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ КРЕАТИВНОСТИ

Правильная ссылка на статью:

Исакова И. А., Петрова И. Э., Ситникова И. В. Интердисциплинарность VS междисциплинарность: возможности изучения креативности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 310—322. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2260>.

For citation:

Isakova I. A., Petrova I. E., Sitnikova I. V. (2023) Interdisciplinarity VS Multidisciplinarity: Possibilities for Studies of Creativity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 310–322. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2260>. (In Russ.)

Получено: 22.06.2022. Принято к публикации: 18.01.2023.

ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ VS МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ: ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ КРЕАТИВНОСТИ

INTERDISCIPLINARITY VS MULTIDISCIPLINARITY: POSSIBILITIES FOR STUDIES OF CREATIVITY

ИСАКОВА Инна Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
E-MAIL: inna_isakova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6692-6963>

Inna A. ISAKOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of General Sociology and Social Work
E-MAIL: inna_isakova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6692-6963>

ПЕТРОВА Ирина Эдуардовна — доктор социологических наук, заведующий кафедрой отраслевой и прикладной социологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
E-MAIL: irinapetrovay@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6969-132X>

Irina E. PETROVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Head of the Department of Subject and Applied Sociology
E-MAIL: irinapetrovay@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6969-132X>

СИТНИКОВА Ирина Викторовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
E-MAIL: april@fsn.unn.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8138-3116>

Irina V. SITNIKOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of Subject and Applied Sociology
E-MAIL: april@fsn.unn.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8138-3116>

¹ Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Аннотация. На круглом столе «Интердисциплинарность VS междисциплинарность: как будем изучать креативность?», проведенном в рамках XII Международной Грушинской социологической конференции «Общество в поисках баланса» (Россия, г. Москва, 23—27 мая 2022 г.), рассматривались возможности изучения креативности с помощью больших данных. Обсуждение строилось

Abstract. The round table «Interdisciplinarity VS Interdisciplinarity: How to Study Creativity?» held within the XII International Grushin Sociological Conference «Society in Search of Balance» (Russia, Moscow, May 23—27, 2022) was devoted to the study of creativity with the help of Big Data. The participants discussed the prospects and differences between monodisciplinary, multidisciplinary, interdisciplinary, interdisciplinarity, transdisci-

вокруг перспектив и различий монодисциплинарных, мультидисциплинарных, междисциплинарных, интердисциплинарных, трансдисциплинарных и кросс-дисциплинарных исследований. На примере изучения креативности эксперты описали преимущества междисциплинарности, представили лайфхаки для организации междисциплинарных исследований, а также обсудили возможности оценки поведения пользователей социальных сетей по цифровым следам.

Ключевые слова: монодисциплинарность, междисциплинарность, креативность, большие данные, цифровой след

Благодарность. Материал подготовлен в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030».

plinary, and crossdisciplinary research. Using the example of creativity research, the experts presented the advantages of interdisciplinarity and tips for organizing interdisciplinary research and then debated the possibilities of assessing the behavior of social network users according to digital footprints.

Keywords: monodisciplinarity, interdisciplinarity, creativity, Big Data, digital footprint

Acknowledgments. The project was implemented with the financial support of the Priority 2030 Strategic Academic Leadership Program.

26 мая 2022 г. на XII Международной Грушинской социологической конференции «Общество в поисках баланса» (Россия, г. Москва, 23—27 мая 2022 г.) состоялся круглый стол «Интердисциплинарность VS междисциплинарность: как будем изучать креативность?»¹. В фокусе внимания конференции было общество, переживающее эпоху неопределенности, высокодинамичных социальных, политических, экономических трансформаций. В рамках круглого стола акцент был сделан на анализе трендов проведения научных исследований в современной социологии, которые организаторы связывают с междисциплинарностью и использованием современных информационных технологий, в том числе изучения цифровых следов, машинного обучения и больших данных. Преимущества междисциплинарности и возможности больших данных демонстрировались на примере изучения креативности.

Ключевые аспекты обсуждения междисциплинарности

В качестве ориентира для дискуссии организаторами Грушинской конференции был заявлен поиск баланса между разными трендами в проведении социологических исследований. В процессе работы круглого стола мы придерживались этого направления.

¹ С презентациями и видеоматериалами выступлений спикеров можно ознакомиться по адресам: <https://conf.wciom.ru/program/section/?uid=17>; https://www.youtube.com/watch?v=bZ0B_o3Ygr8.

В начале 2022 г. в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» в ННГУ им. Н. И. Лобачевского была создана Научно-исследовательская лаборатория «Дизайн информации», которая объединила исследователей из разных университетов. Лаборатория занимается исследованием креативности как свойства личности и необходимой в условиях неопределенности компетенции.

Креативность — широкое понятие, осмысление этого предметного поля неизбежно привело нас к поиску междисциплинарных подходов. Научный коллектив, включающий социологов, психологов, лингвистов, специалистов по большим данным, киберпсихологов, планировал выработать обновленный подход к анализу и формированию креативности. М. Фабрикант отметила, что креативность часто определяется как инициативное развитие, способность к инновациям, но здесь возникает противоречие: если человек не способен следовать инструкциям, предпочитая придумывать свои правила, значит, он — очень креативен? Очевидно, что это не так. В таком разрезе секция «Интердисциплинарность VS междисциплинарность: как будем изучать креативность?» стала одновременно и провозглашением исследовательской позиции коллектива, и апробацией нового подхода в изучении креативности, и — что очень важно — поиском единомышленников.

В представленной формулировке интердисциплинарность и междисциплинарность не противопоставляются друг другу. По итогам полугода исследований мы пришли к выводу, что все исследования креативности до настоящего момента, в особенности в России, жестко укладываются именно в интердисциплинарную парадигму, а другие концепции в рамках междисциплинарности задействованы ограниченно. Перед собой мы поставили задачу расширить понимание междисциплинарности в креативности, а также сформировать комплексный подход к ее изучению.

В основу дискуссии о междисциплинарности был положен подход, представленный коллективом философов под руководством Д. А. Новикова [Салтыков, Новиков, Русяева, 2017], что стало отправной точкой обсуждения. Жесткое деление отраслей научного знания в России ориентирует ученых к монодисциплинарности — существует много отдельных психологических, социологических, педагогических, лингвистических исследований о том, что такое креативность, как ее можно изучить в рамках одной науки.

Педагогические и психологические подходы к анализу креативности представлены в российской и зарубежной науке большим числом публикаций, создается впечатление о «присвоении» пространства креативности для изучения специалистами только этих наук [Креативность..., 2013; Дружинина, 2016; Иванченко, 2017; Щепланова, 2018]. Первая в российской социологии диссертация, посвященная креативности, защищена только в 2019 г. [Матраева, 2019].

Когда к исследовательскому проекту подключаются представители разных наук, он приобретает черты интердисциплинарности — каждый добавляет подход, угол зрения своей дисциплины. Однако свести воедино такие разрозненные знания непросто, вели шанс на выходе получить результат из известной индийской притчи о семи слепых, ощупывавших слона. Д. Плакер и Д. Забелина выражают озабоченность слишком малым числом определений креативности в науч-

ных статьях, по их мнению, разные авторы изучают «яблоки, апельсины и бананы, но при этом считают, что их работа обобщает все возможные концепции» [Plucker, Zabelina, 2009: 6]. Вместе с тем авторы доказывают, что в настоящее время доминирует доменно-специфичный подход к анализу креативности (ее проявления в разных областях, например, науки и техники, искусства, одаренности) и выступают за согласование общей концепции креативности для всех социогуманитарных направлений [ibid.].

Перед всеми коллективами, изучающими креативность, встает задача обеспечить мультидисциплинарность — взаимопроникновение научных подходов и построение комплексного видения предметного поля. Ф. Дербилэй анализирует организацию междисциплинарной работы как творческий процесс, сам по себе дающий лучшее понимание креативности «изнутри» [Darbellay, 2022]. Л. Фартушенко выявляет позитивное влияние междисциплинарного подхода на развитие креативности студентов в рамках масштабного исследования в канадских вузах [Fartushenko, 2011]. Р. Мойрано и его коллеги предполагают, что междисциплинарное сотрудничество составляет естественную основу для инноваций и оказывает значительное влияние на креативность личности [Moirano, Sánchez, Štěpánek, 2020]. Х. Гарднер предвосхитил возникновение синтетической «науки о креативности» на основе взаимодействия подходов различных наук и подготовил обзор вклада различных наук в исследование индивидуальной креативности и достижений человека (психометрия, социология, история, нейробиология) [Gardner, 1998: 8—9].

В качестве отдаленных ориентиров в большом поле междисциплинарности можно назвать кросс- и трансдисциплинарность, предполагающие, что не только методологии разных наук складываются в комплексную методологию, но и предметное поле конструируется совсем по-новому.

Лайфхаки междисциплинарности

Спикеры представили обобщенный опыт исследования креативности, накопленный командой ученых из разных университетов. Лаборатория «Дизайн информации» — междисциплинарный проект, объединивший ученых из области социологии, психологии, киберпсихологии, педагогики, социолингвистики, управления, занимающихся изучением креативности, которую некоторые эксперты называют «компетенцией будущего». Цель лаборатории — разработка комплексной программы исследования креативности человека на основе интеллектуального анализа пользовательских данных в социальных сетях для внедрения мер поддержки талантливой креативной молодежи в России.

Для достижения поставленной цели сотрудники лаборатории сделали первые шаги: провели концептуализацию понятия «креативность»; разработали комплексную программу психологического исследования с целью выявления креативных пользователей интернета (в первую очередь из числа студентов); заложили основу для составления синтезированной типологии групп студентов по критериям креативности; выработали стратегию работы для начала машинного обучения; составили программу социологического исследования.

На всех этапах организации междисциплинарного исследования креативности коллектив ученых сталкивался с исследовательскими противоречиями, в ходе

преодоления которых и сложились так называемые лайфхаки междисциплинарности.

Первый барьер, по мнению зав. лабораторией Е. В. Митягиной, это ориентированность междисциплинарных проектов на продукт, получаемый по результатам исследования. Задача междисциплинарных исследований — не описать феномен с как можно большего числа сторон, а придумать, как с ним работать всем вместе. Как эту задачу решали сотрудники лаборатории? Успешность совместной работы зависела от качественной постановки задач и единого дизайна проекта. Д. МакФарланд с коллегами описывает эту ситуацию, как «мы предполагаем возможность конструктивного синтеза парадигм в рамках того, что мы называем „forensic social science“» [McFarland, Lewis, Goldberg, 2016]. Дизайн исследования должен строиться на равномерном распределении задач между представителями различных предметных областей с четким пониманием того, с чего начинается каждый последующий этап, и без каких промежуточных результатов мы не сможем двигаться дальше.

Второй барьер — организация исследования в интернете невозможна без IT-специалистов. Мы понимаем, что сегодня в IT-специалистах нуждаются практически все отрасли наук, но, как правило, дело часто не доходит дальше сбора и представления информации. Для IT-специалистов это всего лишь оказание услуг, но если речь идет об отношениях заказчика и поставщика, то в них не остается места междисциплинарному взаимодействию, исчезает синергия научного знания. Как с этой проблемой справились сотрудники лаборатории? Предложили оригинальную практико-ориентированную (пусть и дискуссионную) идею — поиск креативных людей по цифровым следам. Задача амбициозная, нетривиальная и тем привлекательная. Другим лайфхаком в этом вопросе, предложенным Е. В. Митягиной, стало формирование команды специалистов, соответствующих друг другу по уровню квалификации: «Если мы хотим привлечь высококвалифицированных специалистов в определенные области, мы должны понимать, что наш уровень должен соответствовать их уровню. <...> Вместе мы создаем интеллектуально притягательное ядро ученых, способных совместно формировать повестку, корректно распределять задачи, видеть результат, к которому мы хотим прийти»².

Третий барьер — отсутствие коммуникации. Как отметила Илакаи Ромеро Рейес, важно, чтобы в междисциплинарной команде были люди, разбирающиеся как в гуманитарной, так и технической терминологии: «Конечно же, необходимо, чтобы в команде были те, кто может общаться на равных и с техническими экспертами, и с теоретиками, иногда невозможно без переводчика объяснить, что же хочет гуманитарий от технаря»³. Большой плюс междисциплинарности как раз и состоит в формировании общего научного языка, взаимном обогащении теоретических и практических знаний.

Четвертый барьер — низкая конверсия при организации интернет-исследований: пользователи чаще, чем при реальных опросах, не полностью заполняют ан-

² Интердисциплинарность VS междисциплинарность: как будем изучать креативность? Материалы XII Международной Грушинской социологической конференции «Общество в поисках баланса». 26 мая 2022 г. // YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=bZOB_о3Ygr8 (дата обращения: 22.02.2023).

³ Там же.

кету или тест. Как эту задачу решали сотрудники лаборатории? Создали мотивирующее приглашение и добавили промежуточные подбадривающие комментарии, организовали систему обратной связи с пользователем: пройдя тест, человек сразу получает расшифровку своих результатов. Как отмечает А. Фещенко, респондент заслуживает «достойную награду, конечно, виртуальную в виде уникального контента, ссылки на него в виде ролика, который просто так не найдешь»⁴.

Пятый барьер — определение необходимого объема больших данных для обнаружения явных и неявных закономерностей. Как известно, чтобы исследование с использованием технологии больших данных дало достоверный результат, необходимо получить огромные массивы обработанных размеченных данных. Как их можно собрать? Объединить специалистов в партнерские сети, как сделали сотрудники лаборатории, войдя в Университетский консорциум исследователей больших данных. Партнерство помогает не только в получении теоретических или технических консультаций, но и в использовании ресурсов организаций-партнеров, например при поиске респондентов.

Шестой барьер — высокая трудоемкость в верификации данных и последующий большой объем отсева информации. Было решено начинать опрос с авторизации пользователя, например, в социальной сети. Здесь важны доверие и конфиденциальность. Для установления доверительных отношений с респондентами сотрудники лаборатории используют стратегию открытости — каждому респонденту лаконично и просто объясняют выбранную политику конфиденциальности.

Стоит признать, что есть еще ряд барьеров, которые придется преодолеть на пути к выявлению средств развития креативных компетенций у молодежи. Главное — помнить, что любое коллективное исследование будет успешным только в случае формирования гибкой системы разделения труда.

Пример успешного проекта представлен и британским специалистами Р. Берроузом и М. Севиджом: они совместили обычное опросное исследование с 20-минутным интервью, собранным через сетевую платформу Би-Би-Си. Их лайфхак заключался в привлечении ресурсов СМИ для организации сбора исследовательского материала. Благодаря вовлечению медиа ученых удалось собрать мнение 325 000 респондентов. Специалисты отмечают, что «„эффekt“ социального исследования сейчас основательно связан с медийными сетями, в основном независимыми от научных кругов» [Burrows, Savage, 2014: 2].

Научные разработки с помощью технологии больших данных позволяют преодолеть и еще один барьер в организации исследований. Как отмечает М. Косински, «До сегодняшнего дня большинство измерений в социальных науках основывалось на самоотчетных анкетах, заполненных относительно небольшим числом участников. Предсказания, построенные на лайк-логах, могут расширить предсказания поведения человека до беспрецедентных масштабов, могут улучшить качество результатов, поскольку учитывается фактическое поведение в более естественной среде, а не самоотчеты» [Kosinski et al., 2014: 360]. Так, междисциплинарные исследования с применением современных информационных

⁴ Интердисциплинарность VS междисциплинарность: как будем изучать креативность? Материалы XII Международной Грушинской социологической конференции «Общество в поисках баланса». 26 мая 2022 г. // YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=bZOB_o3Ygr8 (дата обращения: 22.02.2023).

технологий позволяют фиксировать текущую ситуацию, независимую от изменения фактического настроения конкретного респондента, получаемые данные более надежны.

Важный лайфхак представлен в работе Х. Форд, которая отмечает, что «междисциплинарные исследования могут дать очень интересные результаты для исследователей, представляющих совершенно разные эпистемологические и методологические точки зрения, если они остаются открытыми и творчески подходят к процессу исследования» [Ford, 2014: 1]. Успех междисциплинарного проекта будет зависеть от готовности проектной команды признать достижения других научных направлений, осознать, что исследовательские навыки и методики дополняют друг друга, и делиться собственными выводами на всех этапах совместной работы.

Возможности и ограничения применения больших данных в социологии

Третья часть работы секции была посвящена поиску баланса между разными трендами в организации социологических исследований. Опросы по традиционной социологической методике остаются доминирующими в изучении социальной реальности. Однако сегодня усиливается тенденция использования больших данных. Несомненно, большие данные дают ученым массу преимуществ: высокую скорость анализа, большие объемы данных, многообразие форм, в которых они хранятся, скорость сбора материала. Однако и вопросов остается немало: сохранение персональных данных, ошибки машинного обучения, объективность полученной информации, персональные траектории поведения пользователей в глобальной сети и другие.

Н. Габдрахманов, имеющий значительный опыт проведения исследований как традиционными способами, так и с применением больших данных, отметил, что при использовании классических социологических методов совместно с инструментами больших данных по-прежнему невозможно обойтись без заранее продуманных теорий, моделей или гипотез, нельзя заниматься проверкой данных на наличие всех возможных связей и фокусироваться на рассмотрении многочисленных гипотез, так как можно упустить важные эмпирические находки. Исследование цифрового следа все-таки не конечная цель, а точка, с которой можно проводить последующие более глубокие социологические исследования, позволяющие ответить на возникшие вопросы.

Технологии больших данных позволяют проводить анализ в режиме реального времени, работать с генеральными совокупностями или их крупными частями в отсутствие выборок при минимизации временных и финансовых затрат. Преимущество больших данных заключается в возможности изучения социального поведения людей в условиях ограниченного доступа к социологическим данным, определения природы социального влияния — передачи через социальные связи манеры поведения, установок, эмоций людям, находящимся рядом в цифровом мире [Губа, 2018]. Использование больших массивов данных, анализ внешней и внутренней информационной среды дает возможность повысить качество работы социальных институтов и эффективность управления социальными системами.

Среди аспектов исследований с применением больших данных в системе образования следует назвать вопросы, связанные с достижением образовательных

результатов, прогнозированием академической успеваемости, использованием технологий электронного обучения, а также со взаимодействием между субъектами. Система образования непрерывно создает и накапливает огромные объемы данных из разных источников в различных форматах, и технологии Big Data могут стать инструментом для преобразований в ней. Большие данные в образовании имеют отличительные признаки: значительный объем персональных данных в единой системе, высокая скорость сбора и обработки, разнообразие алгоритмов обработки, высокая достоверность и возможность прогнозирования на их основе [Утёмов, Горев, 2018: 107—108]. Аналитическая работа с информацией, собранной в системе образования, повышает эффективность образовательных систем, увеличивает скорость принятия управленческих решений [Заир-Бек, Мерцалова, 2021: 187—188]. Анализ больших данных приобретает значение не только для управления образовательными организациями, развития просветительской политики, но и при оценке реализуемых учебных программ и результативности обучения, выявлении проблемных областей обучающихся [Каракчиева, 2020: 63—64]. Вузы изучают мотивацию и риски неуспешности студентов, образовательную активность и успеваемость, используют полученную информацию для адаптации процесса обучения и выявления проблем, для проектирования актуальных на рынке труда программ [Огурцова, Фадеев, 2021].

Высшие учебные заведения применяют большие данные вместе с цифровыми следами для повышения эффективности приемных кампаний, для набора наиболее мотивированных первокурсников. Цифровой след позволяет понять спрос на образовательные программы в конкретных вузах, определить настроения и дальнейшие намерения молодежи [Габдрахманов, Орлова, Александрова, 2021: 9—11]. Исследование открытых пользовательских данных будущих студентов дает возможность оценить потенциал на входе в вуз, разработать модель прогнозирования достижений учащихся, что помогает университетам в поиске талантливых студентов и в работе по профилактике их образовательной неуспешности [Кашпур и др., 2021].

Однако было бы неправильно говорить только о преимуществах больших данных. Как неоднократно отмечали участники круглого стола, при использовании машинного обучения приходится решать вопросы:

- высокого влияния цифрового неравенства граждан;
- нарушения приватности;
- невозможности идентификации человека для последующего анализа;
- отсутствия заранее разработанной схемы кодирования текста;
- иллюзии объективности получаемого знания;
- достоверности данных;
- временных затрат на удаление нерелевантного контента;
- интерпретации разговорных выражений и высказываний, написанных пользователями с большим количеством ошибок, существенно искажающих смысл сообщения;
- избытия эмоциональных замечаний, придающих сказанному неоднозначный смысл;
- использования многочисленной символики, усложняющей анализ;

- многоаспектности, а иногда даже противоречивости представляемого пользователем контента;
- качества отражения мыслей пользователя в выбираемом им контенте;
- влияния ситуативных факторов на поведение пользователя в сети [Александрова и др., 2021].

Одним из значимых шагов на пути развития технологии больших данных должно стать качественное и достаточно масштабное обучение data-аналитиков, поскольку анализ сильно зависит не только от контекста, но и от интерпретации. Сегодня общество разделяется на тех, кто способен собирать большие данные, пользоваться их результатами, принимать управленческие решения, и тех, кто вынужден оставаться объектом пристального внимания со стороны коммерческих и государственных организаций. Признаем, что социологи пока не могут продемонстрировать значимые успехи в работе с большими данными, их однозначную пользу для внешнего мира — важные научные открытия и результаты ждут нас впереди.

Заключение

Поднятые в рамках работы круглого стола «Интердисциплинарность VS междисциплинарность: как будем изучать креативность?» вопросы — проведение междисциплинарных исследований и использование больших данных для анализа социальных процессов — можно рассматривать как важнейшие направления дискуссии в современной социологии. Данные темы можно сгруппировать в следующие смысловые блоки:

- определение таких понятий, как креативность, монодисциплинарность, мультидисциплинарность, междисциплинарность, интердисциплинарность, трансдисциплинарность, кросс-дисциплинарность;
- расширение проблемного поля исследования за счет возможностей междисциплинарной кооперации;
- потенциал поиска креативных людей по цифровому следу;
- определение разновидностей креативности — от позитивной к негативной;
- преимущества и ограничения больших данных;
- перспективы исследования цифровых следов;
- разработка методик социологического анализа цифровых следов.

Следует отметить, что спикеры и участники круглого стола затронули много важных вопросов, касающихся исследовательских трендов в сфере взаимодействия в рамках исследований и быстро развивающихся технологий.

Список литературы (References)

Александрова Ю. К., Богданова А. В., Васенина И. С., Гойко В. Л., Джангаров А. И., Митягина Е. В., Мягков М. Г., Романова Е. В., Ярмак О. В. Ситуация с качеством образования в период пандемии: что показывает анализ больших данных. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2021. Aleksandrova Yu. K., Bogdanova A. V., Vasenina I. S., Goiko V. L., Dzhangarov A. I., Mityagina E. V., Myagkov M. G., Romanova E. V., Yarmak O. V. (2021) Situation with the

Quality of Education during the Pandemic: What Big Data Analysis Shows: Analytical Report. Tomsk: National Research Tomsk State University. (In Russ.)

Габдрахманов Н. К., Орлова В. В., Александрова Ю. К. Цифровой след в прогнозировании образовательной стратегии выпускников школ // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25. № 3. С. 6—13. <https://doi.org/10.15826/umpa.2021.03.023>.

Gabdrakhmanov N. K., Orlova V. V., Aleksandrova Y. K. (2021) Digital Footprint in Forecasting Educational Strategy of School Leavers. *University Management: Practice and Analysis*. Vol. 25. No. 3. P. 6—13. <https://doi.org/10.15826/umpa.2021.03.023>. (In Russ.)

Губа К. С. Большие данные в социологии: новые данные, новая социология? // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 213—236.

Guba K. S. (2018) Big Data in Sociology: New Data, New Sociology? *Sociological Review*. Vol. 17. No. 1. P. 213—236. (In Russ.)

Дружинина С. В. Интеллект, креативность и личностные свойства как факторы реальных достижений : автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М. : ИП РАН, 2016.

Druzhinina S. V. (2016) Intellect, Creativity and Personal Properties as Factors of Real Achievements. Extended Abstract of the PhD Dissertation in Psychology. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Заир-Бек С. И., Мерцалова Т. А. Аналитика данных для формирования управленческих решений в образовании // Большие данные в образовании: доказательное развитие образования : сборник научных статей II Международной конференции, 15 октября 2021 года, Москва / под общ. ред. О. А. Фиофановой. М. : Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2021. С. 186—210.

Zair-Bek S. I., Mertsalova T. A. (2021) Data Analytics for Management Decision-Making in Education. *Big Data in Education: Evidence-based Development of Education*. Collection of scientific articles of the II International conference, October 15, 2021, Moscow. Moscow: Delo, RANEPa. P. 186—210. (In Russ.)

Иванченко А. А. Психология креативности личности: теоретико-методологический и прикладной аспекты : дисс. ... канд. психол. наук. Киев, 2017.

Ivanchenko A. A. (2017) Psychology of Individual Creativity: Theoretical and Methodological And Applied Aspects. PhD Thesis in Psychology. Kyiv. (In Russ.)

Каракчиева И. В. Большие данные в образовании: проблемы и перспективы // Большие данные в образовании: анализ данных как основание принятия управленческих решений : сборник научных статей I Международной конференции. 15 октября 2020 г., Москва. / под общ. ред. О. А. Фиофановой. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. С. 62—66.

Karakchieva I. V. (2020) Big Data in Education: Problems and Prospects. *Big Data in Education: Data Analysis as a Basis for Management Decisions*. Collection of scientific articles of the I International conference. October 15, 2020, Moscow. Moscow: Delo, RANEPa. P. 62—66. (In Russ.)

Кашпур В. В., Петров Е. Ю., Гойко В. Л., Фещенко А. В. Возможности использования цифровых следов для прогнозирования образовательных достижений сту-

дентов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 64. С. 140—150.

Kashpur V. V., Petrov E. Y., Goiko V. L., Feshchenko A. V. (2021) Possibilities of Using Digital Footprints to Predict Educational Achievements of Students. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. No. 64. P. 140—150. (In Russ.)

Креативность как ключевая компетентность педагога: монография / под ред. М. М. Кашапова, Т. Г. Киселевой, Т. В. Огородовой. Ярославль: Индиго, 2013.

Kashapov M. M., Kiselev T. G., Ogorodova T. V. (eds.) (2013) Creativity as a Key Competence of a Teacher. Yaroslavl: Indigo. (In Russ.)

Матраева А. Д. Креативность современного российского студенчества: состояние и перспективы: дисс. ... канд. социол. наук. М.: МГУ, 2019.

Matrayeva A. D. (2019) Creativity of Modern Russian Students: State and Perspectives: PhD Thesis in Sociology. Moscow: Moscow State University. (In Russ.)

Огурцова Е. Ю., Фадеев Р. Н. Большие данные и цифровая аналитика в университетском образовании // Ноосферные исследования. 2021. № 4. С. 37—44.

Ogurtsova E. Y., Fadeev R. N. (2021) Big Data and Digital Analytics in University Education. *Noosphere Studies*. No. 4. P. 37—44. (In Russ.)

Салтыков С. А., Новиков Д. А., Русяева Е. Ю. Типология междисциплинарности // Философия науки. 2017. № 3. С. 3—17.

Saltykov S. A., Novikov D. A., Rusaeva E. Y. (2017) Typology of Interdisciplinarity. *Philosophy of Science*. No. 3. P. 3—17. (In Russ.)

Утёмов В. В., Горев П. М. Развитие образовательных систем на основе технологии Big Data // Концепт. 2018. № 6. С. 104—116.

Utemov V. V., Gorev P. M. (2018) Development of Educational Systems Based on Big Data Technology. *Concept*. No. 6. P. 104—116. (In Russ.)

Щебланова Е. И. Исследовательские методологии и методы изучения креативности в отечественной психологии // Теоретическая и экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 34. С. 39—53.

Shcheblanova E. I. (2018) Research Methodologies and Methods of Studying Creativity in Domestic Psychology. *Theoretical and Experimental Psychology*. Vol. 11. No. 34. P. 39—53. (In Russ.)

Burrows R., Savage M. (2014) After the Crisis? Big Data and the Methodological Challenges of Empirical Sociology. *Big Data & Society*. Vol. 1. No. 1. <https://doi.org/10.1177/2053951714540280>.

Darbellay F. (2022) Creativity and Interdisciplinarity: Encounter of Two Fields of Study and Foundations for a Happy Marriage. *European Psychologist*. Vol. 27. No. 3. P. 207—215. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000482>.

Fartushenko L. (2011) An Interdisciplinary Approach to Promote Creativity. URL: <https://www.designedasia.com/2011/final/AN%20INTERDISCIPLINARY%20APPROACH%20.pdf> (дата обращения: 30.06.2022).

Ford H. (2014) Big Data and Small: Collaborations between Ethnographers and Data Scientists. *Big Data & Society*. Vol. 1. No. 2. P. 1—3. <https://doi.org/10.1177/2053951714544337>.

Gardner H. (1988) Creativity: An Interdisciplinary Perspective. *Creativity Research Journal*. Vol. 1. No. 1. P. 8—26. <https://doi.org/10.1080/10400418809534284>.

Kosinski M., Bachrach Y., Kohli P., Stillwell D., Graepel T. (2014) Manifestations of User Personality in Website Choice and Behaviour on Online Social Networks. *Machine Learning*. Vol. 95. No. 3. P. 357—380.

McFarland D.A., Lewis K., Goldberg A. (2016) Sociology in the Era of Big Data: The Ascent of Forensic Social Science. *The American Sociologist*. Vol. 47. No. 1. P. 12—35.

Moirano R., Sánchez M. A., Štěpánek L. (2020) Creative Interdisciplinary Collaboration: A Systematic Literature Review. *Thinking Skills and Creativity*. Vol. 35. URL: <http://repositoriodigital.uns.edu.ar/handle/123456789/5082> (дата обращения 30.06.2022).

Plucker J., Zabelina D. (2009) Creativity and Interdisciplinarity: One Creativity or Many Creativities? *ZDM Mathematics Education*. Vol. 41. P. 5—11. <https://doi.org/10.1007/s11858-008-0155-3>.

